

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.

Съ литографи, изданной Г. Гиппюсомъ.

СОЧИНЕНІЯ
ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ
(1825—1827)

Женихъ (1825)
Борисъ Годуновъ (1825)
Графъ Нулинъ (1825).
Сцена изъ фауста (1825)

ПЕТРОГРАДЪ
ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин., № 12

1916

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1916 г.

Непрелѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

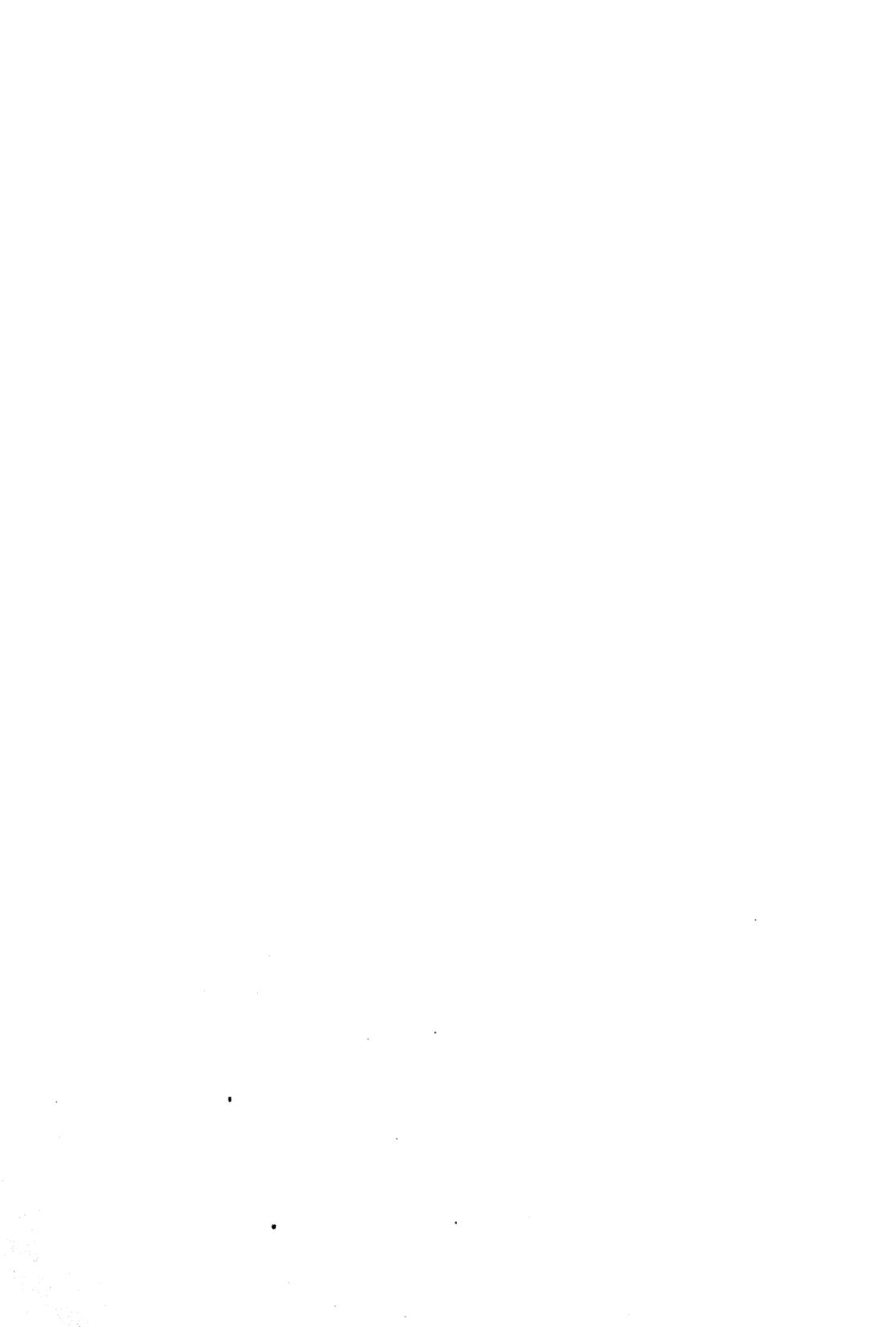
Въ настоящій IV-й томъ Сочиненій Пушкина, издаваемый подъ редакціею П. О. Морозова, вошли лирическія стихотворенія 1825—1827 гг., а также «Борисъ Годуновъ», «Графъ Нулинъ» и «Сцена изъ Фауста».

Слѣдую тѣмъ же основнымъ правиламъ расположенія матеріала и транскрипціи черновыхъ рукописей, какія были примѣнены въ III-мъ томѣ, редакція сочла необходимымъ привести всѣ черновые варианты къ «Борису Годунову» и напечатать полностью первоначальный текстъ «Графа Нулина» по рукописи, находящейся въ принадлежащемъ Пушкинскому Дому Пушкинскомъ музеѣ А. Θ. Онѣгина, — въ виду того, что извлеченіе изъ этой рукописи однихъ только вариантовъ, при ихъ многочисленности, затруднило бы чтеніе примѣчаній.

Въ настоящемъ томѣ впервые печатаются черновые отрывки и наброски Пушкина, ранѣе неизвѣстные (всего болѣе 250 стиховъ), по рукописямъ Майковскаго собранія Императорской Академіи Наукъ. Для болѣе полнаго и точнаго ознакомленія съ ними читателей предполагалось приложить къ этому же тому снимки съ важнѣйшихъ изъ указанныхъ отрывковъ. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ переживаемаго нами времени, это оказалось невозможнымъ. Упомянутые снимки будутъ даны въ приложеніи къ слѣдующему тому.

Къ настоящему же тому прилагается лишь портретъ Пушкина, воспроизведенный, въ уменьшенномъ видѣ, съ хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ современной Пушкину литографіи Гишпіуса.

ОГЛАВЛЕНІЕ

1825.

	СТРАНИЦЫ:	
	(текстъ)	(примѣ- чанія)
I. «Стрекотунья бѣлобока».....	3	3
II. «Въ крови горитъ огонь желанья» .	4	4
III. Пріятелямъ	5	6
IV. (На Ѳ. Н. Глинку).....	6	8
V. Къ именинницѣ.....	7	8
— «Увы, напрасно дѣвѣ гордой»	—	9
VI. Женихъ	8	10
VII. «Только что на проталинахъ весен- нихъ»	15	17
VIII. Сожженное письмо.....	16	19
IX. Дружба.....	17	22
X. Вакхическая пѣсня	18	23
XI. «Вертоградъ моей сестры».....	19	23
XII. Живѣ, живѣ курилка!	20	24
XIII. «Семейственной любви».....	21	25
— «Почтенія, любви».....	—	25
XIV. Элегія на смерть Анны Львовны... ..	22	26
XV. Ода графу Хвостову	23	27
XVI. «Если жизнь тебя обманетъ».....	26	29
XVII. Сафо	27	31
XVIII. Литературное извѣстіе	28	31
XIX. Козлову	29	32
XX. П. А. Осиповой	30	35
XXI. Ex ungue leonem.....	31	35
XXII. Андрей Шенъе	32	36

	СТРАНИЦЫ:	
	(текстъ)	(примѣ- чанія)
XXIII. Желаніе славы	39	57
XXIV. Къ А. П. Кернъ	41	59
XXV. «Блеститъ луна, недвижно море спитъ»	43	71
XXVI. «Подъ небомъ голубымъ»	44	73
XXVII. А. Г. Родзянкѣ	45	79
XXVIII. Борисъ Годуновъ	47	81
XXIX. Прозанкъ и поэтъ	141	180
XXX. Князю П. А. Вяземскому	142	182
XXXI. «Покровъ, упитанный язвительною кровью»	143	183
XXXII. «Брови Царь нахмура»	144	185
XXXIII. Князю П. А. Вяземскому	145	186
XXXIV. Послѣдніе цвѣты	146	187
XXXV. 19 октября	147	187
XXXVI. Изъ Аріостова Orlando Furioso	153	201
XXXVII. (Съ португальскаго)	158	211
XXXVIII. Начало I-й пѣсни «Дѣвственницъ» .	160	212
XXXIX. Графъ Нулинъ	163	214
— *Онѣгинская рукопись Графа Ну- лина	—	215
XL. Къ Боратынскому	175	245
XLI. Н. С. Мордвинову	176	247
XLII. Совѣтъ	178	250
XLIII. Соловей и кукушка	179	250
XLIV. Движеніе	180	253
XLV. Зимній вечеръ	181	254
XLVI. Н. Н., при посылкѣ ей Невскаго Альманаха	183	258
XLVII. Буря	184	260
XLVIII. «Все въ жертву памяти твоей»	185	260
XLIX. Сцена изъ Фауста	189	261
— *«Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ» ...	194	276
— «Что козырь? — Черви»	—	277
— «Кто тамъ? — Здорово, господа» ..	—	277
— «Я дамой крою»	—	278
— «Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье»	—	278

	СТРАНИЦЫ:	
	(текстъ)	(примѣ- чанія)
L. «Шумить кустарникъ»	195	280
LI. «Твое сосѣдство намъ опасно»	196	281
LII. «Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны»	197	282
LIII. «Лишь розы увядаютъ»	198	283
LIV. «Припадками болѣзни женской»	199	285
LV. «Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ»	200	285
LVI. *«Изъ Рима ѣхалъ онъ домой»	201	285
LVII. *«Короче дни, а ночи долѣ»	202	287
LVIII. *«О боги мирные»	203	288
LIX. *Отрывокъ изъ комедіи	204	288
LX. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ	206	289
Черновые наброски:		
*«Къ кастрату разъ пришелъ скрыпачъ»	—	291
«Въ сражени смѣлымъ быть похвально»	—	292
*«Но ты забудь меня, мой другъ»	—	294
*«Подъ какимъ созвѣздіемъ»	—	294
«Заступники кнута и плети»	—	295
«Скажи мнѣ, ночь»	—	296
«О муза пламенной сатиры»	—	297

 1826.

I. (И. Е. Великопольскому)	211	299
II. Въ альбомѣ Е. Н. Вульфъ	212	302
III. (Князю П. А. Вяземскому)	213	303
IV. Пророкъ	214	303
V. Ек. А. Тимашевой	216	310
VI. (С. А. Соболевскому)	217	314
VII. Ив. Ив. Пущину	219	317
VIII. «Ольга, крестница Киприды»	220	321
IX. *«Какъ счастливъ я»	221	324
X. «Въ еврейской хижинѣ лампада»	223	326
XI. Отрывокъ изъ Андрея Шенье	224	327

ДОПОЛНЕНИЯ и ПОПРАВКИ.

По свидѣтельству рукописнаго Журнала И. М. Снегирева, Пушкинъ, вмѣстѣ съ Борадынскимъ, завтракая 15 мая 1827 г. у Погодина (гдѣ былъ и Снегиревъ), по случаю разсказаннаго за столомъ анекдота, сочинили слѣдующую эпигramму на князя П. И. Шаликова:

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
 Елегію семьѣ своей читалъ,
 А козачокъ огарокъ свѣчки сальной
 Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
 Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищалъ.
 «Вотъ, вотъ, съ кого примѣръ берите, дуры!»
 Онъ дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:
 «Откройся мнѣ, о милый сынъ природы!
 «Ахъ! что слезой твой осребрило взоръ?»
 А тотъ ему въ отвѣтъ: Мнѣ хочется на дворъ.

См. замѣтки Н. О. Лернера въ газетѣ *Рчи* 1911, № 9 (10 января) и въ Сочиненіяхъ Пушкина подъ ред. Венгерова, томъ V, стр. XIX. Эпиграмма была напечатана въ берлинскомъ изданіи Стихотвореній Пушкина (Н. В. Гербеля) 1861 г., стр. 109, съ нѣсколькими вариантами противъ снегиревской записи.

1825.

1825.

I.

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моею
Скачетъ пестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.
5 Колокольчикъ небывалой
У меня звенить въ ухахъ,
Лучъ зари сіяетъ алой,
Серебрится свѣжннй прахъ...

II.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
5 Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Покадохнетъ веселый день.
И двинется ночная тѣнь.

III.

ПРЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣсть я ни слова
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда-нибудь любовь.
5 Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ намечу нежданный, беспощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить индѣекъ и гусей.

25 января.

IV.

[НА О. Н. ГЛИНКУ].

Нашъ другъ *Оита*, Кутейкинъ въ эполетахъ,
Бормочитъ намъ разтянутый псаломъ:
Поэтъ Оита, не становись Фертомъ!
Дьячекъ Оита, ты Вжица въ поэтахъ!

V.

КЪ ИМЕНИННИЦЪ.

Хотя стишки на именины
Наташи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я, вашъ обожатель вѣрной,
5 Я въ знакъ послушности примѣрной
Готовъ и ими вамъ служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Васъ окрестили *благодатю*:
10 Нѣтъ, нѣтъ, по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылой,
И ножка (смѣю вамъ сказать) —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

VI.

ЖЕНИХЪ.

Простонародная сказка.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
5 Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать,
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
10 И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
15 Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
20 Промчалась передъ ними

Лихая тройка съ молодцомъ.
 Конями, крытыми ковромъ,
 Въ саняхъ онъ стоя править
 И гонить всѣхъ и давить.

25   Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
 Наташа поглядѣла,
 Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
 Наташа помертвѣла.
 Стремглавъ домой она бѣжить:
 30   Онъ! онъ! узнала! говорить,
 Онъ, точно онъ, держите,
 Друзья мои, спасите!

          Печально слушаетъ семья,
 Качая головою;
 35   Отецъ ей: «милая моя,
 Откройся предо мною.
 Обидѣлъ кто тебя, скажи,
 Хоть только слѣдъ намъ укажи».
 Наташа плачетъ снова
 40   И болѣе ни слова.

          Наутро сваха къ нимъ на дворъ
 Нежданая приходитъ.
 Наташу хвалить, разговоръ
 Съ отцемъ ея заводитъ:
 45   «У васъ товаръ, у насъ купецъ;
 Собою парень молодецъ,
 И статной, и проворной,
 Не вздорной, не зазорной.

          «Богать, уменъ, ни передъ кѣмъ
 50   Не кланяется въ поясъ,

А какъ бояринъ между тѣмъ
 Живеть, не безпокоясь;
 А подарить невѣстѣ вдругъ
 И лисью шубу, и жемчугъ,
 55 И перстни золотые,
 И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
 Ее за воротами,
 Не по рукамъ ли, да съ двора,
 60 Да въ церковь съ образами?»
 Она сидитъ за пирогомъ,
 Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
 А бѣдная невѣста
 Себѣ не видитъ мѣста.

65 «Согласенъ, говоритъ отецъ:
 Ступай благополучно,
 Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
 Одной въ свѣтелкѣ скучно.
 Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
 70 Не все косаткѣ распѣвать,
 Пора гнѣздо устроить,
 Чтобъ дѣтушекъ покоить».

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
 И слово молвить хочеть —
 75 Вдругъ зарыдала, затряслась,
 И плачетъ и хохочеть.
 Въ смятеньи сваха къ ней бѣжить,
 Водой студеною поить
 И льеть остатокъ чаши
 80 На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
 Опомнилась Наташа,
 И говорить: «послушна я,
 Святая воля ваша.
 85 Зовите жениха на пиръ,
 Пеките хлѣбы на весь міръ,
 На славу медъ варите,
 Да судъ на пиръ зовите».

«Изволь, Наташа, ангель мой!
 90 Готовъ тебѣ въ забаву
 И жизнь отдать!» — И пиръ горой;
 Пекутъ, варятъ на славу.
 Вотъ гости честные нашли,
 За столъ невѣсту повели;
 95 Поютъ подружки, плачутъ;
 А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всё за столъ.
 Звенятъ, гремятъ стаканы.
 Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;
 100 Всё шумно, гости пьяны.

Женихъ.

«А что же, милые друзья,
 Невѣста красная моя
 Не пьетъ, не ѣстъ, не служить;
 О чемъ невѣста тужить?»

105 Невѣста жениху въ отвѣтъ:
 «Откроюсь на-удачу.
 Душѣ моей покоя нѣтъ,
 И день и ночь я плачу:

Недобрый сонъ меня крушитьъ».
 110 Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласить?
 Скажи намъ, что такое,
 Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говорить она,
 Зашла я въ лѣсъ дремучій,
 115 И было поздно; чуть луна
 Свѣтила изъ-за тучи;
 Съ тропинки сбилась я: въ глуши
 Не слышно было ни души,
 И сосны лишь да ели
 120 Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я къ ней; стучу — молчать; зову —
 Отвѣта нѣтъ; съ мольбою —
 125 Дверь отворила я. Вхожу —
 Въ избѣ свѣча горить; гляжу —
 Вездѣ серебро да золото,
 Всѣ свѣтло и богато».

Женихъ.

«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
 130 Знать жить тебѣ богато».

Невѣста.

«Постой, сударь, не конченъ онъ.
 На серебро, на золото,
 На сукна, коврики, парчу,
 На Новгородскую камчу
 135 Я молча любовалась,
 И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...

Подъѣхали къ крылечку.

Я поскорѣе дверью хлопъ,

140 И спряталась за печку.

Вотъ слышу много голосовъ...

Взошли двѣнадцать молодцовъ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

145 «Взошли толпой, не поклонясь,

Иконъ не замѣчая;

За столъ садятся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ братъ большой,

150 По праву руку братъ меньшей,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ
Разгульное похмѣлье»...

Женихъ.

155 «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?

Вѣщаетъ онъ веселье».

Невѣста.

«Постой, сударь, не конченъ онъ.

Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.

Пиръ весело бушуетъ,

160 Лишь дѣвица горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣсть, не пьетъ,

И токомъ слезы точитъ,

А старшій братъ свой ножъ беретъ,

Присвистывая точить;

165   Глядитъ на дѣвицу-красу,
 И вдругъ хватаетъ за косу:
 Злодѣй дѣвицу губить,
 Ей праву руку рубить».

          «Ну, это, говорить женихъ,
 170   Прямая небылица!
 Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
 Повѣрь, душа-дѣвица».
 Она глядитъ ему въ лицо.
 «А это съ чьей руки кольцо?»
 175   Вдругъ молвила невѣста,
 И всѣ привстали съ мѣста.

          Кольцо катится и звенить,
 Женихъ дрожитъ, блѣднѣя;
 Смугились гости — судъ гласить:
 180   «Держи! вязать злодѣя!»
 Злодѣй окованъ, обличенъ,
 И скоро смертію казненъ.
 Прославилась Наташа!
 И вся тутъ пѣсня наша.

VII.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки
Еще дуютъ холодные вѣтры
И наносятъ утренніе морозы —
5 Какъ изъ чуднова царства восковая
Изъ душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать
10 Скоро ль будетъ гостя дорогая
Скоро ли дуга позеленѣютъ,
Скоро ль у кудрявой березы
Распустятся клейкіе листочки
Зацвѣтетъ черемуха душиста —

VIII.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
 5   Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
       Ужъ пламя жадное листы твои приѣмлетъ...
       Минуту!... вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ,
       Віясь теряется съ моленіемъ моимъ.
       Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
 10   Растопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнье!
       Свершилось! Темные свернулись листы;
       На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
       Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепель милой,
       Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 15   Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

IX.

ДРУЖБА.

Что дружба? — Легкій пылъ похмѣля,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣля
Иль покровительства позоръ.

X.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
 Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
 Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 5 Полнѣе стаканъ наливайте!
 На звонкое дно,
 Въ густое вино
 Завѣтныя кольца бросайте!
 Подыдемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
 10 Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
 Ты, солнце святое, гори!
 Какъ эта лампада блѣднѣетъ
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
 15 Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
 Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

XI.

Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный,
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.

5 — У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.

Нардъ, алой и киннамонъ
10 Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣтъ Аквилонъ —
И закаплютъ ароматы.

XII.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

— Какъ! Живъ еще курилка журналистъ? —
— Живехонекъ! все также сухъ и скучень,
И грубъ, и глупъ, и завистью размучень,
Все тискаеть въ свой непотребный листъ —
5 И старый вздоръ, и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ! — Да... плюнуть на него!
Апрѣль.

XIII.

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а съзади.

XIV.

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна
Была ты къ папинькѣ добра
5   Была ты Лизаветой Львовой
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ какъ кровной,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣвной
10   Со Львомъ Сергѣичемъ давноль
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! за чемъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ
15   Или зачѣмъ подлецъ Поповичъ
Его Красовскій пропустилъ!

XV.

ОДА ЕГО СЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

Султанъ ярится¹, Кровь Эллады
 И рѣзвоскачетъ² и кипить
 Открылись грекамъ древни клады³
 Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питъ⁴.
 5 И се — летить продерзко судно
 И мечетъ грома обоудно:
 Се Бейронъ Феба образецъ —
 Притекъ — но недугъ быстропарный⁵
 Строптивый и неблагодарный
 10 Взнесъ смерти на него рѣзецъ. —

Пѣвецъ бессмертный и маститый!
 Тебя Эллада днесъ зоветь

---

1. Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

2. Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

3. Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтадовъ къ жестокииъ чалмоносцамъ.

4. Г. Питъ, знаменитый Англійскій Министръ и извѣстный противникъ свободы.

5. Горячка.

На мѣсто тѣни знаменитой,
 Предъ коей Церберъ днесъ реветъ —
 15 Какъ здѣсь — ты будешь тамъ сенаторъ,
 Какъ здѣсь — почтенный литераторъ,
 Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
 Гдѣ отъ крови земля промокла:
 Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
 20 Лети туда, Хвостовъ нашъ! самъ.

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
 Гремѣла и правдива лесть.
 Онъ лордъ — Графъ ты! Поэты оба:
 Се, мнится, явно сходство есть, —
 25 Никакъ! Ты съ вѣрною супругой¹
 Подъ бременемъ Судьбы упругой
 Живешь въ любви — и наконецъ
 Глубокъ онъ — но единообразенъ,
 А ты глубокъ, игривъ и разенъ —
 30 И въ шалостяхъ ты впрямь пѣвецъ.

А я, невѣдомый Пшита,
 Въ восторгѣ новомъ воспою
 Во слѣдъ Пшита знаменита
 Правдиву похвалу свою,
 35 Моляся кораблю бѣгущу,
 Да Бейрона онъ узритъ кущу²

---

1. Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою (см. послѣднее замѣчаніе къ одѣ: «Здравный кубокъ»).

2. Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитриеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простираю,
 Уже изъ отческія кущи
 Взирая на суда бѣгущи.

И да блюдутъ твой мирный сонъ¹
 Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
 Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
 40   Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

---

1. Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже Великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Элады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ изходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто низпошлетъ ему въ непродолжительномъ времени благу ю жатву тѣней поклонниковъ (Магомета) лже-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея [Венера] осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подьметъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ишполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую (с)разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликоветъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго Пшты.

XVI.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

5   Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

XVII.

САФО.

Щастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

XVIII.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
 (Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
 Съ усердіемъ принялся за журналъ.
 Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
 5 Свой статьи Елагинъ обѣщаль;
 Кургановъ самъ надъ критикой хлопочеть,
 Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочеть:
 И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
 Благословясь, сей преполезный трудъ —
 10 И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
 Чтобъ подоспѣлъ *** ***

XIX.

КОЗЛОВУ.

(По полученіи отъ него „Чернеца“).

Пѣвецъ, когда передъ тобой
 Во мглѣ сокрылся міръ земной,
 Мгновенно твой проснулся геній,
 На все минувшее возрѣлъ,
 5 И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
 Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
 Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
 10 Онъ усыпилъ земныя муки.
 Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
 Ты въ немъ и видишь и летаешь
 И вновь живешь, и обнимаешь
 Разбитый юности кумирь.

15 А я, коль стихъ единый мой
 Тебѣ мгновенье даль отрады,
 Я не хочу другой награды:
 Недаромъ темною стезей
 Я проходилъ пустыню міра,
 20 О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
 Мнѣ были ввѣрены судьбой!

15 мая 1825.

Михайловское-Арапово.

XX.

П. А. ОСИПОВОЙ.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
5 Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
10 Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна, изъ глубины могильной.
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
15 На милыхъ бросить взоръ умильной.

Село Михайловское, 25 июня 1825.

XXI.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моею;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
5 Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

Юль.

XXII.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

(Посвящено Н. Н. Раевскому).

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Межь тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

5   Зоветь меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сопедшая въ могильну сѣнь.

10   Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучить незнаемая лира,
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Подъялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
15   Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ¹.

---

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V: Les derniers vers d'André Chénier).

Заутра казнь, привычный пиръ народу;

Но лира юнаго пѣвца

О чемъ поеть? Поеть она свободу:

20 Не измѣнилась до конца!

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!

Я славилъ твой небесный ликъ,

Когда онъ искрою возникъ,

Когда ты въ бурѣ возходило;

25 Я славилъ твой священный громъ,

Когда онъ разметалъ позорную твердыню

И власти древнюю гордыню

Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;

Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,

30 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,

Великодушную присягу

И самовластію безтрепетный отвѣтъ;

Я зрѣлъ, какъ ихъ могутцы волны

Все низпровергли, увлекли,

35 И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,

Перерожденіе земли.

Уже сіялъ твой мудрый геній,

Уже въ безсмертный Пантеонъ

Святыихъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;

40 Отъ пелены предубѣждений

Разоблачался вѣтхій тронъ;

Оковы падали. Законъ,

На вольность опершись, провозгласилъ равенство,

И мы воскликнули: «Блаженство!»...

45 О горе! о безумный сонъ!

Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами

Единый властвуетъ топоръ.

Вмѣсто стиховъ 21 — 64 въ изданіи 1826 г. поставлено 4 строки
точекъ.

Мы свергнули царей? Убійшу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужась, о позоръ!...

50   «Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа —
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
55   Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
60   Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бродитъ, жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

65   «Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за волосы
Надъ равнодушною толпою.
70   Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
75   Священно вамъ воспоминае;е;
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ!

- Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
 80 О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
 Еще жь одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣтныя преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечты,
 85 И слезы и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни¹.
 Молю, найдите ихъ! невинной музы дани
 Сберите! Строгій свѣтъ, надменная молва
 Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
 90 Безвременно падетъ! Мой нездорѣлый гений
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній. —
 Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
 95 Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной
 И, долго слушая, скажите: это онъ!
 Вотъ рѣчь его! А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 100 Упыюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
 Любовью. Можетъ быть, и *Узница* моя²,
 Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»

- Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 105 Пора весны его съ любовію, тоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи

1. У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): одинъ изъ друзей А. Шенье; Fanny, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

2. И Узница моя. V. La jeune captive (M-lle de Coigny).

И пѣсни и пиры и пламенныя ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

- 110 «Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
 Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣла мою златую младость,
 115 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 120 Когда жь, вакхической тревогой утомясь
 И новымъ пламенемъ внезапно воспалюсь,
 Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 125 Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала:
 Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
 Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
 Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
 130 Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйныя невѣжды,
 И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
 135 Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать безсильныя бразды?

Стихъ 120. Изданіе 1826:

Когда жь, *вакхальною* тревогой утомясь

И что жь оставлю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голосъ мой! И ты, о призракъ ложной,
 140 Ты, слово, звукъ пустой...
 О, нѣтъ!
 Умолкни, ропотъ малодушной!
 Гордись и радуйся, поэтъ!
 Ты не поникъ главою послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ:
 145 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя.
 Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ ¹;
 Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
 150 Сихъ палачей самодержавныхъ;
 Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-эмениду!
 155 Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
 Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:
 Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
 И передъ вами трепеталъ
 Ареопагъ остервенѣлой.
 160 Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
 Моей главою играй теперь!
 Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Стихъ 150 въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг. замѣненъ строкою точекъ.

---

1. Voyes ses iambes. — Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. (H. de la Touche).

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 165 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
 И часъ придетъ... и онъ ужь не далекъ:
 Падешь, тиранъ! Негодованье
 Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
 Разбудитъ утомленный рокъ.
 170 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною!
 Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
 И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
 Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
 И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
 175 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...
 Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
 Звучатъ ключи, замки, запоры.
 Зовутъ... Пстой, постой! День только, день одинъ:
 И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
 180 И живъ великій гражданинъ
 Среди великаго народа¹.
 Не слышать. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
 Но дружба смертный путь поэта очаруетъ².
 Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуеть...³
 185 Плачь, муза, плачь!...

1. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

2. На роковой тѣлѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руссе, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque. (H. de la Touche).

3. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: «Pourtant j'avais quelque chose là».

XXIII.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
 Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя;
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
 5 Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
 Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
 Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 10 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
 И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
 Шептала ты: «скажи, ты любишь, ты счастливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?»
 15 А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 20 Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
 Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
 И все передо мной затмилося! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:

Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
25 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
30 Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

7 іюля.

XXIV.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

5   Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

10   Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
15   Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
20 Какъ геній чистой красоты.

И сердцѣ бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Михайловское. 1825. XIX юля.

XXV.

Блестить луна, недвижно море спить,
 Молчать сады роскошные Гассана.
 Но кто же тамъ въ тѣни деревъ сидитъ
 На мраморѣ печальнаго фонтана?

- 5 Арапъ - Эвнухъ, Гарема стражъ сѣдой
 И съ нимъ его товарищъ молодой —
 Мой другъ, недугъ тоски душевной
 Не отъ меня сокроешь ты:
 Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный
- 10 Твои свирѣпыя мечты —
 Давно, давно мнѣ все сказали
 Я знаю — жизнь тебѣ тяжка,
 А что виной твоей печали — — —
 Мой сынъ послушай старика.

22 іюля 1825.

XXVI.

- Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала . . .
Увляла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
5 Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
10 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такую нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
15 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.
-

XXVII.

А. Г. РОДЗЯНКЪ.

Ты обѣщаль о романтизмѣ,
 О семъ парнасскомъ аеизмѣ,
 Потолковать еще со мной,
 Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
 5 А пишешь лишь о ней одной.
 Нѣтъ, это ясно, мильй мой,
 Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны.

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
 На свѣтѣ женщины прекрасной?
 10 Улыбка, взоръ ея очей
 Дороже злата и честей,
 Дороже славы разногласной;
 Поговоримъ опять о *ней*.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
 15 Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
 Подобныхъ матери своей...
 И счастливъ, кто раздѣлитъ съ ней
 Сію пріятную заботу:
 Не наведетъ она зѣвоту.

20   Дай Богъ, чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продилъ свою дремоту!
Но не согласенъ я съ тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первыхъ, вѣры долгъ святой,
25   Законъ и самая природа...
А во-вторыхъ, замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы:
При нихъ домашніе друзья
30   Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогаетъ
И солнце брака затмеваетъ
Звѣзду стыдливую любви!

Іюль.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1824—1825).

Драгоцѣнной для Россіянъ

памяти

Николая Михайловича

КАРАМЗИНА

сей трудъ, гениемъ его вдохновенный,

съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

XXVIII.

КОМЕДИЯ

о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ
Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 Февраля.)

Князя Шуйскій и Воротынскій.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; во слѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
5 Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

ШУЙСКІЙ.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоюетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
10 И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Но мѣсяць ужъ протекъ,
 Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
 15 Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
 Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
 Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 20 Ни голосу Великаго Собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная Монахиня-Царица,
 Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
 25 Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что, ежели Правитель, въ самомъ дѣлѣ,
 Державными заботами наскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

ШУЙСКІЙ.

Скажу, что понапрасну
 30 Дилася кровь Царевича-младенца;
 Что если такъ, Дмитрій могъ бы жить.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
 Царевича стубилъ Борисъ?

ШУЙСКІЙ.

А кто же?
 Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
 35 Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:

Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
 Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
 40 Всѣ граждане согласно показали:
 И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
 Изобличить сокрытаго злодѣя.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
 45 Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданой;
 Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
 Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
 И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
 Которую мнѣ самъ онъ напечаталъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

50 Нечисто, Князь.

ШУЙСКІЙ.

А что мнѣ было дѣлать?
 Все объявить Феодору? Но Царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова:
 Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ;
 55 Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
 А тамъ меня жѣ сослали бѣ въ заточенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
 60 Никая казнь меня не утрашитъ;
 Я самъ не трусь, но также не глупецъ,
 И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губителя раскаянье тревожить:
 65 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

ШУЙСКІЙ.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
 70 Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе.

ШУЙСКІЙ.

Да, кажется.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
 Легко сказать, природные Князья.

ШУЙСКІЙ.

75 Природные, и Рюриковой крови.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А слушай, Князь, вѣдь мы бъ имѣли право
 Наслѣдовать Θεодору.

ШУЙСКІЙ.

Да, болѣ,
 Чѣмъ Годуновъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

ШУЙСКІЙ.

Что жъ?

80 Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставлятъ Годунова,
Своихъ Князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ Цари любаго изберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

85 Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
90 А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

ШУЙСКІЙ [глядитъ въ окно].

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народъ.

одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

ДРУГОЙ.

5 О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

ТРЕТИЙ.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенъе Думы.

НАРОДЪ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думной говоритъ;
Ш-ш — слушайте!

ЩЕЛКАЛОВЪ [съ Краснаго Крыльца].

Соборомъ положили

10 Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Завтра вновь Святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебень,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
15 Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвигется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да Выборные Люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,
20 Да сжалятся надъ сирю Москвою
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

[Народъ разходится].

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

ОДИНЪ.

Теперь они пошли къ царичѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой Бояръ.

ДРУГОЙ.

Что слышно?

ТРЕТІЙ.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

БАБА [съ ребенкомъ].

5 Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

ОДИНЪ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куда! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
10 Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право, любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай... что за шумъ?

Народъ завываетъ: тамъ падаютъ, что волны
 15 За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
 Дошло до насъ: скорѣе на колѣни!

НАРОДЪ [на колѣняхъ; вой и плачь].

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! властвуй нами!
 Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

ОДИНЪ [тихо].

О чемъ тамъ плачутъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ Бояре —
 20 Не намъ чета.

БАБА [съ ребенкомъ].

Ну, что жъ! Какъ надо плакать,
 Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
 Плачь, баловень! [Ребенокъ плачетъ].

Ну, то-то же!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ —

Заплачемъ, братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Я силюсь, братъ,

Да не могу.

ПЕРВЫЙ.

Я также. Нѣтъ ли луку?

25 Потремъ глаза.

ДРУГОЙ.

Нѣтъ, я слюной намажу.

Что тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разберетъ.

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился!...
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Патріархъ, Бояре.

БОРИСЪ.

- Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре,
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я приѣмлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
5 Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу-Царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
10 И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
- 15 Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

БОЯРЕ.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

БОРИСЪ.

20 Теперь пойдѣмъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на ширь,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

[Уходитъ; за нимъ и Бояре].

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ [останавливая Шуйскаго].

25 Ты угадалъ.

ШУЙСКІЙ.

А что?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,

Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить,

Совѣтую порой и забывать,

30 А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ

Тогда желалъ тебя лишь испытать,

Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;

Но вотъ — народъ привѣтствуетъ Царя —

Отсутствие мое замѣтить могутъ —

35 Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1603 года).

Отецъ Пимень, Григорій [спящій].

ПИМЕНЬ [пишетъ передъ лампадой].

Еще одно, послѣднее сказанье —
 И Лѣтопись окончена моя,
 Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
 Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
 5 Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 И книжному искусству вразумилъ:
 Когда нибудь монахъ трудолюбивый
 Найдеть мой трудъ усердный, безымянный;
 Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
 10 И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
 Правдивыя сказанья перепишетъ,
 Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ Царей великихъ поминаютъ
 15 За ихъ труды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за темныя дѣянья,
 Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
 Минувшее проходитъ предо мною —
 20 Давно ль оно неслось событій полно,
 Волнуясь, какъ море-окіанъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходить до меня,
 25 А прочее погисло невозвратно!...
 Но близокъ день, лампада догораетъ —
 Еще одно, послѣднее сказанье. [Пишетъ].

ГРИГОРІЙ [пробуждается].

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
 Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
 30 Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
 Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ Лѣтопись свою ведетъ; и часто
 35 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ ли Новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? напрасно:
 40 Ни на челѣ високомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
 Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
 45 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ.

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,
 Честный отецъ.

ПИМЕНЪ.

Благослови, Господь
 Тебя и днесъ, и присно, и вовѣки.

ГРИГОРІЙ.

50 Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
 А мой покой бѣсовское мечтанье

Тревожило, и врагъ меня мутить:
 Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ высоты
 55 Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
 Внизу народъ на площади кипѣлъ
 И на меня указывалъ со смѣхомъ;
 И стыдно мнѣ и страшно становилось —
 И падая стремглавъ, я пробуждался...
 60 И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
 Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
 Смирѣй себя молитвой и постомъ,
 И сны твои видѣннѣй легкихъ будутъ
 Исполнены. Донинѣ — если я,
 65 Невольною дремотой обезсиленъ,
 Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
 Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
 Мнѣ чюдятся то шумные пиры,
 То ратный станъ, то схватки боевыя,
 70 Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
 Ты воевалъ подъ башнями Казани,
 Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
 Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
 75 Щастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
 По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
 Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
 Не пировать за Царскою трапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
 80 Отъ суеты, отъ міра отложиться,

Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ.

Не сѣгуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
85 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
90 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
95 Они его мѣняли на кlobукъ.
Царь Иоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
100 Кромешники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
105 Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
110 Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ:

- «Отцы мои, желанный день придетъ,
 «Предстану здѣсь алкающій спасенья;
 115 «Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
 «Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный,
 «Прииду къ вамъ преступникъ окаянный
 «И схиму здѣсь честную восприму,
 «Къ стопамъ твоимъ, святой Отець, припадши.»
 120 Такъ говорилъ державный Государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной.
 125 А сынъ его Θεодоръ? На престолѣ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
 Преобратилъ въ молитвенную келью;
 Тамъ тяжкія, державныя печали
 130 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
 И Русь при немъ во славѣ безмятежной
 Утѣшилась — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 135 Къ его одру, Царю едино зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Θεодоръ
 И называть великимъ Патріархомъ,
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 140 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святой Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 145 И ликъ его какъ солнце просіялъ —
 Ужъ не видать такого намъ Царя.

О страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ царубѣйцу
 150 Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Димитрія Царевича; въ то время
 Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
 155 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ усланъ послушанье.
 Пришелъ я въ ночь. Наутро въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набать;
 Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
 160 Спѣшу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.
 Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
 Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
 Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
 А тутъ народъ остервенясь волочить
 165 Безбожную предательницу-мамку...
 Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
 Является Іуда-Битяговскій.
 «Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
 И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
 170 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
 Укрывшихся злодѣевъ захватили
 И привели предъ теплый трупъ младенца,
 И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ;
 «Покайтесь!» народъ имъ загромѣлъ:
 175 И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
 Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

ПИМЕНЬ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
 (Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
 180 Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
 И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
 Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
 Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
 185 Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
 Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
 Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
 190 Войну и миръ, управу Государей,
 Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны —
 А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
 И погасить лампаду... Но звонятъ
 195 Къ заутренѣ... благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ!... подай костыль, Григорій.
 [Уходитъ].

ГРИГОРІЙ.

Борись, Борись! все предъ тобой трепещетъ,
 Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
 О жребіи несчастнаго младенца —
 200 А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святой Владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ Дѣтей; смолоду
 5 постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ
 монастырѣ, ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, на-
 конецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ
 еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начальъ отцу Пимену,
 старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ,
 10 читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать
 грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ! *буду Царемъ на
 Московъ!* ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и до-
 кладывать объ этомъ; что тревожить Отца-Государя? Довольно
 15 будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову, или дьяку Ефимьеву.
 Этака ересь! *буду Царемъ на Московъ!*... Поймать, поймать
 врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе.
 Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святой Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи.

5 Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаеть онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ!

[Уходятъ].

ЦАРЬ [входитъ].

Достигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:

10 Но щастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли

Мы смолоду влюбляемся и алчемъ

Утѣхъ любви, но только утолимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся?...

15 Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долгіе, дни власти безмятежной —

- Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
 Предчувствую небесный громъ и горе.
 Мнѣ щастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ.
 20 Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
 Щедротами любовь его снискать —
 Но отложилъ пустое попеченье:
 Живая власть для черни ненавистна.
 Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
 25 Безумны мы, когда народный плескъ
 Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
 Богъ насыпалъ на землю нашу гладь;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 30 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 35 Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ ошастливить бракомъ;
 Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 40 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня, несчастнаго отца!...
 Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорию Феодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру Царицу,
 45 Монахиню смиренную... все я!
 Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть —
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 50 Надъ злобою, надъ темной клеветою.

Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось;
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой
 Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
 55 Какъ молоткомъ стучитъ въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ...
 И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!...
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Мисаиль и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ; Григорій Отрепьевъ
 мряниномъ; Хозяйка.

ХОЗЯЙКА.

Чѣмъ-то мнѣ васъ потчивать, старцы честные?

ВАРЛААМЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

ХОЗЯЙКА.

Какъ не быть, отцы мои! сей часъ вынесу.

[Уходитъ].

МИСАИЛЬ.

5 Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литов-
 ская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль,
 да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не

думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ
10 равно, было бы вино... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА, входитъ.

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЪ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. [Поетъ]. *Какъ во
15 городъ было во Казани...*

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля...

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за
пинкарочку...

20 Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю:
ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы,
милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ
попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

25 Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь, и я
порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

МИСАИЛЪ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится. [Пьетъ и поетъ.]

30 *Молодой чернецъ пострился.*

ГРИГОРІЙ, хозяикъ.

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

35 Недалече, къ вечеру можно бы туда посидѣть, кабы не заставы Царскія, да сторожевыя приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ, заставы! что это значить?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

ГРИГОРІЙ, про себя.

40 Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! (Вслухъ). Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

ХОЗЯЙКА.

45 А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? ничего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ

ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ, да обирають насъ бѣдныхъ. [Слышенъ шумъ]. Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идутъ.

ГРИГОРІЙ.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

ХОЗЯЙКА.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть окаянными! чтобъ имъ...

[Входятъ Приставы].

ПРИСТАВЪ.

55 Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

ОДИНЪ ПРИСТАВЪ ДРУГОМУ.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. [Монахамъ]. Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренныя, ходимъ по селеніямъ, 60 да собираемъ милостыню Христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ, Григорью.

А ты?

МИСАИЛЪ.

Нашъ товарищъ...

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду восвояси.

МИСАИЛЪ.

65 Такъ ты раздумалъ...

ГРИГОРІЙ, тихо.

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина — а мы здѣсь со старцами поъемъ, да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ, тихо.

70 Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сей часъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, какво промышляете?

ВАРЛААМЪ.

75 Плохо, сыне, плохо! нынѣ Христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячуть. Мало Богу даютъ. Прииде грѣхъ велій на язьцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мощенку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать, пришли наши послѣднія времена...

80

ХОЗЯЙКА, плачетъ.

Господь помилуй и спаси!

[Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый Приставъ значительно всматривается въ Мисаила].

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алѣха! при тебѣ ли Царскій Указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

85 Подай-ко сюда.

МИСАИЛЪ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ, слыхаль ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не слыхаль.

ПРИСТАВЪ.

90 Не слыхаль? ладно. А того бѣглаго еретика Царь приказаль изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не знаю.

ПРИСТАВЪ, Варлааму.

Умѣешь ли ты читать?

ВАРЛААМЪ.

Смолоду зналь, да разучился.

ПРИСТАВЪ, Мисаилу.

95 А ты?

МИСАИЛЪ.

Не умудрилъ Господь.

ПРИСТАВЪ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій Указъ.

МИСАИЛЪ.

На что мнѣ его?

ПРИСТАВЪ.

100 Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЪ.

Я? помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сей часъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставляютъ!

ПРИСТАВЪ.

105 Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ, выступаетъ впередъ.

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ, даетъ ему Указъ.

Читай же вслухъ.

ГРИГОРІЙ, читаетъ.

110 «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный дьяволомъ,

возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской...»

ПРИСТАВЪ, Мисаилу.

115 Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И Царь повелѣлъ изловить его»....

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

120 Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду... [смотря на Варлаама] за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣеть плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое».

[Всѣ глядятъ на Варлаама].

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

125 Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ, вырывая бумагу.

130 Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! нѣтъ, братъ! молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить. [Читаетъ по складамъ]. «А лѣтъ е-му отъ ро-ду... 20».—Что братъ, гдѣ тутъ 50? видишь 20!

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, 20; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ, Григорію.

Да ты, братъ, видно забавникъ.

[Во время чтенія, Григорій стоятъ по-
тупя голову, съ рукою за пазухой].

ВАРЛААМЪ, продолжаетъ.

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче дру-
135 гой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу
другая». Да это другъ ужъ не ты ли?

[Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ
нимъ разступаются, онъ бросается въ окно].

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

[Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ].

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

Шуйскій, множество гостей. Ужинъ.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще! [Встаетъ, за нимъ и всѣ]. Ну, гости дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
5 Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
 И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
 10 Подай ему побѣду на враги,
 Да славится онъ отъ-моря до моря.
 Да здравіемъ цвѣтеть его семья,
 Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
 Весь міръ земной — а къ намъ, своимъ рабамъ,
 15 Да будетъ онъ, какъ прежде благодатенъ,
 И милостивъ, и долготерпѣливъ,
 Да мудрости его неистошимою
 Произтекутъ источники на насъ;
 И Царскую на то воздвигнувъ чашу,
 20 Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

шуйскій [пѣетъ].

Да здравствуетъ Великій Государь!
 Простите же вы, гости дорогіе;
 Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

[Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей].

пушкинъ.

25 Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

шуйскій, слугамъ.

Вы, что ротъ разинули? Все бы вамъ господь подслушивать.
 Сбирайте со стола, да ступайте вонъ. — Что такое, Аѳанасій
 Михайловичъ?

пушкинъ.

30 Чудеса да и только!
 Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
 Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

шуйскій.

Ну.

ПУШКИНЪ.

Странную племянникъ пишетъ новость.

35 Сынъ Грознаго... Постой. [Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ].

Державный отрокъ,

По маню Бориса убиенный...

ШУЙСКІЙ.

Да это ужъ не ново.

ПУШКИНЪ.

Погоди:

Димитрій живъ.

ШУЙСКІЙ.

Вотъ на! какая вѣсть!

Царевичъ живъ! Ну подлинно чудесно!

40 И только-то.

ПУШКИНЪ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,

Иль нѣкій духъ во образѣ его,

Иль смѣлый плуть, безстыдный самозванецъ.

45 Но только тамъ Димитрій появился.

ШУЙСКІЙ.

Не можетъ быть.

ПУШКИНЪ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,

Какъ прїѣзжалъ впервой онъ во дворець

И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо

Шелъ въ тайную палату Короля.

шуйскій.

50 Кто жъ онъ такой? откуда онъ?

пушкинъ.

Не знаютъ,

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу,
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ тайну,
55 Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

шуйскій.

Что жъ говорятъ объ этомъ удалецъ?

пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецевъ
60 Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И говорятъ, помощи обѣщаль.

шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
65 Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
70 Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ править нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,

- Что на полу кровавомъ всенародно
 75 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
 Своимъ жезломъ не подгребаеть углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
 Насъ каждый день опала ожидаетъ,
 80 Тюрма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
 А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
 Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
 Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда?
 85 Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
 Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
 Осажены невѣрными рабами:
 Все языки, готовые продать,
 90 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
 Не властны мы въ помѣстїяхъ своихъ.
 95 Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
 Корми его. Не смѣй переманить
 Работника! не то, въ Приказъ Холопей.
 Ну, слыхано ль хотъ при Царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 100 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха.

шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ

Мы помолчимъ до времени.

ПУШКИНЪ.

Вѣстимо,

105 Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
 Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
 И если что меня подь-часъ тревожить,
 Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
 Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
 110 Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали...
 Прощай же Князь.

шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

[Провожаетъ Пушкина].

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Царевичъ чертитъ Географическую карту. Царевна, Мамка Царевны.

КСЕНІЯ, цалуеть портретъ.

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, Царевна! дѣвица плачетъ, что роса падеть: взойдетъ
 5 солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

[Входитъ Борисъ].

ЦАРЬ.

- Что, Ксенія? что, милая моя?
 10 Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
 Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
 Дитя мое! судьба мнѣ не судила
 Виновникомъ быть вашего блаженства.
 Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
 15 Я счастье твое не могъ устроить;
 Безвинная! Зачѣмъ же ты страдаешь?
 А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ФЕОДОРЪ.

- Чертежъ земли Московской; наше царство
 Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
 20 Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
 Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
 А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
 Узоромъ здѣсь вѣется?

ФЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

- Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
 25 Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
 Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
 Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
 Намъ опыты быстротекущей жизни —
 Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
 30 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подъ руку достанутся твою —

Учись, мой сынъ: и легче и яснѣ
Державный трудъ ты будешь постигать.

[Входитъ Семень Годуновъ].

35 Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.

[Ксенія]. Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

[Ксенія съ мамкою уходятъ].

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынче

Ко мнѣ чѣмъ свѣтъ дворецкій Князь-Василья
40 И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ
45 Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Вечеръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
50 Да Пушкина — да нѣсколько другихъ;

А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сей часъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!

55 Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

[Годуновъ уходитъ].

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что? . . .

Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,

А Шуйскому не должно довѣрять.

Уклончивый, но смѣлый и лукавый . . .

[Входитъ Шуйскій].

60 Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:

И выслушать хочу тебя сперва.

шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать

Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

шуйскій тихо указывая на Федора.

65 Но, Государь . . .

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,

Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

царь.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ.

шуйскій.

70 Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

царь.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстiя; иначе не узнаемъ
Мы истины.

шуйскій.

75 Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

царь.

Что жъ говорить? Кто этотъ самозванецъ?

шуйскій.

Не вѣдаю

царь.

Но... чѣмъ опасенъ онъ.

шуйскій.

80 Конечно, Царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ:
Не знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,

Мгновенному внушенію послушна,
 85 Для истины глуха и равнодушна
 А баснями питается она.
 Ей нравится безстыдная отвага;
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Литовскую границу перейдетъ,
 90 Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
 Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрія!... какъ? этого младенца?
 Димитрія!... Царевичъ, удались.

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!

ФЕОДОРЪ.

Государь,

95 Дозволишь ли...

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.

[Феодоръ уходитъ].

Димитрія!...

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
 Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
 Заставами; чтобъ ни одна душа
 100 Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
 Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
 Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
 105 Затѣйлива? Слыхаль ли ты когда,
 Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
 Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
 110 Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?

шуйскій.

Я, Государь?...

ЦАРЬ.

Послушай, Князь Василій:
 Какъ я узналъ, что отрока сего...
 Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
 115 Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣсти мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убитаго младенца
 И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

шуйскій.

Клянусь тебѣ...

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
 120 Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

шуйскій.

Онь.

ЦАРЬ.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю;
 Прощедшей лжи опалою напрасной
 Не накажу. Но если ты теперь
 Со мной хитришь, то головою сына
 125 Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,

Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

шуйскій.

Не казнь страшна; страшна твоя немимость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
130 И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Дмитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
135 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
140 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Дмитрій
Во гробѣ спитъ.

царь.

Довольно, удались.

[Шуйскій уходитъ].

Ухъ, тяжело! . . . дай духъ переводу —
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицѣ
145 Мнѣ кинулась и тяжело опускалась . . .
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
150 Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуи — и нѣтъ его.

- 155 Такъ, рѣшено: не окажу я страха —
 Но презирать не должно ничего . . .
 Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

Самозванецъ и pater Черниковскій.

САМОЗВАНЕЦЪ.

- Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій;
 Я знаю духъ народа моего;
 Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
 Ему священъ примѣръ Царя его.
 5 Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна
 Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
 Весь мой народъ и вся Восточна церковь
 Признають власть Намѣстника Петра.

РАТЕР.

- Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,
 10 Когда придутъ инья времена.
 А между тѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена;
 Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велить;
 15 Твои слова, дѣянья судяты люди;
 Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Атен. Кто тамъ!

[Входитъ слуга].

Сказать: Мы принимаемъ.

[Отворяются двери, входитъ толпа Русскихъ и Поляковъ].

Товарищи! мы выступаемъ завтра
 Изъ Кракова. Я, Миншекъ, у тебя
 20 Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
 Я знаю: твой гостепріимный замокъ
 И пышностью блистаетъ благородной
 И славится хозяйкой молодой.
 Прелестную Марину я надѣюсь
 25 Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
 Литва и Русь, вы, братскія знамена
 Поднявшіе на общаго врага,
 На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны Славянъ, я скоро поведу
 30 Въ желанный бой дружины ваши грозны,
 Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
 Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.

Кю мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
 35 Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОЗВАНЕЦЪ, Курбскому.

Имя громко!

Ты родственникъ Казанскому Герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
 Но съ той поры, когда являлся онъ,
 40 Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
 Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
 Молва объ немъ умолкла.

КУРСКІЙ.

Мой отецъ

Въ Волинїи провелъ остатокъ жизни,
 Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
 45 Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
 Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
 Онъ юности своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ тосковать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

50 Несчастнїй вождь! какъ ярко просіялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный витязь,
 Что кровь его съ отечествомъ мирится;
 Вины отцевъ не должно вспоминать;
 55 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... Руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
 На тронъ, кого? да — сына Іоанна!...
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

60 Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ ему треть жалованья выдать.
 Но эти кто? Я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВЪ бьетъ елохъ.

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
 65 Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ Царь — и за тебя готовы
 Главами лечь, да будутъ наши трупы
 На Царской тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

70 Мужайтесь, безвинные страдальцы —
 Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
 А тамъ Борисъ расплатится во всемя.
 Ты кто?

КАРЕЛА.

Козакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
 Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ,
 75 Отъ Козаковъ верховыхъ и низовыхъ,
 Узрѣть твои Царевы ясны очи
 И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ Донцевъ: не сомнѣвался видѣть
 Въ своихъ рядахъ Козачьи бунчуки.
 80 Благодаримъ Донское наше войско.
 Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
 Неправедно притѣснены, гонимы;
 Но если Богъ поможетъ намъ вступить
 На тронъ отцевъ, то мы по старинѣ
 85 Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

ПОЭТЪ приближается, кланяясь низко и
хватая Гришку за полу.

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЭТЪ подаетъ ему бумагу.

Примите благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!

- 90 Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ Латинской Музы голосъ,
И я люблю Парнасскіе цвѣты.
- 95 Я вѣрую въ пророчества Пинтовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!
- Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
- 100 Прими сей даръ. [Даетъ ему перстень].

Когда со мной свершится

- Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я: надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнь.
Musa gloriâ coronat, gloriaque musam.
- 105 И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

всѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

Уборная Марины.

Марина. Рузя убираетъ ее; служанки.

МАРИНА [передъ зеркаломъ].

Ну, что жъ? готово ли? не лзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудной :

Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,

Иль полумѣсяцъ изумрудной?

МАРИНА.

5 Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,

Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?

На багѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:

Мушны ахали, красавицы шептали . . .

10 Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первой разъ

Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.

А точно, говорятъ: на васъ

Кто ни взглянулъ, тутъ и влюбился.

МАРИНА.

Не лзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

15 Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.

Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;

Не могъ онъ утаить восторга своего;

Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
 Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
 20 А точно, панна, онъ влюбленъ:
 Вотъ мѣсяцъ, какъ, оставя Краковъ,
 Забывъ войну, Московской тронъ,
 Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
 И бѣсить Русскихъ и Поляковъ.
 25 Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня?...
 Не правда ли, когда въ свою столицу
 Димитрій повезетъ Московскую Царицу,
 Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь — Царицей буду я?

РУЗЯ.

30 А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
 Равняться здѣсь съ моею Госпожою?
 Родъ Мнишковъ ничьему еще не уступалъ;
 Умомъ — превъше вы похвалъ...
 Щастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоить;
 35 Кто сердца вашего любовь себѣ присвоить —
 Кто бъ ни былъ онъ, хотъ нашъ король
 Или Французкій королевичъ...
 Не только нищій вашъ Царевичъ,
 Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

МАРИНА.

40 Онъ точно Царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
 У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спорю я объ этомъ.
 А только знаете ли вы,
 45 Что говорить о немъ въ народѣ?
 Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
 Извѣстный плуть въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!
 Я только говорю, что долженъ онъ конечно
 50 Благословлять еще судьбу, когда сердечно
 Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА [вбѣгаетъ].

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
 Готова пустяки болтать,
 А между тѣмъ я не одѣта...

РУЗЯ.

55 Сейчасъ, готово все. [Служанки суетятся].

МАРИНА [про себя].

Мнѣ должно все узнать...

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

Вишневецкій, Мишекъ.

МИШЕКЪ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
 Мариною одною занять онъ...
 А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну, — думалъ ты, признайся, Вишневецкій,
 5 Что дочь моя Царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса . . . и думалъ ли ты, Мнишекъ,
 Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московскій?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?
 Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
 10 Не упускай Дмитрія! . . . и вотъ
 Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

[Музыка играетъ Польской. Самозванецъ
 идетъ съ Мариною въ первой парѣ].

МАРИНА тихо Дмитрію.

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
 Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

[Расходятся. Другая пара].

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашель Дмитрій?

ДАМА.

Какъ! она

15 Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная Нимфа:
 Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки.

[Новая пара].

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его приятенъ,
 И Царская порода въ немъ видна.

[Новая пара].

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велить Царевичъ,
 20 Готовы мы; но, видно, Панна Мнишекъ
 Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы . . .

[Расходятся; комнаты пустѣютъ].

МНИШЕКЪ.

Мы старики ужъ нынче не танцуемъ,
 Музыка громъ не призываетъ насъ,
 25 Прелестныхъ рукъ не жемъ и не палуемъ . . .
 Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
 Теперь не то, не то, что прежде было!
 И молодежь ей-ей не такъ смѣла;
 И красота не такъ ужъ весела,
 30 Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.
 Оставимъ ихъ; пойдѣмъ, товарищъ мой,
 Венгерскаго, обросшую травой,
 Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
 Да въ уголку потинемъ-ко вдвоѣмъ
 35 Душистый токъ, струю, какъ жиръ, густую,
 А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
 Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ, пойдѣмъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ входитъ.

- Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
 Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
 Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
 Предъ смертію душа не содрагалась.
- 5 Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духомъ не смутился
 И дерзостью неволи избѣжалъ.
 Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
 Что значить сей неодолимый трепетъ?
- 10 Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
 Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
 Я тайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все то, что ей скажу,
 Какъ обольщу ея надменный умъ,
- 15 Какъ назову Московскою Царицей —
 Но часъ насталъ — и ничего не помню;
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутитъ мое воображенье...
 Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
- 20 Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
 И шумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА входитъ.

Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она!... Вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій! Вы?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!

[Идетъ къ ней]. Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
 25 Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
 Какъ медленно катился скучный день!
 Какъ медленно заря вечерня гасла!
 Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
 30 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
 Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой и бурной и невѣрной,
 35 Соединить судьбу мою; то вправѣ
 Я требовать, Димитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 40 Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
 Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная твоя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 45 Помощница Московскаго Царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
 Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 50 Любовника, избраннаго тобою,
 Щастливаго твоимъ единымъ взоромъ.

О, выслушай моленія любви!
 Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 55 Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
 Чась отъ часу опасность и труды
 Становятся опаснѣй и труднѣе;
 Ужъ носятя сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
 60 А Годуновъ свои приѣмлетъ мѣры...

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на Царственную власть.
 65 Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай

70 Высокаго, святаго назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ кипящему, безумно
 75 Плѣненному моею красотой —
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 80 Избрала ты, Марина! ты не знаешь,
 Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь —
 Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
 Скажи: когда бъ не Царское рожденье
 85 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда бъ я былъ не Иоанновъ сынъ,
 Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
 Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
 90 Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ! полно:

Я не хочу дѣлиться съ мертвецѣмъ
 Любовницей, ему принадлежащей:
 Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
 Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
 95 Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
 А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
 Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволею скучая,
 Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
 100 Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени:
 Владѣть конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 105 И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?

Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О, стыдъ! о горе мнѣ!

[Молчаніе].

САМОЗВАНЕЦЪ [тихо].

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ такимъ трудомъ устроенное щастье
 110 Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? [Вслухъ]. Вижу, вижу:
 Стыдишься ты не Княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
 115 Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
 Рѣши: я жду [бросается на колѣна].

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ.

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
 Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
 Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
 120 Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
 Я Рыщарей и Графовъ благородныхъ;
 Но ихъ мольбы я хладно отвергала
 Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ [встаетъ].

Не презирай младаго самозванца;
 125 Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
 Достойныя Московскаго престола,
 Достойныя руки твоей безцѣнной...

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
 130 Обманывалъ я Бога и Царей —
 Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
 Меня казнить; я правъ передъ тобою.
 Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 135 Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
 Кто требовалъ признанья твоего?
 140 Ужъ если ты, бродяга безъимянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
 Достоинъ быть успѣха своего
 И свой обманъ отважный обезпечить
 145 Упорною, глубокою, вѣчною тайною.
 Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
 Соединить судьбу мою съ твоею,
 Когда ты самъ съ такою простотою,
 150 Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
 Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
 Отъ радости предъ нашимъ Королемъ,
 155 Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ —
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучить одна могла признанье.

Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 160 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
 Сихъ тяжкихъ тайшъ не выдасть мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
 165 О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,
 Клянешься ты? Не именовъ ли Бога,
 Какъ набожный пріемышъ Езуитовъ?
 Иль честию, какъ витязь благородный,
 Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ,
 170 Какъ Царскій сынъ? не такъ ли? говори.

САМОЗВАНЕЦЪ, гордо.

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Дмитриемъ изъ гроба парекла,
 Вокругъ меня народы возмутила
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
 175 Царевичъ я. Довольно, стыдно мнѣ
 Предъ гордою Полячкой унижаться.
 Прощай на вѣкъ: игра войны кровавой,
 Судьбы моей обширныя заботы
 Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
 180 О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
 Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
 Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
 185 Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
 Не будешь ты подругою моей,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
 Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

190 А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрять Польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
195 Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
200 Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, Князь, она меня мирить.
Безумный твой порывъ я забываю
205 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проспись, не медли богѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла;
210 Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я.

[Уходитъ].

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
215 Или хитрить съ придворнымъ Езуптомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чѣртъ съ ними; мочи нѣтъ:

- И путаетъ, и вьется, и ползеть,
 Скользить изъ рукъ, шипить, грозить и жалить.
 Змѣя! змѣя! . . . Недаромъ я дрожалъ.
 220 Она меня чуть-чуть не погубила.
 Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16 октября).

Няязь Курбскій и Самозванецъ, оба верхами. Полки приближаются
 къ границѣ.

КУРБСКІЙ, прискакавъ первый.

- Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
 Святая Русь! Отечество! я твой!
 Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхю
 Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
 5 Онъ мнѣ родной! теперь твоя душа,
 О мой отецъ, утѣшилась и въ гробѣ.
 Опальные возрадуются кости!
 Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
 Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
 10 Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!
 Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
 За своего надѣжу-Государя! . . .

САМОЗВАНЕЦЪ, ѣдетъ тихо съ поникшей
 головой.

- Какъ щастливъ онъ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась!
 15 О витязь мой, завидую тебѣ!
 Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
 Забывъ, отцемъ снесенныя обиды,
 Его вину за гробомъ искупивъ,

Ты кровь излить за сына Іоанна
 20 Готовишься, законнаго Царя
 Ты возвратить отечеству . . . ты правъ,
 Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРЬСКІЙ.

Ужель и ты не веселишься духомъ?
 Вотъ наша Русь: она твоя, Царевичъ.
 25 Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
 Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечеть!
 Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
 Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
 30 Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
 Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
 А на тебя, Борисъ-цареубійца!
 Впередъ!

КУРЬСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

[Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу].

ЦАРСКАЯ ДУМА.

Царь, Патріархъ и бояре.

ЦАРЬ.

Возможно ли? разстрига, бѣглый инокъ
 На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
 Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
 Пора смирить безумца! Поѣзжайте,

- 5 Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

- Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
10 И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.

[Уходитъ съ Трубецкимъ].

ЦАРЬ.

- Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
15 Но не нужна намъ чуждая помощь;
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.

- Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
20 Чтобъ на коня сядились, и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
25 Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
30 Вы знаете, что наглый Самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма

Посѣяли тревогу и сомпѣнье;
 На площадяхъ мятежный бродитъ шѣпотъ,
 35 Умы кипятъ . . . ихъ нужно остудить;
 Предупредить желать бы казни я,
 Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
 Святой Отець, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
 40 Духъ милости и кроткаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій Государь;
 Ты грѣшному погибели не хочешь,
 Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
 Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
 45 Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ,
 Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
 Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
 Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
 50 Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
 Украденной, безстыдно облачился:
 Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
 Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
 55 Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
 Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
 Благословилъ на Царскую державу —
 Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
 Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
 60 И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
 «И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи

- «До старости: напрасно я лечился
 «И зелиемъ и тайнымъ нашептаньемъ
 65 «Напрасно я ходилъ на поклоненье
 «Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ;
 «Напрасно я изъ кладязей святыхъ
 «Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
 «Не посылалъ Господь мнѣ изцѣленья.
- 70 «Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
 «И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
 «Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
 «А снилися мнѣ только звуки. Разъ
 «Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голось
 75 «Мнѣ говорить: встань, дѣдушка, поди
 «Ты въ Угличь-градъ, съ Соборъ Преображенья;
 «Тамъ помолись ты надъ моею могилой,
 «Богъ милостивъ — и я тебя прошу.
 «Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голось.
- 80 «Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 «Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
 «И я теперь великій Чудотворецъ.
 «Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
 «Что жъ? можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
 85 «Мнѣ позднее даруетъ изцѣленье.
 «Пойду — и въ пть отправился далекий.
 «Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 «Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдню,
 «И, разгораясь душѣй усердной, плачу,
 90 «Т къ сл . . стн , какъ будто слѣпота
 «Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 «Когда народъ сталъ выходить, я впуку
 «Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 «Царевич Д митрія. И мальчикъ
 95 «Повель меня — и только передъ гробомъ
 «Я тихую молитву сотворилъ,

«Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 «И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
 Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

[Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ].

100 Я посылаю тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, что многіе страдальцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
 105 Перенести, поставить ихъ въ Соборѣ
 Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 И мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.

[Молчаніе].

князь шуйскій.

Святыи Отецъ, кто вѣдаетъ пути
 110 Всевышняго? Не мнѣ его судить.
 Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
 Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
 Но надлежитъ народную молву
 Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
 115 А въ бурныя ль смятеній времена
 Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
 Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
 Народъ и такъ колеблется безумно,
 120 И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
 Умы людей не время волновать
 Нежданую, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ
 Разбѣянный разстригой уничтожить;
 125 Но есть на то иныя средства — прощѣ.

Такъ, Государь, когда изволишь ты,
 Я самъ явлюсь на площади народной,
 Уговорю, усовѣщу безумство
 И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

130 Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,
 Прошу тебя пожаловать въ палату:
 Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

[Уходить; за нимъ и всѣ бояре].

ОДИНЪ БОЯРИНЪ, тихо другому.
 Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ,
 И крупный потъ съ лица его закапалъ?

ВТОРОЙ.

135 Я — признаюсь — не смѣлъ поднять очей,
 Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

(1604 года, 21 декабря).

Битва.

ВОИНЫ [бѣгутъ въ безпорядкѣ].

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

[Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розентъ].

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons . . . пошѣль назадъ!

ОДИНЪ ИЗЪ БѢГЛЕЦОВЪ.

Самъ пошѣль, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

5 Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на Русскаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

10 Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

15 Diable, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanets, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

18 Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait
20 fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

[Входить Нѣмцы].

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha! ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

[Нѣмцы строятся].

25

Marsch!

НѢМЦЫ, ИДУТЪ.

Hilf Gott!

[Сраженіе. Рускіе снова бѣгутъ].

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Дмитрію!

ДИМИТРІЙ [верхомъ].

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

[Трубить; бьютъ барабаны].

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Народъ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что? ужъ проклинали того?

Другой.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ Дьяконъ завонилъ:
5 Гришка Отрепьевъ — анаема!

Первый.

Пускай себѣ проклиняютъ; Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ.

А Царевичу поютъ теперь вѣчную память.

ПЕРВЫЙ.

Вѣчную память живому! Вотъ ужё имъ будетъ безбожничать.

ТРЕТИЙ.

10 Чу! шумъ. Не Царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нѣтъ, это Юродивый.

[Входитъ Юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшенный веригами, окруженный мальчишками].

МАЛЬЧИШКИ.

Желѣзный колпакъ, желѣзный колпакъ!... трррр...

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

15 Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣчка; помани же меня.

ЮРОДИВЫЙ, садится на землю и поетъ.

Мѣсяць ѣдетъ,

Котенокъ плачетъ,

Юродивый, вставай,

20 Богу помолися!

[Мальчишки окружаютъ его снова].

одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, Юродивый, что же ты шапки не снимаешь?
[Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ]. Экъ она звонить!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣчка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда, ну, покажи.

[Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ].

ЮРОДИВЫЙ, плачетъ.

25 Взяли мою копѣчку, обижаютъ Юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, Царь идетъ!

[Царь выходитъ изъ Собора: Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре].

ЮРОДИВЫЙ.

Борись, Борись! мальчишки обижаютъ Юродиваго.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

30 Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, Юродивый.

[Уходитъ].

ЮРОДИВЫЙ [ему вслѣдъ].

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя Ирода — Богородица не велитъ.

СѢВСКЪ.

Самозванецъ, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

Ляхъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

[Входитъ Русскій плѣнникъ].

Кто ты?

Плѣнникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяць будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня

5 Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной

10 Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ

Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградилъ его заслуги честью

И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

15 Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждуть меня?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ:

Кому языкъ отрѣжутъ, а кому

20 И голову. Такая право притча,

Что день, то казнь. Тюрмы биткомъ набиты.

На площади, гдѣ человѣка три

Сойдется — глядь — лазутчикъ ужъ и вьется,

А Государь досужною порою
 25 Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
 Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужь молчать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
 Ну, войско что?

ПЛѢННИКЪ.

Что съ нимъ? одѣто, сыто,
 Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

ПЛѢННИКЪ.

30 Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячь тридцать?

ПЛѢННИКЪ.

Да наберешь и тысячь пятьдесятъ.

[Самозванецъ задумывается; окружающіе
 смотрятъ другъ на друга]

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говорятъ о милости твоей,
 Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,

35 А молодець.

САМОЗВАНЕЦЪ, смѣясь.

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать

Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:

Назавтра бой.

[Уходитъ].

всѣ.

Да здравствуетъ Димитрій!

ляхъ.

Назавтра бой! ихъ тысячь пятьдесятъ,
 40 А насъ всего едва ль пятнадцатъ тысячь:
 Съ ума сошелъ.

другой.

Пустое, другъ: Полякъ
 Одинъ пять сотъ Москалей вызвать можетъ.

плѣнникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
 Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

ляхъ.

45 Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
 То я тебя [указывая на свою саблю] Вотъ этимъ бы смирилъ.

плѣнникъ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется:
 Не хочешь ли вотъ этого [показывая кулакъ], Безмозглый!
 [Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются].

ЛѢСЪ.

Лжедимитрій, Пушкинъ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій).

лжедимитрій.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
 Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
 И раненый какъ быстро несъ меня.
 Мой бѣдный конь.

пушкинъ, про себя.

Ну, вотъ о чемъ жалѣеть.

- 5 Объ лошади! когда все наше войско
Побито въ прахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай, можетъ быть,

Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, идетъ къ своему коню.

- Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,
10 Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

[Разуздываетъ и разсѣдываетъ коня.
Входитъ нѣсколько Ляховъ].

Здорово, господа!

- Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тмы сабель молодца,
15 Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ;
Гдѣ жъ витязь мой?

ЛЯХЪ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

САМОЗВАНЕЦЪ.

- Честь храброму и миръ его душѣ!
20 Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!

Не выдержать и трех минутъ отпора!
 Я ихъ ужё! десятаго повѣшу,
 25 Разбойники!

ПУШКИНЪ.

Кто тамъ ни виновать,
 Но всетаки мы начисто разбиты,
 Истреблены.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А дѣло было наше;
 Я было снялъ передовую рать —
 Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
 30 А молодцы! ей Богу, молодцы!
 Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
 Составлю я почетную дружину.

ПУШКИНЪ.

А гдѣ-то намъ сегодня почевать?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
 35 Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
 Спокойна ночь.

[Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ].

ПУШКИНЪ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!
 Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,
 Безпечень онъ, какъ глупое дитя:
 Хранить его конечно Провидѣнье;
 40 И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борись, Басмановъ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
 Мы тщетно побѣдой увѣнчались.
 Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
 И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
 5 Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
 Стоять у Кромъ, гдѣ кучка Козаковъ
 Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вотъ слава! нѣтъ, я ими недоволенъ;
 Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
 10 Не родъ, а умъ поставлю въ Воеводы;
 Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить;
 Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
 И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
 15 Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
 Съ раздорами, съ гордыней родословной
 Пожретъ огонь!

ЦАРЬ.

День этотъ недалекъ;
 Лишь дай сперва смятеніе народа
 Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть;
 20 Всегда народъ къ смятеню тайно склоненъ:
 Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
 На власть отца такъ отрокъ негодуетъ;
 Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ править,
 И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

- 25 Конец иногда сбиваетъ сѣдока,
 Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
 Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
 Сдержать народъ. Такъ думалъ Иоаннъ,
 Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
 30 Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
 Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
 Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
 Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.
- [Входитъ Бояринъ].
- Что?

БОЯРИНЪ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

ЦАРЬ.

- 35 Иду принять; Басмановъ, погоди.
 Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
 Поговорить.
- [Уходитъ].

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный.

- Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
 Управиться; и много, много онъ
 40 Еще добра въ Россіи сотворить.
 Мысль важная въ умѣ его родилась.
 Не надобно ей дать остыть. Какое
 Мнѣ поприще откроется, когда
 Онъ сломитъ рогъ Боярству родовому.
 45 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У Царскаго престола стану первый . . .
 И можетъ быть . . . Но что за чудный шумъ?

[Тревога. Бояре, придворные служители въ без-
 порядкѣ сбѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ].

одинъ.

За лекаремъ!

другой.

Скорѣ къ Патріарху.

ТРЕТІЙ.

Царевича, Царевича зоветь!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

50 Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

[Царя выносить на стулѣ; все
Царское семейство; всѣ Бояре].

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного

55 Царевича со мною. [Всѣ удаляются]. Умираю;

Обнимемся; прощай, мой сынъ: сей часъ

Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!

Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу

Мнѣ некогда очистить покаяньемъ.

60 Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья... такъ и быть!

Я подданнымъ рожденъ, и умереть

Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;

Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?

- 65 Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
 Ты царствовать теперь по праву станешь,
 А я за все одинъ отвѣчу Богу.
 О милый сынъ, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпляй себя ты добровольно.
- 70 Въ дни бурные державу ты приѣмлешь:
 Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
 Могъ удержать смятенье и мятежъ;
- 75 Передо мной они дрожали въ страхъ;
 Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
 Но ты молодой, неопытной властитель,
 Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
 Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
- 80 Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
 Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
 Совѣтника во-первыхъ избери
 Надѣжнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
 Любимаго народомъ, а въ Боярахъ
- 85 Почтеннаго породой или славой —
 Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
 Искусный вождь: Басманова пошли
 И съ твердостью снеси Боярскій ропоть.
 Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
- 90 Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
 Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка
 Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
 Возстановить опалы, казни — можешь
 Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
- 95 Какъ твоего благословляли дядю,
 Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
 Со временемъ и понемногу снова
 Затягивай державныя бразды.

- Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
- 100 Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
- 105 Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
- 110 Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ молодые дни привыкнулъ утопать;
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
- 115 Въ семьѣ своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою —
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ФЕОДОРЪ [на колѣнахъ].

- Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
120 Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ . . .

[Входитъ Патріархъ, Святители; за ними всѣ Бояре.
Царицу ведутъ подъ руки, Царевна рыдаетъ].

Кто тамъ?

- А! схима . . . такъ! святое постриженье . . .
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ —
125 И темный гробъ моею будетъ кельей.

Повремени, Владыка Патріархъ,
 Я Царь еще: внемлите вы, Бояре —
 Се тотъ, кому приказываю царство;
 Цѣлуйте крестъ Θεодору... Басмановъ,
 130 Друзья мои... при гробѣ васъ молю
 Ему служить усердіемъ и правдой!
 Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
 Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
 135 И вольныя и тайныя обиды...
 Святой отецъ, приближься, я готовъ.

[Начинается обрядъ постриженія.
 Женщинъ въ обморокъ выносить].

СТАВКА.

Басмановъ вводитъ Пушкина.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно.
 Итакъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
 И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

5 Но я и такъ Θεодоромъ высоко
 Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,
И гнѣвъ Бояръ — я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
10 Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно,
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
15 Но, впрочемъ, я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступить сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

20 Пока стою за юнаго Царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлею,
А вы кого противъ меня пошлете:
25 Не Козака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
Что Козаки лишь только села грабятъ,
30 Что Поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,

- А Русскіе . . . да что и говорить —
 Передъ тобой не стану я лукавить;
 Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
 35 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Дмитрія ты помнишь торжество
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 40 А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
 Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ!
 А нынче ль? . . . нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепелъ брани:
 45 Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
 Не устоишь; не лучше ли тебѣ
 Дать первому примѣръ благоразумной,
 Дмитрія Царемъ провозгласить
 И тѣмъ ему навѣки удружить?
 50 Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшись.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.

[Уходитъ].

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣеть:
 Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
 Чтобъ и меня бунтовщики связали

- 55 И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго Вѣнценосца
- 60 Предательствомъ ужаснымъ заплатить!
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...
[Задумывается].
- 65 Сюда! кто тамъ? [Свищетъ]. Коня! трубите сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

Пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ Бояринъ.
Сюда! сюда!

ПУШКИНЪ [на амвонѣ].

- Московскіе граждане,
Вамъ кланяться Царевичъ приказалъ. [Кланяется].
- 5 Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
- 10 Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.

Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
 Подымете вы руку на Царя
 15 Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо, нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане,
 Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
 Подъ властію жестокаго пришельца:
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
 20 И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
 Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
 Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
 Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
 Вы ль станете упрямится безумно
 25 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идетъ на Царственный престоль
 Своихъ отцевъ въ сопровожденіи грозномъ.
 Не гнѣвайте жъ Царя и бойтесь Бога,
 Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
 30 Смиритесь, немедленно пошлите
 Къ Димитрію во станъ Митрополита,
 Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
 Да бьютъ челомъ отцу и Государю.

[Сходитъ. Шумъ народный].

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
 35 Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНѢ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты!
 Ступай! вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ [несется толпою].

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

Феодоръ подъ окномъ.

нищій.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ФЕОДОРЪ.

Поди, старикъ, я бѣднѣ тебя, ты на волѣ.

[Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну].

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

5 Братъ да сестра! бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

ДРУГОЙ.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажется къ намъ Бояре идутъ.

ФЕОДОРЪ.

10 Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

[Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерешевинъ;
за ними трое Стрѣльцовъ].

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

15

[Они входятъ въ домъ].

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводить къ присягѣ Θεодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога!
дерутся!

НАРОДЪ.

20 Слышишь? визгъ! Это женской голосъ... Взойдемъ — Двери
заперты — крики замолкли — шумъ продолжается.

[Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ].

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θεодоръ отравили себя
ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. [Народъ въ ужасѣ молчитъ].
25 Что же вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій
Ивановичъ!

НАРОДЪ безмолвствуетъ.

Конецъ.

Не зачеркнутая въ рукописи, но не вошедшая въ изданіе 1831 г.
сцена.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Григорій и злой чернецъ.

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
 День приходитъ, день проходитъ — видно, слышно все одно:
 Только видишь черныя рясы, только слышишь колоколь.
 Днемъ, зѣвая, бродишь; дѣлать нечего — соснешь;
 5 Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
 Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
 Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ костьюлемъ...
 Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи. Черезъ ограду, да бѣгомъ.
 Міръ великъ: мнѣ путь дорога на четыре стороны,
 10 Поминай, какъ звали.

ЧЕРНЕЦЪ.

Правда: ваше горькое житье,
 Вы разгульные, лихіе молодые чернецы.

ГРИГОРІЙ.

Хоть бы Ханъ опять нагрязнулъ, хоть Литва бы поднялась!
 Такъ и быть! пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ.
 Что, когда бы нашъ Царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ
 15 И вскричалъ: А гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?
 Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
 Изловите супостата, приведите мнѣ его! — —

ЧЕРНЕЦЪ.

Полно! не болтай пустава: мертвыхъ намъ не воскресить.
 Нѣтъ, Царевичу иное, видно, было суждено —
 20 Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

ГРИГОРІЙ.

Что такое?

ЧЕРНЕЦЪ.

Если бъ я былъ такъ же молодъ, какъ и ты,
Если бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина...

Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, ни сколько.

ЧЕРНЕЦЪ.

Слушай: глупый нашъ народъ
Легковѣренъ; радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ;
25 А Бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго Варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты Царевичу ровесникъ... если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Понимаю.

(Молчаніе).

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь?

ГРИГОРІЙ.

Рѣшено!

Я Димитрій, я Царевичъ.

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку: будешь Царь.

XXIX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рѣмой оперю,
5 Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалю —
И горе нашему врагу!

XXX.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Сатирикъ и поэтъ любовный
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны
Покойной тетушки моей
5 Писатель нѣжный, тонкій острый¹
Мой дядюшка — не дядя твой
Но, милый — Музы наши сестры
И такъ ты все-же братецъ мой.

---

1. Variante: Василий Львовичъ тонкій острый.

XXXI.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
 Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
 Алкиду передавъ. Алкидъ его пріялъ.
 Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
 5 Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ,
 Стопами тяжкими вершину Эты роетъ,
 Гнетъ, ломить дерева; исторженные пни
 Высоко громоздитъ, его рукой они
 Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
 10 Недвижимъ на кострѣ, онъ въ небо взоръ возводитъ.
 Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
 Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
 Трещя, горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
 Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

XXXII.

Брови царь нахмуря,
Говорилъ: вчера
Повалила буря
Памятникъ Петра.

5 Тотъ перепугался.
«Я не зналъ! — Ужель?» —
Царь расхохотался.
— Первый, братъ, Апрѣль!

* *
*

Говорилъ онъ съ горемъ
10 Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
За. . . . .

То есть разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ,
15 Вѣшаютъ за шею,
Но жестокъ законъ. —

XXXIII.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю — сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.

- 5   Бумаги берегу запасъ,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И только за большою нуждой.
- 10 Но твой затѣйливый навозъ
Приятно мнѣ щекотить носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей
И духъ мой снова позываетъ
- 15 Ко изпражненью прежнихъ дней.
-

XXXIV.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
5 Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

16 октября 1825.

XXXV.

19 ОКТЯБРЯ.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
 Сребритъ морозъ увянувшее поле,
 Проглянетъ день, какъ будто по неволѣ,
 И скроется за край окружныхъ горъ.
 5 Пылай, каминь, въ моей пустынной кельѣ;
 А ты, вино, осенней стужи другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
 Минутное забвенье горькихъ мукъ.

2.

Печалень я: со мною друга нѣтъ,
 10 Съ кѣмъ долгую запыль бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
 И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
 Я пью одинъ; вотще воображенье
 Вокругъ меня товарищей зоветъ;
 15 Знакомое не слышно приближенье,
 И милаго душа моя не ждетъ.

3.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ. . .

Не многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
 20 Еще кого не дощитались вы?
 Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
 Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
 Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

25 Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
 Подъ миртами Италіи прекрасной
 Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
 Не начерталъ надъ Рускою могилой
 30 Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
 Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
 Съишь сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

5.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
 35 Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
 Счастливый путь! . . . Съ Лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шутя,
 И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
 40 О волнъ и бурь любимое дитя!

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;

45 Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повторялъ: *на долгую разлуку*
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 50 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
 Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастье куда бъ ни повело,
 55 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Отечество намъ Царское-Село.

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 60 Уставъ, приникъ ласкающей главой . . .
 Съ мольбой моей печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

9.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Мнѣ сладкая готовилась отрада:
 Троицъ изъ васъ, друзей моей души,
 Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
 70 О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицея превратилъ.

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
 Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
 75 Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все тотъ же ты для чести и друзей.
 Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
 Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
 Но невзначай проселочной дорогой
 80 Мы встрѣтились и братски обнялись.

11.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
 Подъ бурюю главою поникъ я томной,
 И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермескихъ дѣвъ,
 85 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О Дельвигъ мой: твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
 90 И дивное волненье мы познали;
 Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
 Но я любилъ уже рукоплескавья,
 Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
 95 Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
 Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

13.

Служенье музъ не терпитъ суеты,
 Прекрасное должно быть величаво:

Но юность намъ совѣтуеть лукаво,
 100 И шумныя насъ радуютъ мечты...
 Опомнимся — но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
 Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

14.

105 Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
 Не стоитъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Приди: огнемъ волшебнаго рассказа
 110 Сердечныя преданья оживи;
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
 Предчувствую отрадное свиданье;
 115 Запомните жъ поэта предсказанье:
 Промчится годъ — и съ вами снова я!
 Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
 Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
 О, сколько слезъ и сколько восклицаній,
 120 И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

16.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, ликующая муза,
 Благослови: да здравствуетъ Лицей!
 125 Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,

Къ устамъ подьявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

17.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
130 Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробъ спитъ, кто дальный сиротѣтъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
135 Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣннй
Докучный гость, и лишнй и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединенй,
140 Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведѣтъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Михайловское, 1825 года.

XXXVI.

ИЗЪ АРІОСТОВА ORLANDO FURIOSO.

(ПѢСНЬ XXIII, ОКТАВЫ 100—112).

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода,
 Ручей прозрачѣ стекла.
 Природа милыми цвѣтами
 Тѣнистый берегъ убрала
 5 И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
 Пастухъ убогой спитъ у стада;
 Усталъ подъ латами герой:
 Его манитъ ручья прохлада.
 10 Здѣсь мыслить онъ найти покой.
 (О черный день, о) день несчастный!
 Приютъ несносный и ужасный
 Онъ здѣсь нашелъ...

102.

Гуляя, онъ на деревьяхъ
 15 Повсюду надписи встрѣчаетъ;

Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
 Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
 Невольный страхъ его влечетъ:
 Онъ руку милой узнаетъ . . .
 20 И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
 Медоръ съ Китайскою царевной
 Изъ хаты пастыря сюда
 Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ,
 25 Соединенны вензелѣмъ;
 Ихъ буква каждая гвоздемъ
 Герою сердце пробиваетъ.
 Стараясь разумъ усыпить,
 Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
 30 Не вѣрить хочетъ онъ, хотъ вѣритъ:
 Онъ силится вообразить,
 Что вензеля въ сей рошѣ дикой
 Начертаны всѣ, можетъ быть,
 Другой, не этой Анжеликой.

104.

35 Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
 «Однако жъ, эти мнѣ черты
 Знакомы очень . . . разумѣю:
 Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
 Подъ этимъ прозвищемъ меня
 40 Царевна славилъ, быть можетъ . . .»
 Такъ, басней правду замѣня,
 Онъ мыслить, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
 Чтобъ утешить свое мученье,

- 45 Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
 Возобновляется, горить.
 Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
 Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
 Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
 50 Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
 Гора склонила на ручей.

106.

- Кривой, бродящей повиликой
 Завѣшенъ былъ тѣнистый входъ.
 Медоръ съ прелестной Анджеликой
 55 Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
 Въ день жаркой, въ тихой часъ досуга,
 Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
 И здѣсь ихъ имена кругомъ
 Древа и камни сохраняли:
 60 Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
 Вездѣ щастливцы написали.

107.

- Туда пѣшкомъ печальный Графъ
 Идетъ, и надъ пещерой темной
 Зритъ надпись — въ похвалу забавъ
 65 Медоръ ее рукою томной
 Въ тѣ дни стихами начерталъ —
 Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
 Онъ по Арабски написалъ —
 И вотъ ихъ точное значенье:

108.

- 70 «Цвѣты, луга, ручей живой,
 Щастливый гротъ, прохладны тѣни —
 Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
 Гдѣ съ Анджеликой молодой,

Съ прелестной дочерью Голофрона,
 75 Любимой многими — порой
 Я зналъ утѣхи Купидона! . . .
 Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
 Такъ часто вами охраненный?
 Однимъ лишь только услужу —
 80 Хвалою и просьбою смиренной.

109.

«Господь любовниковъ молю,
 Дамъ, рыцарей и всевозможныхъ
 Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
 Которыхъ въ сторону сію
 85 Фортуна заведетъ случайно,
 На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
 Зовите благодать небесъ:
 Чтобъ нимфы ихъ любили тайно,
 Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
 90 Не гнали жадныя стада».

110.

Графъ точно такъ, какъ по Латынѣ,
 Зналъ по Арабски; онъ не разъ
 Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
 Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

95 Два, три разà, и пять, и шесть
 Онъ хочеть надпись перечестъ;
 Нещастный силится напрасно
 Сказать что нѣтъ того что есть.
 Онъ правду видитъ, видитъ ясно
 100 И нестерпимая тоска,
 Какъ бы холодная рука,
 Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —

И наконец на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

105   Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ вѣрите мнѣ что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
110 Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ Рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

XXXVII.

(Съ португальскаго).

Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.

5 На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Прогирала томны очи,
Удаляя грезы ночи,

И являлася она
10 У дверей, иль у окна,
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завиджу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
15 Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣ становился.

Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
20 И водилъ ее на рѣчку,

На тѣнистые брега,
 На зеленые луга;
 Я поилъ ее, лелѣяль,
 Передъ ней цвѣточки сѣяль.

25 Дѣва издали ко мнѣ
 Приближалась въ тишинѣ.
 И я пѣль, ее встрѣчая,
 Пѣль, гитарою бряцаая:

«Дѣвы, радости моей,
 30 Нѣтъ, — на свѣтѣ нѣтъ мнѣй!
 Кто посмѣетъ подъ луною
 Спорить въ щастіи со мною?»

«Не завидую Царямъ,
 Не завидую богамъ,
 35 Какъ увижу очи томны,
 Стройный станъ и косы темны».

Такъ я пѣль, бывало, ей
 И красавицы моей
 Сердце пѣсною любовалось...
 40 Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
 Одинокій плачу я;
 Замѣнили пѣсни нѣжны
 Стонь и слезы безнадежны.

(G o n z a g o).

XXXVIII.

НАЧАЛО I-Й ПѢСНИ „ДѢВСТВЕННИЦЫ“.

- Я не рожденъ святыню славословить,
 Мой слабый гласъ не взыдетъ до небесь,
 Но долженъ я васъ нынѣ приготовить
 Къ услышанью Іоаннинныхъ чудесь.
- 5 Она спасла французкія лилеи.
 Въ болахъ ея дѣвической рукой
 Поражены заморскіе злодѣи.
 Могучею блистая красотой
 Она была подъ юпкою герой.
- 10 Я признаюсь — вечернею порой
 Милѣ мнѣ смиренная дѣвица —
 Послушная, какъ агнецъ полевой,
 Іоанна же была душою львица,
 Среди трудовъ и бранныхъ непогодъ
- 15 Являлася всѣхъ витязей славнѣ
 И что всего чудеснѣе, труднѣ
 Цвѣтъ дѣвственный хранила круглый годъ.
- О ты пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
 Сѣдой пѣвецъ чьи хрипые напѣвы,
 20 Нестройный умъ и безтолковый вкусъ
 Въ былые дни бѣсила нѣжныхъ музъ
 Хотѣлъ бы ты, о стихотворецъ хилый,
 Почтить меня скрипицею своей
 Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
 25 Комунибудь изъ модныхъ риомачей.
-

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(1825).

XXXIX.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
 Псаря въ охотничьихъ уборахъ
 Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
 Борзья прыгаютъ на сворахъ.
 5 Выходитъ баринъ на крыльцо,
 Все, подбочась, обозрѣваетъ;
 Его довольное лицо
 Пріятной важностью сіяетъ.
 Чекмень затянутый на немъ,
 10 Турецкій ножъ за кушакомъ,
 За пазухой во фляжкѣ ромъ,
 И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
 Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
 Глазами сонными жена
 15 Сердито смотритъ изъ окна
 На сборъ, на псарную тревогу.
 Вотъ мужу подвели коня;
 Онъ холку хватъ — и въ стремя ногу,
 Кричитъ женѣ: не жди меня!
 20 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,

Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
 25 Да вой волковъ. Но то-то щастье
 Охотнику! не зная нѣгъ,
 Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуеть,
 Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
 Бранится, мокнетъ и пируетъ
 30 Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
 Одна въ отсутствіи супруга?
 Занятій мало ль есть у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 33 Заказывать обѣдъ и ужинъ,
 Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
 40 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ просто звалъ ее Наташа,
 Но мы — мы будемъ называть
 Наталья Павловна), къ несчастью,
 Наталья Павловна совсѣмъ
 45 Своей хозяйственной частью
 Не занималась, затѣмъ,
 Что не въ отеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 50 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
 55 *Иль переписка двухъ семей —*

Романъ классической, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Правоучительной и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.

- 60   Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой
65   И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
70   Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ...
75   Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

- Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуешь сердце намъ.
80   Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удалой?...
Ужъ не она ли?... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
85   Слабѣй... и смолкнуть за горой.

Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звуку,

Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
 У мѣльницы коляска скачетъ,
 90 Вотъ на мосту — къ намъ точно . . . нѣтъ,
 Поворотила влѣво. Вслѣдъ,
 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ . . . о радость! косогоръ;
 Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
 95 Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
 Сейчасъ везти ее на дворъ
 И барина просить обѣдать;
 Да живъ ли онъ? . . . бѣги провѣдать!
 Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжить.

100 Наталья Павловна спѣшитъ
 Взбить пышной локонь, шаль накинуть,
 Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
 И ждетъ: да скороль, мой Творецъ!
 Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
 105 Забрызганный въ дорогѣ дальной,
 Опасно раненный, печальной
 Кой-какъ тащится экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ;
 Слуга-Французъ не унываетъ
 110 И говоритъ: allons, courage!
 Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
 Покамѣстъ барину теперь
 Покой особенный отводятъ
 И настѣжъ отворяютъ дверь,
 115 Пока Ricard шумитъ, хлопочетъ,
 И баринъ одѣваться хочетъ;
 Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Нулинъ; изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
 120 Свои грядущіе доходы.

Себя казать, какъ чудный звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 125 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ тетрадю злыхъ карриатуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
 130 Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ мотивами Россини, Пера
 Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
 135 Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
 Дверь отворилась, входитъ графъ;
 Наталья Павловна, привставъ,
 Освѣдомляется учтиво,
 Каковъ онъ? что нога его?
 140 Графъ отвѣчаетъ: ничего.
 Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаетъ разговоръ:
 Святую Русь бранить, дивится,
 145 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалѣеть о Парижѣ страхъ.
 «А что театръ?» — О, сиротѣть!
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣть,
 150 И мамзель Марсъ, увы! старѣть.
 Зато Потье, le grand Potier!
 Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Донинѣ поддержалъ одинъ. —

- «Какой писатель нынче въ модѣ?»
 155 — Все d'Argincourt и Ламартинь. —
 «У насъ имъ также подражаютъ».
 — Нѣтъ! право? Такъ у насъ умы
 Ужъ развиваться начинаютъ.
 Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы! —
 160 «Какъ талы носить?» — Очень низко,
 Почти до... вотъ по этихъ поръ.
 Позвольте видѣть вашу уборъ;
 Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
 Все это къ модѣ очень близко. —
 165 «Мы получаемъ Телеграфъ».
 — Ага! хотите ли послушать
 Прелестный водевиль? — И графъ
 Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать».
 — Я сытъ и такъ...

Изъ-за стола

- 170 Встаютъ. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;
 Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивится, какъ она мила.
 Проходитъ вечеръ непримѣтно;
 175 Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣтно,
 То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
 Давно храпитъ слуга въ передней,
 180 Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
 Въ чугууну доску сторожъ бьетъ;
 Въ гостиной свѣчки догорѣли.
 Наталья Павловна встаетъ:
 Пора, прощайте! ждуть постели.
 185 Пріятный сонъ!... Съ досадою вставъ,
 Полувлюбленный нѣжный графъ

Цѣлуетъ руку ей. И что же?
 Куда кокетство не ведетъ?
 Проказница — прости ей, Боже! —
 190 Тихонько графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта;
 Стоитъ Параша передъ ней.
 Друзья мои, Параша эта
 Наперсница ея затѣй:
 195 Шьетъ, моетъ, вѣсти переносить,
 Изношенныхъ капотовъ просить,
 Порою съ бариномъ шалить,
 Порой на барина кричитъ,
 И лжетъ предъ барыней отважно.
 200 Теперь она толкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его.
 Не пропускаетъ ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
 Но Госпожа ей наконецъ
 205 Сказала: полно, надоѣла!
 Спросила кофту и чепецъ,
 Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
 И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
 210 Ложится онъ, сигару просить,
 Monsieur Ricard ему приносить
 Графинъ, серебряной стаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣтильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 215 И неразрѣзанный романъ.

Въ постели лежа, Вальтеръ-Скотта
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но графъ душевно развлеченъ:

- Неугомонная забота
 220 Его тревожить; мыслить онъ:
 Неужь-то вправду я влюбленъ?
 Что, если можно? . . . вотъ забавно;
 Однако жь это было бь славно!
 Я, кажется, хозяйкѣ милъ —
 225 И Нулинъ свѣчку погасилъ.
- Несносный жарь его объемлетъ,
 Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
 И дразнить грѣшною мечтой
 Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
 230 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно круглый, полный станъ;
 Пріятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій —
 235 Здоровье краше всѣхъ румянъ.
 Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
 Онъ помнитъ, точно, точно такъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 240 Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
 Ловить минутную затѣю.
 Но время не ушло: теперь
 Отворена, конечно, дверь —
 И тотчасъ, на плеча накинувъ
 245 Свой пестрый шелковый халатъ
 И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Къ Лукреці Тарквиній новыи
 Отправился, на все готовый.
- 250 Такъ иногда лукавый котъ,
 Жеманный баловень служанки,

За мышью крадется съ лежанки:
 Украдкой медленно идетъ,
 Полузажмурясь подступаетъ,
 255 Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
 Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
 Дорогу ощупью находить,
 260 Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
 Едва дыханье переводить,
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
 Къ завѣтной двери и слегка
 265 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь тихо, тихо уступаетъ;
 Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ;
 Хозяйка мирно почиваетъ,
 270 Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
 Она . . . Теперь съ ихъ позволенья
 Прошу я Петербургскихъ дамъ
 275 Представить ужась пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 280 Ей сыплетъ чувства выписныя,
 И дерзновенною рукой
 Коснуться хочетъ одѣяла,
 Совсѣмъ смутивъ ее сначала . . .

- Но вдругъ опомнилась она,
 285 И гнѣва гордаго полна
 А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
 Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину, да, да!
 Пощечину, да вѣдь какую!
- 290 Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда,
 Обиду проглотивъ такую;
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадой страшною пылая,
 Но шпигъ косматый, вдругъ залая,
 295 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышалъ графъ ея походку,
 И проклиная свой ночлегъ
 И своеправную красотку,
 Въ постыдный обратился бѣгъ.
- 300 Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводятъ остальную ночь,
 Воображайте, воля ваша!
 Я не намѣренъ вамъ помочь.
- Возставъ поутру молчаливо,
 305 Графъ одѣвается лѣниво,
 Отдѣлкой розовыхъ ногтей
 Зѣвая занялся небрежно,
 И галстукъ вяжетъ неприлѣжно,
 И мокрой щеткою своей
 310 Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ — не знаю;
 Но вотъ его позвали къ чаю.
 Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкой стыдъ и тайный гнѣвъ,
 315 Идетъ.

- Проказница младая,
 Насмѣшливый потупя взоръ
 И губки алыя кусая,
 Заводить скромно разговоръ
 О томъ, о семь. Сперва смущенный,
 320 Но постепенно ободренный,
 Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
 Получаса не проходило,
 Ужъ онъ и шутить очень мило,
 И чуть ли снова не влюблёнъ.
 325 Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
 «Наташа, здравствуй!»
 — Ахъ, мой Боже!
 Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулянъ. —
 «Радъ сердечно я.
 330 Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ готовый экипажъ.
 Наташа! тамъ у огорода,
 Мы затравили русака.
 335 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать?
 — Не знаю, право, я спѣшу. —
 И, полно, графъ, я васъ прошу.
 340 Жена и я, гостямъ мы рады.
 Нѣтъ, графъ, останьтесь! —
 Но, съ досады
 И всѣ надежды потерявъ,
 Упрямится печальный графъ.
 Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
 345 Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ,
 Уже къ коляскѣ двое слугъ

Несутъ привинчивать сундукъ.
 Къ крыльцу подвезена коляска,
 Пикарь все скоро уложилъ,
 350 И графъ уѣхалъ . . . Тѣмъ и сказка
 Могла бы кончиться, друзья;
 Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
 Жена все мужу рассказала,
 355 И подвигъ графа моего
 Всему сосѣдству описала.
 Но кто же болѣе всего
 Съ Натальей Павловной смѣялся?
 Не угадать вамъ. — Почему жъ?
 360 Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ!
 Онъ очень этимъ оскорблялся,
 Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
 Молокососъ; что если такъ,
 То графа онъ визжать заставить,
 365 Что псами онъ его затравить.
 Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
 Сказать, что въ наши времена
 370 Супругу вѣрная жена,
 Друзья мои, совсѣмъ не диво.

XL.

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блещеть какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
5 А твой зоицъ — прямой чухонецъ.

XLI.

Н. С. МОРДВИНОВУ.

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
 Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
 Въ крылахъ отяжелѣвъ онъ небо забывалъ
 И Пинда острыя вершины.

- 5 Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
 Онъ подыалъ къ небесамъ и крылья и зѣницы —
 И съ шумной радостью възыгралъ и полетѣлъ
 Во срѣтенье твоей денницы.

- М[ордвиновъ]! не вотще Петровъ тебя любилъ:
 10 Тобой гордится онъ и на берегахъ Коцита.
 Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
 Надеждамъ вѣщаго Пита!...

- Какъ славно ты сдержалъ пророчество его,
 Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
 15 Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
 Стоишь ты новыи Долгорукой!

Такъ, (въ пѣну волнъ) съ вершины горъ скатаясь,
 Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще берега трепещутъ,

Вотще грохочет громъ, и волны вокругъ мутясь
20   И увиваются, и плещуть.

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою . . .

XLII.

СОВѢТЬ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
5 Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой;
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпитафмой.

Стихъ 1-й въ *Ураніи* читается:

Повѣрь, когда *и музъ* и комаровъ

XLIII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчить, и свищеть, и гремить;
Но безтолковая кукушка,
5 Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердить,
И эхо вслѣдъ за нею тоже.
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
10 Отъ элегическихъ куку!

XLIV.

ДВИЖЕНІЕ.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
5 Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

XLV.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри свѣжныя крутя:
 То, какъ звѣрь, она завоетъ,
 То заплачетъ, какъ дитя,
 5 То по кровлѣ обветшалою
 Вдругъ соломой зашумитъ,
 То, какъ путникъ запоздалой,
 Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
 10 И печальна и темна.
 Что же ты, моя старушка,
 Приумолкла у окна?
 Или бури завываньемъ
 Ты, мой другъ, утомлена,
 15 Или дремлешь подъ жужжаньемъ
 Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
 20 Сердцу будетъ веселѣй.

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

25   Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоюетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Вышьемъ, добрая подружка
30 Бѣдной юности моей,
Вышьемъ стору; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

XLVI.

Н. Н.

При посылкѣ ей *Невскаго Альманаха*.

Примите Невскій Альманахъ.

Онъ милъ и въ прозѣ, и въ стихахъ:

Вы тутъ найдете Полевова,

Великопольскаго, Хвостова;

5 Княжевичъ, дальній вашъ родня,

Украшилъ также книжку эту;

Но не найдете вы меня:

Мои стихи скользнули въ Лету.

Что слава міра? ... дымъ и прахъ.

10 Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...

Но, кажется, мнѣ трудно тоже

Попасть и въ этотъ альманахъ.

Невскій Альманахъ на 1826 г. и изданіе 1829:

Стихи 3—5: Вы тутъ найдете ***ова,

Вел***, Х**ва;¹⁾

К***, дальній вашъ родня

---

1) Такъ въ изданіи 1829; въ *Альманахъ*: «Василья Пушкина, ...кова»
(т. е. Маркова).

XLVII.

БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
 Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
 Когда, бушующая въ бурной мглѣ,
 Играло море съ берегами,
 5 Когда лучъ молній озарялъ
 Ее всечасно блескомъ алымъ,
 И вѣтеръ бился и леталъ
 Съ ея летучимъ покрываломъ?
 Прекрасно море въ бурной мглѣ,
 10 И небо въ блескахъ, безъ лазури;
 Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
 Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

Стихъ 7-й въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 читается:

И вѣтеръ *вои* и леталъ

XLVIII.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепеть ревности моей,
5 И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточеннаго страданья.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(1825).

XLIX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?

Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,

Его жъ никто не преступаетъ.

Вся тварь разумная скучаетъ:

5 Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣль;

Кто вѣрить, кто утратилъ вѣру;

Тотъ насладиться не успѣлъ,

Тотъ насладился черезмѣру,

И всякъ зѣваетъ да живетъ —

10 И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.

Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какънибудь

Разсѣяться.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

- 15 Въ своемъ альбомѣ запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновеніе души.
Я психологъ... о вотъ наука!...
Скажи, когда ты не скучалъ?
- 20 Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ твой возбуждали?
Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
- 25 И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
Тогда ль, какъ погрузился ты
Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки?
- 30 Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ наконецъ меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
- 35 Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
И что же? все попустякамъ.
Желалъ ты славы — и добился,
Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
- 40 А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

- Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
А слава... лучъ ея случайной
- 45 Неуловимъ. Мірская честь

Безмысленна, какъ сонъ... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье.

Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
50 Кого изволишь помянуть,
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!

О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
55 Тамъ, на груди ея прелестной
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаемъ
60 Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты?
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
65 Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ — все помню я.
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
70 Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье

(А доказали мы съ тобой,
 Что размышленье — скуки сѣмя).
 И знаешь ли, философъ мой,
 75 Что думалъ ты въ такое время,
 Когда не думаетъ никто?
 Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
 Какъ жадно я тебя желалъ!
 80 Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
 Я грезы сердца возмущалъ!
 Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предалась она...
 Что жъ грудь моя теперь полна
 85 Тоской и скукой ненавистой?...
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
 Такъ безрасчетный дуралей,
 90 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ ницаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытись ею торопливо,
 95 Развратъ косится боязливо...
 Потомъ изъ этого всего
 Одно ты вывелъ заключенье...

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
 Бѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

- 100 Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
 Не смѣю отлучаться я —
 Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣеть? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

- 105 Корабль Испанскій трехмачтовый,
 Пристать въ Голландію готовый:
 На немъ мерзавцевъ сотни три,
 Двѣ обезьяны, бочки злата,
 Да грузъ богатый шоколата,
 110 Да модная болѣзнь: она
 Недавно вамъ подарена.

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сей часъ.

[Исчезаетъ].

Стихи 110 и 111-й въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 и въ изданіи 1829 г.
 замѣнены строкою точекъ.

L.

- Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ
 Вотъ горящій Флегетонъ —
 Докторъ, сразу ну смѣлѣе
 Сядь ко мнѣ на хвостъ
 5 Тамъ намъ будетъ веселѣе
 Тамъ великій постъ.
 Кто идетъ — садатъ
 Это что — назадъ —
 Вотъ оберъ-капралъ
 10 Унтеръ-генералъ

ФАУСТЪ.

Что горить во мглѣ
 Посреди въ котлѣ
 Что кипить?

БЪСЪ ПОВАРЕНЪ.

— ха, ха!

- Посмотри — уха!
 15 Щуки караси
 Погляди — цари! —
 — О, вари, вари! —
-

LI.

Шумить кустарникъ — На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ,
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ,
5 Надъ страшной бездной онъ стоитъ
И чуткимъ ухомъ шевелить.
Глядитъ на свѣтлые края,
Глядитъ на синій сводъ небесный
И на далекіе берега,
10 Вѣнчанны чащею древесной . . .
Но вздрогнулъ онъ — незашный звукъ
Его коснулся — и онъ вдругъ
Съ вершины прынулъ (боязливо) . . .

LII.

Твое сосѣдство намъ опасно,
Хоть мило, можетъ быть, оно, —
Такъ утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено.
5 Твой домъ, учтивая бесѣда
И шутки съ злостью пополамъ
Напоминаютъ живо намъ
Творца *Опаснаго Сосѣда*...

LIII.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
 Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны
 И самой красотѣ — семнадцать лѣтъ замѣна.
 Но время протекло, настала перемѣна,
 5 Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
 Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ на дворѣ,
 И рѣдко похвала твой слухъ обворожаетъ,
 А зеркало сильнѣй грозитъ и ужасаетъ.
 . . . . . утѣшься и смиришь,
 10 Отъ милыхъ прежнихъ сновъ заранѣ откажись.
 Ищи другихъ побѣдъ — успѣхи предъ тобой,
 Я счастья тебѣ желаю всей душой
 . . . . . и опытовъ моихъ
 Мой дидактическій благоразумный стихъ.

LIV.

Лишь розы увядаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа,
5 И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ...

LV.

Припадками болѣзни женской
Словесность Русская больна,
Лежить въ истерикѣ она
И бредитъ языкомъ мечтаній
5 И хладный между тѣмъ зомль
Ей Каченовскій застудилъ
Теченье мѣсячныхъ изданій.

LVI.

Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ
 Блѣдень [ты], какъ святотатець —
     Волоса стоятъ горой —
     Или съ дѣвою молодой
 5 Пойманъ былъ ты у забора
 И принявъ тебя за вора
     Сторожъ гнался за тобой — —
 Иль смущень ты привидѣніемъ
     Иль за тяжкіе грѣхи
 10 Мучась дивнымъ [?] вдохновеніемъ
     Сочиняешь ты стихи — —

LVII.

Изъ Рима ѣхалъ онъ домой
Имѣя (очень) мало денегъ —
Сей Рыцарь былъ хорошъ собой
Разуменъ хотъ и молоденецъ.
5 Въ то время деньги

LVIII.

Короче дни, а ночи долѣ
Настала зимняя пора
И солнце будто по неволѣ
Глядитъ на убранное поле
.....

- 5   Что дѣлать намъ
Пока не подали намъ кушать?
Хотите ли теперь послушать
Друзья почтенные мои
Разсказъ про добраго Роберта
10 Что жилъ во время Дагоберта
-

LIX.

О Боги мирные полей дубравъ и горъ
И Геній и стихи вашъ любятъ разговоръ
Межъ ними я нашель и Музу молодую
Подругу дней моихъ невинную, простую —
5 Но чемъ то милую — не правда ли друзья
И своенравная волшебница моя
Какъ тихой вѣтерокъ иль пчелка золотая
Иль бѣглый поцелуй — туда сюда летая
Жемчужныя . . . . .

LX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ.

— Насилу выѣхать рѣшаюсь изъ Москвы.

Здорова ль душенька —

— Здорово ль сударь вы?

— Смѣшно: ни надписи — ни подписи — кому же?

Вдовѣ — не можетъ быть! Ну кто жъ соперница моя?

5 А вѣрно Сашинкѣ — не хуже молодой
Ей время хлопотать смиренницѣ такой

—

— Ну какъ живете въ подмосковной

Что Ольга Павловна —

— Мы ждали, ждали васъ

Я думала что жаръ любовный

10 Уже и погасъ — —

(Такъ время мы вели уныло)

Не мчится . . .

А Софья Павловна —

— Слѣшить бы было странно

Я не любовникъ а женихъ —

15 А что сестра?

— Ей кажется не скучно,

Эльвировъ съ нею неразлучно.

Ага —

— Вчера былъ здѣсь, сегодня ждемъ его —

Такъ точно — отъ него — съ цвѣтами — ничего
 Ейбогу сердце не на мѣстѣ

20 Пожалуйста, душа, вотъ это письмецо
 Тихонько подложи

— Кому

— Моей невѣстѣ —

Да Ольгѣ Павловнѣ — что смотришь мнѣ въ лицо?

Пожалуйста —

— За чѣмъ

— Тихонько отъ нее

Не прямо въ руки ей письмо отдать конечно

25 Не проболтайся жъ другъ сердечной

— Что будто васъ понять нельзя

Она вѣдь знаетъ вашу руку

— Да это написалъ не я

— Вотъ что! Вы выдумали штуку

30 Хотите испытать невѣсту — какъ не честно

— Мнѣ? ревновать? Избави Боже!

Но все жъ дитя я не дуракъ

— А что же?

— Браслеты я купилъ — прикажешь — покажу

Вотъ славная обновка

35 А знаешь ли что я тебѣ скажу?

Дарю ее тебѣ — примѣрай ка, плутовка.

— Помилуйте да мнѣ — да я не смѣю

Мнѣ совѣстно я вся горю

Покорно васъ благодарю.

LXI.

ПѢСНИ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

1.

- Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
 Выплывала востроносая лодка,
 Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
 Казаки ребята молодые.
- 5 На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
 Самъ хозяинъ, грозѣнь Стенька Разинъ,
 Передъ нимъ красная дѣвица,
 Полоненная персидская царевна.
 Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
- 10 А глядитъ на матушку на Волгу.
 Какъ промолвить грозѣнь Стенька Разинъ:
 «Ой ты гой еси, Волга мать родная!
 Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
 Въ долгу ночь баюкала, качала,
- 15 Въ волновую погоду выносила,
 За меня ли мѡлодца не дремала,
 Казаковъ моихъ добромъ надѣлила —
 Что ни чѣмъ еще тебя мы не дарили».
- 20 Подхватилъ тутъ грозѣнь Стенька Разинъ,
 Подхватилъ персидскую царевну,

Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

2.

- Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
- 5   Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя,
Камки хрущатыя —
Парчи золотыя.
- 10   Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
- 15   Другая соболья.
Ему Стенька Разинъ
Не отдастъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
- 20   Отдашь, такъ спасибо;
Не отдашь повѣшу
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ,
Да въ собачьей шубѣ.
- 25   Сталъ Стенька Разинъ
Думати думу:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
- 30   Да не было бѣ шуму.

3.

- Что не конскій топъ, не людская мольь,
Не труба трѹбача съ поля слышится,
А погодушка свищеть, гудить,
Свищеть, гудить, заливаётся,
5 Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по мѹрю, по синему:
Молодѣць удалѹй, ты разбойникъ лихой,
Ты разбойникъ лихой, ты разгульной буянъ,
Ты садись на лодки свои скорья,
10 Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю, по синему.
Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ красно-золото,
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
15 На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.
-

1826.

1826.

I.

[И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ].

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штоссъ:
5 500 рублей проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою;
Сейчасъ, мой другъ, узнаешь, почему.

3 июня 1826. Преображенское.

II.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у насъ не разрывайте
5 Ни мадригаловъ, ни сердцецъ.

1 июля 1826. Зуено.

III.

[КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ].

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ.

- 5 Не славь его. Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

14 августа.

IV.

ПРОРОКЪ.

- Духовной жаждою томимъ,
 Въ пустынѣ мрачной я влачился,
 И шестикрылой Серафимъ
 На перепутьи мнѣ явился;
 5 Перстами легкими какъ сонъ
 Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
 Отверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Моихъ ушей коснулся онъ,
 10 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я неба содроганье,
 И горній ангеловъ полётъ,
 И гадъ морскихъ подводный ходъ,
 И дольней лозы прозябанье.
 15 И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
 И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
 И празднословной, и лукавой,
 И жало мудрыя змѣи
 Въ уста замершія мои
 20 Вложилъ десницею кровавой.
 И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
 И сердце трепетное вынулъ,
 И угля, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.

25 Какъ трупъ въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею Моей
И, обходя моря и земли,
30 Глаголомъ жги сердца людей.»

V.

ЕК. АЛ. ТИМАШЕВОЙ.

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
Сии прелестныя созданья,
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеаль.

5 Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ душой исполненныхъ чертахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

Соперницы Запретной Розы
10 Блаженъ безсмертный идеаль . . .
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
И много риемъ, и много прозы!

Москва. 20 октября 1826 г.

VI.

[С. А. СОБОЛЕВСКОМУ].

У Гальяни иль Кольони
 Закажи себѣ въ Твери
 Съ пармазаномъ макарони
 Да яишницу свари —

* *
*

5 На досугѣ отобѣдай
 У Пожарскаго въ Торжкѣ
 Жареныхъ котлетъ отвѣдай
 И отправься на легкѣ.

* *
*

10 Какъ до Яжельбиць дотащить
 Кольмагу мужичокъ,
 То-то другъ мой разтаращить
 Сладострастный свой глазокъ!

* *
*

15 Поднесутъ тебѣ форели!
 Тотчасъ ихъ варить вели
 Какъ увидишь: посянѣли,
 Влей въ уху стаканъ Шабли.

* *
*

Чтобъ уха была по сердцу
 Можно будетъ въ кипятокъ

Положить немного перцу,
20 Луку маленькой кусокъ —

* *
* *

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай —

9 ноября.

VII.

ИВ. ИВ. ПУШИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
5 Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
10 Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

13 декабря 1826. Псковъ.

VIII.

- Ольга, крестница Киприды
 Ольга, чудо красоты
 Какъ же ласки и обиды
 Разточать привыкла ты!
- 5 Поцалуемъ сладострастья
 Соблазнительнаго щастья
 Назначаешь тайный часъ
 Мы съ горячкою любовной
 Прибѣгаемъ въ часъ условный
- 10 Въ дверь стучимъ — но въ сотый разъ
 Слышимъ твой коварный шопоть
 И служанки сонный ропоть
 И насмѣшливый отказъ —
 Ради рѣзваго разврата
- 15 Приапическихъ затѣй
 Ради нѣги, ради злата
 Ради прелести твоей,
 Ольга, жрица наслажденья
 Внемли нашъ влюбленный плачь —
- 20 Ночь восторговъ, ночь забвенья
 Намъ навѣрное назначь.

IX.

- Какъ щастливъ я когда могу покинуть
 Докучный шумъ столицы и двора
 И убѣжать въ пустынные дубровы
 На берега сихъ молчаливыхъ водъ.
 5 О скоро ли она со дна рѣчного
 Подыметя, какъ рыбка золотая?
 Какъ сладостно явленіе ея
 Изъ тихихъ волнъ, при свѣтѣ ночи лунной!
 Опутана зелеными власами
 10 Она сидитъ на берегу пустынномъ
 У стройныхъ ногъ, какъ пѣна бѣлыхъ, — волны
 Ласкаются, играя и журча
 Ея глаза то меркнутъ, то блистаютъ
 Какъ на небѣ мерцающія звѣзды —
 15 Дыханья нѣтъ изъ блѣдныхъ устъ — но сколь
 Пронзительно сихъ влажныхъ, синихъ устъ
 Прохладное лобзанье безъ дыханья —
 Томительно и сладко — въ лѣтній зной
 Холодный медъ не столько сладокъ жаждѣ.
 20 Когда она игривыми перстами
 Кудрей моихъ касается — тогда
 Какой то хладъ, какъ ужасъ, пробѣгаетъ
 Мнѣ голову и сердце громко бьется

Томленьемъ и любовью замирая
25 И въ этотъ мигъ я радъ оставить жизнь—
Хочу стонать и пить ея лобзанья
А рѣчь ея . . . Какіе звуки могутъ
Сравниться съ ней— Младенца вѣбный лепетъ
Журчанье водъ, иль шумъ небесъ
30 Иль звонкія Бояна славья гусли

23 Nov. С. Коза...

X.

- Въ еврейской хижинѣ лампада
 Въ одномъ углу блѣдна горитъ;
 Передъ лампадою старикъ
 Читаетъ Библию. Сѣдые
 5 На книгу падаютъ власы.
 Надъ колыбелію пустой
 Еврейка плачетъ молодая.
 Сидитъ въ другомъ углу, главой
 Поникнувъ, молодой еврей
 10 Глубоко въ думу погружень.
 Въ печальной хижинѣ старушка
 Готовитъ скудную трапезу.
 Старикъ, закрывъ святую книгу,
 Застежки мѣдныя сомкнулъ —
 15 Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
 На столъ и всю семью зоветъ:
 Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
 Текуть въ безмолвіи часы.
 Уснуло все подъ сѣнью ночи,
 20 Еврейской хижины одной
 Не посѣтилъ отрадный сонъ...
 На колокольнѣ городской
 Бьетъ полночь. — Вдругъ рукой тяжелой
 Стучать въ окно — Семья вздрогнула —
 25 Младой еврей встаетъ и дверь
 Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
 И входитъ незнакомый странникъ —
 Въ его рукѣ дорожный посохъ
-

XI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
5 Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, разкинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

XII.

[Н. С. АЛЕКСѢВУ].

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказачкой арабской,
Но русской правдою своей.

1 декабря.

XIII.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
 Гляжу впередъ я безъ боязни:
 Начало славныхъ дней Петра
 Мрачили мятежи и казни.

5 Но правдой Онъ привлекъ сердца,
 Но нравы укротилъ наукой,
 И былъ отъ буйнаго стрѣльца
 Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
 10 Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
 Не презиралъ страны родной:
 Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 15 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
 Во всемъ будь Пращуру подобенъ:
 Какъ Онъ, неутомимъ и твердъ,
 20 И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

22 декабря 1826. Москва, у Зуб.

XIV.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальныя поляны
 Льетъ печально свѣтъ она.

5 По дорогѣ зимней, скучной,
 Тройка борзая бѣжитъ,
 Колокольчикъ однозвучной
 Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
 10 Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
 Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
 15 Только версты полосаты
 Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
 Завтра, къ милой возвратясь,
 Я забудусь у камина,
 20 Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершить,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучить.

- 25 Грустно, Нина: путь мой скучень,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвучень,
Отуманенъ лунный ликъ.
-

XV.

[ВЪ АЛЬБОМЪ КН. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ].

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
5 Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

XVI.

ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не Черкешенка она:
Но въ доли Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

5 Нѣтъ, не агать въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

XVII.

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный
И точный умъ, и слогъ примѣрный,
О ты, который избѣжалъ
5 Сентиментальности манерной,
И самой легкой мадригалъ
Умѣлъ . . . . .

XVIII.

О нѣтъ, мнѣ жизнь ненадоѣла
Я жить хочу, я жизнь люблю,
Душа не вовсе охладѣла
Утрата молодость свою.
5 Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья
Для чувствъ . . . . . всего.
Зачѣмъ . . . . .
10 Могилу темную . . . . .
Что въ смерти добраго? . . .

1827.

1827.

I.

ПОСЛАНИЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

5 Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
10 Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
15 Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

II.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поетъ надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
5 Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь — она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отвѣта.

III.

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Клеерой
Цвѣтетъ, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
5 Вотще Клееру и Пафосъ
Мертвитъ дыханіе мороза —
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза . . .

1 апрѣля 1827.

IV.

ЕК. НИК. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, встарину,
 Являлся духъ, иль привидѣнье,
 То отгоняло сатану
 Простое это изреченье:

- 5 «Аминь, аминь, разсыпся!» Въ наши дни
 Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній —
 Богъ вѣдаетъ, куда дѣвались они.
 Но ты — мой злой иль добрый геній!
 Когда я вижу предъ собой
 10 Твой профиль и глаза, и кудри золотыя,
 Когда я слышу голосъ твой
 И рѣчи рѣзвыя, живыя —
 Я очарованъ, я горю,
 И содрогаюсь предъ тобою
 15 И сердцу, полному мечтою,
 «Аминь, аминь, разсыпся!» говорю.

3 апрѣля 1827.

V.

ЕЙ ЖЕ.

Въ отдаленіи отъ васъ,
Съ вами буду не разлучень,
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размучень.
5 Изнывая въ тишинѣ
Не хочу я быть утѣшенъ, —
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

16 мая 1827.

VI.

КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(При посылкѣ ей поэмы: „Цыганы“).

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
5 Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
10 И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣннаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
15 Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

VII.

КНЯЖНЪ С. А. УРУСОВОЙ.

Не вѣровалъ я троицѣ донинѣ:
Мнѣ богъ тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ — и, вѣрой озаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

VIII.

ЭПИГРАММА.

Лукъ звѣннть, стрѣла трепещеть,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещеть,
Бельведерскій Аполлонъ!
5 Кто жь вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

IX.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ собирався я давно
 Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
 Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
 Тобой воспѣтое вино.
 5 Ужъ зазывалъ меня съ собою
 Тобой воспѣтый Киселевъ,
 И я съ веселою душою
 Оставить былъ совсѣмъ готовъ
 Неволю Невскихъ береговъ.
 10 И что жъ? гербовыя заботы
 Схватили за полы меня,
 И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
 Прикованнымъ остался я.
 О юность, юность удалая!
 15 Могу ль тебя не пожалѣть?
 Въ долгахъ, бывало, утопая,
 Залмодавцевъ избѣгая,
 Готовъ былъ всюду я летѣть.
 Теперь докучно посѣщаю
 20 Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
 Остепенившись, проклиная
 Я тяжесть денегъ и годовъ.

Прости, пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
25 Не знай сіятельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву Русскаго Дворянства.

14 іюня. С.-Пб.

X.

АΡΙΟΝЪ.

Насъ было много на челнѣ;
 Иные парусъ напрягали,
 Другіе дружно уширали
 Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
 5 На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
 Въ молчаньѣ правилъ грузный чолнъ;
 А я — безпечной вѣры полнъ —
 Пловдамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
 Измялъ съ-налету вихорь шумный...
 10 Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
 Лишь я, таинственный пѣвецъ,
 На берегъ выброшенъ грозою.
 Я гимны прежніе пою,
 И ризу влажную мою
 15 Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

16 іюня

7

XI.

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Тайнственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежной,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
5 Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца уголитъ.

7 іюля 1827. С.-Петербургъ.

XII.

ЧЕРЕПЪ.

(Послание къ Дельвигу).

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
 Принадлежитъ тебѣ поправу;
 Тебѣ повѣдаю, баронъ,
 Его готическую славу.

- 5 Почтенный черепъ сей не разъ
 Парамъ Вакха нагрѣвался;
 Литовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударялся;
 Сквозь эту кость не проходилъ
 10 Лучъ животворный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
 Тяжеловѣсный мозгъ барона,
 Барона Дельвига. Баронъ,
 Конечно былъ охотникъ славный,
 15 Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
 Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
 Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
 И предокъ твой крѣпкоголовый
 Смутился бѣ рыцарской душой,
 20 Когда бѣ тебя передъ собой
 Увидѣлъ безъ одежды бранной,

Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очахъ и съ лирой золотой.

- Покойникомъ въ церковной книгѣ
- 25 Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
- 30 Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
- 35 Косматый баловень природы,
И математикъ и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физиологъ,
Идеологъ и филологъ,
- 40 Короче вамъ — студентъ присяжный.
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталь онъ пѣнить пиво,
- 45 Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить Жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницею трактира
- 50 Въ коморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркала и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,

- 55 Творенья Фихте и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона
 Подъ паутиною въ углу
 Лежали грудой на полу,
 Предметъ занятій разнородныхъ
- 60 Ученого, да крысь голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почтенный мыслитель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глупой суетой,
 Въ чуланѣ оный безопасно свищетъ.
- 65 Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердечъ высокихъ отпечатокъ.
 Студентъ однакожъ наконецъ
 Замѣтилъ важный недостатокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
- 70 Необходимый былъ . . . скелетъ;
 Предметъ философамъ любезный,
 Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
 Но гдѣ достанетъ оный скелетъ?
- 75 Вотъ оный однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И тотчасъ, взявъ въ соображенъе
 Его характеръ и служенъе,
 Рѣшился подружиться съ нимъ.
- 80 За кружкой пива, мой мечтатель
 Открылся кистеру душой
 И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могильный,
- 85 Костями праздными обильный,
 И между тѣмъ одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ Айдесскимъ богомъ:

- Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
 90 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обители моей.
 Смутился кистеръ изумленный!
 «Что за желанье? что за страсть?
 Итти въ подвалъ уединенный,
 95 Встревожить мертвыхъ сонмъ почтенный
 И одного изъ нихъ украсть!
 И кто же? . . . Онъ, гробовъ хранитель!
 Что скажутъ мертвые потомъ?»
 Но пиво, страха усыпитель
 100 И гнѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нёмъ.
 Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будетъ все готово,
 И другу назначаетъ часъ.
 105 Они разстались.

День угасъ.

- Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоитъ герой нашъ знаменитый
 У галлерей гробовой,
 И съ нимъ преступный кистеръ мой,
 110 Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь —
 И сходятъ витязи теперь
 115 Во мракъ подвала величавый;
 Сіяньемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 120 Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.

Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щиты, гербы, короны;
 Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
 Почіють непробуднымъ сномъ

125 Высокородные бароны . . .

Я бы никакъ не осмѣлился оставить риѣмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ рассказалъ мнѣ его исторію, и, зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ

Принадлежитъ тебѣ поправу.

Обдѣлай ты его, баронъ,

Въ благопристойную оправу.

130 Издѣлье гроба преврати

Въ увеселительную чашу,

Виномъ кипящимъ освяти,

Да запивай уху да кашу.

Пѣвцу Корсара подражай,
135 И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
140 Виномъ ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

XIII.

О. А. КИПРЕНСКОМУ.

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ,
Ты вновь создалъ, (волшебникъ милой),
Меня, питомца (скромныхъ) музъ,
5 И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но это зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
10 Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ,
И онъ гласить, что не увижу
Пристрастья вѣрныхъ Аонидъ...

XIV.

АКАѢИСТЪ ЕКАТЕРИНЪ НИКОЛАЕВНЪ КАРАМЗИНОИ.

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный провиденьемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ:
5 Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Простой, увядшій мой вѣнецъ
Тебѣ, высокое свѣтило
Въ эфирной тишинѣ Небесъ,
Тебѣ сіяющей такъ мило
10 Для нашихъ набожныхъ очесъ.

24 Нояб.

XV.

ПОЭТЬ.

Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погруженъ;
 5 Молчить его святая лира;
 Душа вкушаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
 10 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орель.
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждается молвы;
 15 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонить гордой головы;
 Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
 И звуковъ, и смятенья полнъ,
 На берега пустынныхъ волнъ,
 20 Въ широкошумныя дубравы...

15 авг. 1827.

XVI.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь, и какъ ты миль,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 5 Какое буйство молодое!
 Нѣтъ, не Кастальскою водой
 Ты воспойлъ свою Камену;
 Пегасъ иную Иппокрену
 Копытомъ вышибъ предъ тобой.
 10 Она не хладной льется влагой,
 Но пѣнится хмѣльною брагой,
 Она разымчива, пьяна,
 Какъ сей напитокъ благородной,
 Сліянье рома и вина
 15 Безъ примѣси воды негодной,
 Въ Тригорскомъ жаждою свободной
 Открытый въ наши времена.

28 авг. 1827.

XVII.

*
*
*

(Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье).

Près des bords où Venise est reine de la mer.

A. Chenier.

- Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
 Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
 При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
 Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
- 5 Онъ любить пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
 Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
 Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
 Умѣетъ усладить свой путь надъ бездной волнъ.
 На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
- 10 Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
 Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою,
 И тайные стихи обдумывать люблю.

7 сент. 1827.

XVIII.

19 ОКТЯБРЯ 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

XIX.

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОНСКОМУ.

Въ сяннїи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молить за отца.

XX.

АНГЕЛЬ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный
Главой поникшею сіяль,
А Демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталь.

5 Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взираль,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познаваль.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣль,
10 И ты недаромъ мнѣ сіяль:
Не все я въ небѣ ненавиждѣль,
Не все я въ мірѣ презираль.

XXI.

Храни меня мой талисманъ
 Во дни печали и гоненья
 Во дни раскаянья, волненья
 Ты въ день печали будь мнѣ данъ.

5 Когда (подыметь) океанъ
 Вокругъ меня валы ревучи
 Когда грозою грянуть тучи
 Храни меня мой талисманъ.

Въ уединеннхъ чуждыхъ странъ
 10 На лонѣ тучнаго покоя
 Въ тревогѣ пламеннаго боя
 Храни меня мой талисманъ.

Мечтанья сладостный обманъ
 Души волшебное свѣтило...
 15 Оно сокрылось, измѣнило...
 Храни меня мой талисманъ.

Пускай же въ вѣкъ — сердечныхъ ранъ
 Не разтравить воспоминанье
 Залогъ надежды и желанья
 20 Храни меня мой талисманъ.

XXII.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
 На пустынныйя скалы,
 Гдѣ луна теплѣе блещеть
 Въ сладкій часъ вечерней мглы,
 5 Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
 Дни проводитъ Мусульманъ,
 Тамъ волшебница, ласкаясь,
 Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
 10 Сохрани мой талисманъ —
 Въ немъ таинственная сила!
 Онъ тебѣ любовью данъ.
 Отъ недуга, отъ могилы,
 Въ бурю, въ грозный ураганъ,
 15 Головы твоей, мой милый,
 Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока
 Онъ тебя не одарить,
 И поклонниковъ Пророка
 20 Онъ тебѣ не покорить;
 И тебя на лоно друга,
 Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,

Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчить мой талисманъ...

25 Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
30 Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ!

XXIII.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

(Посвященіе 4-й и 5-й главъ *Евгенія Оныина*).

- Не мысля гордый свѣтъ забавить,
 Вниманье дружбы возлюбя,
 Хотѣлъ бы я тебѣ представить
 Залогъ достойнѣ тебя,
 5   Достойнѣ души прекрасной,
      Святой исполненной мечты,
      Поэзіи живой и ясной,
      Высокихъ думъ и простоты.
      Но такъ и быть — рукою пристрастной
 10   Прими собранье пестрыхъ главъ,
      Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
      Простонародныхъ, идеальныхъ,
      Небрежный плодъ моихъ забавъ,
      Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
 15   Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
      Ума холодныхъ наблюденій
      И сердца горестныхъ замѣтъ.

29 декабря.

XXIV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказала злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказала злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

XXV.

- Не знаю гдѣ, но не у насъ
Достопочтенный лордъ Мидасъ,
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
5 Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
10 Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ.
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Лстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
15 Провозгласить рѣшились тонкимъ, и проч.
-

XXVI.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня —
5 Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
10 На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснить твою всечасно грудь —

XXVII.

Kennst du das Land...

Wilh. Meist.

По клюкву, по клюкву,
По ягоду по клюкву.

- Кто знаетъ край, гдѣ небо блестятъ
 Незъяснимой синевою,
 Гдѣ море теплою волной
 Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
 5 Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
 На волѣ гордо разрослись,
 Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
 Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
 Адриатической волной
 10 Повторены его октавы,
 Гдѣ Рафаэль живописалъ,
 Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
 Послушный мраморъ оживлялъ,
 И Байронъ, мученикъ суровый,
 15 Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
 Страна высокихъ вдохновеній!
 Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
 Твои пророческія сѣни?

- 20 На берегу роскошныхъ водъ,
 Порою карнавальныхъ оргій,
 Кругомъ ее кипитъ народъ,
 Ее прѣтствуютъ восторги.
 (Марія) сѣверной красой,
 25 Все вмѣстѣ томной и живой,
 Сыновъ Авзоніи цѣлнуетъ,
 И по-неводѣ увлекаетъ
 Ихъ пестры волны за собой . . .
 На рай полуденной природы,
 30 На блескъ небесъ, на ясны воды,
 На чудеса нѣмыхъ искусствъ,
 Въ стѣсненнн вдохновенныхъ чувствъ
 Небесный взоръ она возводитъ,
 Дивясь и радуясь душой —
 35 И ничего передъ собой
 Себя прелестнѣй не находитъ.
 Стоитъ ли съ важностью очей
 Предъ Флорентійскою Кипридой —
 Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
 40 Страдаетъ, кажется, обидой.
 Мечты возвышенной полна,
 Въ молчаннн смотритъ ли она
 На образъ нѣжный Форнарины
 Или Мадонн молодой —
 45 Она задумчивой красой
 Очаровательнѣй картины.
 Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
 Горя восторгомъ умиленнымъ,
 Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
 50 Предастъ потомкамъ изумленнымъ,
 Ея небесныя черты?
 Гдѣ ты, ваятель безымянный
 Богини вѣчной красоты?

И ты, Харитою вѣнчанный,
55 Ты вдохновенный Рафаэль?
Забудь Еврейку молодую,
Младенца Бога колыбель —
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость въ небесахъ,
60 Пиши Марію намъ другую
Съ другимъ младенцемъ на рукахъ.

XXVIII.

Толпа холодная поэта окружаетъ
И равнодушныя хвалы ему жужжить,
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внимаеть
И звучной лирою разсѣянно бренчить...

XXIX.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
 На небѣ ни единой тучи;
 Какъ шитый пологъ синій сводъ
 Пестрѣеть частыми звѣздами.
 5 Въ домахъ все темно. У воротъ
 Затворы съ тяжкими замками.
 Вездѣ покоится народъ;
 Утихъ и шумъ и крикъ торговой;
 Лишь только лагетъ стражъ дворовой,
 10 Да цѣпью звонкою гремитъ.
 И вся Москва покойно спитъ,
 Забывъ волненіе боязни.
 А площадь въ сумракѣ ночномъ
 Стоитъ полна вчерашней казни,
 15 Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
 Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
 Гдѣ столпъ, гдѣ вилы; тамъ котлы,
 Остывшей полные смолы;
 Здѣсь опрокинутая плаха;
 20 Торчатъ желѣзные зубцы,
 Съ костями груды пепла тлѣютъ,
 На коляхъ, скорчась, мертвецы
 Оцѣпенѣлые чернѣютъ...
 Недавно кровь со всѣхъ сторонъ
 25 Еще текла и снѣгъ багрила,
 И подымался томный стонъ

Но смерть пришла какъ поздній сонъ
 Свою добычу осѣнила
 И въ содроганьи жизнь почила.
 30 Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
 По грозной площади несется?
 Чей свистъ, чей громкій разговоръ
 Во мракѣ ночи раздается?
 Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
 35 Спѣшить, летить онъ на свиданье:
 Въ его груди кипитъ желанье.
 Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
 Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
 Скорѣй, скорѣй! . . .» Но конь ретивой
 40 Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
 И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
 На перекладинѣ дубовой
 Качался трупъ. Ёздокъ суровой
 Подъ нимъ промчатся былъ готовъ,
 45 Но борзой конь подъ плетью бьется,
 Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
 Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
 Чего боишься? Что съ тобой?
 Не мы ли здѣсь вчера скакали,
 50 Не мы ли яростно топтали,
 Усердной местію горя,
 Лихихъ измѣнниковъ Царя?
 Не ихъ ли кровію омыты
 Твои булатныя копыты?
 55 Теперь ужель ихъ не узналъ?
 Мой борзый конь, мой конь удалый,
 Несись, лети! . . .» И конь усталый
 Подъ трупомъ (вихремъ) проскакалъ . . .

XXX.

Сводня грустно за столомъ
 Карты разлагаетъ;
 Смотрятъ барышни кругомъ —
 Сводня имъ гадаеть:
 5 Три девятки, тузь червей
 И король бубновый —
 Споръ, досада отъ рѣчей
 И притомъ обновы,
 А по картамъ — ждуть гостей
 10 Надобно сегодня.
 Вдругъ стучатся у дверей!
 Барышни и сводня
 Встали, отодвинувъ столъ,
 Всѣ толкнули ц . . . . ,
 15 Шепчуть: Катя, кто пришелъ?
 Посмотри хоть въ щелку!
 — Что? хорошій человекъ —
 Я была знакома:
 Онъ съ б . . . . . цѣлый вѣкъ,
 20 Онъ у нихъ какъ дома!
 Б . . . . — въ кухню, руки мыть
 Всѣ бѣгомъ прыжками,
 Обуваться, пукли взбить,
 Прыскаться духами.

- 25 Гостя сводня между тѣмъ
Ласково встрѣчаетъ,
Просить . . . . его совсѣмъ,
Онъ же вопрошаетъ:
Что, какъ торгъ идетъ у васъ?
30 Выручки довольно?
Сводня за щеку взялась
И вздохнула больно:
Вѣрите ль, съ Христова дня
До самой субботы
35 Всѣ дѣвченки у меня
Были безъ работы!
Хоть и худо было мнѣ,
Но такого горя
Не видала и во снѣ —
40 Хоть бѣжать за море.
Четверыхъ гостей, гляжу,
Богъ мнѣ посылаетъ;
Я б . . . . имъ вывожу,
Всеякій выбираетъ,
45 . . . . .
Кончили — и что же?
Не платя пошли всѣ прочь —
Господи мой Боже!
Гость ей: Право, мнѣ васъ жаль!
50 Здравствуй, другъ Анета!
Ахъ Луиза! что за шаль!
Подойди, Жанета,
А Луиза — поцѣлуй!
Выбрать, такъ обидишь,
55 Такъ на васъ и . . . . . ,
Только васъ увидишь!
Что же, сводня говорить —
. . . . .

Нѣтъ, не безпокойтесь,
Мнѣ охоты что-то нѣтъ,
Дѣвушки, не бойтесь!

60 Онъ ушелъ. Все смолкло вдругъ,
Сводня приуныла,
Дремлютъ дѣвушки вокругъ,
Свѣчка вся оплыла.
Сводня карты вновь беретъ,
65 Молча вновь гадаетъ,
Но никто, никто нейдетъ . . .
Сводня засыпаетъ.

XXXI.

- Чистотой, прислугой и пойломъ
 Всѣмъ довольны добрые кони
 Кормомъ, стойлами и надзоромъ —
 Всѣмъ красны боярскія конюшни,
 5 Сбруя блещетъ на столбахъ дубовыхъ,
 Стойлы полны борзыми конями,
 Кони (сыты, лоснятся ихъ гривы)
 Лишь однимъ конюшни непригожи:
 Домовой повадилса въ конюшни.
 10 По ночамъ онъ ходитъ (по конюшнѣ),
 Чиститъ, холитъ (онъ) коней боярскихъ,
 Заплетаеть гриву имъ въ косички,
 Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
 Какъ не взлюбить онъ (коня) воронаго:
 15 На вечерней зарѣ обойду я конюшню
 И зайду въ стойло къ вороному, —
 Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
 А поутру отопрешъ конюшню —
 Конь не тихъ, весь въ мылѣ, (грудью) пышетъ,
 20 Съ морды каплетъ кровавая пѣна
 Во всю ночь Домовой на немъ ѣздитъ
 По горамъ по рѣкамъ по болотамъ,
 Съ полуночи до бѣлаго свѣта —
 До заката мѣсяца....

- 25 — Ахъ ты, старый конюхъ (неразумный)
Загадать ли (тебѣ), старый, загадку?
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбилъ красну дѣвку молодой конюхъ,
Младой конюхъ, разгульный парень —
- 30 Онъ конюшню ночью отпираетъ,
Потихоньку воронова сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ (красной дѣвкѣ въ гости) скачетъ.
-

XXXII.

МОНОЛОГЪ ИЗАБЕЛЛЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ АЛЬФІЕРИ:
ФИЛИППЪ II.

- Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю! . . .
- 5 Но какъ же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ — съ наружностью прекрасной
Прекрасная душа . . . Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
- 10 Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Изкоренить? о если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! передъ нимъ
Всегда печальна я — но избѣгаю
- 15 Я встрѣчи съ нимъ; (онъ) знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено — кто можетъ
Въ душѣ моей читать — ахъ и самой
Не можно мнѣ; и онъ какъ и другіе,
Обманется, и станетъ какъ другіе,
- 20 Онъ убѣгать меня . . . Увы мнѣ, бѣдной! . . .

Другова нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ, и слезы преступленья.
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ. Уйдемъ. (Мнѣ) измѣнить
25 И рѣчь, и взоръ — все можетъ: ахъ уйдемъ.

XXXIII.

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
 Питъ, внимаемый Царями
 Владѣя смѣхомъ и слезами,
 Приправя съ горькой правдой ложь —
 5 Онъ вкусъ притупленный щекотитъ
 И къ славѣ спесь бояръ охотитъ,
 Онъ украшаетъ ихъ пиры
 И сыплетъ Фебовы дары...
 Межъ тѣмъ . . . . .
 10 Тѣснясь у ступеней крыльца,
 Народъ колеблется волнами,
 Съ почтеньемъ слушаетъ пѣвца...

XXXIV.

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится
пещера.

Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями, и тѣнью
Входъ въ нее заслонёнъ — сквозь вѣтви блестящимъ
въ извилахъ

Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ. Звонкой
дугою

5 Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло,
Рѣзвый ручей...

(Тихо) по рощѣ густой, веселя ее онъ вѣтвя,
Сладкимъ журчаньемъ

ПРИМЪЧАНІЯ.

1825.

I.

СТРЕКОТУНЬЯ БЪЛОВОКА.

(Стр. 3).

Впервые напечатано П. В. Анненковымъ, въ его изданіи Сочиненій Пушкина, томъ I, стр. 344—345 („Матеріалы“, изданіе 2-ое, стр. 336), по автографу, находящемуся нынѣ у профессора И. А. Шляпкина (см. его книгу: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб. 1903, стр. 4). Въ подлинной рукописи вторая строфа вся перечеркнута, такъ что изъ нея уцѣлѣло только пять словъ, и читается слѣдующимъ образомъ:

(Колокольчикъ небывалой)
(У меня звенить въ ушахъ)
(Лучи луны сіяють) алой
(На) На зарѣ (свѣтъ)
(Серебрится) снѣжный прахъ

По указанію проф. Шляпкина, подъ словами: „у меня“ было написано между строками и зачеркнуто „какое-то слово“, — быть можетъ, относящееся къ слѣдующему стиху. Не имѣя возможности свѣрить автографъ съ напечатанной г. Шляпкинымъ транскрипціей, мы предпочли оставить текстъ стихотворенія въ томъ видѣ, какъ онъ былъ напечатанъ первымъ его издателемъ.

По всей вѣроятности, этотъ набросокъ написанъ подъ впечатлѣніемъ приѣзда И. И. Пущина, посѣтившаго Михайловское 11 января 1825 г. Разсказъ Пущина объ этомъ посѣщеніи см. у Л. Н. Майкова, „Пушкинъ“, Спб. 1899, стр. 77 — 83. Самъ Пушкинъ вспоминаетъ о немъ въ своемъ посланіи къ Пущину 1826 года:

И я судьбу благословилъ,
 Когда мой дворъ уединенный,
 Пустыннымъ снѣгомъ занесенный,
 Твой колокольчикъ огласилъ. . .

II.

ВЪ КРОВИ ГОРИТЪ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ.

(Стр. 4).

Черновое находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 53, въ слѣдующемъ видѣ:

Пѣснь Пѣсней Царя Соломона.

Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ своихъ. Перси твои приятнѣе вина. Запахъ мѣра твоего лучше всѣхъ аромать — имя твое сладостно какъ изліянное мѣро, для того юная возлюбилъ я тебя.

Лобзай меня, твои лобзанья
 Мнѣ слаще мѣра и вина
 (Во мнѣ) въ крови горитъ огонь
 (Тобой кипятъ любви) желанья,
 Душа тобой упоена;

Текстъ, приведенный въ видѣ программы стихотворенія, взятъ изъ Пѣсни Пѣсней (глава I, стт. 1 и 2) и въ славянской Библии читается:

„Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ, яко блага сосца твоя паче вина и воня мвра твоего паче всѣхъ аромать. Муро изліяное имя твое: сего ради отроковицы возлюбиша тя“.

Эта первоначальная редакція стихотворенія, относящаяся къ 1821 году, впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 103. Въ окончательно отдѣланномъ видѣ стихотвореніе было напечатано самимъ Пушкинымъ, вмѣстѣ съ другимъ: „Вертоградъ моей сестры“, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829, ч. I, стр. 44, подъ общимъ заглавіемъ: „Подражанія“, и затѣмъ помѣщено въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 56, безъ заглавія, причемъ отнесено къ 1825 году. Въ посмертномъ изданіи, часть III, стр. 217, оно также не имѣетъ заглавія и помѣщено въ отдѣлѣ: „Подражанія восточнымъ стихотворцамъ“. Анненковъ (Сочиненія Пушкина, томъ II, стр. 383) отнесъ его къ 1825 году; среди стихотвореній этого года печатали его и всѣ позднѣйшіе издатели, кромѣ П. О. Морозова (1887 и 1903), П. А. Ефремова (1903) и С. А. Венгерова (1908), перенесшихъ его въ 1821 г. по положенію, занимаемому черновикомъ въ рукописи Румянцовскаго Музея. Но, во-первыхъ, въ музейной рукописи непосредственно за приведеннымъ четверостишіемъ слѣдуетъ написанный тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами списокъ стихотвореній 1821 и 1822 гг., такъ что четверостишіе никакъ не могло быть написано раньше 1822 года; а во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ еще цѣлой половины стихотворенія, появившагося впоследствии въ печати, да и первая его половина въ печатномъ текстѣ имѣетъ иную редакцію. Такимъ образомъ, измѣнять дату, самимъ Пушкинымъ установленную, въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія*).

---

*) Ср. замѣчанія В. Е. Якушкина въ *Русскихъ Видомостяхъ* 1903, № 66.

По поводу этого стихотворенія Бѣлинскій писалъ въ 1839 году Н. В. Станкевичу, что читалъ его вмѣстѣ съ П. Н. Кудрявцевымъ, для котораго оно было предметомъ „безконечно-глубокаго наслажденія, эстетическаго блаженства... Последнїй стихъ — „И двинется ночная тѣнь“ — *по-нашему* даетъ художественный колоритъ всей пьескѣ и принадлежитъ къ небольшому числу такихъ стиховъ, которые, повидимому ничего не заключая въ себѣ, заключаютъ въ себѣ цѣлыя міры“ (А. Н. Пыпинъ, „Бѣлинскій“, Спб. 1876, томъ I, стр. 294). Впослѣдствїи Бѣлинскій причислялъ эту пьесу къ тѣмъ стихотворенїямъ, которыя „свидѣтельствуютъ о разнообразїи поэзіи Пушкина, объ его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сфѣры жизни“ и „принадлежать къ величайшимъ произведенїямъ пушкинскаго генія-протѣя“.

III.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

(Стр. 5).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 85; въ майковскомъ собранїи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 6, № 19); въ рукописи гр. П. И. Капниста (Л. Н. Майковъ, Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина, Спб. 1902, стр. 229) и въ Остафьевскомъ архивѣ гр. С. П. Шереметева — въ письмѣ Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 25 января 1825 г. (Переписка, томъ I, стр. 170). — „Напечатай гдѣ-нибудь“, приписалъ Пушкинъ въ этомъ письмѣ. Исполняя это желаніе, кн. Вяземскій напечаталъ стихотвореніе въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, часть I, № 3, стр. 215, съ подписью: *А. П.* и подъ заглавіемъ: *«Къ журнальнымъ прїателямъ»*. Вслѣдъ за

тѣмъ въ *Съверной Пчелѣ* 1825, № 52, появилось заявленіе: „А. С. Пушкинъ просилъ издателей *Съверной Пчелы* извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 *Московского Телеграфа*, на стр. 215, подъ заглавіемъ: „Къ журнальнымъ пріятелямъ“, должно читать просто: „Къ пріятелямъ“. По поводу этой замѣтки кн. Вяземскій писалъ Пушкину, 7 іюня: „Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфа у подлеца Булгарина! Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Мнѣ казалось осторожнѣе прибавить *Журнальнымъ*, потому что у тебя пріятелей много и могли бы попасть не въ попасть“. Пушкинъ отвѣчалъ, въ началѣ іюля: „Я послалъ въ *Пчелу*, а не въ *Телеграфъ*, мою *опечатку*, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ *журнальнымъ*, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien“ (Переписка, томъ I, стр. 229, 235). Эпиграмма вошла затѣмъ въ изданія 1826 г., стр. 99 и 1829 г. (томъ II, стр. 151).

Автографъ майковскаго собранія представляетъ первоначальную, черновую редакцію эпиграммы, значительно отличающуюся отъ окончательной, и читается такъ:

(Враги мои! довольны ли вы мной)
 (Одинъ изъ васъ убрался на покой)
 (Онъ избѣжалъ пронзительныхъ когтей)
 Враги мои, (довольно) теперъ ужъ я ни слова
 Доволенъ я, мой старый гнѣвъ погасъ —
 Хоть отъ меня ушелъ одинъ изъ Васъ —
 Но не того, такъ выберу другога.
 Что каковы слѣды моихъ когтей
 Смѣшонъ ли вамъ (*нрзб.*) ястребъ жадный
 Немедленный, нежд[аный] безпош[адный]
 И много ль васъ еще моихъ гусей
 Для

Въ музейной рукописи стихъ 1-й сначала читался:

Друзья мои...

но затѣмъ исправленъ.

См. ниже, примѣчаніе къ эпиграммѣ: „*Ex ungue leonem*“.

IV.

[НА *Θ. Н. ГЛИНКУ*].

(Стр. 6).

Сообщено кн. П. А. Вяземскому въ письмѣ отъ 25 января 1825 г., съ припискою: „Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Θита* бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны“ (Переписка, томъ I, стр. 170—171).

Эпиграмма вызвана, конечно, переложеніями псалмовъ, которыя Глинка началъ около этого времени печатать въ журналахъ и потомъ вскорѣ издалъ отдѣльной книгой: „Опыты священной поэзіи“, Спб. 1826. Эти же переложенія подразумѣваются и въ эпиграммѣ, которую, по свидѣтельству барона А. И. Дельвига („Мои воспоминанія“, М. 1912, томъ I, стр. 52), сочинилъ баронъ А. А. Дельвигъ вмѣстѣ съ Воротынскимъ:

Федоръ Глинка — молодецъ,
Псалмы сочиняетъ, и проч.

V.

КЪ ИМЕНИННИЦЪ.

(Стр. 7).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано впервые П. В. Анненковымъ въ VII-мъ (дополнительномъ) томѣ „Сочиненій Пушкина“, Спб. 1857, стр. 89, и, по весьма вѣроят-

ному предположенію, относится къ старшей дочери П. А. Осиповой (отъ перваго брака) Аннѣ Николаевнѣ Вульффъ. По объясненію святцевъ, „Анна“, съ еврейскаго, значитъ „благодать“.

Къ ней же, по свидѣтельству А. П. Кернъ, относятся стихи, напечатанные въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1861, стр. 594, по записи второго мужа Кернъ:

Увы, напрасно дѣвѣ гордой
 Я предлагалъ свою любовь:
 Ни наша жизнь, ни наша кровь
 Ея души не тронуть твердой!
 Однимъ страданьемъ буду сытъ,
 И пусть мнѣ сердце скорбь расколетъ. . . *).
 . . . . .

П. А. Ефремовъ въ Соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, стр. 217, приводитъ еще двѣ заключительныя строчки этого наброска, совершенно невѣроятныя.

По словамъ П. В. Анненкова („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, Спб. 1874, стр. 279 — 280), „двѣ старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульффъ, составляли два противоположныя типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ *Онгина* не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣднія уже не носятъ на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла совсѣмъ

---

*) Варіантъ: *Слезами только буду сытъ,
 Хоть сердце мнѣ печаль расколетъ.*

другой типъ. Она пользовалась жизнію очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы... Вышло то, что обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ: на долю энтузіазма и самоотверженія пришлось суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изрѣдка выкупались счастливыми минутами довѣрія и признательности *), между тѣмъ какъ равнодушію оставалась лучшая доля постояннаго вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и льстиваго ухаживанія“.

VI.

ЖЕНИХЪ.

(Стр. 8 — 14).

Первоначальная черновая редакція этой сказки находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 29 об., 30 и 30 об. Въ пушкинской коллекціи Л. Н. Майкова въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ сохранился листокъ, на которомъ переписаны начисто, но съ позднѣйшими поправками, стихи 117 — 128, съ помѣтою: „30 іюля 1825, Михайловское“ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 7, № 25). Судя по этой помѣтѣ и по положенію черновика въ музейной рукописи — между набросками 4-й главы *Евгенія Онтимна* и части *Цыганъ*, — слѣдуетъ заключить, что сказка была написана въ концѣ 1824 и началѣ 1825 г., а окончательную отдѣлку получила лѣтомъ 1825 г. Напечатана она была

---

*) „Vous déchirez et blessez un coeur dont vous ne connaissez pas le prix“, писала она Пушкину весной 1826 года (*Переписка*, II, 343). „Ti mando un bascio, mio amore, mio delizio“, читаемъ въ другомъ письмѣ (*тамъ же*, 354).

въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, ч. IV, № 13, стр. 3 — 10, съ подзаголовкомъ: „Простонародная сказка“, и потомъ вошла, съ нѣкоторыми поправками, въ изданіе 1829 г., ч. II, стр. 44 — 55.

Въ музейной рукописи первыя строфы сказки читаются такъ:

Три дня купеческая дочь
     Наташа
     (Татьяна) пропадала;
 Она домой *въ четверту* ночь
     Въ безпамятствѣ вбѣжала
     (Пришла и зарыдала)
     кинулась
 И (бросилась) родная мать
     Ее рыдая
 (Въ слезахъ Наташу) обнимать:
     Ты здѣсь, ты наша снова!
     Наташа ей ни слова.
 Стоитъ блѣдна какъ полотно,
     Открывъ недвижно очи,
 И все глядитъ она въ окно,
     Въ печальный сумракъ ночи.
 Съ вопросами отецъ и мать
     (Напрасно хочуть)
     (Умильно)
     Къ Наташѣ стали приступать,
     Наташа ихъ не слышитъ,
     Дрожитъ и еле дышитъ.
     поутру мать,
     Плететь Наташѣ косу,
 Но только станеть приступать
     завѣтному
     Къ (умильному) вопросу —
 Наташа снова задрожитъ
 И взоръ недвижный устремитъ
     То въ окны, то къ порогу,
     Молясь тихонько Богу.

Прочіе варианты черновой рукописи будутъ даны въ дополнительномъ томѣ.

Майковскій автографъ представляетъ слѣдующіе варианты къ стиху 126-му, тутъ же исправленные, какъ въ печатномъ:

Изба освѣщена
(Пустая комната). Гляжу —

Текстъ *Московского Вѣстника*, кромѣ отличій въ постановкѣ знаковъ препинанія и заглавныхъ буквъ въ словахъ: *Судъ* и *Ангель*, заключаетъ варианты:

Стихи 45-й и 46-й:

Пора бѣ невѣсту подѣ вѣнцы,
А на примѣть молодецъ

Стихъ 90-й:

Я жизнь отдать!» — и пиръ горой

Стихи 138-й и 139-й:

Я погасила свѣчку,
Да поскорѣ дверью хлопъ

Стихъ 161-й:

Сидить, молчить, *ни ѣсть, ни пьеть*

Стихъ 168-й:

Ей праву *ручку* рубить.

По сообщенію г. Д. Ульянинскаго (*Пушкинъ и его современники*, вып. XVII — XIII, стр. 267 — 269), „Женихъ“ предназначался первоначально для № XII части III-й „Московского Вѣстника“ и былъ уже набранъ, какъ видно изъ сохранившагося экземпляра сверстанной корректуры этой книжки, но почему-то не попалъ въ нее и былъ затѣмъ напечатанъ въ № XIII, уже другимъ приѣтомъ.

Корректурный оттискъ представляетъ слѣдующіе варианты:

- Стихъ 48-й: Невздорной, *незадорной*,
 „ 51-й: *И* какъ бояринъ между тѣмъ
 „ 93-й: Вотъ гости честные *пошли*,
 „ 99-й: Заздравный ковшъ *идетъ кругомъ*;
 „ 166-й: И вдругъ, *хватаясь* за косу,

Кромѣ того, стихъ 137-й читается (очевидно, съ пропускомъ слова: *слышу*):

Вотъ крикъ и конскій топъ.

„Женихъ“ — первая попытка Пушкина обработать въ литературной формѣ содержаніе одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя онъ слушалъ въ долгіе зимніе вечера въ Михайловскомъ отъ своей старой няни Арины Родіоновны. При этомъ поэтъ еще не заботился о выработкѣ того своеобразнаго стихотворнаго склада, которымъ отличаются его позднѣйшія сказки 30-хъ годовъ; онъ придалъ своему переложенію форму „баллады“ въ восьмистрочныхъ строфахъ съ приемами, усвоенную Жуковскимъ. Изъ подробнаго разсмотрѣнія болѣе 20 вариантовъ того же сюжета „О купеческой дочери и разбойникахъ“ проф. Н. О. Сумцовъ („А. С. Пушкинъ, изслѣдованія“, Харьковъ 1900, стр. 276 — 286) пришелъ къ заключенію, что сказка эта „циркулируетъ по всей восточной, сѣверной и южной Европѣ, отъ Уральскихъ до Пиренейскихъ горъ“, и что Пушкинъ передалъ всѣ главные ея мотивы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ большинствѣ вариантовъ. Быть можетъ, до нѣкоторой степени въ *Женихѣ* отразилась также и старая повѣсть Карамзина: „Наталья боярская дочь“ (1792 г.), въ которой героинею

является „Наташа“, а героемъ — разбойникъ, похищающій дѣвушку (догадка проф. П. В. Владимірова, въ *Пушкинскомъ Сборникѣ* Кіевскаго университета, 1899, стр. 23), — если только не допустить, что и Карамзинъ, въ свою очередь, воспользовался народнымъ сказочнымъ мотивомъ. Какъ бы то ни было, выборъ „литературнаго“ стихотворнаго размѣра не повредилъ народности сказки Пушкина: эта народность проявилась и въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ силѣ и мѣткости языка, изобилующаго чисто-народными выраженіями, въ типичности свахи и въ разговорной формѣ изложенія наиболѣе драматическихъ моментовъ разказа. Въ отношеніи самой фабулы, какъ доказывается изслѣдованіемъ проф. Сумцова, Пушкинъ не внесъ почти никакихъ существенныхъ измѣненій, за исключеніемъ сцены сватовства, введенной имъ самостоятельно, согласно общему духу разказа. „Комбинація народныхъ матеріаловъ“, говоритъ академикъ В. О. Миллеръ („Пушкинъ, какъ этнографъ“, М. 1899, стр. 47) — „здѣсь, какъ и въ другихъ воспроизведеніяхъ поэтомъ народныхъ сюжетовъ, навсегда останется для насъ тайной, какъ работа творческой мысли генія, но самые матеріалы — сюжетъ, языкъ — были почерпнуты художникомъ въ самомъ народѣ, который онъ изучалъ съ любовью и вниманіемъ этнографа“.

По словамъ проф. Сумцова (указ. соч., стр. 286), *Женихъ* представляетъ превосходное практическое доказательство того мнѣнія Пушкина о народности, которое онъ высказалъ въ 1825 году. Въ бесѣдѣ съ Далемъ поэтъ высказался противъ мнѣнія, что „народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи“ или — что она заключается въ „словахъ, оборотахъ и выраженіяхъ“. Не опредѣляя прямо народности, что весьма затруднительно и, повидимому, даже невозможно, Пушкинъ такъ ее описываетъ: „Есть образъ мыслей и чувство-

ваній, есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климать, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особую фizioномію, которая болѣе или менѣе отражается и въ его поэзіи“. Такимъ отраженіемъ и служить „Женихъ“ самого Пушкина, который уловилъ и закрѣпилъ здѣсь нѣсколько характерныхъ чертъ русской народности.

Современная Пушкину критика не останавливалась на *Женихъ*. Только уже послѣ смерти поэта *А. Мартыновъ*, въ большой статьѣ: „Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій его“ (*Маякъ* 1843, т. XI, стр. 91 — 92), мимоходомъ коснулся этой сказки и нашелъ, что въ ней „содержаніе довольно занимательно, но языкъ искусственный, книжный, а не народный, какимъ бы слѣдовало разсказать это домашнее происшествіе русской старины. . . Недостатковъ здѣсь не много: въ 8-мъ стихѣ 16-го куплета слово *свѣтло* имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ; въ 6-мъ стихѣ 17-го неправильно употреблено *камчу* вмѣсто *камку*, а въ 1-мъ стихѣ 18-го *топъ* вмѣсто *топотъ*“.

Съ другой стороны, Бѣлинскій, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ непосредственной народной поэзіи, сказалъ о Пушкинѣ, что „никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ spryskivatъ живую воду своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите *Жениха*, *Утопленника*, *Бьсовъ* и *Зимній Вечеръ*, — и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій. . . И если такихъ пьесъ, какъ *Женихъ*, у Пушкина немного, — въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи“ (*Сочиненія Бѣлинскаго*, томъ VIII, изд. 2-ое,

М. 1865, стр. 408). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ, болѣе подробно разбирая *Жениха*, говоритъ: „Эта баллада, и со стороны формы, и со стороны содержанія, насквозь проникнута русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о *Русланъ и Людмила*, можно сказать: „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“ . . . Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Но не въ такихъ произведеніяхъ должно видѣть образцы проникнутыхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій, — и публика не безъ основанія не обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особености. Сверхъ того, онъ такъ тѣсенъ, мелокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ не долго будетъ воспроизводить его, если не захочетъ, чтобъ его произведенія были односторонни, однообразны, скучны и, наконецъ, пошлы, не смотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человѣкъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной, или много — двухъ попытокъ въ такомъ родѣ; для него это — дѣло между прочимъ, затѣянное больше изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу. . . Чувства и страсти людей этого міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи, общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и несложны, что все это легко исчерпывается до дна однимъ произведеніемъ сильнаго таланта. Разнообразіе страстей, тонкіе до безконечности оттѣнки чувствъ, безчисленно многосложныя отношенія людей, общественныя и частныя, — вотъ гдѣ богатая почва для цвѣтовъ поэзіи, и эту почву можетъ приготовить только сильно развивающаяся или развившаяся цивилизація. . . Наша поэзія должна искать для себя матеріалы

почти исключительно въ томъ классѣ, который по своему образу жизни и обычаямъ представляетъ болѣе развитія и умственного движенія. И если національность составляетъ одно изъ высочайшихъ достоинствъ поэтическихъ произведеній, то, безъ сомнѣнія, истинно-національныхъ произведеній должно искать у насъ только между такими поэтическими созданіями, которыхъ содержаніе взято изъ жизни сословія, создавашагося по реформѣ Петра Великаго и усвоившаго себѣ формы образованнаго быта“, и т. д. (*Тамъ же*, стр. 516 — 518). Позднѣйшая наша критика высказывалась о *Женихѣ* согласно съ Бѣлинскимъ. Такъ, напримѣръ, проф. А. И. Киртичниковъ („Очерки по исторіи новой русской литературы“, изд. 2, М. 1903, томъ II, стр. 34 — 35) считалъ это произведеніе „лучшей балладой, какаѣ только есть на Руси“, — балладой вполне народной и въ то же время художественной. Только проф. А. И. Незеленовъ („А. С. Пушкинъ въ его поэзіи“, Спб. 1892, стр. 191) признавалъ *Жениха* „вещью положительно неудачной“ и находилъ, что „должно быть, Пушкинъ самъ почувствовалъ неудачу и, вѣроятно, потому оставилъ на нѣкоторое время этотъ родъ творчества“. Это мнѣніе проф. Незеленова, высказанное безъ какихъ-либо оправдывающихъ его соображеній, остается, впрочемъ, одинокимъ въ нашей критической литературѣ.

VII.

ТОЛЬКО ЧТО НА ПРОТАЛИНАХЪ ВЕСЕННИХЪ...

(Стр. 15).

Черновой набросокъ — въ пушкинской коллекціи Л. Н. Майкова, въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 7, № 26), на четверткѣ сѣровой бумаги. Напечатано

(неточно) Анненковымъ, въ его изданіи *Сочиненій Пушкина*, томъ I, стр. 345 — 346.

Рукопись представляетъ слѣдующіе *первоначальные* варианты:

- Стихъ 2-й: Показались *первые* цвѣточки
 „ 3-й: *зачеркнуть*.
 „ 7-й: *Вылетаетъ ранняя* пчелка,
           Молодая пчелка золотая
 „ 9-й: *Понавѣдаться о радостной* гостьи
 „ 11-й: Скоро ль долины
           Распустятся кудрявыя березы
           Скоро ли луга *зазеленютъ*
 „ 13-й: *Покажутся* клейкіе листочки
 „ 14-й: *Процвѣтутъ*

Анненковъ видѣлъ въ этомъ наброскѣ одинъ изъ тѣхъ „гіероглифовъ“, которые Пушкинъ „писалъ только для самого себя и одинъ зналъ настоящей смыслъ и форму ихъ“. По замѣчанію Н. Н. Стрхова („Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, Спб. 1888, стр. 45 — 46), „духъ и складъ народной поэзіи уловлены здѣсь такъ, что сомнѣваешься, дѣйствительно ли это сочинено Пушкинымъ, а не подслушано у народа... Это — только проба пера, наброски, сами собой явившіеся въ то время, когда Пушкинъ предавался своимъ „невольнымъ мечтамъ“; между тѣмъ, они несомнѣнно превосходятъ всѣ многочисленныя упорныя попытки приблизиться къ народной поэзіи, которыя мы видѣли до сихъ поръ“.

- приди ко мнѣ на горестную
- 15 Приди (на грудь мою, на пламенную) грудь —
 Близъ сердца моего останься; не забудь
 Слова завѣтныя, слова души прекрасной. . .

Внизу страницы еще написано:

Такъ на п. . . . . страницы
 Пылая, капаетъ сургучъ.

Рукопись графа Капниста содержитъ въ себѣ пьесу въ той окончательной редакціи, въ какой она была напечатана въ 1826 году; но послѣдній (15-й) стихъ этой редакціи приведенъ въ двойкомъ видѣ: такъ, какъ онъ исправленъ въ музейной рукописи, и такъ, какъ еще вновь былъ редактированъ Пушкинымъ. Предпочестъ ту или иную редакцію этого стиха поэтъ предоставилъ на выборъ издателямъ сборника 1826 г.,—П. А. Плетневу и своему брату Льву. Послѣдніе два стиха (16-й и 17-й) первоначальнаго текста уже вовсе не вошли въ тетрадь гр. Капниста (*Л. Н. Майковъ, Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина, Спб. 1902, стр. 231*).

„Мысль Пушкина“, говоритъ по поводу этого стихотворенія П. В. Анненковъ („Пушкинъ въ александровскую эпоху“, Спб. 1874, стр. 282 и 283), „постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы *Онегина* онъ дѣлаетъ приписку: „5-го сентября 1824 года — une lettre de***“. Сестра поэта, О. С. Павлищца, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашеною точно такимиже кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата, — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ

его произведеніяхъ стихотвореніе *Сожженное письмо*. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Анненкова, это стихотвореніе является отзвукомъ сердечныхъ отношеній Пушкина къ графинѣ Елизаветѣ Ксаверіевнѣ Воронцовой, профиль которой такъ часто набрасывался поэтомъ на страницахъ его тетрадей. См. ниже, примѣчанія къ стихотвореніямъ: „Ангель“ и „Талисманъ“.

Объ этомъ стихотвореніи, въ связи съ другими, ему подобными, Вѣлинскій (Сочиненія, томъ VIII, изд. 1865 г., стр. 395 — 396) замѣчаетъ, что „чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубину и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно. И оно всегда проявляется у него въ формѣ столь художнически спокойной, столь граціозной... Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклиняетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, не смотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умѣряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка...“

„Въ пьесѣ Пушкина 15 строкъ“, говоритъ А. Д. Галаховъ (*Отечественныя Записки* 1841, томъ XVII, отд. VI, стр. 15—16, въ статьѣ о французской литературѣ, за подписью: *Сто-первый*),— „но это художественное созданіе: видишь, какъ горитъ бумага, слышишь, какъ бьется сердце любовника. Можно вѣрить, что она зародилась и выросла въ самую минуту дѣйствія. Чтобы прочесть ее, надобно именно столько времени, сколько горѣло письмо. Въ началѣ—порывъ отчаянія, безнадежности; въ концѣ—тихая, успокоительная грусть; все соотвѣтствуетъ идеѣ, все на своемъ мѣстѣ“.

IX.

ДРУЖБА.

(Стр. 17).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 28 об. и 35. Пушкинъ предполагалъ включить это четверостишіе въ сборникъ 1826 г. и въ письмѣ къ брату отъ 27 марта 1825 г. приказывалъ его „тиснуть“ (*Переписка*, томъ I, стр. 200); но потомъ зачеркнулъ это указаніе и въ началѣ декабря того же года послалъ стихотвореніе, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими небольшими пьесками, князю Вяземскому, для помѣщенія въ альманахѣ М. П. Погодина: „Уранія“, на 1826 годъ, гдѣ оно и было напечатано на стр. 268, а оттуда вошло, безъ измѣненій, въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 30.

Музейная рукопись заключаетъ въ себѣ сначала, на л. 28 об., наскоро набросанныя и совершенно необработанныя строчки:

(невѣжества)   судей
(*нрзб.*)

(дружба) (договоръ) что   приговоръ
(глупости) измѣнъ ревнивое (волненье)
(потѣха) (глупца) презрѣнье
иль покровительства (презрѣнье) позоръ

загѣмъ, на л. 35, четверостишіе является уже почти отдѣланнымъ:

Что дружба? *шумный* пылъ похмѣлья
Обиды (*смѣлый*) разговоръ —
Обмѣнъ тщеславія (*нрзб.*) бездѣлья
(Иль) (*Да*) покровительства позоръ.

X.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

(Стр. 18).

Въ рукописи неизвѣстно.—Впервые напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 79, и повторено изданіемъ 1829 г., часть II, стр. 19 — 20.

Бѣлинскій относилъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ, которыя „можно охарактеризовать именемъ переходныхъ. Въ нихъ виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей; поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный и—если можно такъ выразиться—общающій Пушкина, но еще не Пушкинъ. Въ этихъ переходныхъ стихотвореніяхъ видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовающею ему литературою, и они перемѣшаны съ пѣсами, въ которыхъ виденъ уже зрѣлый талантъ и въ которыхъ Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси“ (Сочиненія В. Бѣлинскаго, часть VIII. М. 1865, стр. 331 — 332).

XI.

ВЕРТОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ...

(Стр. 19).

Въ рукописи неизвѣстно.—Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829, часть I, стр. 44, подъ заглавіемъ: „Подражаніе“, и перепечатано затѣмъ въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 57, безъ измѣненій въ текстѣ, но уже безъ заглавія.

Это стихотвореніе, являющееся отголоскомъ чтенія Библии, представляетъ переложеніе слѣдующаго отрывка изъ главы 4-й *Пѣсни Пѣсней*:

„12. Вертоградъ заключенъ, сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ.

„13. Лѣторасли твоя — садъ шипковъ съ плодомъ яблочнымъ, куври съ нардами.

„14. Нардъ и шафранъ, тростъ и киннамонъ со всѣми древами ливанскими, смурна, алой со всѣми первыми мврами.

„15. Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана.

„16. Возстани, сѣвере, и гряди, юже, и повѣй во вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя“.

См. выше, примѣчаніе къ стихотворенію: „Въ крови горитъ огонь желанья“.

ХІІ.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

(Стр. 20).

Впервые напечатано *М. Н. Лонгиновымъ* въ *Современникѣ* 1857, № 7, „Библиографическія записки“, стр. 78, и оттуда перепечатано *Анненковымъ* въ VII (дополнительномъ) томѣ *Сочиненій* Пушкина, стр. 102, съ невѣрнымъ обозначеніемъ: „Изъ письма 1824 г.“.

Въ письмѣ къ брату отъ 14 марта 1825 г. Пушкинъ, между прочимъ, по поводу начавшейся тогда полемики между *Вѣстникомъ Европы* и *Дамскимъ Журналомъ*, вызванной *Разговоромъ* князя Вяземскаго о *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*, писалъ: „Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ-ли тонъ его критикъ; если нѣтъ, — приплю эпиграмму“ (*Переписка*, I, 191). Отвѣтъ Льва Сергѣевича

на этотъ вопросъ намъ неизвѣстенъ, но эпитаграмма, очевидно, признавалась желательной. Ее Пушкинъ и сообщилъ въ письмѣ изъ Михайловскаго, въ началѣ апрѣля, съ припиской: „Вотъ тебѣ требуемая эпитаграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ *Бахчисарайскому Фонтану*. Не худо бы мнѣ переслать и весь процесъ (и Вѣстникъ и Дамскій Журналъ)“. Вяземскій 7 іюня сообщилъ Пушкину, что отдаетъ *Курилку* Полевому, только боится, чтобы цензура не уморила его. (*Тамъ же*, 201, 229). Это опасеніе оправдалось, такъ какъ эпитаграмма явилась въ печати только 32 года спустя.

XIII.

СЕМЕЙСТВЕННОЙ ЛЮБВИ...

(Стр. 21.)

Въ письмѣ къ брату отъ 7 апрѣля 1825 г. (*Переписка*, томъ I, стр. 203 — 204) Пушкинъ сообщаетъ, что Левъ можетъ писать къ нему, но адресуя письма на имя сестры. „Цалуй Ольгу“, прибавляетъ онъ. „Вотъ тебѣ мой вчерашній *im-promptu* (выписано *двустипіе*). Сожги это, показавъ ей“. Далѣе поэтъ приводитъ „*Variantes en l'honneur de m-lle NN*“:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади.

„M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ.
Honny soit etc“.

XIV.

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

(Стр. 22).

„Улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ Элегія на смерть Анны Львовны“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ концѣ апрѣля 1825 г. изъ Михайловскаго, сообщая это стихотвореніе, подъ которымъ подписалъ: („Я да Дельвигъ“). Вяземскій отвѣчалъ 7 іюня: „Если *Ахъ тетюшка!* *ахъ Анна Львовна!* попадется на глаза Василию Львовичу, то заготовь другую пѣсню, потому что онъ вѣрно не перенесетъ удара“ (*Переписка*, томъ I, стр. 209, 229).

Анна Львовна Пушкина умерла 14-го октября 1824 г. и оставила поэту и его сестрѣ, по завѣщанію, нѣкоторую сумму денегъ. „Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est vrai, c'est très joli de sa part“, писалъ Пушкинъ сестрѣ 4 декабря 1824 г. „Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof aie pissé sur son tombeau“ (*Тамъ же*, стр. 156).

Пушкинъ говоритъ здѣсь о стихотвореніи, напечатанномъ въ *Дамскомъ Журналѣ* 1824, № 22, ноябрь, стр. 128—130, подъ заглавіемъ: „Къ Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной“:

Братъ лучшій, лучшую утратившій сестру!

Я знаю: слезъ, тобой струимыхъ, не отру! и т. д.

Стихотвореніе это не подписано, но авторомъ его могъ быть кн. Шаликовъ — и ужь, конечно, не самъ Василій Львовичъ, которому Пушкинъ приписалъ стихи въ своей „элегіи“.

Въ „элегіи“ упоминаются: другая тетка поэта, Елизавета Львовна, и ея мужъ, камергеръ Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ, а также знаменитый въ тѣ времена цензоръ А. И. Красовскій.

Въ первой половинѣ сентября Пушкинъ писалъ Вяземскому: „Ради Бога докажи Василию Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого-нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ „а она его сестрѣ 15.000 оставила!...“ Это напоминаетъ чай которымъ онъ поилъ Милонова — Дѣло въ томъ что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ нежели я. Похлопочи обо мнѣ душа моя, какъ о братѣ...“ (*Переписка*, томъ I, стр. 285).

Воспоминаніе о Милоновѣ вызвано разсказомъ о томъ, какъ Василій Львовичъ, узнавъ, что Милоновъ написалъ на него эпиграмму, съ огорченіемъ восклицалъ: „А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!“

 XV.

ОДА ГРАФУ ХВОСТОВУ.

(Стр. 23).

Печатается по копіи, снятой *Б. Л. Модзалевскимъ* съ подлинника, находящагося въ Остафьевскомъ архивѣ.

Впервые была напечатана *Анненковымъ* въ VII томѣ его изданія Сочиненій Пушкина, стр. 103—106, причемъ была отнесена къ 1824 году, но написана несомнѣнно въ 1825 г., такъ какъ въ ней приведено и оговорено въ примѣчаніи выраженіе *В. К. Кюхельбекера* въ посланіи къ Грибоѣдову, помѣщенномъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, № 2:

Пѣвецъ! Тебѣ даны рукой судьбы
 Душа живая, пламень чувства,
 Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
 Высокаго искусства
 И рывоскачущая кровь!

Въ началѣ апрѣля того же года Пушкинъ писалъ брату изъ Михайловскаго: „Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарвиса Клоца (такъ поэтъ въ шутку называлъ Кюхельбекера) который вѣрно сердится на меня, за то что мнѣ не по нутру *Ръзвоскачущая кровь* Грибоѣдова“ (*Переписка*, томъ I, стр. 202). А въ октябрѣ кн. Вяземскій писалъ Пушкину, очевидно, намекая на эту оду:

Ты самъ Хвостова подражатель,
Красотъ его любостяжатель . . .

(*Тамъ же*, 304).

Ода, вѣроятно, написана въ концѣ апрѣля, такъ какъ уже 4 мая А. И. Тургеневъ обѣщалъ Вяземскому прислать пушкинское „сравненіе въ стихахъ Байрона съ графомъ Хвостовымъ: прелестъ!“ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ III, стр. 121).

Стихотворенія графа Д. И. Хвостова служили постояннымъ предметомъ потѣхи для „арзамасцевъ“ и вообще писателей младшаго поколѣнія. Особенной популярностью въ этомъ отношеніи пользовались его нелѣпыя басни, на которыя въ „Арзамасѣ“ сообща сочинялись забавныя пародіи; его разсказъ въ баснѣ „Два голубя“ о томъ, какъ голубь, попавшійся въ силокъ, *зубами* перегрызъ петли, сдѣлался своего рода „крылатымъ словомъ“. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи пародируетъ манеру Хвостова и другихъ старинныхъ нашихъ одописцевъ, съ произведеніями которыхъ онъ былъ основательно знакомъ еще въ Лицеѣ. Поэтъ высмѣиваетъ грубые приемы такъ называемаго „паренія“ и „стремительнаго приступа“, — темноту выраженій, вызванныхъ потребностью рѣмы, которыя поэтому требуютъ примѣчаній, нерѣдко еще менѣе вразумительныхъ, нежели тѣ стихи, къ которымъ они относятся, — грубое неблагозвучіе стиха, неудачныя

сочетанія словъ, усѣченныя окончанія и другіе тому подобныя недостатки большинства произведеній этого рода. Въ самыхъ формахъ именъ собственныхъ здѣсь пародируются „питы“ XVIII столѣтія, такъ какъ Пушкинъ пишетъ, на примѣръ, „Гебея“, „Псиша“ и т. п. Но высшей степени комизма эта пародія достигаетъ въ самомъ ея содержаніи. Уже одна мысль — призвать гр. Хвостова занять мѣсто похищеннаго „быстропарнымъ недугомъ“ Байрона, какъ защитника угнетенныхъ грековъ противъ ихъ притѣснителей турокъ, должна была вызывать неудержимый смѣхъ у читателей того времени. Комическое впечатлѣніе еще болѣе усиливается увѣреніемъ, что Хвостовъ и въ Греціи будетъ „сенаторомъ“ и „почтеннымъ литераторомъ“. Далѣе развивается сравненіе Хвостова съ Байрономъ, особенно забавное по упоминанію объ ихъ семейныхъ отношеніяхъ. Последняя строфа завершаетъ пародію уже совершенной безсмыслицей, теряющейся въ неудобочитаемомъ нагроможденіи миеологическихъ именъ, которое влечетъ за собою обширный комментарий, въ свою очередь являющійся пародіей на примѣчанія къ стариннымъ одамъ.

XVI.

ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЪ...

(Стр. 26).

Подлинная рукопись неизвѣстна, но сохранилась копія, сдѣланная рукою П. А. Осиповой, въ ея альбомѣ, нынѣ принадлежащемъ княгинѣ А. А. Хованской, подъ заглавіемъ: „Стихи въ альбаумъ Ев..... и Н.... В..... 1825 году“. — Напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, ч. V, № 17, сентябрь, стр. 37, подъ заглавіемъ: „Стихи въ альбомъ“ и съ полною подписью. Повторено

въ изданіи 1826 г., стр. 80, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ“, и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 21, безъ всякаго заглавія.

Написано въ альбомъ Евпраксіи Николаевны *Вумфъ*, дочери П. А. Осиповой отъ перваго брака (род. 12 октября 1810, въ 1831 г. вышла замужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго, скончалась 22 марта 1883). Въ семействѣ ее обыкновенно называли „Зина“ (сокращенное *Euphrosine*) или „Зизи“; она была въ Тригорскомъ душою веселаго общества, играла на фортельяно аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первою во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій. Отношенія къ ней Пушкина имѣли дружески-шутливый характеръ (*Анненковъ*, Пушкинъ въ александровскую эпоху, стр. 280; ср. выше стр. 9—10). „Евпраксея уморительно смѣшна“, писалъ поэтъ брату вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское: „я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуешь сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. . .“ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „На дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіей, и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талію 15-лѣтней дѣвушки, или она — талію 25-лѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила. . .“ (*Переписка*, томъ I, стр. 139, 149).

Въ альбомномъ стихотвореніи Пушкина, въ которомъ такъ ярко выразилось бодрое чувство, побуждающее смотрѣть впередъ съ надеждой и не смущаться въ минуты печали, Н. Н. Страховъ („Замѣтки о Пушкинѣ“, стр. 42) видитъ одинъ изъ примѣровъ „переимчивости“ нашего поэта. „Цѣня чужія произведенія, Пушкинъ иногда совершенно входилъ въ ихъ тонъ. Это стихотвореніе какъ будто написано самимъ Жуковскимъ. . .“ Дѣйстви-тельно, по своему складу стихотвореніе близко подходитъ къ однороднымъ произведеніямъ Жуковскаго; но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, въ немъ нельзя не видѣть также и отраженія душевнаго состоянія самого Пушкина въ ту пору „унынія“, когда его сердце жило только будущимъ.

XVII.

САФО.

(Стр. 27).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 126, подъ заглавіемъ: „Юноша“ и съ прибавкою въ оглавленіи: „Сафо“ и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 22, подъ заглавіемъ: „Сафо“.

Одно изъ небольшихъ антологическихъ стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ А. Шенье, которыя Бѣлинскій называлъ „чудными изваяніями, видимыми слухомъ“.

XVIII.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

(Стр. 28).

Напечатано въ альманахѣ *Подснежникъ* 1829 г., стр. 188, и затѣмъ вошло въ изданія 1832 г. и Посмертное. Издатель *Подснежника* прибавилъ къ эпиграммѣ примѣчаніе: „Чувствительно благодаримъ почтеннаго Александра Сергѣевича за сіе извѣстіе и нетерпѣливо ждемъ первой книжки элизейскаго журнала“.

Въ послѣднемъ стихѣ, вмѣсто звѣздочекъ, конечно, слѣдуетъ читать: „Михайло Каченовскій“.

До сихъ поръ всѣми издателями эта эпиграмма относилась къ 1829 г., когда въ *Вѣстникѣ Европы* появились статьи Надеждина: „Сонмище нигилистовъ“ №№ 1 и 2 и „Полтава“ №№ 8 и 9 съ рѣзкими нападками на Пушкина. Но изъ письма И. И. Козлова къ Пушкину отъ 31 мая

1825 г. видно, что эта самая эпиграмма была въ то время уже извѣстна Козлову. Онъ пишетъ: „Наши журналисты съ каждымъ днемъ все больше и больше пошлѣютъ. Ваши двѣ эпиграммы на московскаго журналиста уморительны, въ особенности *Василій* и *Михайло*“ (*Переписка*, томъ I, стр. 221). Такимъ образомъ, *Литературное Извѣстіе* несомнѣнно написано не въ 1829, а въ 1825 году, но Пушкинъ не торопился оглашать его въ печати и воспользовался своимъ сатирическимъ запасомъ только четыре года спустя, когда нападки *Вѣстника Европы* вызвали съ его стороны цѣлый рядъ эпиграммъ: „Обиженный журналистами жестоко“, „Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій“, „Какъ сатирой безымянной“ и др.

XIX.

КОЗЛОВУ.

(Стр. 29).

Подлинникъ стихотворенія принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. — Напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 156, и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 23.

Рукопись представляетъ одинъ вариантъ — въ стихѣ 14-мъ:

Цѣтущей юности кумирь.

Этотъ же вариантъ находится и въ копіи, списанной А. И. Тургеневымъ съ неизвѣстнаго намъ оригинала, гдѣ, кромѣ того, стихъ 9-й читается: „*Небеснымъ пѣніемъ твоимъ*“.

Иванъ Ивановичъ *Козловъ* (род. 11 апрѣля 1779, ум. 30 января 1840) въ 1821 году ослѣпъ и около того

же времени получилъ извѣстность своими переводами изъ Байрона и оригинальными стихотвореніями и поэмами. Важнѣйшая изъ послѣднихъ — „Чернецъ, кievская повѣсть“ — издана въ Спб. 1825 г. „Появленіе сей небольшой, но красотами богатой поэмы“, писалъ кн. *Вяземскій* въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, ч. II, стр. 312, — „есть пріятное событіе въ спокойной литературѣ нашей, а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругу первостатейныхъ поэтовъ нашихъ было, за нѣсколько лѣтъ тому, неожиданнымъ и отраднымъ феноменомъ въ мірѣ нравственномъ и поэтическомъ... Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него геніемъ животворящимъ. Недуги жестокіе, страдальчество физическое, развернули духовныя способности... По мѣрѣ, какъ терялъ онъ зрѣніе и ноги, прозрѣвалъ онъ и окрылялся духомъ... Сей утѣшительный примѣръ можетъ прибавить прекрасную главу къ психологической исторіи человѣка...“

„Читалъ твое о *Чернецѣ*“, писалъ Пушкинъ *Вяземскому* 25 мая. „Ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе *Войнаровскаго*, но въ *Рылѣевѣ* есть больше замашки или размашки въ слогѣ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 218). Получивъ отъ Козлова экземпляръ поэмы съ собственноручною подписью, Пушкинъ писалъ, въ апрѣлѣ, брату: „Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть; сердись онъ, не сердись, — а „Хотѣлъ простить — простить не могъ“ достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы — по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами; есть-ли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ“ (*Тамъ же*, стр. 201).

Упоминаемое Пушкинымъ „Посланіе“ Козлова къ Жуковскому напечатано впереди поэмы, рядомъ съ по-

священіемъ ея женѣ поэта. Здѣсь, между прочимъ, находятся стихи:

Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
 Въ груди моей давно я схоронилъ,
 И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
 Небесною надеждой замѣнилъ.
 Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
 Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ,
 И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми —
 Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ. . .

Пушкинъ зналъ, что Козловъ высоко его цѣнитъ. „Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами“, писалъ ему Плетневъ 22 января 1825 г. Получивъ стихотвореніе Пушкина, слѣпой поэтъ отвѣчалъ на него 31 мая: „Невозможно выразить то величайшее удовольствіе, какое доставили мнѣ ваши очаровательные стихи: это было поистинѣ прекрасное мгновеніе въ моей жизни, и я васъ за него горячо благодарю. Первая половина 7-го стиха оправдывается не тѣмъ маленькимъ дарованіемъ, какое, можетъ быть, у меня есть, но моимъ преклоненіемъ передъ вашимъ талантомъ и тою искреннею привязанностью, какую я къ вамъ питаю. Еще разъ—спасибо, большое спасибо: стихи ваши дошли прямо до моего сердца!“ Письмо это написано подъ диктовку Козлова, чужою рукою, по-французски; но въ концѣ его Козловъ приписалъ собственноручно: „Je vous embrasse de tout mon coeur et suis à jamais tout à vous Jean de Kasloff“ (*Тамъ же*, стр. 221).

XX.

П. А. ОСИПОВОЙ.

(Стр. 30).

Перебѣленный автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ П. А. Осиповой, нынѣ принадлежащемъ ея правнучкѣ, княгинѣ А. А. Хованской. Здѣсь стихотвореніе не имѣетъ заглавія, подписано буквами: „А. П.“ и помѣчено: „С. Михайловское 25 іюня 1825“. — Напечатано въ *Сверныхъ Цвѣтахъ* на 1829 годъ, стр. 193, подъ заглавіемъ: „П. А. О****“, и повторено затѣмъ въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 58.

Въ печати текстъ вездѣ одинаковъ, но въ автографѣ 5-ый стихъ читается:

Душой безпечно предаваться.

Въ стихотвореніи отразились чувства, навѣянные планами Пушкина о побѣгѣ за границу, о которомъ онъ въ ту пору переписывался съ своимъ братомъ и А. Н. Вульфомъ.

XXI.

EX UNGUE LE ONEM.

(Стр. 31).

Сообщено въ письмѣ кн. Вяземскому, въ началѣ іюля 1825 г., съ припиской: „Вотъ еще Эпиграмма на *Благон.*, который говорятъ критиковалъ моихъ *приятелей*“ (*Переписка*, томъ I, стр. 235) и добавленіемъ: „Отослано къ Пол(евому)“. — Напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, ч. IV, № 13, іюль, стр. 43, съ подписью: „А. П.“,

и повторено въ изданіяхъ 1826 г., стр. 103, и 1829 г., ч. II, стр. 161.

Какъ въ рукописи, такъ и въ изданіи 1826 г. 4-й стихъ читается:

И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жъ, злодѣй.

Эпиграмма вызвана отзывомъ *А. Е. Измайлова* объ эпиграммѣ „Пріятелямъ“ — въ *Благонамѣренномъ* 1825, ч. 30, стр. 173:

„Изъ самаго начала сего ужаснаго осьмистишія открывается, что для сочинителя *пріятели* и *враги* — синонимы“ . . . Приведа, затѣмъ, первые 4 стиха эпиграммы, авторъ замѣтки продолжаетъ: „Страшно, очень страшно! Болѣе же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти!*“ Слѣдуетъ заключеніе эпиграммы, съ замѣчаніемъ: „Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до исторіи?“

Въ подчеркнутомъ словѣ *когти*, можетъ быть, скрывается намекъ на длинные ногти, которые, какъ извѣстно, носилъ Пушкинъ.

XXII.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

(Стр. 32).

Черновое стихотвореніе, съ многочисленными вариантами, повтореніями и поправками, находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 59 — 64. Полная транскрипція этой черновой будетъ дана въ дополнителномъ томѣ, здѣсь же помѣщается лишь общее описаніе рукописи, съ указаніемъ наиболѣе существенныхъ отличій первоначальнаго текста отъ печатнаго.

На шумныхъ вечерахъ (мой взоръ) мой звонкій [смѣхъ]
 (Вездѣ друзей любимый другъ) (На вольныхъ вечерахъ)
 Далеко возвѣщаль часъ угѣхъ —
тревогой

Когда жъ утомлены (тревогою) Вакхальной (тревогой)
 (прзб.) тревогой
 надъ чашею (тревогой)

Тутъ же, слѣва, нарисована эта „тревожная чаша“ и
 внизу написано:

К х л б к р

да сохранить тебя твой добрый Геній
 (да) (пр) (въ)
 (Въ не) (тишинѣ)
 (И въ буряхъ)
 (И подъ) (Подъ бурю) ты

На оборотѣ листа 62 находятся стихи 128 — 144, а
 на листѣ 63 стихи 145 — 154 и 160 — 165. Стиховъ
 155 — 159 въ этой черновой нѣтъ: очевидно, они при-
 бавлены послѣ. Тутъ же, въ правомъ нижнемъ углу
 листа 63, находится исчерканная и крайне неразборчивая
 эпиграмма: „Заступники кнута и плети“, не имѣющая
 отношенія къ предмету настоящаго стихотворенія. На
 оборотѣ листа 63 помѣщены стихи 166 — 179, а на листѣ
 64 стихи 178 — 185 и вслѣдъ за ними первые 8 стиховъ
 вступленія, въ такомъ видѣ:

Межъ тѣмъ какъ Байроновой тѣни
 (Гремятъ) Звучатъ)
 Гремить (Европы) (поэта) (пѣвца)
надгробной лиры гласъ
надгробныхъ лиръ
 (Сыны)
 Мольбы и вдохновеній
 (Несутъ) (пѣснопѣній)

И полонъ сѣтующій }
                                   пустѣлый } міръ
 Его слѣдами полный }

.....
 Другая тѣнь меня зоветъ
 Давно безъ пѣсенъ, безъ могилы
 Давно кровавой дани ждетъ

Наконецъ, на листѣ 65 набросана замѣтка, вся исчерканная, которую Пушкинъ, по всей вѣроятности, предназначалъ для объяснительнаго примѣчанія къ своему стихотворенію:

„А. Сн. погибъ (одной изъ благороднѣйшихъ) жертв^{ою}(ъ) Фр. револ. на 31 году отъ рожденія — (долго онъ былъ извѣстенъ 2 или тремя отрывками въ др. элегическомъ родѣ, Одою Младой Узницы и словами Шатобриана).

^у
 Долго слав(а) его составляло два или три стихотворенія нѣсколько словъ (воспоминанья) сказан. о немъ Ш. и общее сожалѣніе объ утратѣ (прочихъ его стиховъ) всего прочаго. — Наконецъ творенія его были отысканы (были) и (выданы) вышли въ свѣтъ 1819 года... (Читая стихи давно умершаго и вмѣстѣ) Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства“

Черновые варианты, въ особенности — подборъ эпитетовъ, свидѣтельствуютъ о тщательной и вдумчивой обработкѣ Пушкинымъ всѣхъ подробностей стихотворенія. Такъ, стихи 22 — 28 въ первоначальной редакціи читались:

Я славилъ твой *священный* ликъ,
 Когда онъ искрою возникъ,
 Я зрѣлъ, когда ты *разгорѣлось*,

*Когда раздался твой незаный громъ
И древняя твердыня разлетѣлась
Далече пепломъ и стыдомъ.*

Затѣмъ поэтъ тутъ же измѣнилъ стихи 25 — 28 слѣдующимъ образомъ:

Я славилъ твой священный громъ,
онъ разметалъ ую ю
Когда (разсѣялась) позорн(ая) твердын(я)
власти падшую
И (самовластія) гордыню
въ пеплѣ роковомъ
Развѣялъ (съ пепломъ и стыдомъ).

Стихъ 29-й первоначально читался:

Я зрѣлъ твоихъ жрецовъ веселье и отвагу

а стихъ 32-й —

Свободѣ, Разуму торжественный привѣтъ.

Далѣе, стихъ 40-й сперва читался:

И каждому свой избирался (обрекался) тронъ

потомъ былъ замѣненъ другимъ:

Отъ (ветхой) старой тьмы предразсужденій

Стихъ 43-й имѣлъ послѣдовательно нѣсколько редакцій:

(Возсталъ) (Возвысился) (Надѣлъ вѣнецъ)
(Подъялъ чело) (Подъялъ главу)
Недвижимъ сталъ — и возманилъ равенство

Стихи 59 — 61 первоначально читались:

(Томится жаждою святой)
 Все жаждетъ вновь упиться имъ,
 Онъ бродить за тобой неистовый, смятенный,
 Онъ вѣчно жаждою томимъ.

Кромѣ того, стихи 60-й и 61-й имѣли еще двѣ редакціи:

Наперсникъ (любовникъ) *Вакха вдохновенный,*
Какъ отрокъ дерзкой и смятенный,
(Какъ пылкій юноша любовію томимъ)
 Онъ бродить за тобой любовію томимъ

а между стихами 63-мъ и 64-мъ находился еще стихъ:

(Настанетъ свѣтлый день жажданнаго блаженства).

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить варианты:

Ст. 69-й: Надъ обезумленной толпою
 „ 70-й: . . . . . Мой беззримый прахъ
 „ 72-й: . . . . . въ безумствѣ и въ пирахъ.

Послѣ стиха 80-го зачеркнуто:

Тиранъ (палачъ) *и въ чувствахъ читаетъ заговоры*

Стт. 94-й и 95-й:

Когда гроза пройдетъ и дни настанутъ мирны,
 Сбритесь иногда внимать напѣвы мирны

Ст. 101-й: *Быть можетъ,* (юная любовница) *милая*
красавица моя

„ 103-й: Но пѣсни томныя незанно прерывая
 „ 106-й: *Воскресла* передъ имъ—*любовникъ* *нѣжны* *очи*
 „ 125-й: *Кляла она мой пылъ,* утраченный въ пирахъ
 „ 135-й: Мнѣ ль было управлять *мятежными* *конями*

Стт. 147-й и 148-й: *Ужаснымъ блескомъ озарилъ*
Безчестный и позорный сонмъ судей

мысли

И (челы) черныя державныхъ палачей

Стихотвореніе напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 29—35, и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 7—15, съ пропускомъ стиховъ 21—64 и 150, отчасти возстановленныхъ только въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1858 г., а вполнѣ — П. А. Ефремовымъ, въ изданіи 1880 г., по списку П. В. Анненкова. Извѣстенъ еще другой списокъ этихъ пропущенныхъ стиховъ, сохранившійся въ судебномъ дѣлѣ и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ Пушкинъ собственноручно исправилъ стихъ 61-й, въ которомъ вмѣсто „бродить“ было написано: „бредить“. Другая поправка, относящаяся къ стиху 10-му, была сообщена Пушкинымъ Плетневу въ началѣ августа 1825 г., для внесенія въ изданіе 1826 г., куда она, однако, не попала:

„Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Р. послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.

Несу надгробные цветы etc.»

(*Переписка*, 1, 251).

Какъ видно изъ черновой рукописи, стихотвореніе первоначально называлось: „Андрей Шенье *въ темницѣ*“; такъ же называетъ его Пушкинъ и въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 г.: „Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди объ немъ какъ Езуитъ — по намѣренію“. — „Твоего Шенье въ темницѣ не знаю“, отвѣчалъ Вяземскій 4 августа, — „но благодарю уже за одно заглавіе. Предмѣтъ прекрасный! Шенье въ своей школѣ единственный поэтъ французскій: онъ показалъ, что есть музыка, т. е. разнообразіе тоновъ въ языкѣ

Французскомъ“. Повидимому, Дельвигъ просилъ отдать ему стихотвореніе для *Съверныхъ Цвѣтовъ*, на что Пушкинъ и соглашался, но не особенно охотно: „Писалъ я брату объ Андрѣе Шенъе“ (письмо это до насъ не дошло). „Впрочемъ твоя Святая воля. Я боюсь чтобъ томъ *Разн. Ст.* не былъ слишкомъ тонокъ“, писалъ поэтъ Дельвигу въ концѣ сентября, предлагая ему взять лучше отрывки изъ *Опыта* (*Переписка*, томъ I, стр. 237, 253, 300). Между тѣмъ, книжка стихотвореній была уже представлена въ цензуру, откуда вышла 25 октября. По словамъ Дельвига въ письмѣ къ Боратынскому, весной 1826 г., „Смерть Андрея Шенъе перебѣсила цензуру“, которая выкинула изъ стихотворенія лучшіе стихи (Сочиненія барона А. А. Дельвига, изд. Е. Евдокимова, Спб. 1893, стр. 158), и Плетневъ сообщалъ Пушкину, что нѣкоторыхъ пьесъ цензоръ уже не пропуститъ, — вѣроятно, имѣя въ виду именно Шенъе (*Переписка*, томъ I, стр. 330, 334). По всей вѣроятности, цензурою же были устранены изъ заглавія и слова „въ темницѣ“.

Произведенія знаменитаго французскаго поэта Андре-Мари Шенъе (1762 — 1794), котораго позднѣйшая критика считала однимъ изъ предшественниковъ романтизма, впервые были изданы только 25 лѣтъ спустя послѣ его трагической смерти, въ 1819 г., Латушемъ, и тогда же остановили на себѣ вниманіе Пушкина. Первое упоминаніе о „возвышенномъ галлѣ, которому свобода внушала смѣлые гимны“, находимъ еще въ одѣ „Вольность“, написанной, по всей видимости, въ 1819 г.; затѣмъ, въ 1820 г. въ стихотвореніи „Доридѣ“ (см. настоящаго изданія томъ II, примѣчанія, стр. 301) Пушкинъ цѣликомъ заимствовалъ одинъ стихъ изъ элегіи Шенъе. Среди стихотвореній 1821 г. „Муза“, „Діонея“ и „Кинжалъ“ носятъ на себѣ слѣды близкаго знакомства нашего поэта съ стихотвореніями Шенъе. Въ 1823 г. Пушкинъ началъ

переводить его идиллію „Слѣпецъ“, въ которой изображается посѣщеніе Гомеромъ пастуховъ, но остановился на начальныхъ стихахъ. Наконецъ, въ 1824 г. изъ Шенье заимствовано имъ стихотвореніе: „Ты вянешь и молчишь...“ (См. настоящаго изданія томъ III, примѣчанія, стр. 23, 70, 115, 360—362, 458—460). Такимъ образомъ, Пушкинъ является однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ и критиковъ, оцѣнившихъ Шенье, въ которомъ, однако, вопреки мнѣнію кн. Вяземскаго, онъ не признавалъ ничего общаго съ романтиками. „Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этаго поэта“, писалъ онъ, — „но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un ... Отъ него такъ и пышетъ Теоокритомъ и Анеологіей. Онъ освобожденъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ Anti thèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли“ (*Переписка*, томъ I, стр. 83). Кромѣ своего эллинизма и выраженія симпатичныхъ Пушкину политическихъ идей, Шенье привлекалъ нашего поэта также и соотвѣтствіемъ его настроенію и эстетическимъ вкусамъ, какъ пѣвецъ любви, природы и грусти во духѣ того перелома, какой произошла во французской и вообще европейской поэзіи въ концѣ XVIII вѣка. Уже въ своихъ произведеніяхъ съ античнымъ колоритомъ Шенье нерѣдко выражалъ такія чувства, которыя были близки и новымъ людямъ, какъ, напримѣръ, томленіе молодой души, охваченной любовью, и т. п. Далѣе, Шенье оказался послѣдователемъ Руссо, у котораго онъ перенялъ культъ чувствительности и сладостной горести, наполняющей сердце при мысли о друзьяхъ, возлюбленныхъ, природѣ и смерти. „Меланхолія“, — страданіе души, обусловленное созерцаніемъ величія природы и нашей незначительности и неосуществимости нашихъ мечтаній и достигшее наиболѣе совершеннаго выраженія въ новой поэзіи, проявляется съ

большою искренностью также и у Шенье и могло особенно понравиться Пушкину, также подпадавшему этой мечтательности („Задумчивый, забавь чуждаюсь я...“). Юность нашего поэта была до нѣкоторой степени похожа на „печальную“ и „задумчивую“ молодость Шенье; могли находить откликъ въ его сердцѣ также и сѣтованія Шенье на быстро умчавшуюся молодость, на исчезнувшія прекрасныя мечты, на любовь, поблекшую отъ забвенія, и скорбныя предчувствія близкаго конца. Всѣ эти мотивы мы встрѣчаемъ и въ стихотвореніяхъ Пушкина, особенно— 1823 и 1824 гг. Слѣдуетъ также замѣтить, что Шенье былъ, между прочимъ, авторомъ элегій, т. е. представителемъ того вида лирики, который особенно нравился Пушкину; нашъ поэтъ и впоследствии защищалъ „элегій вѣнокъ убогій“ противъ строгаго критика, отстаивавшаго оды и кричавшаго: „Да перестаньте плакать и все одно и то же квакать, жалѣть о прежнемъ, о быломъ; довольно! пойте о другомъ!“ Въ элегій Пушкинъ видѣлъ по преимуществу созданіе новаго вѣка, между тѣмъ какъ оды писались „въ мощныя годы, какъ было встарь заведено“. Онъ стоялъ за индивидуализмъ въ поэзіи, — за право поэта создавать свои собственные темы, выражать свои личныя чувства. Это былъ частный вопросъ, являвшійся составною частью болѣе общихъ сужденій о призваніи и назначеніи поэта и объ отношеніи его къ обществу, — сужденій, на которыя Пушкинъ такъ горячо отозвался въ 1827 г. Шенье подавалъ поводъ къ постановкѣ этого вопроса, между прочимъ, своими *Ямбами* и другими сильными обличительными стихотвореніями, въ которыхъ онъ такъ рѣшительно выступалъ противъ деспотизма якобинцевъ и извращенія демагогами понятія о свободѣ, — а также и своей судьбой. Онъ представлялъ собою въ глазахъ Пушкина достойнѣйшій примѣръ независимости мысли и словъ поэта-гражданина, мужественно

отстаивающаго свои идеи не только противъ „мощнаго злодѣя“ и „тирана“, но и противъ „буйной слѣпоты равнодушнаго толпы“. Его печальная участь также показывала, какъ иногда люди платятъ черною неблагодарностью поэтѣмъ, открывающимъ высокіе идеалы. . .

Приведенныя общія соображенія объ отношеніяхъ Пушкина къ Шенье развиты *Н. П. Дашкевичемъ* въ сборникѣ: „Памяти Пушкина“, составленномъ профессорами Кіевскаго университета Св. Владиміра (Кіевъ 1899, стр. 214 и слл.). *Б. В. Никольскій* („Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина“, Спб. 1899, стр. 39 и слл.) высказывается еще опредѣленнѣе: „Идеаль и настроенія Шенье до такой степени совпадали съ идеалами и настроеніями Пушкина, что послѣдній точно въ волшебномъ зеркалѣ узнавалъ себя самого во французскомъ лирикѣ. Когда вы читаете гениальную элегію „Андрей Шенье“, вы все время не можете отдѣлаться отъ мысли, что Пушкинъ говоритъ о себѣ самомъ, о своей судьбѣ, о своихъ мечтахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ, идеалахъ. . . Вліяніе Шенье. . . созвучно пробуждало въ его душѣ лучшія и самыя завѣтныя струны. . .“ То же подмѣчено, впрочемъ, еще въ статьѣ о Пушкинѣ *К. А. Фарнгагена фонъ-Энзе*, переведенной въ *Сынъ Отечества* 1839, т. 7: „Человѣческой судьбѣ, которой неудовлетворительность и грусть безпрестанно напоминаютъ поэту участь его собственной жизни, сочувствуетъ онъ съ самозабвеніемъ, и чувства сего невозможно выразить болѣзненнымъ и вѣрнымъ, какъ оно выражено въ элегіи на прекрасную смерть поэта Андрея Шенье“.

Эти указанія подтверждаются и самимъ Пушкинымъ. Нашъ поэтъ любилъ сравнивать себя съ погибшимъ французскимъ лирикомъ: „Грѣхъ гонителямъ моимъ!“ писалъ онъ, напримѣръ, кн. Вяземскому въ сентябрѣ 1825 г. „И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ

голову и сказать: Il y avoit quelque chose là...“ Получивъ отъ Плетнева извѣстіе о томъ, что его друзья хотятъ ходатайствовать о немъ передъ государемъ, Пушкинъ восклицаетъ: „Душа! я пророкъ, ей богу пророкъ! я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От. и Сы. etc.“ „Щастливѣе, чемъ Андр. Шенъе — я заживо слышу голосъ вдохновенія“, писалъ онъ въ 1826 г. кн. Вяземскому (*Переписка*, томъ I, стр. 286, 314, 349). Наконецъ, выше уже приведены слова Пушкина о томъ, что его стихотвореніе слѣдуетъ судить „по намѣренію“; а „намѣреніе“, конечно, заключалось въ извѣстномъ сопоставленіи автора стиховъ съ воспѣтымъ въ нихъ лицомъ. Самое стихотвореніе является результатомъ не только внимательнаго изученія произведеній Шенъе, но, можно сказать, проникновенія въ душу поэта. Здѣсь Пушкинъ какъ бы преображается въ Шенъе и, говоря отъ его имени, съ удивительною вѣрностью воспроизводитъ его нравственный обликъ. Прямыхъ заимствованій изъ Шенъе здѣсь нѣтъ, и лишь немногія отдѣльныя мѣста могутъ быть сопоставлены съ тѣми или иными стихами Шенъе. Такъ, напримѣръ, стихи 90 — 102 какъ будто навѣяны стихами изъ элегій, обращенныхъ Шенъе къ его друзьямъ, братьямъ де-Панжъ:

Peut-être errant au loin, sous de nouveaux climats,
 Je vais chercher la mort qui ne me cherchait pas.
 Alors, ayant sur moi versé des pleurs fidèles,
 Mes amis reviendront, non sans larmes nouvelles,
 Vous conter mon destin, nos projets, nos plaisirs,
 Et mes derniers discours, et mes derniers soupirs.
 Vivez heureux! gardez ma mémoire aussi chère,
 Soit que je vive encor, soit qu'en vain je l'espère.

.....

Je meurs. Avant le soir j'ai fini ma journée.
 A peine ouverte au jour, ma rose s'est fanée.
 La vie eut bien pour moi de volages douceurs;
 Je les goûtais à peine, et voilà que je meurs.
 Mais, oh! que mollement reposera ma cendre,
 Si parfois, un penchant impérieux et tendre
 Vous guidant vers la tombe où je suis endormi,
 Vos yeux en approchant pensent voir leur ami!

Стихи 149 — 150 находятъ себѣ параллель въ стихахъ IV ямба:

Mourir. . . sans pétrir dans leur fange
 Ces bourreaux barbouilleurs de lois,
 Ces tyrans effrontés de la France asservie,
 Egorgée! . . .

Наконецъ, послѣдній стихъ— „Плачь, Муза, плачь!“— является какъ будто вариантомъ послѣдняго стиха того же ямба:

Toi, Vertu, pleure si je meurs.

Во всемъ остальномъ содержаніи стихотворенія Пушкина можно видѣть только общій перифразъ элегій и ямбовъ Шенье, но нельзя указать выраженій, близко подходящихъ къ послѣднимъ. Такимъ образомъ, Пушкинъ здѣсь является отнюдь не подражателемъ французскаго поэта, а вполне самостоятельнымъ творцомъ произведенія, отвѣчающаго духу и настроенію Шенье, къ которому онъ относился съ любовью и сочувствіемъ. Притомъ, какъ уже замѣчено выше, стихотвореніе Пушкина въ значительной степени служитъ выраженіемъ и личныхъ его настроеній. Въ этомъ отношеніи въ душѣ нашего поэта уже совершился, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, поворотъ въ сторону болѣе зрѣлой

политической мысли: „Призывъ къ борьбѣ за свободу, къ борьбѣ неотложной, замѣненъ пѣснью въ честь надежды на грядущее ея торжество. Поэту кажется даже, что онъ, вмѣшавшись въ политическій споръ, совершилъ надъ собою насиліе (стихи 110 — 140); но, конечно, такое самообвиненіе, очень характерное въ устахъ Шенье-Пушкина, — только минутный наплывъ сомнѣнія. Поэтъ понимаетъ, что, слагая пѣсни въ честь свободы, онъ не измѣнилъ своему назначенію, а искренно и честно высказалъ то, что думалъ; онъ знаетъ, что никто не смѣетъ оспаривать права поэта быть судьей великихъ дѣлъ, совершающихся на его глазахъ (стихи 140 — 169). Многое въ этихъ словахъ напоминаетъ не такъ давно сказанное Пушкинымъ въ его юношескомъ *Кляжаль*, но какъ отличны эти два стихотворенія по мысли и по тону! Въ томъ юношескомъ призывѣ все — буря страстей, необузданное волненіе; здѣсь — строгій и грустный итогъ политической мысли, много поработавшей и въ этой работѣ утратившей всѣ страсти, кромѣ убѣжденности въ своей правотѣ“ (*Н. А. Котляревскій*, Литературныя направленія александровской эпохи, изданіе 2-е, Спб. 1913, стр. 196 — 198).

Современная Пушкину критика отозвалась о стихотвореніи съ большими похвалами. *Полевой*, въ статьѣ о *Борисѣ Годуновѣ*, напечатанной въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1833, ч. 49, № 1, замѣтилъ, что въ этой „полной поэмѣ“ — „блескъ стиховъ и живопись картинъ равны грозному негодованію, потрясающему душу поэта“. *Бѣлинскій* (Сочиненія, часть VIII, изданіе 2-е, М. 1865, стр. 339 — 340 и 413) находилъ, что „пять куплетовъ, которыми начинается эта элегія, сильно отзываются декламаціею, которая совсѣмъ не въ натурѣ пушкинскаго духа и которая показываетъ, какъ долго удерживалось на немъ вліяніе воспитавшей его старой школы

русской поэзіи; конецъ этой піесы тоже нѣсколько натянуть; но середина (т. е. стихи 65 — 140) исполнена всей очаровательности пушкинской поэзіи“. Вообще же Пушкинъ „многими прекрасными стихами вѣрно воспроизвелъ образъ“ французскаго поэта. Наконецъ, авторъ статьи о Пушкинѣ въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1840, т. 39, отд. V, стр. 13, писалъ, что „въ этомъ высокомъ созданіи высказывается въ полномъ величіи потрясающее вдохновеніе и благородный гнѣвъ Поэта, праведная кара гремитъ въ желѣзныхъ стихахъ, глубокое уныніе слышится въ мягкихъ и нѣжныхъ звукахъ“.

Всѣ эти критики судили *Андрея Шенье*, конечно, только въ томъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ стихотвореніе было пропущено тогдашнею цензурою. О стихахъ исключенныхъ (21 — 64) говорить, очевидно, было нельзя, хотя они ходили по рукамъ въ спискахъ.

По поводу распространенія этихъ запрещенныхъ стиховъ изъ элегіи Пушкина въ августѣ 1826 г. возникло политическое дѣло, длившееся цѣлыхъ два года и причинившее поэту много неприятностей. Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ.

Одинъ молодой офицеръ, племянникъ Ф. Ф. Вигеля, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка Александръ Ильичъ *Алексѣевъ*, еще осенью 1825 г. отъ кого-то досталъ запретный отрывокъ *Андрея Шенье*. Въ февралѣ 1826 г., находясь въ Новгородѣ, онъ далъ списать эти стихи своему пріятелю, прапорщику конно-піонернаго эскадрона *Молманову*. Послѣдній не возвратилъ рукописи Алексѣеву, а увезъ ее въ Москву. Тамъ, въ іюлѣ того же года, увидѣлъ у него эту рукопись кандидатъ университета Андрей Филипповичъ *Леопольдовъ*, также попросилъ списать и также не возвратилъ рукописи, а переписавъ стихи, поставилъ надъ ними, по собственному домыслу, заглавіе: „На 14-е декабря“ и присоеди-

нилъ къ нимъ, на томъ же листѣ, копію съ ходившаго по рукамъ предсмертнаго письма Рылѣва. Этотъ листокъ Леопольдовъ передалъ калужскому помѣщику, XIV класса *Коноплеву*, состоявшему по секретнымъ порученіямъ при генералѣ И. Н. Скобелевѣ, а послѣдній въ началѣ августа представилъ стихи А. Х. Бенкендорфу, который незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ главною Императорскою квартирою и главноуправляющимъ учрежденнымъ 3 іюля 1826 г. Третьимъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Бенкендорфъ немедленно обратился къ Скобелеву съ письменными вопросами: „Какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который живетъ въ Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ? Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служить и гдѣ живетъ? Стихи сіи самимъ ли Пушкинымъ подписаны и не поддѣлана ли подпись подъ чужое имя? также тотъ листъ, на которомъ они сообщены ген.-ад. Бенкендорфу, есть ли подлинный или копія съ подлиннаго? Гдѣ подлинникъ находится, и чрезъ кого именно они доставлены къ Вашему Пр-ву?“ На первые два вопроса Скобелевъ отвѣчалъ собственноручно: „Мнѣ сказано что тотъ каторой писать подобныя стихи имѣетъ уже запрещеніе, но отосланъ къ атцу его“, а на третій вопросъ — „Я представилъ копію которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорятъ прислана изъ Пѣтербурха, о чемъ вѣрнѣе объяснить чиновникъ коего буду имѣть честь представить.“ Сообщение объ авторѣ стиховъ пріобрѣтало особое значеніе въ виду того, что объ освобожденіи Пушкина изъ ссылки какъ разъ въ это время хлопотали у государя, и самъ поэтъ, заявляя о своемъ раскаяніи, ходатайствовалъ о милости во всеподданнѣйшемъ прошеніи, которое 30 іюля 1826 г. было отправлено эстляндскимъ генераль-губернаторомъ мар-

кивомъ Паулуччи къ министру иностранныхъ дѣлъ. Сопоставляя приведенныя даты, П. Е. Щеголевъ („Пушкинъ“, Спб. 1912, стр. 258-260) приходитъ къ заключенію, что резолюція императора Николая Павловича 28 августа 1826 г. о вызовѣ Пушкина въ Москву въ сопровожденіи фельдъегеря находилась въ связи съ возникновеніемъ дѣла о распространеніи запрещенныхъ стиховъ: „Пушкинъ лично передъ Николаемъ I долженъ былъ разрѣшить недоумѣніе, вызываемое авторствомъ стиховъ, и дальнѣйшая участь его зависѣла отъ его отвѣта... Очевидно, что подобное объясненіе было сдѣлано Пушкинымъ и принято во вниманіе“. Это предположеніе представляется совершенно допустимымъ, тѣмъ болѣе, что оно находитъ себѣ подтвержденіе и въ рассказѣ Вигеля (*Записки*, изд. *Русскаго Архива*, М. 1893, ч. VII, стр. 111-114), и въ извѣстномъ вопросѣ государя Пушкину о декабристахъ.

Разысканные Алексѣевъ и Молчановъ были арестованы и доставлены въ Москву. Молчановъ по Высочайшему повелѣнію былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ армію, — въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ, но до времени оставленъ подъ арестомъ; Алексѣевъ же, рѣшительно отказавшійся назвать лицо, отъ котораго имъ были получены преступныя стихи, преданъ (25 сентября) суду особой военно-судной комиссіи, которая приговорила его (29 сентября) къ смертной казни. Дѣло было передано затѣмъ въ Аудиторіатскій Департаментъ Главнаго Штаба, который призналъ необходимымъ дополнить слѣдствіе показаніями Леопольдова и Пушкина, причемъ послѣдняго допросить о томъ, „имъ ли сочинены извѣстные стихи, когда, съ какою цѣлію они сочинены, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъявленное, и кому отъ него сіи стихи переданы; въ случаѣ же

отрицательства, не извѣстно ли ему, кѣмъ оныя сочинены“. Когда этотъ вопросъ дошелъ до Пушкина, оказавшагося въ Москвѣ, поэтъ отвѣчалъ оберъ-полицмейстеру Шульгину, 13 января 1827 г., „что онъ не знаетъ, о какихъ извѣстныхъ стихахъ идетъ дѣло, и просить ихъ увидѣть, и что не помнитъ стиховъ, могущихъ дать поводъ къ заключенію, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненныхъ, по полученіи же оныхъ онъ дастъ надлежащее показаніе“. Вслѣдствіе этого отвѣта стихи были переданы Пушкину въ особо запечатанномъ конвертѣ. Прочитавъ ихъ и исправивъ ошибки переписчика, Пушкинъ написалъ слѣдующее объясненіе:

„Сіи стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи *Андрей Шенье*, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ Стихотвореній.

Они явно относятся къ французской революціи, коею А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню

Взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенье.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ —

Присяга du jeu de paume и отвѣтъ Мирабо: allez dire à votre maître etc.

И пламенный трибунъ и проч.

Онъ же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни

Перенесеніе гѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ.

Мы свергнули царей — — —

въ 1793.

Убійцу съ палачами
Избрали мы въ Цари

Робеспьера и конвентъ.

Всѣ сіи стихи никакъ безъ явной бессмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабрю.

Не знаю кто надъ ними поставилъ сіе ошибочное заглавіе.

Не помню кому могъ я передать мою Элегію А. Шенье.

Александръ Пушкинъ.

Москва 27 января 1827 г.

Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстные подъ заглавіемъ: *14 Декабря*, суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною *Андрей Шенье*“.

Разсмотрѣвъ въ всѣ доставленныя показанія, Аудиторіатскій Департаментъ полагалъ: Алексѣева, вмѣсто смертной казни, выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости и потомъ выписать изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ; Молчанову вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ и отправить его на службу въ полкъ, а Леопольдова предать уголовному суду, коему вмѣнить въ обязанность истребовать, въ чемъ нужно будетъ, объясненія отъ сочинителя стиховъ Пушкина. Это мнѣніе Департамента было Высочайше утверждено 25 марта 1827 г.

Такимъ образомъ, отъ Пушкина были затребованы новыя показанія по содержанію запретнаго отрывка. Отвѣчать пришлось дважды. Въ первомъ изъ этихъ отвѣтовъ Пушкинъ писалъ:

„Элегія *Андрей Шенье* напечатана въ Собраніи моихъ стихотвореній *вышедшихъ изъ Цензуры 25 окт. 1825 г.* Доказательство тому, одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ.

Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

Опять повторяю что стихи найденныя у Г. Алексѣева взяты изъ Элегіи *Андрей Шенье*, непропущены цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ

Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поеть? поеть она свободу:
 Неизмѣнилась до конца:
 «Привѣтствую тебя, мое свѣтило etc.

Замѣчу что въ семъ отрывкѣ поеть говоритъ

О взятіи Бастиліи.
 О клятвѣ *du jeu de paume*.
 О перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ.
 О побѣдѣ революціонныхъ идей.
 О торжественномъ провозглашеніи Равенства
 Объ уничтоженіи Царей.

Чтожь тутъ общаго съ несчастномъ (*такъ!*) бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

Въ заключеніи объявляю что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истинны.

10-го класса Александръ Пушкинъ“.

С.-Петербургъ 1827 г. 29 Іюня.

Второй отвѣтъ потребовался черезъ пять мѣсяцевъ:

„Господину С.-Петербургскому Полицмейстеру
Полковнику Дершау *)

отъ 10-го класса чиновника Александра Пушкина

ОБЪЯВЛЕНІЕ

На требованіе суда узнать отъ меня: „какимъ образомъ случилось что отрывокъ изъ Андрея Шенье будучи не пропущенъ Цензурою сталъ переходить изъ рукъ въ рукѣ (*такъ!*) во *всемъ пространствѣ*“ отвѣчаю: стихотвореніе мое Андрей Шенье было всѣмъ извѣстно *вполнѣ* гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну. — Александръ Пушкинъ“.

24 ноября 1827 г. С.-Петербургъ **).

Новгородскій уѣздный судъ, разсматривавшій дѣло о Леопольдовѣ въ качествѣ первой инстанціи, приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ. Сенатъ, куда затѣмъ перешло это дѣло, опредѣлилъ: Леопольдова, по лишеніи кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, отдать въ солдаты, о Пушкинѣ же высказалъ слѣдующее:

„Соображая духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, Сенатъ не можетъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который Правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ, а потому хотя сочинившаго означенные стихи Пушкина, за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ

*) Въ подлинникѣ описка: „Дешау“.

**) Эти два документа напечатаны по подлинникамъ *И. А. Шляпкинымъ* въ брошюрѣ: „Къ біографіи А. С. Пушкина“, Спб. 1899, стр. 26—28, и въ книгѣ: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб. 1908, стр. 339—341.

до состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года, то, по силѣ I-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда, обязать подпиской, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія“.

Наконецъ, дѣло поступило въ Государственный Совѣтъ, который разсмотрѣлъ его въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ 11 іюня и въ общемъ собраніи 28 іюня 1828 г. и положилъ: „За неосновательность Леопольдова вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ былъ основательнѣе“; въ отношеніи же Пушкина добавилъ къ сенатскому постановленію, что „по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ своихъ на счетъ происшествія 14 декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 года напечатаннаго“ слѣдуетъ имѣть за нимъ въ мѣстѣ его жительства секретный надзоръ. Меморія Государственнаго Совѣта получила Высочайшее утвержденіе 28 іюля 1828 г.

Подробное изложеніе всего этого дѣла см. въ книгѣ П. Е. Щеголева: „Пушкинъ. Очерки“, Спб. 1912, стр. 244-306, гдѣ указана и вся предшествующая литература по этому предмету.

XXIII.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

(Стр. 39).

Первоначальный черновой набросокъ, совершенно еще не отдѣланный, находится въ рукописи Румянцевскаго Музея № 2369, л. 39 об. Перебѣленный автографъ, съ помѣтою: „7 іюля 1825“, принадлежалъ П. Я. Дашкову. — Напечатано въ *Соревнователь Просвѣщенія и Благо-*

творенія 1825 г., ч. 30, № 6, стр. 299-300, съ полною подписью Пушкина, а затѣмъ — въ изданіи 1826 г., стр. 27 — 28, и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 17 — 18.

Въ музейной рукописи набросокъ, совершенно исчерканный, читается приблизительно такъ:

(Когда) вѣгой
 Когда желаніемъ (любовію) и (щастьемъ) утомленный
 Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный
 Говоришь
 (А) И ты мнѣ говор (мнѣ) (меня) обнимешь, и въ уста
 (Взойдешь) и лѣчишь поцалуемъ —
 Дыханье жаркихъ усть (съ любовію) вливаешь
 (О чемъ тогда мечтаю)
 (Мы . . . въ . . . ждемъ, или тоскуемъ) —
 (съ любовію)
 Свое дыханіе вливаешь —
 И слезы на глазахъ съ любовію
 Щастливъ —
 Я незавидую богамъ —

Находившійся у П. Я. Дашкова автографъ написанъ на одномъ листѣ съ стихотвореніемъ: „Дочери Карагеоргія“ и представляетъ варіантъ къ стиху 6-му:

Скучная суетой и званіемъ поэта.

Кромѣ того, въ этомъ автографѣ случайно пропущенъ 23-й стихъ. Очевидно, этотъ самый листокъ былъ присланъ Пушкинымъ Плетневу, который писалъ поэту 29 августа: „У тебя въ Элегіи *Желаніе славы* одинъ стихъ безъ риемы. . . Если это съ намѣреніемъ сдѣлалъ ты, такъ извини, что я по невѣжеству не догадался; если же просмотрѣлъ, то не хочешь ли прислать поправки?“ (*Переписка*, томъ I, стр. 273).

Стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ о неизвѣстной намъ особѣ, можетъ быть, — о графинѣ Воронцовой, и о разлукѣ съ нею. „Поэтическое воспроизведеніе разлуки украшено, во второй половинѣ стихотворенія, высокимъ чувствомъ поэта, сознающаго въ себѣ силы для творчества, достойнаго славы“, говоритъ *Л. И. Поливановъ*. „Въ этомъ сознаніи поэтъ находитъ утolenіе той сердечной боли, которую нанесла ему утрата его сердца. Въ послѣднихъ стихахъ слышенъ укоръ: слава призывается какъ благородное мщеніе за недостаточную оцѣнку чувствъ поэта со стороны той, къ кому элегія обращена. Этотъ укоръ, сопоставленный съ воспоминаніемъ о прошломъ, которое поэтъ сохраняетъ въ душѣ какъ святыню своего благороднаго сердца, и составляетъ главную красоту стихотворенія, будучи голосомъ души, высоко настроенной...“ *Вѣлинскій* относилъ это стихотвореніе къ лучшимъ, задушевнѣйшимъ произведеніямъ лирической музы Пушкина (*Сочиненія*, часть VIII, изд. 2-е, М. 1865, стр. 397).

XXIV.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

(Стр. 41).

Набросокъ стихотворенія — три послѣднія строфы — находится въ числѣ автографовъ, принадлежавшихъ Л. Н. Майкову и поступившихъ въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ. Списокъ стихотворенія, бѣловой, безъ помарокъ, на листѣ, повидимому, вырванномъ изъ альбома, подъ заглавіемъ: „Къ ***“ и съ помѣтою: „Михайловское. 1825. XIX іюля“, находился въ собраніи П. Я. Дашкова, но не можетъ быть признанъ автографомъ

Пушкина *). — Стихотвореніе напечатано, подѣтъмъ же заглавіемъ, что и въ дашковской рукописи, въ *Сѣверныхъ Цѣптахъ* на 1827 годъ, стр. 341—342, и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 25—27.

Автографъ представляетъ, по сравненію съ печатнымъ текстомъ, два варианта:

Стихъ 19-й: Какъ *перелетное* видѣнье

„ 23-й: *Восторгъ, мечты* и вдохновенье

Анна Петровна *Кернъ*, къ которой обращено это стихотвореніе, — дочь полтавскаго помѣщика Петра Марковича Полторацкаго и племянница Елисаветы Марковны Олениной, жены извѣстнаго Алексѣя Николаевича Оленина, родилась 11 февраля 1800 г. въ Орлѣ, въ домѣ своего дѣда, Ивана Петровича Вульфъ, бывшаго тамъ губернаторомъ; по матери она приходилась племянницей Прасковѣ Александровнѣ Осиповой (по первому браку — Вульфъ). Ей не было еще полныхъ 17 лѣтъ, когда она, противъ своей воли, была выдана замужъ за пожилого генерала Ермолая Ѳедоровича Керна (1765—1841). Въ 1819 г. Кернъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 25-й пѣхотной дивизіи и, отправляясь къ мѣсту службы, въ Дерптъ, заѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь Анна Петровна часто бывала въ домѣ Олениныхъ, гдѣ имѣла случай видѣть Гнѣдича, Карамзина, Крылова и другихъ литературныхъ знаменитостей; въ этомъ же домѣ, на одномъ изъ вечеровъ, она встрѣтилась съ Пушкинымъ, котораго почти не замѣтила: „Мое вниманіе“, говоритъ она, вспоминая объ этой встрѣчѣ, „было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе. . . “ Но Пушкинъ „вскорѣ

---

*) Равнымъ образомъ, не принадлежитъ Пушкину и черновой набросокъ, воспроизведенный г. *Ев. Ваишковымъ* въ *Русской Мысли* 1900, № 4, стр. 126: почеркъ этого наброска — несомнѣнно не пушкинскій.

далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку съ цвѣтами, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Полторацкимъ, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказала: „Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?“ Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла... За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ, напримѣръ: „Est-il permis d'être aussi jolie?“ Потомъ завязался между нами шутливый разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ, кто будетъ въ адъ и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату: „Во всякомъ случаѣ, въ адъ будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ парады. Спроси у madame Kern, хотѣла ли бы она попасть въ адъ?“ Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю. „Ну, какъ же ты теперь, Пушкинъ?“ спросилъ братъ. — „Je me ravise,“ отвѣтилъ поэтъ, — „я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины...“ Вскорѣ ужинъ кончился и стали развѣзжаться. Когда я уѣзжала, и братъ сѣлъ со мною въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами“ (*Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Спб. 1899, стр. 235 — 236*). Эта первая, мимолетная встрѣча вспомнилась поэту шесть лѣтъ спустя и вызвала настоящее стихотвореніе.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Дерптѣ, Ригѣ, Псковѣ, А. П. возвратилась въ Полтавскую губернію, къ своимъ родителямъ, оставивъ на время мужа, совмѣстная жизнь съ которымъ сдѣлалась для нея невыносимою. Она поселилась въ Лубнахъ и тамъ сблизилась съ Аркадіемъ Гавриловичемъ Родзянкою, „милымъ поэтомъ, умнымъ, любезнымъ и весьма симпатичнымъ человѣкомъ“, ея

сосѣдомъ по имѣнью. Онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и доставлялъ Аннѣ Петровнѣ его произведенія, которыя она „съ жадностію читала“. Въ то же время она часто переписывалась съ своей двоюродной сестрой, Анной Николаевной Вульфъ, — дочерью П. А. Осиповой. „Пушкинъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ, она говорила съ нимъ обо мнѣ и потомъ сообщала въ своихъ письмахъ различныя его фразы. Такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: „Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olénine; il dit partout: Elle était trop brillante“. Въ одномъ изъ ея писемъ Пушкинъ приписалъ сбоку изъ Байрона: „Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais“ *). Когда же онъ узналъ, что я выдаюсь съ Родзянкой, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи... Послѣ этого мнѣ съ Родзянкой вздумалось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ“.

Дѣйствительно, въ письмѣ къ Родзянкѣ отъ 8 декабря 1824 г. Пушкинъ спрашивалъ его: „Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К. . . . , которая написала много нѣжныхъ стиховъ обо мнѣ своей кузинѣ? Говорятъ, она премиленькая вещь — но *славны Лубны за горами*. На всякой случай зная твою влюбчивость и *необыкновенныя таланты* во всѣхъ отношеніяхъ полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полусдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на все это элегію или хоть эпиграмму“ (*Переписка*, томъ I,

---

*) Вѣриже — не изъ Байрона, а (какъ указано Н. Ѳ. Сумцовымъ, „Пушкинъ“, Харьк. 1900, стр. 231 — 233) изъ Уордсворта:

She was a Phantom of delight
When first she gleamed upon my sight:
A lovely Apparition, sent
To be a moments ornament, etc.

стр. 157). Родзянко отвѣтилъ на это письмо только 10 мая 1825 г., оправдываясь своею „лѣнью“; письмо — интимнаго содержанія — указывало на очень близкія отношенія между Родзянкою и Анной Петровной и вызвало отвѣтное стихотворное посланіе Пушкина (см. ниже). Такимъ образомъ, возобновеніе личнаго знакомства поэта съ Анной Петровной, бывшаго столь „мимолетнымъ“ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, было уже въ достаточной степени подготовлено, когда она, въ іюнѣ 1825 г., неожиданно пріѣхала къ П. А. Осиповой въ Тригорское. Вотъ какъ сама А. П. рассказываетъ объ этой новой встрѣчѣ:

„Мы сидѣли за обѣдомъ . . . Вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большою, толстой палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя, гораздо раньше, и ѣлъ очень мало . . . Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровень въ обращеніи: то шумно весель, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту . . . Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятное волновало его . . . Когда же онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничего не могло сравниться съ блескомъ, остротой и увлекательностью его рѣчи“, и пр.

Мало по малу, благодаря чуть не ежедневнымъ встрѣчамъ, натянутыя отношенія смѣнились болѣе непринужденными. Пушкинъ старался заинтересовать молодую гостью, рассказывалъ сказки, читалъ *Цыганъ* и однажды,

послѣ ужина, въ лунную ночь, пригласилъ П. А. Осипову, ея сына А. Н. Вульффа, дочь и Анну Петровну въ Михайловское. „Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушно веселымъ и любезнымъ“, рассказываетъ Анна Петровна. „Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ, хвалилъ луну, не называлъ ее глупой, а говорилъ: „J'aime la lune, quand elle éclaire un beau visage“. Хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною: это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ, при нашей первой встрѣчѣ, Александру Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мною. Приѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старыи, запущенный садъ, „пріютъ задумчивыхъ дріадъ“, съ длинными аллеями старыхъ деревьевъ, корни которыхъ, сплетясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: „Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame“. Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣждалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: „Vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?“

„На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою А. Н. Вульффъ. Онъ пришелъ утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ II-й главы *Ониина*, въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыхъ я нашла вчетверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами: „Я помню чудное мгновенье“ и проч. Когда я сбиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ,

онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ, — не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ *Съверныхъ Цѣптахъ*. Мих. Ив. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя“ (*Л. Н. Майковъ*, „Пушкинъ“, стр. 242 — 243).

Какъ видно изъ замѣтки П. А. Осиповой въ календарѣ 1825 г., „поѣхала А. П. Кернъ изъ Тригорскаго въ Ригу“ 19 іюля (*Б. Л. Модзалевскій*, Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 году“, Спб. 1903, стр. 140); эта же дата поставлена и подъ стихотвореніемъ Пушкина. Такимъ образомъ, рассказъ А. П. объ обстоятельствахъ, при которыхъ ей было передано это стихотвореніе, представляется вполне точнымъ.

Эта встрѣча съ Анной Петровной произвела на Пушкина сильное впечатлѣніе. Молодая, красивая и кокетливая гостя Тригорскаго вскружила голову впечатлительному поэту. Уже на третій день послѣ ея отъѣзда онъ пишетъ уѣхавшей вмѣстѣ съ нею въ Ригу Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ длинное письмо, половина котораго посвящена „мимолетному видѣнію“. „Я каждую ночь гуляю у себя въ саду“, читаемъ въ этомъ письмѣ, — „я говорю себѣ: она была здѣсь, камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ, рядомъ съ увядшимъ гелиотропомъ; я пишу много стиховъ; все это, если хотите, очень похоже на влюбленность, но клянусь вамъ, что ничего такого нѣтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье *) я корчился бы отъ ярости и ревности; но мнѣ было просто досадно . . . И, однако же, мысль о томъ, что я для нея ничего не значу, что, пробудивъ и занявъ

*) Т. е. 19 числа, когда Алексѣй Ник. Вульфъ поѣхалъ провожать сестру и сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ нею и Анною Петровной.

ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство, что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее ни разсѣяннѣе посреди ея побѣдъ, ни мрачнѣе въ дни печали; что ея прелестные глаза остановятся на какомъ-нибудь рижскомъ шалопаѣ съ тѣмъ же пронзающимъ сердце и сладострастнымъ выраженіемъ, — нѣтъ, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру отъ этого; нѣтъ, лучше не говорите, не то это очаровательное созданіе станетъ надо мной смѣяться! Но скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ ко мнѣ тайной нѣжности, меланхолическаго и таинственнаго влеченія, то я ее презираю, — понимаете? Да, я ее презираю, не взирая на все удивленіе, какое должно возбудить въ ней это столь небывалое чувство... Проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ!“ (*Переписка*, томъ I, стр. 239 — 240).

Вскорѣ затѣмъ, 25 іюля, поэтъ пишетъ уже самой Аннѣ Петровнѣ: „Я имѣлъ слабость просить разрѣшенія писать къ вамъ, а вы — легкомысліе или кокетство позволить мнѣ это. Я знаю, что переписка ни къ чему не ведетъ, но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть хоть одно слово, написанное вашей хорошенькой ручкой. Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе болѣе глубокое и мучительное, чѣмъ то, какое произвела на меня нѣкогда встрѣча наша у Олениныхъ. Въ моей печальной деревенской глуши я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ...“ (*Тамъ же*, 242).

Около этого же времени Пушкинъ, въ одномъ изъ писемъ къ П. А. Осиповой (до насъ не дошедшемъ) такъ характеризовалъ Анну Петровну: „Хотите ли знать, что такое г-жа Кернъ? У нея гибкій умъ, она понимаетъ все; она легко огорчается и утѣшается точно такъ же; она застѣнчива въ приемахъ, смѣла въ поступкахъ, но чрезвычайно привлекательна“ (*Майковъ*, „Пушкинъ“,

стр. 244). Переписка продолжалась всю осень, и поэтъ, все больше и больше увлекаясь, доходилъ даже до совѣтовъ Аннѣ Петровнѣ бросить мужа и пріѣхать прямо въ Михайловское. П. А. Осипова, которой очень не нравилось это слишкомъ откровенное ухаживанье Пушкина за ея племянницей, помѣшала дальнѣйшей перепискѣ. Въ началѣ октября 1825 г. А. П. Кернъ вторично пріѣхала въ Тригорское, — на этотъ разъ вмѣстѣ съ мужемъ. „Пушкина тутъ не было“, рассказываетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, — „но я его нѣсколько разъ видѣла; онъ очень не поладилъ съ мужемъ, а со мною опять былъ по-прежнему, и даже больше, нѣженъ, боясь всѣхъ глазъ, на него и на меня обращенныхъ“ (*Майковъ*, такъ же, 246). Пробывъ въ Тригорскомъ всего нѣсколько дней, Керны уѣхали сначала въ Ригу, а потомъ — въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Риги, А. П. послала Пушкину послѣднее изданіе Байрона, которое ему давно хотѣлось имѣть, и получила отъ него письмо (отъ 8 декабря), въ которомъ поэтъ, между прочимъ, писалъ (по-французски): „Байронъ получилъ въ моихъ глазахъ новую прелесть: всѣ его героини облекутся въ моемъ воображеніи въ черты, забыть которыя невозможно. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Леилѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть болѣе божественно прекрасенъ. Итакъ, васъ и всегда васъ судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы — ангель-утѣшитель, а я — не что иное, какъ неблагодарный, потому что еще ропщу. Вы ѣдете въ Петербургъ, — и мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо... Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ; что я все люблю васъ; что иногда я васъ ненавижу; что третьяго дня я говорилъ про васъ ужасныя вещи; что я цѣлую ваши прелестныя ручки; что снова цѣлую ихъ, въ ожиданіи лучшаго; что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны и т. д.“.

Это письмо было послѣднимъ въ ряду тѣхъ сердечныхъ изліяній Пушкина, предметомъ которыхъ явилась А. П. Кернъ и въ которыхъ такъ ярко выразилась страстная натура поэта. По замѣчанію А. И. Незеленова („А. С. Пушкинъ въ его поэзіи“, Спб. 1903, стр. 270—273), Пушкинъ „терялъ въ Михайловскомъ вѣру въ отзывное чувство на его любовь... Съ горечью въ сердцѣ написалъ онъ стихи: „Все кончено, межъ нами связи нѣтъ...“ и по временамъ ему стало казаться, что и съ его стороны все кончено, онъ начиналъ терять вѣру и въ свое чувство. Въ одинъ изъ такихъ, должно быть, моментовъ онъ встрѣтился съ поразившей его прежде красавицей и — художественная натура — увлекся красотой до самозабвенія, пожертвовавъ для нея на минуту всѣмъ, что было въ душѣ. Въ порывѣ возникнувшей страсти онъ какъ будто забылъ даже, чѣмъ жила его душа на югѣ... Воскресшее въ памяти чистое впечатлѣніе ранней юности взволновало, обмануло Пушкина и пробудило въ его душѣ романтическія увлеченія былой жизни. Но тогда же по отъѣздѣ Кернъ онъ пришелъ въ себя...“

Бя характеристика, данная въ письмѣ къ П. А. Осиповой, „совершенно расходится съ чувствомъ, выраженнымъ въ чудныхъ стихахъ признанія: тутъ мы видимъ любовь, или надежду на возникновеніе любви, здѣсь замѣтно, что поэтъ опянѣлъ отъ очарованія красоты, но душа его слышитъ неправду зародившагося увлеченія... Любовь поэта утратила серьезный характеръ глубокаго чувства“.

Стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“ подробно разобрано Н. И. Черняевымъ („Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьк. 1900, стр. 33—80 и 388), который видитъ въ немъ „одно изъ гениальнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубинѣ содержанія, возвышенности и искренности чувства. Если бы

Пушкинъ ничего не написалъ, кромѣ этой очаровательной пьесы, его нельзя было бы не признать первокласснымъ поэтомъ. Доколѣ будетъ звучать и изучаться русскій языкъ, посланіе къ А. П. Кернъ будетъ читаться и перечитываться, вызывать восторги и удивленіе, смягчать, трогать и умилять человѣческія сердца, вдохновлять талантливыхъ композиторовъ и вызывать соревнованіе даровитыхъ актеровъ, способныхъ истолковывать великія созданія великихъ поэтовъ посредствомъ дикціи, мимики и жеста. . . Это такой дивный гимнъ въ честь возрождающаго и облагораживающаго вліянія одухотворенной красоты, которымъ могла бы гордиться любая литература. Своимъ посланіемъ къ А. П. Кернъ Пушкинъ обезсмертилъ ее такъ же, какъ Петрарка обезсмертилъ Лауру, а Данте — Беатриче. Пройдутъ вѣка, и когда множество историческихъ событій и историческихъ дѣятелей, которые представляются намъ очень крупными, будутъ забыты, — личность и судьба Кернъ, какъ вдохновительницы пушкинской музыки, будетъ возбуждать большой интересъ, вызывать споры, предположенія и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами и скульпторами. . . Въ этомъ стихотвореніи нѣтъ метафоръ. Поэтъ хотѣлъ сказать имъ именно то, что говорится въ немъ. Оно вылилось у Пушкина прямо изъ души. . . Подъ обаяніемъ красоты въ поэтѣ пробуждались и ярко сказывались и религіозное чувство съ его высокими порывами, и художественное творчество, и способность жить самою полною жизнью, и способность плакать благодатными слезами счастья и любви. Посланіе къ А. П. Кернъ имѣетъ важное значеніе не только какъ поэтическая исповѣдь Пушкина, но и какъ психологическій этюдъ, раскрывающій одну изъ благороднѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца“, и пр.

Въ отношеніи общаго тона и нѣкоторыхъ подробно-

стей стихотворенія г. Черняевъ повторяетъ указаніе Анненкова (изд. 1855, т. II, стр. 187) на стихотвореніе 1817 г. „Къ ней“ (Е. П. Бакуниной), въ которомъ какъ бы предвосхищена основная мысль посланія къ Кернъ (ср. настоящаго изданія томъ I, изд. 2-е, примѣчанія, стр. 396), и далѣе замѣчаетъ, что мысль уподобить Кернъ „мимо-летному видѣнію“ и выраженіе: „геній чистой красоты“ могли быть подсказаны стихотвореніемъ Жуковскаго: „Лалла Рукъ“, именно — слѣдующей его строфой:

Ахъ! не съ нами обитаетъ
 Геній чистой красоты;
 Лишь порой онъ навѣщаетъ
 Насъ съ небесной высоты;
 Онъ поспѣшенъ какъ мечтанье,
 Какъ воздушный утра сонъ;
 Но въ святомъ воспоминаньѣ
 Неразлученъ съ сердцемъ онъ.

Впрочемъ, Пушкинъ, какъ указываетъ *Н. Ѡ. Сумцовъ* („А. С. Пушкинъ“, Харьк. 1900, стр. 231), не любилъ Мура и въ особенности этого стихотворенія, переработаннаго Жуковскимъ. „Жуковскій меня бѣситъ“, говоритъ онъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 2 января 1822 г.: „что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди“ (романъ Стерна). Съ своей стороны, Сумцовъ сближаетъ посланіе Пушкина съ стихотвореніемъ Уордсуорта, начальныя строки котораго приведены выше, на стр. 62 (She was a phantom of delight); но сходство — чисто внѣшнее и отдаленное.

Музыка на стихотвореніе Пушкина написана *М. И. Глинкой*. Племянникъ поэта *Л. Н. Павлицевъ* въ своихъ *Воспоминаніяхъ* рассказываетъ, со словъ отца, объ испол-

неніи этого романса Глинкой въ присутствіи Пушкина и А. П. Кернъ; но разсказъ этотъ, какъ и вообще многія сообщенія Л. Н. Павлицева, не внушаетъ особеннаго къ себѣ довѣрія. Впослѣдствіи, въ 1839 г., Глинка посвятилъ новое изданіе этого романса дочери Анны Петровны, Екатеринѣ Ермолаевнѣ, въ которую былъ влюбленъ и которая потомъ вышла замужъ за Шокальского. О ней см. въ *Запискахъ* Глинки, Спб. 1887, стр. 147 — 159. О самой же А. П. Кернѣ и объ отношеніяхъ къ ней Пушкина см. подробную статью *В. Л. Модзалевскаго* въ *Сочиненіяхъ* Пушкина, ред. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ III, стр. 585 — 606.

 XXV.

БЛЕСТИТЬ ЛУНА, НЕДВИЖНО МОРЕ СПИТЬ...

(Стр. 43).

Черновой набросокъ въ пушкинской коллекціи Л. Н. Майкова, принадлежащей Императорской Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 7, № 24), написанъ на четверткѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1822 г. Напечатано впервые *П. В. Анненковымъ* въ VII, дополнительномъ, томѣ его изданія Сочиненій Пушкина, стр. 86 — 87, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ“, причемъ высказано предположеніе, что „этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ другими, совершенно безсвязными, въ томъ же родѣ, составляетъ первую пробу *Бахчисарайскаго Фонтана*“. Этому предположенію, однако, противорѣчитъ какъ дата отрывка, такъ и его содержаніе.

Приводимъ полную транскрипцію стихотворенія, напечатаннаго Анненковымъ неточно и не вполне:

Блеститъ луна, недвижно море спитъ
(И тишина и мгла въ садахъ)

(Глядитъ на тихій садъ Гассана)

Молчать сады (прекрасныя) Гассана

(Фонтанъ, журча, бѣжитъ дугой)
(блещетъ и журчитъ)

Но кто же тамъ въ тѣни деревъ сидитъ

На мраморъ печальнаго
(Въ тѣни оливъ близъ) фонтана?

(Скажите мнѣ, кто тамъ сидитъ)

Арапъ-Эвнухъ Гарема стражъ сѣдой

И съ нимъ его товарищъ молодой —

(Скажи мой сынъ)

(Не отъ моихъ привычныхъ взоровъ)

(Ты скроешь тайную печаль)

Мой другъ, (печаль души) недугъ тоски (сердечной)

Не отъ меня скроешь ты

(Я вижу все) (Я знаю твой)

Твой мрачный взоръ, твой (ш) ропотъ гнѣвный

и далѣе, какъ въ печатномъ.

Гассанъ — имя одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ Байрона „Гяуръ“; тамъ же упоминается и объ его „роскошныхъ садахъ“ съ мраморнымъ фонтаномъ. Но это совпаденіе имѣетъ, очевидно, только случайный характеръ, такъ какъ по содержанію своему отрывокъ Пушкина не можетъ быть поставленъ въ связь съ „Гяуромъ“. Можетъ быть, поэтъ задумывалъ разсказъ о любви молодого невольника къ одной изъ гаремныхъ затворницъ; очень вѣроятно, что этотъ разсказъ могъ быть выполненъ въ байроновскомъ стилѣ. Но мысль, мелькнувшая въ умѣ поэта и нашедшая себѣ выраженіе въ бѣгломъ наброскѣ, не получила дальнѣйшаго развитія, и листокъ затерялся въ бумагахъ Пушкина вмѣстѣ съ другими, подобными же, обрывками невыполненныхъ плановъ.

XXVI.

ПОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБИМЪ СТРАНЫ СВОЕЙ
РОДНОЙ...

(Стр. 44).

Черновая рукопись этого стихотворенія найдена Д. И. Саложниковымъ въ бумагахъ П. В. Анненкова; транскрипція ея дана въ *Русскомъ Архивѣ* 1899, февраль, стр. 354—355, самая же рукопись находится въ настоящее время въ Румянцовскомъ Музеѣ (№ 3266). Стихотвореніе напечатано въ *Сѣверныхъ Цептахъ* на 1828 годъ, стр. 51 (было послано Дельвигу при письмѣ изъ Михайловскаго, отъ 31 іюля 1827 г., см. *Переписку*, томъ II, стр. 35) и затѣмъ перепечатано въ изданіяхъ 1829 г. и Посмертномъ. Какъ въ альманахѣ, такъ и въ обоихъ изданіяхъ подъ нимъ поставленъ 1825 г.; но Анненковъ, основываясь на томъ, что *надъ* стихотвореніемъ выставлена дата: „29 іюля 1826 г.“, а *подъ* нимъ „начертаны загадочныя слова: „Усл. о см. 25“ и ниже: „У. о. с. Р. П. М. К. Б. 24“, отнесъ и самое стихотвореніе къ 1826 г., подъ которымъ его и печатали всѣ позднѣйшіе издатели. Между тѣмъ, элегія написана, несомнѣнно, на смерть Амаліи Ризничъ, скончавшейся не въ 1826, а въ 1825 году; въ этомъ же году, конечно, Пушкинъ узналъ о смерти Ризничъ, вѣроятно же всего — отъ В. И. Туманскаго, написавшаго на ея смерть стихотвореніе, помѣченное 5 іюля 1825 г. Такимъ образомъ, дата, поставленная *надъ* стихотвореніемъ Пушкина, очевидно, къ нему не относится; Пушкинъ вообще не имѣлъ обыкновенія начинать свои черновые стихи указаніемъ на день ихъ сочиненія, а дѣлалъ это указаніе уже послѣ того, какъ стихи были написаны. Что касается „загадочныхъ словъ“, написанныхъ

подъ стихотвореніемъ, то и они написаны позже. Поэтъ, видимо, не разъ возвращался къ этой четвертушкѣ сѣрой бумаги, на которой была набросана въ первоначальномъ своемъ видѣ его элегія: на оборотной, чистой, сторонѣ листка онъ записалъ карандашемъ перечень своихъ драматическихъ произведеній, изъ которыхъ „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“ и „Каменный Гость“ были написаны въ 1830 г., а другія остались совсѣмъ не написанными. Первая строчка „загадочныхъ словъ“ должна, по всей вѣроятности, читаться: „Услышалъ о смерти [Ризничъ 18] 25“, а вторая: „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева [каменныхъ 13 іюля 1826 г.] 24“ [іюля 1826 г.].

Автографъ представляетъ слѣдующіе варианты къ печатному тексту:

- Стихъ 1-й: Подъ небомъ *сладостнымъ Италіи своей*
 „ 3-й: Увяла наконецъ; (*быть можетъ*) надо мной
 „ 5-й: Но (*неприступная*) черта межъ нами есть
 „ 9-й: Такъ вотъ кого любилъ я *бурною* душой
 „ 11-й: Съ такою *пламенной* томительной тоской
 „ 13-й: Гдѣ *мука*, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
 „ 14-й: Для (*милой*) легковѣрной тѣни

Что это стихотвореніе относится именно къ Ризничъ,—подтверждается, помимо его содержанія, еще и тѣмъ, что въ одномъ изъ списковъ своихъ стихотвореній (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XVI, стр. 115) поэтъ указалъ пьесу „На смерть Р.“.

Свѣдѣнія объ Амаліи Ризничъ и объ отношеніяхъ къ ней Пушкина сообщены профессоромъ *К. П. Зеленскимъ* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856, № 11 (іюнь), современная лѣтопись, стр. 203—209 (перепечатано въ книгѣ профессора *В. А. Яковлева*: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“,

Одесса 1887, стр. 139 — 143; ср. также „Замѣтку о Пушкинѣ“ въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1858, стр. 137) и профессоромъ *М. Халанскимъ* въ Харьковскомъ университетскомъ *Сборникѣ въ память Пушкина*, Харьковъ 1900, стр. 423 — 426 (по рассказамъ проф. Сречковича). См. также статью *П. Е. Щеголева*: „Амалия Ризничъ въ поэзи Пушкина“ въ *Вѣстникѣ Европы* 1904, № 1, и въ книгѣ: „Пушкинъ“, Спб. 1912, стр. 136 — 225. Изъ сообщаемыхъ названными лицами фактическихъ подробностей мы узнаемъ, что Иванъ Ризничъ, далматинецъ, родомъ изъ Триеста, сынъ богатаго мѣстнаго купца, получившій хорошее образованіе, имѣлъ въ началѣ 20-хъ годовъ банкирскую контору въ Вѣнѣ, потомъ переселился въ Одессу, гдѣ занялся хлѣбной торговлей. Въ Одессѣ онъ пользовался виднымъ положеніемъ и одно время стоялъ во главѣ мѣстнаго театра. Его молодая жена, по однимъ свѣдѣніямъ — дочь вѣнскаго банкира Риппа, полу-нѣмка, полу-итальянка, съ примѣсью, можетъ быть, и еврейской крови, а по другимъ — итальянка, родомъ изъ Флоренціи, отличалась необыкновенною красотою и веселымъ характеромъ. „Высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косою до колѣнъ; она одѣвалась чаще всего въ костюмъ амазонки. Среди одесскихъ женщинъ она была „поразительнымъ явленіемъ“, и многіе увлекались ею. Она не была принята въ высшемъ обществѣ, т. е. въ домѣ графини Воронцовой; но вокругъ нея собиралась цѣлая толпа поклонниковъ, среди которыхъ особенно настойчивымъ былъ Пушкинъ, увивавшійся около нея, по словамъ ея мужа, „какъ котенокъ“. Одесскіе старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкинъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ польскаго шляхтича Собаньскаго; Иванъ Ризничъ называетъ князя Яблоновскаго. Какъ бы то ни было, на почвѣ этихъ ухаживаній, повидимому, разыгралась семейная драма, и

г-жа Ризничъ должна была уѣхать изъ Одессы въ Италію. Мужъ говорилъ, что она „разстроила свое здоровье и уѣхала лѣчиться“. Это произошло въ началѣ мая 1824 г. Въ Одессѣ рассказывали, что вслѣдъ за г-жей Ризничъ выѣхалъ изъ Одессы и Собанскій. Онъ догналъ ее за границей, проводилъ до Вѣны, а потомъ бросилъ. Съ другой стороны, Ризничъ говорилъ, что за его женой послѣдовалъ Яблоновскій, который и жилъ съ нею во Флоренціи. Въ Италіи г-жа Ризничъ прожила недолго: она умерла, по всей вѣроятности, въ началѣ 1825 г., — „кажется, въ бѣдности, призрѣнная матерью мужа“, какъ передавали въ Одессѣ, хотя мужъ заявлялъ, что онъ не отказывалъ ей въ денежной помощи. В. И. Туманскій написалъ на ея смерть, въ іюлѣ 1825 г., слѣдующее стихотвореніе, посвященное Пушкину и напечатанное въ альманахѣ Раича и Ознобишина: „Сѣверная Лира на 1827 годъ“, подъ заглавіемъ: „На кончину Р.“:

Ты на землѣ была любви подруга:
 Твои уста дышали слаще розъ,
 Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
 Горѣла страсть, блистало небо юга.
 Къ твоимъ стопамъ съ горячностью друга
 Склонялся міръ — твои оковы несь,
 Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
 Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.
 И гдѣ жь теперь поклонниковъ твоихъ
 Блестящій рой? Гдѣ страстныя рыданья?
 Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,
 Ужъ новый огонь волнуешь души ихъ,
 И для тебя сей голосъ струнь чужихъ —
 Единственный завѣтъ воспоминанья.

Въ этихъ стихахъ нельзя не замѣтить намека на неудачный бракъ, сгубившій пылкую женщину, а также —

и нѣкотораго упрека по отношенію къ Пушкину въ послѣднихъ двухъ строкахъ. Можетъ быть, стихотвореніе Пушкина и было, до извѣстной степени, отвѣтомъ Туманскому.

Память о Ризничъ сохранилась также и въ наброскахъ *Странствія Оньгина*, гдѣ, въ строфахъ, посвященныхъ Одессѣ, между прочимъ, читаемъ:

Тамъ хлопотливаго купца
 Блится рѣзвая подруга. . .
 . . . . .
 А ложа, гдѣ, красой блистая,
 Негоціантка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?
 Она и внемлетъ, и не внемлетъ
 И каватинѣ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью пополамъ,
 А мужъ въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ *фора* закричитъ,
 Зѣвнетъ — и снова захрапитъ. . .

Стихотвореніе Пушкина, вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими: „Заклинаніе“ (1828) и „Для береговъ отчизны дальней“ (1830), представляетъ, по мнѣнію *Анненкова* („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 188), „одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу, или, можетъ быть, къ двумъ неизвѣстнымъ лицамъ, умершимъ за границей“. Это мнѣніе, однако, можетъ быть принято только съ оговорками, тѣмъ болѣе, что и самъ *Анненковъ* высказалъ его въ очень неопредѣленной формѣ: съ точки зрѣнія чистой „лирики“ такое объединеніе трехъ стихотвореній въ одну „пѣснь“ вполнѣ допустимо, но съ точки зрѣнія фактическаго приуроченія оно вызываетъ большія сомнѣнія, о которыхъ и будетъ

сказано въ примѣчаніяхъ къ соответствующимъ пьесамъ. *Бюлинскій* считалъ это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ, задумевнѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина. „Къ особеннымъ чертамъ пушкинской поэзіи, рѣзко отличающимъ ее отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность. Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффе́ктируетъ, никогда не вводитъ на себя великолѣпныхъ, но неиспытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно. Такъ, напримѣръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стоновъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчаяніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки! Но сердце наше — вѣчная тайна для насъ самихъ...“ (*Сочиненія*, томъ VIII, М. 1865, стр. 408 — 409).

„Случалось ли вамъ“, говоритъ *М. Н. Катковъ* („О Пушкинѣ“, М. 1900, стр. 58 — 60), „испытывать то тягостное состояніе, когда сердце упорно безмолвствуетъ на призывъ когда-то милый, когда-то всевластный? то состояніе мучительной борьбы между дорогимъ воспоминаніемъ, между требованіемъ сердечной совѣсти, и безсиліемъ сердца отвѣчать живымъ біеніемъ на это требованіе, почувствовать въ настоящемъ то, что прошло для него невозвратно и утратило живую связь съ нимъ? Былое просится къ намъ въ душу, но пути его заросли и забыты, и призывный голосъ будить только воспоминаніе, и слезами нашими искренно плачетъ только жалость, что сердце не хочетъ плакать. Вотъ случай жизни. Его могъ испытать каждый, и многіе могли про себя сознавать его. Но является поэтъ, и эту исповѣдь сердца возводитъ онъ до общаго сознанія; темное и глухое дѣло жизни становится свободнымъ представленіемъ... Пушкинъ беретъ одинъ случай изъ жизни и, изображая его, высказываетъ общій

смыслъ этого явленія... Творчествомъ поэта тяжкая тайна сердца возводится въ свободную сферу созерцанія“.

XXVII.

А. Г. РОДЗЯНКЪ.

(Стр. 47).

Рукопись этого стихотворенія неизвѣстна. — Напечатано въ *Современникъ* 1859, томъ 73, отд. I, стр. 505—506, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи:

„Стихотвореніе это писано къ А. Г. Р. и набрано съ автографа, который въ 1856 г., по смерти А. Г. Р., перешелъ въ собственность брата его, М. Г. Р. — Редакція *Современника* приносить сему послѣднему искреннюю благодарность за предоставленіе ей права напечатать это стихотвореніе“.

Въ томъ же году посланіе было напечатано также и въ статьѣ А. П. Кернъ: „Воспоминанія о Пушкинѣ“, въ *Библіотекѣ для Чтенія*, томъ 154, стр. 115—116, а затѣмъ вошло въ изданіе *Сочиненій Пушкина* 1859 г., томъ I, стр. 353 — 354.

Аркадій Гавриловичъ Родзянко (1793—1850) въ молодости служилъ въ военной службѣ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ случай познакомиться съ Пушкинымъ. Онъ занимался, между прочимъ, литературой и писалъ стихи, печатавшіеся въ разныхъ журналахъ и альманахахъ. Въ числѣ его произведеній было одно стихотвореніе, въ которомъ заключался рѣзкій отзывъ о Пушкинѣ. Изъ этого стихотворенія извѣстны только двѣ строчки, приведенныя В. И. Туманскимъ („Письма и неизданныя стихотворенія В. И. Туманскаго“, Черниговъ 1891, стр. 11):

И всё его права — иль два, иль три Ноэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ — портретъ Лувеля.

Пушкинъ, однако, не вѣрилъ, что эти стихи написаны Родзянкой: „Я увѣренъ“, писалъ онъ Бестужеву изъ Кишинева, 13 іюня 1823 г., что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются. Онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости. . . “. Черезъ два мѣсяца поэтъ, кажется, убѣдился въ авторствѣ своего пріятеля, но уже не сердился на него, а добродушно писалъ брату изъ Одессы, что тамъ „будетъ Родзянка-предатель, жду его съ нетерпѣніемъ“. Родзянко дѣйствительно пріѣзжалъ въ Одессу и читалъ Пушкину отрывки изъ своей поэмы „Чупка“. Затѣмъ, въ 1824 г., находясь уже въ Михайловскомъ, поэтъ получилъ отъ него поклонъ и написалъ ему пріятельское письмо, со стихами, въ которыхъ называетъ его „намѣстникомъ Феба и Пріапа“, намекая на неудобныя для печати эротическія его стихотворенія; по той же причинѣ Родзянко и въ настоящемъ посланіи названъ „Пирономъ Украйны“. Оставивъ военную службу въ 1821 г., Родзянко поселился въ своемъ имѣніи, въ Полтавской губерніи, недалеко отъ Лубенъ, и тамъ сблизился съ сосѣдкой, А. П. Кернъ. Въ письмѣ къ Пушкину отъ 10 мая 1825 г. онъ, между прочимъ, говоритъ объ этой связи: „Вотъ, теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ [мужемъ]: снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ“. Къ этому мѣсту Анна Петровна приписала: „Ей-Богу, я этихъ строкъ не читала!“ а Родзянко прибавилъ: „Но заставила ихъ прочесть себѣ десять разъ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 71, 76, 213 — 214). Отвѣтомъ на это письмо, писанное еще ранѣе свиданія Пушкина съ Кернъ въ Тригорскомъ, и было настоящее стихотвореніе.

См. *Н. И. Черняева* „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ, 1900, стр. 65—80, и *Н. Ѳ. Сумцова* „Пушкинъ“, Харьковъ, 1900, стр. 327—330.

Впослѣдствіи Родзянко написалъ стихотвореніе на смерть Пушкина, напечатанное Сумцовымъ (1. с.) по подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ Харьковскаго университета.

XXVIII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(Стр. 47 — 140).

Печатается по изданію 1831 г.: „Борисъ Годуновъ. Спб., тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1831“ (8^о, 142 стр.) съ дополненіями изъ Посмертнаго изданія (томъ I, стр. 255—373 и томъ IX, стр. 193—199). Это первое отдѣльное изданіе „Бориса Годунова“ было выпущено въ свѣтъ „съ дозволенія Правительства“ (какъ значится на оборотѣ заглавнаго листа), 24 декабря 1830 г., причемъ въ немъ пропущены были сцены III (Дѣвичье Поле) и XII (Уборная Марины), появившіяся только въ IX томѣ Посмертнаго изданія, стр. 193—199. Ранѣе полнаго изданія отдѣльныя сцены были напечатаны: въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть I, № 1, стр. 3—12, — сцена въ Чудовомъ монастырѣ (Пимень и Самозванецъ); въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 годъ, стр. 25—27, — сцена Курбскаго и Самозванца на границѣ, и въ *Денникѣ* 1830, стр. 1—9, — двѣ первыя сцены.

Борисъ Годуновъ извѣстенъ намъ въ двухъ рукописяхъ полныхъ и одной неполной.

Среди бумагъ Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, имѣется листовая книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ, помѣченная по описи № 2370 и, повиди-

тому, привезенная поэтомъ въ Михайловское изъ Одессы. Здѣсь находятся черновыя стихотворенія 1823—1825 гг., нѣкоторые прозаическіе отрывки и замѣтки, исчерканныя строфы разныхъ главъ *Евгенія Онгина* и пр. Здѣсь же, въ разныхъ мѣстахъ, набросано пять сценъ *Бориса Годунова*: Воротынскій и Шуйскій, Красная Площадь, Дѣвичье Поле, Кремлевскія палаты, Чудовъ монастырь. Этотъ первоначальный черновой текстъ „комедіи“ представляетъ много любопытныхъ вариантовъ. Рукопись описана *В. Е. Якушкинымъ* въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 1—37. Въ настоящихъ примѣчаніяхъ она обозначается цифрою I.

Вторая рукопись, обозначенная здѣсь цифрою II, находится также въ Румянцовскомъ Музеѣ, подъ № 2392. Это — листовая тетрадь безъ переплета, представляющая полный текстъ пьесы, переписанный писарскою рукою, съ собственноручными поправками Пушкина и съ полустершеюся надписью карандашемъ: „Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme qui... tout le long du jour“. Эта рукопись описана также *В. Е. Якушкинымъ*, въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 44, стр. 573—574, и *А. И. Незеленовымъ*, въ книгѣ: „Шесть статей о Пушкинѣ“, Спб. 1892, стр. 83—87.

Третья рукопись (III), описанная *М. И. Сухомлиновымъ* въ его книгѣ: „Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, томъ II, стр. 234 и слл., поступила въ Императорскую Публичную Библіотечку отъ П. В. Жуковскаго (сына поэта). Она представляетъ полный текстъ пьесы, перебѣленный самимъ Пушкинымъ, съ нѣсколькими карандашными поправками В. А. Жуковскаго и съ отмѣтками шести мѣстъ, подлежащихъ „очищенію“, красными №. Это, по всей вѣроятности, та самая рукопись, которая представлена была Пушкинымъ, че-

резъ Бенкендорфа, государю. Поправки Жуковского, чисто редакціонныя, сдѣланы были, очевидно, уже послѣ возвращенія рукописи автору.

Кромѣ этихъ рукописей, въ Пушкинскомъ Музеѣ А. Ѳ. *Оптына* находится найденный имъ въ бумагахъ Жуковского слѣдующій черновой отрывокъ, напечатанный (не вполне и неточно) въ *Вѣстникъ Европы* 1882, № 10, стр. 893:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Комедія

О настоящей бѣдѣ Моск. Госуд., о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ —

Лѣтопись о многихъ мятежахъ и пр.
писано бысть Алексашкою Пушкинымъ
въ лѣто 7333,
на городищѣ Воронищѣ.

Дѣйствующія лица въ I-ой части.

Борисъ Гудуновъ, *царь*.
Патріархъ Іовъ.
Игуменъ *Чудова монастыря*.
Пименъ, *мтотисецъ*.
Григорій Отрепьевъ.
В. Шуйскій } *Князя Рюриковой крови.*
Воротынскій }
Василій Щелкаловъ, *верховный дьякъ*.
Мисаилъ } *монахи.*
Варлаамъ }
Злой чернецъ.
Хозяйка *корчмы*.
Сторожевые приставы.
Народъ.

Послѣ сцены VI.

Гдѣжъ онъ? гдѣ старецъ Леонидъ?
 Я здѣсь одинъ, и все молчить,
 Холодный духъ въ лицо мнѣ дуетъ,
 И ходитъ вѣтеръ по главѣ...
 Чтожъ это? Чтоже знаменуетъ?
 Бѣда ли мнѣ, бѣда ль Москвѣ?
 Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!
 Ц—чь тѣню кровавой
 Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.
 Бѣда тебѣ! Главы преступной
 Ты не спасешь ни покаяньемъ,
 Ни Мономаховымъ вѣнцомъ —

Въ музейной рукописи № 2370 пьесѣ непосредственно предшествуютъ слѣдующія замѣтки:

(л. 44). *Убіеніе Св. Димитрія*. Чиновники Владим. Загрядской и Никиф. Чепчуговъ не согласились — Дядька царской, окольникій Андрей Лупъ-Клешнинъ предложилъ дьяка Михайло Битяговскаго. Сынъ его Данило, плем. Никита Качаловъ, мамка царевичева Василиса Волохова, сынъ ея Осипъ (убійцы)*. Кормилица Дим. Ирина Жданова.

1591 г. мая 15. — Судьи: Клешнинъ и кн. Вас. Ив. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Ш., дьякъ Вылузгинъ. 19 мая съ крутицкимъ митрополитомъ (Геласій)*) являются въ Угличъ, въ церк. св. Преображенія. Геласій проситъ прощенія за Вдов. царичу. Царичу постригаютъ въ пустынѣ св. Ник. на Выксѣ.

1598. Государственный дьякъ и печатникъ (Андрей) Василій Щелкаловъ требуетъ присяги во имя Думѣ (*такъ*) боярской. Избр. Гудунова.

---

*) Скобки Пушкина.

(л. 44 об.). *Ссылки и казни*. 1584 — 87. *Діонисій мудрый Грамматикъ*, замышляетъ съ кн. *Шуйскими* о разводѣ Теодора съ Ириною; по клеветѣ взяты подѣ стр. кн. *Татевы, Урусовы, Кольчевы, Выкасовы*, друзья кн. Шу. кн. Андрей Ив. Ш. *Псковской* сосланъ въ *Каранолъ*, другихъ заточили въ Буй-городъ, въ Галичь, въ Шую и въ Сибирь. Кн. Ив. Татева въ Астрахань; купцамъ отсѣкли головы. Діонисій и Варлаамъ — заточены, 1-ый — въ мон. Хутынской, 2-й — въ Антоніевъ Новог. Кн. Шу. удавленъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій, старшій бояринъ и Воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя Госуд., братъ Анастасіи. Кн. Шуйскій *Пск.* Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Гудуновъ, зять Малюты Скуратова. — Теодоръ царств. 14 лѣтъ.

Послѣ убійст. Дим. до избр. Гуд. 7 лѣтъ.

Князья Рюр. пл.: Шуйскій, Сицкій, Воротынской, Ростовскій, Телятевскій и пр.

Далѣе, на листѣ 45-мъ рукописи, начинается программа пьесы:

„Год. въ монастырѣ — толки Князей — вѣсти — площадь, вѣсть о избраніи (*Год.*, юродивый). — Лѣтописецъ, Отрепьевъ — Бѣгство Отрепьева.

Год. въ монастырѣ, его разкаянье; — монахи бѣглецы. Гуд. въ семействѣ —

Год. въ совѣтѣ. Толки на площади. — Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Ирины. — *Год.* и колдуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ. — Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга бояръ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади — письмо Дмитрія — вече — убіеніе царя — самозванецъ (приѣхалъ въѣзжаетъ въ Москву“.

Тутъ же начата и самая пьеса:

1-е дѣйствіе 20 февраля 1598. Кн. Воротынскій, кн. (Ростовскій) Шуйскій.

Наряжены *смотрѣть* мы за устройствомъ,
А между тѣмъ — и не за кѣмъ *смотрѣть* и пр.

Приводимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, варианты рукописей I, II и III.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Стр. 51—55).

Стихи 1-й и 2-й по рукописи I приведены выше. Во II и III стихъ 1-й первоначально читался:

Наряжены *Москву* мы вмѣстѣ вѣдать,

но въ III рукою Жуковскаго исправлено, какъ въ печатномъ.

постонеть

Стихи 7-й — 10-й: Народъ еще повоюетъ *на кольяхъ*,

Борись еще *посердится* немного

(*Откажется*)

И наконецъ *изъ* милости *къ* нему (I)

Стихъ 13-й: По прежнему — (*мукавый* *скоморохъ*) (I)

Стихъ 14-й: (*Но вотъ ужъ мѣсяцъ болѣ*)

Какъ *заклочась въ обители святой* (I)

„ 18-й: Не *внемлетъ онъ ни частымъ увѣщаньямъ*

„ 19-й: Ни *просьбамъ ихъ*, ни *воплю всей Москвы* (I)

„ 28-й: И на *престоль (готовый) открытый* не
[взойдетъ (I)]

Въ I послѣ этого слѣдуютъ прямо слова Воротынскаго:

(л. 45 об.) Ужасное злодѣйство! *О, конечно,*
(Но, быть можетъ),

Губителя разкаянье *вызветъ?*

Быть можетъ, кровь царевича святого

Ему *шагнуть* мѣшаетъ на престоль?

Затѣмъ тутъ же, сбоку, написана и другая редакція этихъ стиховъ:

Ужасное злодѣйство! *жаль однако*

Борисъ умень; правленіе его

Покоило, величило Россію

Прямой онъ Царь — что будетъ безъ него?

(Шуйскій).

Государемъ

И, — не тужи — онъ будетъ (на престоль)

Какая честь для насъ, для всей Россіи!

Стихъ 54-й: Пускай его *бъ*

Въ I *бъ* нѣтъ; во II оно вставлено рукою Пушкина; въ III его опять нѣтъ.

Стихъ 62-й: И въ петлю *лѣзть* не *захочу* я даромъ

такъ во всѣхъ трехъ рукописяхъ; но въ III рукою Жуковскаго исправлено, какъ въ печатномъ.

Стихъ 72-й: *Да, родъ его* не знатенъ: мы знатнѣе;

Вьдѣ ты да я — природные князья.

- Стихъ 75-й: Природные — *мы* Рюриковой крови (I)
 „ 76-й: *Такъ слѣдственно и мы бѣ имѣли право* (I)
 „ 78-й: Чѣмъ Годуновъ, *вчерашній рабъ. Ну, право,*
 Когда Борисъ хитрить не перестанетъ (I)

Окончаніе сцены, начиная съ стиха 82-го, въ I читается такъ:

- (л. 46). Своихъ Царей у нихъ довольно — пусть
Изъ насъ они лубова (именуютъ) изберутъ
 Себѣ Царемъ.
 — *Да, хорошо бѣ, но трудно:*
 Уже давно мы лишены удѣловъ,
 Давно Царямъ мы какъ дворяне служимъ:
 Народъ отвыкъ въ насъ видѣть (*Шлемя Славы*)
древній корень
 Воинственныхъ властителей (*Варяговъ*) своихъ
И много насъ, наслѣдниковъ Варяга, —
Нѣтъ, мудро тягаться съ Годуновымъ:
Онъ привязалъ и страхомъ, и любовью
 И славою *остъ рускія сердца.* [(слышимъ) виднпшь
 — Онъ смѣлъ — вотъ все — а мы... Но тише,
 Народъ идетъ разсыпавшись назадъ.
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, чѣмъ рѣшилось.

Послѣдній стихъ тутъ же исправленъ, какъ въ печатномъ.

Стихъ 82-й во II и III читается:

Своихъ Царей у нихъ довольно; пусть

но въ III Царей зачеркнуто и надписано: Князей.

Стихъ 84-й во II и III читается:

Да, много насъ, наслѣдниковъ Варяга.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

(Стр. 55—56).

Вмѣсто стиха 5-го и слѣдующихъ въ рукописи I читаемъ:

(л. 47 об.). О, *Господи!* Кто будетъ нами править?
 — (Онъ обѣщаль съ Боярами рядить)
 (По прежнему) (Пойдутъ раздоры)
 — (Но) А царство безъ Царя
 Какъ устоитъ? Подыметъ раздоръ,
 А хищный ханъ (опять) набѣгъ опять готовитъ
 (Онъ) И явится внезапно подъ Москвой.
 Кто отразитъ (поганую орду) поганые полки?
 Кто сдвинетъ Русь въ грозящую дружину?
 О, горе намъ!
 — Но вотъ верховный дьякъ
 Выходитъ къ намъ *опицать* рѣшение Думы.
 Послуша^{йте}(емъ) Щелкалова! Молчать!
 Щелкаловъ.
 Бояре *всѣ* соборомъ положили, и пр.

Стихи 15 — 24 въ рукописи I читаются такъ:

Иконами Владимірской, Донской,
 Воздвигнется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
 И сонмъ боярзъ, и выборные люди,
 И весь народъ Московскій православный:
 Мы всѣ пойдемъ въ *послѣдній* разъ Бориса
 Въ слезахъ *молить*, да *царствуетъ* надъ нами,
 Да сжалится надъ сирюю Россіей.
 Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Затеплите всенощную лампаду,
 Молитесь, — да *низпошлетъ* отраду
 Господь своимъ рабамъ*).

*) Оставленъ пропускъ для 4-сложнаго слова.

Кромѣ того, стихъ 10-й первоначально читался:

Въ послѣдній разъ (*употребить молебь*)

а въ стихѣ 13-мъ было: торжественный молебенъ; но во II и III уже исправлено, какъ въ печатномъ.

Въ III стихъ 16-й читается:

Воздвижится, а съ нимъ синклить, бояре

а въ стихѣ 17-мъ слово: „Дворянъ“ написано Жуковскимъ вмѣсто пушкинскаго: „Бояръ“.

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

(Стр. 57—59).

Стихъ 3-й: Съ толпой *вельможъ* . . . . . I.

Вмѣсто стиховъ 5 — 6 въ рукописи I читается слѣдующее:

(л. 48 об.) Не плачь, не плачь! Агу! Вотъ бука, бука!

Отдамъ тебя. Агу, не плачь, не плачь!

— Народъ завылъ . . . О чемъ ты плачешь, баба?

— А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре, —

Не намъ чета! Ну, вотъ! Какъ должно плакать,

Такъ и примолкъ? Вотъ, бука съѣсть тебя!

Плачь, баловень!

Стихъ 7-й: Нельзя ли намъ *пробиться* за ограду? (I)

„ 12-й: Унизаны народомъ *любопытнымъ*.

Смотри, смотри: всѣ падаютъ, какъ волны,

За рядомъ рядъ . . . (I)

Стихи 17 — 25 въ рукописи III сбоку отчеркнуты карандашемъ и потомъ зачеркнуты. Тутъ же краснымъ карандашемъ поставленъ знакъ ЛЗ 4. Эти стихи печатаются

нами по рукописи II, въ сравненіи съ которою рукопись III представляетъ слѣдующіе варианты:

Стихъ 18-й: . . . О чемъ мы плачемъ?

„ 23-й: . . . (*бросаетъ его объ земь. Ребенокъ плащитъ*).

„ 25-й: . . . Нѣтъ, я слюней помажу.

Рукопись I даетъ къ этому мѣсту еще нѣсколько первоначальныхъ (зачеркнутыхъ) разночтеній:

(л. 48).

Заплачемъ же и мы.

— Я силюсь, братъ,

Да не могу.

— Я тоже.

— Нѣтъ ли луку?

— Дай, выдеру я клокъ изъ бороды.

— (*Ну, не смѣши*) (*Ну, не дури жъ*)

— Нѣтъ, я слюной глаза себѣ намажу.

— Дай, ущипну тебя, иль вырву клокъ
Изъ бороды.

— *Ахъ, не смѣши! Молчи!*

Не во время ты шутишь.

— Нѣтъ ли луку?

Въ Посмертномъ изданіи сокращено такъ:

Заплачемъ, братъ, и мы.

— Да слезъ-то нѣтъ.

Что тамъ еще?

— Да кто ихъ разберетъ!

Стихи 27 — 28 въ рукописи I читаются:

Онъ *воспріялъ вѣнецъ!* Онъ согласился!

Борисъ нашъ Царь! *Царь! Слава! Слава! Слава!*

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Стр. 59—60).

- (л. 48 об.). Стихъ 1-й: *Внемлите—ты, Владыко, вы, Бояре* (I)
- Стихъ 2-й: *Обнажена моя душа предъ вами* (II)
- „ 6-й: *Наслѣдую великимъ Иоаннамъ,*
(Прославившимъ державною рукою)
(Столь много лѣтъ страдавшую Россію) (I)
- „ 9-й: *Возри съ небесъ на слезы слугъ твоихъ*
(И осыни своимъ благословеньемъ)
- И низ
Пошли (съ небесъ) тому, кого любилъ,
(На свой Вѣнецъ) (I)
- „ 16-й: *Служите мнѣ, какъ вы Царю служили,*
Когда служилъ я съ вами наравнѣ (I)
- „ 19-й: *(Шуйскій). О, Государь! мы (вѣрные) всѣ*
[твои рабы,
Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.
(Бояре). Не измѣнимъ присягѣ, нами данной (I)
- „ 24-й: *Всѣмъ вольный входъ въ великія палаты,*
Всѣ званые, всѣ гости дорогіе. (I)
- „ 27-й: *Когда народъ пошелъ въ Дѣвичье Поле,*
И мы одни остались въ Москвѣ,
Ты говорилъ. . . (I)
- „ 29-й: *(Совѣтую что сказано забыть)*
Здоровье былое забывать (I)
- „ 33-й: *Но — чу! — народъ привѣтствуетъ Царя* (I)

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(Стр. 61—67).

Въ рукописи I эта сцена помѣчена: „Явленіе 4“. Монологъ Пимена находится здѣсь въ первоначальной, черновой редакціи и читается такъ:

- (л. 49) Еще одно, послѣднее сказанье —
(Моихъ временъ я кончу повѣсть)
И мѣтопись окончена моя,
Исполню долгъ, мнѣ Богомъ завѣщанный,
И въ памяти навѣки успокою
Земное все — въ мойму низходя,
Оставляю трудъ смиренный, безъвианный.
 Найдеть его монахъ трудолюбивый
     Когда-нибудь *(чернецъ)*
(Современемъ) монахъ трудолюбивый
(Хранитель)
Хранимую въ пыли ее найдеть (среди книгъ)
(Какъ я, затворникъ мирный, до утра)
И въ келли до утра затворясь,
(Надъ хартіей моею) (Зажжетъ лампаду)
Какъ я (Сии листы) (озаритъ)
(Зажжетъ мою) лампаду
     (Молитву сотворитъ)
(И сотворивъ усердную молитву)
И засвѣтитъ, какъ я, лампаду
(Съ молит)
(И затворясь въ уединенной келли)
(Какъ я зажжетъ лампаду)
     прочтетъ какъ я молитву
И м. б. меня онъ переписнетъ
(И хартію мою)
(Для христіанъ)
Для чтенья православныхъ христіанъ.
- .....

- (л. 49 об.) *Пречистую* смиренно умоляютъ.
 Но близокъ день, лампада догораетъ. . .
 Еще одно ужасное преданье.
-

Борисъ, Борисъ! Престола ты достигъ,
 . Исполнимся надменные желанья!
 Вокругъ ^{его} (тебя) — послушные рабы,
 Всъ съ трепетомъ ^{его} (твоей) хордынь служатъ,
 (Никто тебя напомнить не дерзаетъ)
 (О жребіи царевича, — никто),
 (Лишь совѣсти, б. м., тайный ропотъ)
 (А между тѣмъ безмольное перо
 А въ келіи безвѣстное перо
 Здѣсь ^{на} ^я ^{безмольный} (о) теб(ь) доносъ (ужасный) пишетъ
 И не уйдетъ злодѣйство отъ суда
 И на земль, какъ въ вышнихъ передъ Богомъ

- (л. 50) (Земное все) Какъ быстро, какъ неясно
 Минувшее проходитъ предо мной
 Давно ль оно несло событій полно
 (Какъ бурное, волнуемое море)
 Какъ океанъ, устьянный волнами, —
 И какъ теперь безмольно, безмятежно. . .
 Передо мной опять выходятъ люди,
 Уже давно покинувшіе міръ —
 Властители, которымъ былъ покоренъ,
^{Князья, ерши}
 (И недруги) и старые друзья
 Товарищи (моихъ начальныхъ лѣтъ)
 (моей цвѣтущей жизни)
 мои въ пирахъ и битвахъ

(И въ шумъ битвъ, и въ сладостныхъ беспѣдахъ)
 И въ сладостныхъ семейственныхъ беспѣдахъ . . .
 Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
 Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
 И дѣйствія, и (моиныя) *) страсти
 Не много словъ доходитъ до меня,
 Чуть (слабый) чуть ихъ смѣдъ ложится легкой тѣнью,
 И мнѣ давно, давно пора за ними . . .

Дальше, на л. 55 об., находятся строки, относящіяся къ этой же рѣчи Пимена: „Приближаюсь къ тому времени, когда земное перестало быть для меня занимательнымъ“.

На оборотѣ л. 52 начинается черновой монологъ Григорія, соотвѣтствующій стихамъ 28—46 и 51—61 печатнаго текста:

Три раза въ ночь злой врагъ будилъ меня
 (Мнѣ снился бой) (Три раза мнѣ пришлося)
 Мнѣ снился
 (Приснился мнѣ)
 (Мнѣ снился бой), и тѣстница крутая
 Меня (ведетъ) вела на башню — (съ высоты) съ
[башни той]

И
 (Я видѣлъ) (Мнѣ) видѣлъ[асъ]ъ я [передъ] Москву
какъ муравейникъ
 Народъ шума (въ толпахъ) на площади кипѣлъ
 И (мнѣ) на меня указывалъ со смѣхомъ
 (И страшно мнѣ на башню становилось)
 И (съ высоты)
 И тотъ же сонъ три раза видѣлъ я
 И три раза я падалъ (право чудно)
съ той же башни

*) Оставленъ пробѣлъ.

Чудесный сонъ . . .

Проснусь — лягу — а все передь лампадой
За сартіей

Святой старикъ сидитъ и (пишетъ)

(То думаетъ)

И во всю ночь онъ не смыкалъ очей —

(Л. 55) (Минувшихъ тѣхъ онъ пишетъ повѣсть)

Какъ я люблю (глядѣть) его (смиранный) спокойный

[лицъ]

И (тихой) взоръ и (важное смиренье)

Когда душой въ (прош) минувшемъ поуженъ

Онъ лѣтопись свою ведетъ — я часто

(Хотѣлъ бы знать) о чемъ теперь онъ пишетъ —

Угадывать хотѣлъ

О битвахъ мѣ, о казняхъ Иоанна

О мятежь Новгородской воли

О (шибельномъ) владычествѣ татаръ

О (миръ) славѣ ли святой Руси? напрасно.

(Его) Все тотъ же видъ холодный, величавый

(Ничто не измѣняетъ)

Ни на челѣ ни *) во взорахъ

Не лзя прочесть его заветныхъ думъ —

(Л. 55 об.) Такъ (думный) мудрый дьякъ въ приказ(ѣ) посѣдѣль^{акъ}

(Глядитъ) (зритъ) на правыхъ и виновныхъ (взираетъ

[равнодушно

(На зло и благо)

Спокойно зреть на правыхъ и не правыхъ

Добру и злу внимая равнодушно

Не вѣдая ни мнѣва ни любви.

(Л. 56) Стихъ 47-й: Святой отецъ.

„ 50-й: Святой отецъ — отъ вечера до утра

Ты все писалъ . . .

*) Оставленъ пробѣлъ.

Стихъ 63-й: И сны твои видѣній *райскихъ* будутъ

„ 65-й: *На хладный одръ монаха отходя*

„ 67-й: *Мой слабый сонъ мечтаньемъ врагъ*

[*смуцаетъ:*

Стихи 71-й — 90-й:

Ты часто самъ объ нихъ (отецъ) воспоминаешь

И я люблю, отецъ, тебѣ внимать.

(л. 56) *Какъ щастливо провелъ свою ты юность!*

Ты ратовалъ подъ башнями Казани,

Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,

Ты видѣлъ блескъ и роскошь Иоанновъ —

Щастливъ

А я (за чемъ) отъ отроческихъ лѣтъ

По келліямъ скитаюсь, праздный инокъ

(безвѣстный) бѣдный инокъ

(Я провожу невѣдомую младость)

(трачу здѣсь)

(влачу свою)

За чемъ (въ бояхъ) и я не тѣшился въ бояхъ? —

Умълъ бы я, какъ ты подѣ * старость * лѣтъ

Отъ суеты, отъ міра отложиться

Произнести спасительный обѣтъ

навсегда въ обитель

И въ (тѣшить могильной) затвориться

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный міръ

мало

Оставилъ ты, что меньше искушеній

(Ты на пути)

Ты повстрѣчалъ — повѣрь моимъ словамъ

(Тамъ мало благъ, а много)

(И часто я жалю) (Не жаль)

Насъ издали плывлетъ ***) слава, пышность

*) Зачеркнуто и восстановлено.

**) Такъ во всѣхъ рукописяхъ.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

(Стр. 68).

Строки 2-я и 19-я: Святый Владыко (II и III).

Строка 3-я: Пострѣль, окоянный! Да какова онъ роду?
(II и III).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Стр. 69—71).

Стихъ 6-й: Желалъ бы знать, *чего желаетъ онъ* *) (II).„ 12-й: *Даровъ любви* *) (II).„ 52-й: .....случайно (*заведется*) (III).

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

(Стр. 71—79).

При именахъ Мисаила и Варлаама въ рукописяхъ II и III было написано: „бродяги-чернецы“; затѣмъ во II самимъ Пушкинымъ исправлено, какъ въ печатномъ, а въ III оставлено безъ исправленія. Во II вся эта сцена отчеркнута сбоку карандашемъ.

Строка 8-я: .....какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ *ужъ* и не думаемъ (III); *уже* и не думаемъ (II).

„ 11-я: Противъ этой строки въ III краснымъ карандашемъ поставлено: ЛЗ 5.

„ 13-я: ...Богъ тебя благослови. (*Монахи пьютъ; Варлаамъ затягиваетъ тѣсно: «Ты проходишь, дорогая», и пр.*).

*) Исправлено рукою Жуковского, какъ въ печатномъ.

Строка 15-я: (*Григорію*). Что же ты не (*пѣешь*) подтягиваешь (III).

Пушкинъ нѣсколько разъ мѣнялъ пѣсню монаховъ: во II Мисаиль поетъ: „*Ахъ, Люба, ты люба моя*“, а Варлаамъ продолжаетъ: „*Посмотри-т-ка ты, люба, на меня*“; такъ было сначала и въ III, но потомъ Пушкинъ исправилъ: Мисаиль поетъ: „*Ты проходишь, дорогая, мимо кельи*“, а Варлаамъ продолжаетъ: „*Гдѣ неволей добрый молодецъ пострися*“. Наконецъ, въ изданіи 1831 г. — уже разноглаголюща: Мисаиль затягиваетъ: „*Какъ во городъ было во Казани*“, а Варлаамъ — свое: „*Молодой чернецъ пострися*“.

Строка 29-я: . . . да еще и спѣсивится; *можетъ быть кобылу нюхалъ* (II и III).

„ 39-я: послѣ словъ Григорія: «*Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день*», во II и III слѣдуетъ:

Варлаамъ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкъ присуспдился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка, дѣло, братъ, дѣло! у всякаго свой обычай; а у насъ съ От. Мисаиломъ одна забота: пьемъ до донушка, вытѣмъ, поворотимъ и въ доньшико поколотимъ.

Мисаиль.

Складно сказано, От. Варлаамъ.

(Въ III отчеркнуто карандашемъ и отмѣчено знакомъ №3).

Строка 42-я: . . . и добрымъ людямъ *нынче* проходить нѣтъ (III).

„ 44-я: *другова* пути . . . (III).

„ 51-я: *другова* угла (III).

„ 62-я: . . . прово(*жаю*) старцевъ до рубежа (III).

„ 97-я: Такъ вотъ тебѣ Царскій Указъ (*и съ при- мѣтами того Гришки*).

- Строка 113-я: . . .оказалось, (что) бѣжалъ онъ, окоянный . . . (II).
- „ 126-я: Отстаньте, сукимы дѣтми! (II); . . . бл . . . ны дѣтми (III).
- „ 135-я: . . . .волоса рыжіе . . . (III).

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

(Стр. 79—84).

Стихи 69—102 въ III сбоку отчеркнуты и отмѣчены знакомъ № 6, а стихи 73—92 зачеркнуты.

Стихъ 74-й: Что на *колу* кровавомъ всенародно такъ написанъ этотъ стихъ въ III; во II — неразборчиво: можно прочесть и на *полу*, и на *колу*; въ печатномъ — на *полу*. Въ изданіи Товарищества „Просвѣщеніе“ (Спб., 1903, томъ III, стр. 296) напечатано: „на *колу*“, съ примѣчаніемъ, что во всѣхъ прочихъ изданіяхъ здѣсь допущена опечатка. П. А. Ефремовъ (Сочиненія А. С. Пушкина, изданіе А. С. Суворина, томъ VIII, Спб., 1905, стр. 409), рѣзко высказался противъ этой поправки, замѣтивъ, что „на окровавленномъ *полу* пѣли каноны опричники вмѣстѣ съ Іоанномъ, а посаженнымъ на *колъ* было не до пѣнія“. Однако во 2-й главѣ IX тома *Истории Государства Россійскаго* читаемъ: „ . . . князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ; пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и *пѣлъ канонъ Іисусу*“. Очевидно, именно эти строки Карамзина послужили источникомъ для словъ Пушкина. Далѣе, въ главѣ 4-й того же IX тома находится разсказъ о мученіяхъ князя Михаила Воротынскаго: его „положили на дерево между двумя огнями, жгли, мучили; увѣряють, что самъ *царь* кровавымъ *жезломъ* своимъ *приребалъ* пылаю-

щѣ *умоля* къ тѣлу страдальца“. Здѣсь — источникъ слѣдующихъ двухъ стиховъ въ рѣчи Пушкина (76—77).

Стихи 78-й и 90-й въ рукописи II *зачеркнуты*.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Стр. 84—92).

Въ обѣихъ рукописяхъ (II и III) эта сцена начинается слѣдующими *зачеркнутыми* словами:

Ксенія (держитъ портретъ).

Что жъ уста твои
Не промолвили,
Очи ясныя
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясныя
Закатилися?

Братецъ, а братецъ! Скажи: Королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

Феодоръ.

Я говорю тебѣ, что похожъ.

Строка 7-я: . . . забудешь *своего* Королевича (II).

Стихъ 38-й: Что скажешь мнѣ, Семень *Ильичъ*? — *Сего* дня. . .

„ 103-й: (*Сейчасъ*) (III).

„ 134-й: Вокругъ его. . . (III).

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

(Стр. 92—96).

- Стихъ 1-й: . . . . не будетъ затрудненя (II).
 „ 7-й: Весь мой народъ, вся *сѣверная* церковъ (II).
     Въ III рукою Пушкина исправлено, какъ
     въ печатномъ.
 „ 17-й: *Аминь*. Кто тамъ? (II).
 „ 20-й: Остановлюсь на *цѣлые* три дня (III; но тутъ же
     слово: *цѣлые* зачеркнуто и сверху надписано:
     «въ Самборѣ»).

Стихи 62—70. Въ рукописяхъ II и III весь разговоръ Самозванца съ Хрущовымъ *зачеркнутъ*, такъ что за стихомъ 61-мъ прямо слѣдуетъ обращеніе къ казаку: „Ты кто?“ (стихъ 73-й). Мы приняли текстъ печатнаго изданія, въ рукописяхъ же разговоръ съ Хрущовымъ гораздо длиннѣе и читается такъ:

(Стихъ 71-й):

Лишь дайте мнѣ добратся до Москвы,
 А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
 Разплатится. Чтожъ новаго въ Москвѣ?

Хрущовъ.

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ
 Спасеніе Царевича провъдалъ,
 Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ,
 Всѣ ждуть тебя. Недавно двухъ бояръ
 Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
 Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ.

О добрые, несчастные бояре!
 Но кровь за кровь, и горе Годунову!
 Что говорятъ о немъ?

Хрущовъ.

Онъ удамлся

*Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его прызетъ. Борисъ едва влачится,
И думаютъ, его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.*

Самозванецъ.

Какъ врагъ великодушный,

*Борису я желаю смерти скорой,
Не то — бѣда злодѣю. А кого
Наслѣдникомъ наречь намъренъ онъ?*

Хрущовъ.

*Онъ замысловъ своихъ необъявляетъ,
Но кажется, что молодого сына
Феодора онъ прочитъ намъ въ Цари.*

Самозванецъ.

Въ разчетахъ онъ, быть можетъ, ошибется.

(Стихъ 73-й): Ты кто?

Стихъ 93-й: И мнѣ знакомъ Латинскій Музы голосъ (II, III).

Послѣ стиха 94-го въ рукописи II зачеркнуто:
(читаетъ про себя).

Хрущовъ (*тихо Пушкину*).

Кто сей?

Пушкинъ.

Китъ.

Хрущовъ.

Какое жъ это званье?

Пушкинъ.

*Какъ бы сказать? по Руси — Вишенисеиз
Иль скоморохъ.*

Самозванецъ.

Прекрасные стихи!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРЪ.

(Стр. 97—99).

Эта сцена, пропущенная въ изданіи 1831 г., была напечатана въ Посмертномъ, томъ IX, стр. 196—199.

Въ рукописяхъ II и III вездѣ написано: „Самборъ“.

Стихъ 22-й: Забывъ *Москву*... (Въ III зачеркнуто и исправлено, какъ въ печатномъ).

„ 33-й: Умомъ — превыше *онъ* похвалъ (Посм.).

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

(Стр. 99—101).

Послѣ стиха 11-го въ рукописи III слѣдуетъ еще стихъ:

Идетъ, идетъ... и съ панною Мариной.

Стихъ 24-й: *Мазурки* громъ не *подзываетъ* насъ (II, III).

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

(Стр. 102—110).

По словамъ П. В. Анненкова („Матеріалы“, стр. 112), Пушкинъ рассказывалъ, что эту сцену онъ обдумалъ всю,

возвращаясь верхомъ изъ сосѣдной деревни. Какое-то обстоятельство помѣшало ему записать ее тотчасъ по приѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты уже сгладились въ его памяти. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этой встрѣчей страстнаго Самозванца съ хитрой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная въ умѣ его, была несравненно выше, несравненно превосходнѣе той, какую онъ написалъ.

- Стихъ 11-й: Нѣтъ — это страхъ. (*Чего же я боюсь? Не знаю самъ*). День цѣлый ожидалъ (II).
- „ 124-й: Не презирай *младова* самозванца (III).
- „ (бы)
- „ 142-й: Такъ долженъ ужъ, *по крайнѣй* мѣрѣ, ты (III).
- „ 167-й: Какъ набожный *примыши* Езуитовъ? (III).
- „ 193-й: Что болѣе повѣрять (*юной*) Польской дѣвѣ (III).
- „ 216-й: . . . . Чортъ съ ними; (*силы*) мочи нѣтъ (III).

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(Стр. 110—111).

Въ рукописи II въ заголовкѣ этой сцены *зачеркнуто* „Сцена I“.

- Стихъ 1-й: (*Такъ*) Вотъ, вотъ она. . . . (III).
- „ 6-й: О мой отецъ, *утѣшится*, и въ гробѣ (*Забытыя*) Опальные возрадуются кости (III).
- „ 16-й: Забывъ отцемъ *несенныя* обиды (II).
- „ 17-й: Его (*вражду*) за гробомъ искупивъ (III)
- „ 17-й: . . . . . *искупилъ*: (II).
- „ 21-й: Ты *возвратилъ*. . . . . (III).
- „ 30-й: . . . . . я въ (*бѣдную*) Москву (III).
- „ 33-й: На *чужаго злодѣя*, на *убійцу* (III).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

(Стр. 111—116).

Въ рукописи II въ заголовкѣ *зачеркнуто*: „Сцена II“.

Стихи 4-й — 6-й: . . . . . Поѣзжайте

Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; (*вамъ*)

войсками
Надъ (*городомъ*) начальство пору-
чаю (III).

Стихъ 6-й: Нужна моимъ (*безпечнымъ*) воеводамъ (III).

„ 12-й: . . . въ желѣзной *кльти*; (*честью*) (III).

„ 30-й: Вы знаете, что (*трусый*) самозванецъ (III).

„ 32-й: Повсюду имъ *разсыпанныя* письма (III).

„ 42-й: Ты *уръшнику*. . . . . (III).

„ 67-й: . . . . . изъ *кладезовъ* святыхъ (III).

„ 73-й: А (*слышались*) мнѣ только звуки (III).

„ 78-й: (*И Богъ тебѣ уръхи твои проститъ*) (III).

„ 82-й: И (*буду я*) великій чудотворецъ (III).

„ 91-й: Изъ глазъ моихъ (*печальныхъ*) вытекала (III).

„ 101-й: И (*сѣдалъ я*). . . . . (III).

„ 117-й: . . . . . что мы святыню (*въры*) (III).

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

(Стр. 116—118).

Въ рукописи II эта сцена *зачеркнута*; въ рукописи III она помѣщена послѣ слѣдующей сцены на площади, причемъ вмѣсто „Вальтеръ“ Розень читается: „*Вольмаръ* Розень“.

Строка 5-я: Тебѣ любо, лягушка заморская, (*подыматься*)
на русскаго Царевича. . .

Первоначально было: Тебѣ любо, *заморскому во-
рону*... (III).

Строки 14-я — 16-я въ рукописи III читаются такъ:
*Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de (Dmitri) Samoz-
vanets, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au
col! — Qu'en pensez-vous, mein Herr?*

В. Розенъ.

Oh, ja!

Это мѣсто отчеркнуто сбоку краснымъ карандашомъ
и отмѣчено знакомъ №.

Заключительная помѣтка этой сцены въ рукописи III
читается: (*Трубы* трубятъ; бьютъ барабаны).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОВОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Стр. 118—120).

Въ рукописи III эта сцена помѣчена: „Сцена III“ и
озаглавлена: „Площадь *передъ* соборомъ въ Москвѣ“. При-
водимъ далѣе первоначальные (большею частью тутъ же
исправленные) варианты рукописи III, въ сопоставленіи
съ позднѣйшими поправками рукописи II.

Строка 10-я: (*Зашумѣли*). Не Царь ли?

„ 12-я: (*Николка, Николка*), желѣзный колпакъ...
(Такъ же и II).

„ 16-я: Юродивый садится на *земь* и поеть:
Мѣсяць *свѣтитъ*... (II).

„ 19-я: Юродивый, вставай,
(*Бай, бай, бай*).

„ 21-я: Здравствуй, (*желтъ*) (*Николка*)... Такъ и
во II.

Строка 25-я: Взяли мою копеечку, обижаютъ *Николку*.

(*Николку* зачеркнуто и сверху надписано карандашемъ, кажется, рукою Жуковского: *меня*. Въ рукописи II исправлено, какъ въ печатномъ).

„ 27-я: Борисъ, Борисъ! *Николку* дѣти обижаютъ!
(Карандашемъ исправлено: *Мальчишки* *меня*. Во II рукою Пушкина исправлено, какъ въ печатномъ).

„ 29-я: *Николку* маленькія дѣти обижаютъ!
(Карандашемъ исправлено: *Мальчишки* *меня*; во II — *Юродиваго*).

„ 32-я: Оставьте его. Молись за меня, бѣдный *Николка*.

(Въ III — *Юродивый*; во II — *бѣдный юродивый*).

„ 33-я: Нѣтъ, нѣтъ! *Не надо* молиться за Царя-Ирода: *Христосъ* не велить.

Въ рукописи III въ концѣ этой сцены поставленъ краснымъ карандашемъ знакъ: № 2.

С Ъ В С К Ъ .

(Стр. 121—124).

Въ рукописи III помѣчено: „Сцена V“. Варіанты:

- Стихъ 4-й: Не совѣстно (*тебѣ*), что на меня
 „ 17-й: . . . . . Богъ *въстѣ*: *въдѣ* о тебѣ
 „ 32-й: Ну, обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ *войскѣ*?
 „ 33-й: *Да* говорятъ . . .
 „ 34-й: Что ты *хоть* будь (*не имѣвайся*) и воръ.
 „ 42-й: Одинъ пять сотъ Москалей *не потруситъ*.
 „ 43-й: Да, *издали*! а какъ дойдетъ до драки . . .
-

ЛѢСЪ.

(Стр. 124—126).

Въ рукописи III помѣчено: „Сцена VI“. Въ рукописи II эта помѣта *зачеркнута*.

- Стихъ 4-й: *Нещастный другъ!*
 „ 7-й: (*Онъ раненый*) лишь только заморился.
       И оживетъ?
 „ 9-й: Мой (*добрый*) конь!
 „ 13-й: Я видѣлъ, какъ сегодня въ (*бурю*) тучу боя.
 „ 15-й: (*Какъ*) зыбкіе колосья. . .
 „ 24-й: Я (*васъ*) ужо!
 „ 27-й: А дѣло было *бъ* наше.
 „ 28-й: Я было *смялъ* передовую рать.
 „ 34-й: (*Какъ идѣ?*). Въ лѣсу. . .
 „ 38-й: Безпечень онъ, какъ *мирное* дитя.
 „ 39-й: И *намъ*, друзья, не должно унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Стр. 127—132).

Въ рукописи III помѣчено: „Сцена VII“.

- Стихъ 8-й: *Смѣются* имъ. . .
 „ 18-й: . . . . . (*волненіе*) народа.

Стихи 27—33 въ рукописи III отчеркнуты сбоку краснымъ карандашомъ и отмѣчены знакомъ NB.

- Стихъ 60-й: Но *такъ и быть*—мой сынъ, ты мнѣ дороже.
 „ 63-й: Мнѣ поданнымъ (*смираннымъ*) надлежало.
 „ 67-й: Я за *внучъ* одинъ. . .
 „ 68-й: О милый сынъ, не (*осмѣляйся*) ложно.
 „ 73-й: (*Мой умъ, давно во власти*) искушенный.

- Стихъ 75-й: Передо мной они дрожали (*молча*).
- „ 79-й: (*Смирять*) мятежъ. . . .
- „ 81-й: Онъ слабости даруетъ (*мощь*).
- „ 98-й: Затягивай (*правленія*) бразды.
- „ 102-й: (*Заботливо*) храни уставъ церковный.
- „ 107-й: О милый (*другъ*). . . .
- „ 112-й: Въ дни (*юные*).
- Во II: Въ дни *младые*.
- „ 123-й: А, *схимія!* . . святое постриженье. . . .
- „ 125-й: И *тайный* гробъ. . . . (II).
- „ 128-й: (*Вотъ я*) кому приказываю царство.
- „ 131-й: Ему служить (*съ*) усердіемъ и правдой.

С Т А В К А.

(Стр. 132—135).

- Стихъ 3-й: Въ рукописи III *зачеркнуто* на ходу письма:
(*Пока Борисъ еще былъ живъ, Дмитрій въ переговоры съ тобою не вступалъ; теперь*)
тебѣ онъ дружбу предлагаетъ.
- „ 19-й: Ему (*престолъ*) уступить сынъ Борисовъ.
- „ 21-й: . . . . . престола не (*уступитъ*).
- „ 38-й: Когда (*ему вездѣ безъ битвы*).

ЛОВНОЕ МѢСТО.

(Стр. 135—137).

Въ рукописи III помѣчено: „Сцена IX“.

Варианты рукописи III:

- Стихъ 7-й: Онъ шель казнить (*коварнаго*) злодѣя.
- „ 8-й: Но Божій судъ Бориса ужъ *сразилъ*.

- Стихъ 9-й: (*Царевичу*) Россія покорилась.
 „ 16-й: *Конечно нѣтъ.*
 „ 25-й: Но онъ идетъ (*и сядетъ на*) престолъ.
 „ 31-й: Цалуйте крестъ законному *Царю.*
 „ 37-й: Ступай! *Связать* Борисова щенка!
 „ 38-й: Вязать, *вязать* . . . . .
-

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

(Стр. 137—138).

Въ рукописи III помѣчено: „Сцена X“.

Строка 10-я: Это *люди незнакомые.*

Строки 20-я и 21-я въ рукописи III написаны точно такъ, какъ въ печатномъ, а въ рукописи II читаются:

Взойдемъ! — двери заперты — слышишь? визгъ! это женскій голосъ — крики замолкли — (шумъ продолжается).

Строка 23-я: Народъ! Марія Гудунова . . .

Вмѣсто словъ: „Народъ безмолвствуетъ“ въ рукописяхъ II и III пьеса оканчивается возгласомъ народа: „*Да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!*“ За этими словами слѣдуетъ еще приписка:

Конецъ комидіи, въ ней же первая персона Царь Борисъ Гудуновъ. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь. 7 ноября 1825.

Трудно сказать рѣшительно, вызвана ли замѣна привѣтственныхъ криковъ народа — безмолвіемъ требованіями цензуры или сдѣлана Пушкинымъ добровольно. Нельзя, однако, упускать изъ вида, что чиновникъ III Отдѣленія, составлявшій оффиціальнй отзывъ о *Борисъ Годуновъ*, находилъ привязанность народа къ Самозванцу „предосудительною въ политическомъ отношеніи“. Привѣтствія народа находятъ себѣ косвенное подтвер-

жденіе въ отзывахъ о „черни“ Бориса и Шуйскаго и напоминаютъ поведеніе толпы въ *Генрихъ VI* Шекспира (часть II, дѣйствіе IV, сцена 8-я): Букингамъ и Клиффордъ обращаются къ народу съ увѣщаніемъ отстать отъ бунтовщика Када и провозгласить: „Да здравствуетъ законный государь!“. Народъ кричитъ: „Да здравствуетъ король!“ Вслѣдъ за тѣмъ Кадъ разражается бранью и упреками, — и тотъ же народъ кричитъ: „Мы идемъ за Кадомъ!“ А послѣ новой рѣчи Клиффорда—новые крики: „Да здравствуетъ Клиффордъ! Мы идемъ за королемъ!“ Заключительная сцена трагедіи Пушкина могла быть под-сказана изученіемъ Шекспира.

Критики, ближайшіе по времени къ Пушкину, не только не имѣли по поводу заключенія трагедіи какихъ-либо сомнѣній, но считали это заключеніе чрезвычайно сильнымъ и удачнымъ. Такъ, авторъ статьи о *Борисъ Годуновъ* въ *Галатей* 1839, часть IV, № 27, писалъ:

„Какъ много заключается въ этомъ „народъ безмолвствуетъ“! Вы нехотя задумываетесь... и какъ будто присутствуете при пораженіи Аполлоновыми стрѣлами Ніобы и при превращеніи ея въ камень въ минуту гибели ея невинныхъ дѣтей. Въ этомъ: „народъ безмолвствуетъ“ таится глубокая политическая и нравственная мысль: при всякомъ великомъ общественномъ переворотѣ народъ служить ступенью для властолюбцевъ-аристократовъ; онъ самъ по себѣ ни добръ, ни золь, или, лучше сказать, онъ и добръ, и золь, смотря по тому, какъ заправляютъ имъ высшіе; нравственность его можетъ быть и самою чистою, и самою испорченною, — все зависитъ отъ примѣра; онъ слѣпо довѣряется тѣмъ, которые выше его и въ умственномъ, и въ политическомъ отношеніи; но увидѣвши, что довѣренность его употребляютъ во зло, онъ *безмолвствуетъ* отъ ужаса, отъ признанія зла, которому прежде безсознательно содѣйствовалъ“, и пр.

Бѣлинскій (Сочиненія, часть VIII, изданіе 2-е, М. 1865, стр. 651) также находилъ, что послѣднее слово трагедіи Пушкина заключаетъ въ себѣ „глубокую черту, достойную Шекспира. Въ этомъ безмолвіи народа слышенъ страшный, трагическій голосъ новой Немезиды, изрекающей судъ свой надъ новою жертвою, — надъ тѣмъ, кто погубилъ родъ Годуновыхъ...“.

Новѣйшій критикъ, академикъ Н. А. Котляревскій („Литературныя направленія Александровской эпохи“, 2-е изданіе, С.-Пб. 1913, стр. 213—214), указавъ на стѣснявшія поэта цензурныя условія, замѣчаетъ, что Пушкинъ вынужденно отодвинулъ народъ съ перваго плана на самый дальній. „Онъ даже отнял у народа послѣднюю реплику въ тотъ моментъ, когда народъ, конечно, не могъ молчать... Молчаніе народа въ данной сценѣ было очень эффектно и благородно, но оно, въ сущности, ничего не выражало, — ни осужденія совершившагося факта, ни привѣта ему. А поэту несомнѣнно представлялся въ этой сценѣ очень удобный случай дать живую картину народной психики и яркій образчикъ народнаго образа мыслей“.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

(Стр. 139—140).

Эта сцена, находящаяся въ рукописяхъ II и III, которыя представляютъ лишь незначительные (ореографическіе) варианты къ печатному тексту, впервые была напечатана барономъ Е. О. Розеномъ въ критической статьѣ о *Борисѣ Годуновѣ* въ журналѣ „Dorpater Jahrbücher für Litteratur und Kunst, besonders Russlands“, Bd. I (1833), 43—59. Статья эта была переведена на русскій языкъ въ *Литературныхъ Прибавленійхъ къ Русскому Инвалиду* 1834,

№ 2, стр. 12—15, и № 3, стр. 19—23, подъ заглавіемъ: „Мнѣніе барона Е. О. Розена о драмѣ А. С. Пушкина: Борисъ Годуновъ“.

Печатаая эту сцену (въ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ), баронъ Розенъ замѣтилъ, что она „была исключена авторомъ по совѣту польскаго поэта Мицкевича и покойнаго барона Дельвига, ибо, по ихъ мнѣнію, она ослабляла впечатлѣніе, производимое разсказомъ Пимена; впрочемъ, авторъ намѣренъ помѣстить эту сцену во 2-мъ изданіи своей трагедіи“. Предположенное Пушкинымъ новое изданіе *Бориса Годунова*, однако, не состоялось, и „Ограда монастырская“, пропущенная Посмертнымъ изданіемъ, была вновь перепечатана только въ 1854 году, *Н. С. Тихонравовымъ*, въ статьѣ: „Историческіе матеріалы“ въ *Москвитянинъ* 1854, т. II, № 5, мартъ, кн. I, отд. IV, стр. 1—11. При этомъ Тихонравовъ раздѣлилъ каждый стихъ на два и послѣ стиха 10-го внесъ новыя двѣ строчки:

Міръ великъ: мнѣ путь - дорога

На четыре стороны,

И куда костей проклятыхъ

Не заносятъ вороны.

„Эти два стиха не находятся въ *Dorptater Jahrbücher*“, говоритъ онъ: „они внесены нами въ предлагаемую сцену со словъ С. П. Шевырева, который сохранилъ ихъ въ памяти, имѣвши случай слышать всю эту сцену отъ А. С. Пушкина“.

Эта прибавка вызвала замѣчаніе *В. П. Гаевского* въ майской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1854, т. 94, отд. IV, стр. 68—70. Гаевскій рѣшительно высказалъ, что „эти два стиха принадлежатъ, очевидно, постороннему вдохновенію: ихъ нѣтъ ни въ двухъ прежнихъ изданіяхъ этой сцены, ни въ рукописномъ экземплярѣ

трагедіи, принадлежавшемъ поэту, ни въ спискахъ этой сцены съ подлинника, доставленныхъ пишущему эти строки барономъ Е. Ѳ. Розеномъ и В. Н. Щастнымъ“. Кромѣ того, Гаевскій замѣтилъ, что вся сцена написана безъ приемъ и что для созвучія съ *сторонѣ* приходится читать: *воронѣ*, что вовсе не по-русски. На это С. П. Шевыревъ, въ статьѣ: „Замѣчаніе на замѣчаніе по поводу двухъ стиховъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина (*Москвитянинъ* 1854, ч. IV, № 13 (юль), кн. 1-я, стр. 45—46), отвѣчалъ, что эти два стиха „врѣзались въ его памяти“ и что читать надо не *воронѣ*, а *вѣронѣ*. „Безъ этихъ двухъ стиховъ монологъ не округленъ въ отношеніи просодіи; онъ оканчивается приемами черезъ стихъ: *костылѣмъ — бѣгомъ; стѣроны — вѣроны*“.

Попытка Шевырева исправить и дополнить Пушкина не имѣла успѣха и скорѣ была забыта.

Написавъ *Цыганъ*, Пушкинъ почувствовалъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству. Уже въ этой поэмѣ многія сцены невольно получили подъ его перомъ драматическую форму. По словамъ Анненкова, поэтъ говорилъ друзьямъ, что послѣ написанія *Цыганъ* ему открылась новая дорога, о которой онъ прежде и не помышлялъ. Рядъ драматическихъ произведеній, созданныхъ имъ съ 1825 по 1830 г., былъ послѣдствіемъ этого новаго вдохновенія (*Полливановъ*, Сочиненія Пушкина для семьи и школы, III, 5).

Первая зима послѣ невольнаго переселенія Пушкина „въ далекій сѣверный уѣздъ“ была для него особенно тяжела послѣ шумной жизни въ Одессѣ: ссора съ отцомъ, тревожное ожиданіе еще новыхъ непріятностей, затѣмъ — почти полное одиночество въ обществѣ старушки-няни, прерываемое только поѣздками къ Осиповымъ въ Три-

горское, да посѣщеніями Святогорскаго архимандрита, — все это наводило на поэта тоску, отъ которой онъ могъ избавляться только усиленнымъ чтеніемъ. Онъ погружается въ книги, постоянно требуя отъ брата присылки то новыхъ журналовъ, то разныхъ сочиненій, русскихъ и иностранныхъ, о которыхъ узнавалъ изъ журнальныхъ статей. Библія, Четы-Минеи, Исторія Карамзина, французскіе переводы Шекспира, Шиллера, Альфieri, Вальтеръ-Скотта и др., Исторія литературы Сисмонди, Курсъ драматической литературы А. В. Шлегеля — вотъ книги, которымъ Пушкинъ удѣлялъ въ эту пору наибольшее вниманіе. „Что за человекъ этотъ Шекспиръ!“ восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Раевскому: „я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ передъ нимъ трагикъ-Байронъ!“ (*Переписка*, томъ I, стр. 248). Его мысли все болѣе и болѣе сосредоточиваются на драмѣ. Обсуждая разные вопросы „классической“ теоріи, которая въ то время считалась у насъ непреложною истиною, поэтъ ясно видитъ ея недостатки, формализмъ, условность, — и все сильнѣе и сильнѣе чувствуетъ потребность идти своимъ, самостоятельнымъ путемъ. Мало по малу у него вырисовывается планъ оригинальной драмы изъ русской исторіи. Весной 1825 г. онъ уже сообщаетъ объ этомъ Н. Н. Раевскому, который, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 10 мая того же года, даетъ ему нѣсколько общихъ совѣтовъ. „У тебя“, пишетъ Раевскій, „нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, то я желалъ бы, чтобы ты справлялся съ источниками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ только его разсказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологию прежде, чѣмъ приняться за *Валленштейна*. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, за-

чѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣлыми стихами. Мнѣ казалось бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, — разумѣется, употребляя ихъ не совмѣстно, какъ это дѣлаетъ Шаховской, но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принять для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія, — я заранѣе предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности: ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжелъ и безжизненъ; ты сообщишь діалогу движение, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ это было до сихъ поръ; ты доверишишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, не смотря на прекрасные образцы ея въ *Цыганахъ* и *Разбойникахъ*. Ты сведешь, наконецъ, поэзію съ ея ходуль“ (*Переписка*, томъ I, стр. 212; *Майковъ*, Пушкинъ, стр. 145).

13 іюля 1825 г. Пушкинъ писалъ князю Вяземскому: „Покажѣсть я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня разцалуешь: Романтическую Трагедію, — смотри молчи-же: объ этомъ знаютъ весьма немногіе“ (*Переписка*, томъ I, стр. 237). Въ числѣ этихъ немногихъ былъ Жуковский, который еще ранше полученія Вяземскимъ письма Пушкина говорилъ о трагедіи и о томъ, что въ ней „есть ночь знаменитая“ (*Тамъ же*, 253). Называя свою трагедію *романтической*, поэтъ, очевидно, хотѣлъ этимъ указать, что она будетъ, какъ по своей формѣ, такъ и по содержанію, полнымъ нарушеніемъ *классической* теоріи драмы, и рѣшилъ какъ можно рѣзче подчеркнуть это ея несходство съ общепринятыми литературными образцами: онъ не только отказался отъ шестистопнаго римованнаго стиха („александрійскаго“), считавшагося непремѣнною принадлежностью трагедіи, но

при окончательной отдѣлкѣ пьесы уничтожилъ даже намѣченное первоначально раздѣленіе ея на дѣйствія или части и, такимъ образомъ, пошелъ даже дальше „романтическихъ“ образцовъ — Шекспира и Шиллера; онъ просто разбилъ пьесу на отдѣльныя сцены, и даже заглавіе для нея придумалъ въ стилѣ первоначальнаго русскаго театра петровскихъ временъ. Обдумывая свое сочиненіе, поэтъ размышлялъ и о трагедіи вообще, и вотъ какіе выводы объ этомъ предметѣ набросалъ онъ въ черновомъ письмѣ къ Н. Н. Раевскому, въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1825 г. (*Тамъ же*, 247—249):

„Это, можетъ быть, наименѣе правильно понимаемый родъ поэзіи. Всѣ, и классики, и романтики, основывали свои правила на *правдоподобіи*, а оно-то именно и невозможно по самой природѣ драмы. Не говоря уже о времени и пр., какое, чортъ возьми, можетъ быть правдоподобіе въ залѣ, раздѣленной на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами людей, причемъ предполагается, что ихъ не видятъ тѣ, кто находится на подмосткахъ? Затѣмъ — *языкъ*. Напримѣръ, у Лагарпа Филоктеть, выслушавъ тираду Пирра, говоритъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ: „Увы! Я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи“ и пр. Погляди на древнихъ: ихъ трагическія маски, ихъ двойныя лица, — развѣ все это не условное неправдоподобіе? Далѣе — время, мѣсто и пр. Истинные гени трагедіи (Шекспиръ и Корнейль) никогда не заботились о правдоподобіи. Посмотри, какъ Корнейль смѣло раздѣлался съ *Сидомъ*. Ахъ, вамъ угодно требовать соблюденія правила о 24 часахъ? Извольте! — и нагромоздилъ въ 24 часа событій на 4 мѣсяца. По мнѣ, нѣтъ ничего безполезнѣе мелкиихъ измѣненій общепринятыхъ правилъ. Альфіери находитъ смѣшными рѣчи *въ сторону*, уничтожаетъ ихъ, а взамѣнъ того удлинняетъ монологи и думаетъ, что произвелъ цѣлую революцію

въ системѣ трагедіи, — какъ будто въ монологѣ больше правдоподобія, чѣмъ въ рѣчахъ въ сторону. Какое ребячество!“

Сдѣлавъ далѣе еще нѣсколько замѣчаній по вопросу о правдоподобіи въ драмѣ и указавъ, какъ на образецъ въ этомъ отношеніи, на Шекспира, Пушкинъ въ заключеніи своего наброска говоритъ:

„Вы спросите меня: есть ли моя пьеса трагедія характеровъ или нравовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но постарался соединить вмѣстѣ и то, и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда я подхожу къ сценѣ, требующей вдохновенія, — я или выжидаю, или перескакиваю черезъ нее. Это — способъ работы, для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась, — я могу творить“ (*Переписка*, томъ I, стр. 249).

Работа подвигалась быстро. 17 августа поэтъ писалъ Жуковскому: „Трагедія моя идетъ и думаю къ зимѣ ее кончить; въ слѣдствіи чего, читаю только Карамзина да лѣтописи — Что за чудо эти 2 послѣдніе тома Карамзина! какая жизнь! *c'est palpitant comme la gazette d'hier*, писалъ я Раевскому...“ Въ этомъ письмѣ Пушкинъ просилъ доставить ему „Жизнь Желѣзнаго Колпака“ или житіе какого-нибудь юродиваго: „я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеяхъ, — а мнѣ бы очень нужно“ (*Тамъ же*, стр. 267). На эту просьбу отвѣчалъ кн. Вяземскій, 6 сентября: „Карамзинъ очень доволенъ твоими трагическими занятіями и хотѣлъ отыскать для тебя *жельзный колпакъ*. Онъ говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь: набожности и преступныхъ страстей. Онъ безпрестанно перечитывалъ Библию и искалъ въ ней оправданія себѣ. Эта противоположность драматическая. Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому

для показанія Карамзину, который могъ бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи...“ Пушкинъ отвѣчалъ (13 сентября) благодарностью Карамзину за его замѣчаніе о характерѣ Бориса, обѣщалъ имъ воспользоваться („Я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное“), но уклонился отъ сообщенія подробнаго плана трагедіи: „Ты хочешь *плана*? возьми конецъ X-го и весь одиннадцатой томъ вотъ тебѣ и *планъ*“ (*Тамъ же*, стр. 283, 289). Указывая, такимъ образомъ, на свою зависимость отъ Карамзина, Пушкинъ, очевидно, хотѣлъ сохранить за собою полную свободу въ обработкѣ трагедіи. Въ томъ же письмѣ къ Вяземскому онъ говоритъ, что окончилъ вторую часть своего труда и что всѣхъ частей, вѣроятно, будетъ четыре. Такимъ образомъ, въ эту пору Пушкинъ еще предполагалъ раздѣлить *Годунова* на акты или „части“, и окончательный „планъ“ трагедіи ему самому былъ еще не вполне ясенъ. Не прошло, однако, и мѣсяца, какъ Пушкинъ (въ началѣ октября) уже писалъ тому же кн. Вяземскому: „Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической Трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечелъ ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай-да Пушкинъ!..“ Около того же времени (6 октября), отвѣчая Жуковскому по поводу его хлопотъ о приглашеніи профессора Мойера для операціи будто бы обнаружившагося у поэта аневризма, Пушкинъ писалъ: „Я не умру, это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы *Годуновъ* со мною уничтожился“. Совершенно закончена была пьеса *7 ноября*: эта помѣта выставлена на бѣловой рукописи (*Тамъ же*, стр. 301, 303).

Не успѣлъ еще поэтъ окончить своего новаго произведенія, какъ вѣсть о немъ уже дошла до Петербурга: въ № X журнала: *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1825 г. (*Труды Высочайше утвержденного Общества любви-*

телей россійской словесности, ч. 32-я, стр. 91, Смѣсь) появилась, подъ заглавіемъ: „Литературныя новости“, слѣдующая замѣтка, одобренная цензурою 1 октября:

„Общество извѣстилось и съ удовольствіемъ снѣшить увѣдомить читателей своего журнала, что авторъ многихъ прекрасныхъ поэмъ А. С. Пушкинъ окончилъ романтическую трагедію *Борисъ Годуновъ*. Можно полагать, что это произведеніе будетъ эпохою въ исторіи нашей словесности. У насъ трагедія примѣтно отстала отъ другихъ родовъ поэзіи. Авторъ, столько любимый просвѣщеннѣйшею публикою, даетъ право ожидать отъ новаго своего произведенія такихъ же совершенствъ, какими у него отличались прежнія. Остается только пожелать, чтобы онъ не замедлилъ представить на судъ публики свое сочиненіе, и тѣмъ придалъ бы новое украшеніе нашей словесности, которое отъ него преимущественно она привыкла заимствовать“.

Какъ извѣстно, дѣятельными членами Общества любителей россійской словесности были А. А. Бестужевъ и К. Θ. Рылѣевъ; поэтому кажется страннымъ, что Бестужеву Пушкинъ сообщилъ о *Борисъ Годуновъ* только 30 ноября, т. е. спустя почти мѣсяцъ послѣ того, какъ въ журналѣ Общества появилось приведенное выше извѣстіе. Между тѣмъ, поэтъ говорилъ о своемъ произведеніи, какъ о большой новости: „Важная вещь: я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я не читалъ о Романтизмѣ, — все не то...“

Кн. Вяземскій, бывший въ 1825 г. дѣятельнымъ сотрудникомъ только что основаннаго Полевымъ *Московского Телеграфа*, успѣшилъ сообщить читателямъ этого журнала, что „юный атлетъ нашъ испытываетъ свои силы на новомъ поприщѣ и пишетъ трагедію: *Борисъ Годуновъ*. По-

моему, должно надѣяться, что онъ подаритъ насъ опытомъ первой трагедіи народной и вырветъ ее изъ колеи, проведенной у насъ Сумароковымъ не съ легкой, а развѣ съ тяжелой руки. Благоговѣя предъ поэтическимъ гениемъ Расина, сожалѣю, что онъ завѣщаль почти всеѣмъ русскимъ послѣдователямъ не тайну стиховъ своихъ, а одну обрѣзанную, накрахмаленную и по закону тогдашняго общества спитую мантію своей парижской Мельпомены. Какъ жаль, что Озеровъ, при поэтическомъ своемъ дарованіи, не дерзнулъ переродить трагедію нашу! Тѣмъ болѣе опытъ Пушкина любопытенъ и важенъ“ (*Московский Телеграфъ* 1825, часть VI, № 22, стр. 181).

Друзья Пушкина живо заинтересовались новымъ его произведеніемъ. Боратынскій писалъ ему, въ началѣ декабря 1825 г.: „Жажду имѣть понятіе о твоёмъ Годуновѣ. Чудесный нашъ языкъ ко всему способенъ, я это чувствую, хотя не могу привести въ исполненіе. Онъ созданъ для Пушкина, а Пушкинъ — для него. Я увѣренъ, что трагедія твоя исполнена красотъ необыкновенныхъ...“ Въ началѣ слѣдующаго (1826) года Боратынскій опять вспоминаетъ о трагедіи: „Что ты думаешь дѣлать съ Годуновымъ? Напечатаешь ли его, или попробуешь его прежде на театрѣ? Смерть хочется его узнать“. Около того же времени и Плетневъ писалъ Пушкину: „Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова... Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же проситъ“. Поэтъ, однако, не спѣшилъ исполненіемъ этихъ просьбъ и отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ переписчика. Плетневъ настаивалъ, намекая на то, что съ помощью Жуковскаго *Годуновъ* можетъ послужить средствомъ къ освобожденію Пушкина: „Жуковскій особенно проситъ прислать Бориса. Онъ бы желалъ его прочесть самъ, и еще (когда позволишь) на лекціи его“ (т. е. на одномъ

изъ уроковъ русскаго языка, которые онъ давалъ Высочайшимъ особамъ). Но Пушкинъ, горячо желавшій „самого себя издать или выдать въ свѣтъ“, или не понялъ, или не захотѣлъ понять этого намека. „Какого вамъ Бориса и на какія лекці?“ писалъ онъ Плетневу: „Въ моемъ Борисѣ бранятся по-м... на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу.“ Ничего не сообщалъ онъ о Годуновѣ также и Катенину, котораго только поддразнивалъ предложеніемъ приняться за „романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ“; Катенинъ узналъ о новомъ произведеніи своего друга только весной 1826 г. и въ письмѣ отъ 14 марта спрашивалъ, какъ обработана трагедія: „въ строгомъ ли вкусѣ историческомъ или съ романтическими загѣями“, выражая, въ то же время, увѣренность, что цензура ея не пропуститъ (*Перетиска*, томъ I, стр. 289, 301, 303, 307, 308, 309, 320, 322, 330, 334, 337). Какъ видно изъ отвѣта Катенина на недошедшее до насъ письмо Пушкина (*тамъ же*, 355), поэтъ уже въ то время думалъ о постановкѣ *Годунова* на сценѣ и даже намѣчалъ исполнительницу роли Марины въ лицѣ своей давнишней знакомки А. М. Колосовой...

Рѣшившись написать пьесу, совершенно не отвѣчавшую ходячимъ понятіямъ того времени о трагедіи, Пушкинъ, всегда очень общительный, видимо, особенно интересовался мнѣніемъ публики о новомъ своемъ произведеніи. Онъ читалъ *Бориса* своему лицейскому товарищу князю А. М. Горчакову, съ которымъ встрѣтился „невзначай, проселочной дорогою“, когда Горчаковъ, возвратившись, осенью 1825 г., изъ Спа, заѣхалъ въ Псковскую губернію къ своему дядѣ, А. Н. Пещурову, жившему недалеко отъ Михайловскаго, въ селѣ Лямоновѣ. Впослѣдствіи, спустя болѣе полустолѣтія, кн. Горчаковъ рассказывалъ, что Пушкинъ прочелъ ему лишь нѣсколько сценъ, въ томъ числѣ — сцену Пимена съ Григоріемъ (дальнѣй-

шія, вѣроятно, въ то время не были еще написаны окончательно; можно думать, что поэтъ, отправляясь въ Лямоново, захватилъ съ собою черновую книгу № 2370 Рум. Муз.). По словамъ кн. Горчакова, въ одной изъ прочитанныхъ Пушкинымъ сценъ „было нѣсколько стиховъ, въ которыхъ проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о слюняхъ“ (конечно, это была сцена на Дѣвичьемъ полѣ). „Я замѣтилъ Пушкину, что такая искусственная тривіальность довольно неприятно выдѣляется изъ общаго тона и слога, которымъ написана сцена... Вычеркни, братецъ, эти слюни: ну, къ чему онѣ тутъ? — „А посмотри — у Шекспира и не такія еще выраженія попадаются“. — Да; но Шекспиръ жилъ не въ XIX вѣкѣ и говорилъ языкомъ своего времени, замѣтилъ я. Пушкинъ подумалъ и передѣлалъ свою сцену“ (*Русскій Архивъ* 1883, кн. III, стр. 205—206: „Канцлеръ кн. Горчаковъ о Пушкинѣ“).

Затѣмъ Пушкинъ читалъ *Годунова* своему „приятелю-сосѣду“, дерптскому студенту А. Н. Вульффу, проводившему лѣто 1826 г. въ Тригорскомъ, у матери своей, П. А. Осиповой (*Евгеній Онегинъ*, гл. IV, строфа XXXV) и его товарищу Н. М. Языкову, вмѣстѣ съ нимъ туда же пріѣхавшему (*Языковский Архивъ*, выпускъ I, С.-Пб. 1913, стр. 290). Языковъ находилъ, что трагедія — „лучше всего, что Пушкинъ сочинилъ доселѣ, удивительно вѣрно изображаетъ нравы тогдашняго времени, — вообще подвигъ знаменитый“.

Вызванный по Высочайшему повелѣнію въ Москву, Пушкинъ пріѣхалъ туда 8 сентября 1826 г. и остановился у Соболевскаго, на Собачьей Площадкѣ. На третій день по пріѣздѣ, въ пятницу, 10 сентября, онъ прочелъ *Годунова* въ присутствіи Д. В. Веневитинова, графа М. Ю. Вьельгорскаго, И. В. Кирѣевскаго и П. Я. Чаадаева (*Русскій Архивъ*, 1865, стр. 391). Это первое чтеніе *Годунова*

въ Москвѣ происходило въ квартирѣ Соболевскаго, а не у Веневитиновыхъ, какъ полагаетъ М. А. Веневитиновъ въ своей статьѣ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1899, № 143: хотя поэтъ Веневитиновъ и приходился Пушкину дальнимъ родственникомъ (четвероюроднымъ братомъ), однако, Пушкинъ до 10 сентября вовсе не былъ съ нимъ знакомъ, и только въ этотъ день, утромъ, пригласилъ его, черезъ Соболевскаго, къ себѣ — послушать *Годунова*. Веневитиновъ, получивъ приглашеніе, сейчасъ же сдѣлалъ Пушкину визитъ, а вечеромъ пріѣхалъ на чтеніе, о которомъ на другой день съ восторгомъ рассказывалъ Погодину: „*Борисъ Годуновъ* — чудо. У него (Пушкина) еще Самозванецъ, Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна (т. е. Нулинъ), продолженіе Фауста, 8 пѣсенъ Онѣгина и отрывки изъ 9-й и проч.“ (*Пушкинъ и его современники*, вып. XIX—XX, стр. 73). Затѣмъ, 25 сентября Пушкинъ долженъ былъ читать трагедію уже у Веневитиновыхъ (въ ихъ домѣ въ Кривоколѣнномъ переулкѣ); но это чтеніе почему-то не состоялось и было отложено до 12 октября. Въ числѣ слушателей былъ Погодинъ, который, подъ первымъ впечатлѣніемъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Вотъ истина на сценѣ. Пушкинъ! ты будешь синонимомъ(?) нашей литературы. Какія покоренія! Но, образуясь, я увидѣлъ, что многихъ сценъ недостаетъ еще: у Басманова съ Димитріемъ (Пушкинъ разрѣшилъ мое сомнѣніе объ измѣнѣ Басманова и объ Шуйскомъ), Отрепьевъ въ монастырѣ, Борисъ по вступленіи на престолъ и пр.“.

Впослѣдствіи Погодинъ составилъ подробный рассказъ объ этомъ событіи (*Русскій Архивъ* 1865, стр. 95 и слл.):

„Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе“, говоритъ онъ, — „передать невозможно. До сихъ поръ еще — а тому прошло сорокъ лѣтъ — кровь приходитъ

въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всё мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо себѣ представить самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно повязанномъ галстухѣ. Въмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы слышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, — поэтическую, увлекательную рѣчь!

„Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говорить устами Пимена. Мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“, — мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ мѣста, кто вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ рукоплесканій... напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Димитріемъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы возмутила,
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла! . . .

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздавался смѣхъ, полились слезы, поздравленія . . .“

Разсказъ о томъ, будто бы на этомъ чтеніи присутствовалъ Мицкевичъ, обнявшій Пушкина со словами: „Et tu Schakespeare eris, si fata sinant!“ представляется невѣроятнымъ: польскій поэтъ пять мѣсяцевъ спустя послѣ этого чтенія еще не зналъ всей трагедіи Пушкина, какъ видно изъ письма его къ Одыньцу въ мартѣ 1827 г., гдѣ говорится: „Пушкинъ написалъ теперь трагедію *Борисъ Годуновъ*; я знаю изъ нея *лишь нѣсколько сценъ* въ историческомъ родѣ; она хорошо задумана и заключаетъ въ себѣ прекрасныя подробности“ (Korespondencya Adama Mickiewicza, tom IV, wydanie 4-te, Paryż 1885, str. 9). Что касается восклицанія о Шекспирѣ, то оно находится въ некрологѣ Пушкина, напечатанномъ Мицкевичемъ въ парижскомъ журналѣ „Le Globe“ 1837 г. (русскій переводъ — въ журналѣ „Миръ Божій“ 1899, № 5, отд. I, стр. 112—120). Здѣсь читаемъ: „Пушкинъ сочинилъ еще одну драму, высоко цѣнимую русскими, которые ставятъ ее наряду съ Шекспиромъ. Я не раздѣляю ихъ мнѣнія, но изложеніе моихъ доводовъ было бы слишкомъ длинно. Достаточно сказать, что Пушкинъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы создавать изображенія историческихъ личностей. Онъ сдѣлалъ только первую попытку въ области драмы, — попытку, котсрая достаточно оправдала возбужденныя имъ надежды на то, чего онъ способенъ былъ впоследствии достигнуть: et tu Schakespeare eris, si fata

zainant“. Можетъ быть, съ этой фразой Мицкевичъ и обратился въ свое время къ Пушкину, но, во всякомъ случаѣ, не на вечерѣ у Веневитиновыхъ 12 октября 1826 г.

Такъ же мало вѣроятнымъ представляется и присутствіе на этомъ вечерѣ Боратынскаго: во-первыхъ, Погдинъ познакомился съ нимъ только 24 октября, на обѣдѣ, гдѣ въ числѣ гостей былъ также Мицкевичъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIX—XX, стр. 80; не тутъ ли и была сказана фраза о Шекспирѣ?); во-вторыхъ, самъ Боратынскій писалъ А. А. Муханову 29 октября: „Пушкинъ здѣсь, читалъ *мнѣ* (стало бытъ отдѣльно отъ другихъ) *Годунова*: чудесное произведеніе, которое составитъ эпоху въ нашей словесности“ (*Русскій Архивъ* 1895, кн. 9, стр. 125).

Въ теченіе октября и до отъѣзда изъ Москвы (въ началѣ ноября) Пушкинъ еще нѣсколько разъ читалъ *Годунова* у разныхъ знакомыхъ, между прочимъ, — у кн. П. А. Вяземскаго (*Сочиненія* кн. Вяземскаго, т. X, стр. 266). Эти чтенія вызвали рѣзкій упрекъ со стороны Бенкендорфа, напомнившаго поэту, что онъ долженъ прежде распространенія своихъ сочиненій представлять ихъ на разсмотрѣніе Государя (*Переписка*, томъ I, стр. 386). Пушкинъ поспѣшилъ отослать пьесу въ III Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи, а Бенкендорфъ поручилъ ея разсмотрѣніе одному изъ своихъ образованныхъ сотрудниковъ. Отзывъ этого оффиціального критика напечатанъ *М. И. Сухоминовымъ* („Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, С.-Пб., 1889, томъ II, стр. 219). Здѣсь было указано, что „въ сей пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это — отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома Исторіи Государства Россійскаго, соч. Карамзина, передѣланные въ разговоры и сцены... Цель пьесы — показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка. *Духъ* цѣлаго сочиненія —

монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ, — но такъ говорить исторія. Имена — почти всѣ историческія. Литературное достоинство — гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гете, Шиллеру: ибо у сихъ поэтовъ, въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина — это разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены . . . истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пѣтическое воображеніе. Все — подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало. Нѣкоторыя мѣста должно непременно *исключить*. Говоря сіе, должно замѣтить, что человѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнести ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ (напр., слова Маржерета)“.

Отмѣтивъ затѣмъ къ исключенію шесть мѣстъ, докладчикъ полагалъ, что „къ напечатанію пьесы, кажется, нѣтъ никакого препятствія. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно, ибо у насъ не видывали патриарха и монаховъ на сценѣ“.

Вслѣдствіе такого отзыва Бенкендорфъ, 14 декабря 1826 г., извѣстилъ Пушкина, что *Комедія о Царѣ Бористѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ* была имъ представлена Государю,

который изволил прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной по сему предмету запискѣ (той самой, изъ которой выше приведены отрывки) собственно-ручно написать слѣдующее: „Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Валтера Скота“ (*Переписка*, томъ I, стр. 393).

Пушкинъ отозвался, что его пьеса дѣйствительно болѣе сбивается на историческій романъ, но что онъ уже не въ силахъ передѣлать однажды имъ написанное (*тамъ же*, томъ II, стр. 2). На этомъ и остановилось его ходатайство о разрѣшеніи напечатать *Годунова*. Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, онъ отдалъ, въ видѣ опыта, въ только что возникшій тогда журналъ Погодина „Московский Вѣстникъ“ сцену Пимена съ Григоріемъ, которая и была напечатана въ первой же книжкѣ этого журнала 1827 г. и затѣмъ перепечатана въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1828 годъ. Отзывы журналовъ объ этой сценѣ показали только совершенную неподготовленность тогдашней критики къ оцѣнкѣ новаго произведенія Пушкина. „Московский Вѣстникъ“, въ обзорѣни русской словесности за 1827 годъ (1828, ч. VII, № 1, стр. 68—69), говоря объ этой сценѣ, замѣтилъ: „Всякой, постигающей важность сего явленія, невольно произнесетъ правый укоръ нашимъ Журналистамъ, которые даже не помянули о немъ, и съ негодованіемъ осмѣетъ тѣхъ ничтожныхъ Критиковъ, которые младенчески сожалѣли о томъ, что сей отрывокъ писанъ не съ риемами, и въ этомъ отношеніи отдавали преимущества отрывку изъ соименной трагедіи Г. Оедорова“.

Дѣйствительно, сцена Пимена прошла почти незамѣченной. Только „Отечественныя Записки“ (1827, т. XXIX, стр. 177—178) упомянули о ней въ нѣсколькихъ словахъ:

„Стихотвореніе сіе, какъ и всѣ другія пера Пушкина, ознаменовано печатію генія; жаль только, что Трагедія сія написана не римами, чѣмъ — по мнѣнію нашему — она еще бы болѣе выиграла со стороны прелестей Поэзіи и гармоніи“. Убѣжденіе въ томъ, что трагедія непременно должна писаться александрійскимъ стихомъ, все еще оставалось непоколебимымъ. Въ засѣданіи Главнаго Комитета Дирекціи Императорскихъ Театровъ 12 марта 1826 г. была разсмотрѣна, между прочимъ, трагедія Корсакова: „Гедвина и Ягелонъ, или Судъ Божій“, причемъ высказано было слѣдующее заключеніе: „1) Такъ какъ, исключая немногихъ довольно хорошихъ монологовъ и порядочнаго расположенія, сухость развязки, слабость плана и, въ особенности, *странность, не допускаемая классическими авторами*, стихосложенія піесы сей, написанной вольными бѣлыми стихами, заставляютъ не принять трагедію сію, то, согласно съ мнѣніемъ г. Директора, возвратить трагедію „Гедвина и Ягелонъ“ обратно сочинителю; 2) постановить правиломъ *не принимать впередъ трагедій, писанныхъ вольными бѣлыми стихами*, ибо стихотвореніе сіе, походя совершенно на мѣрную прозу (*prose cadencée*), т. е. худшую изъ прозъ, не только не соотвѣтствуетъ достоинству трагедіи, но *не можетъ быть терпимо ни въ какомъ драматическомъ сочиненіи*“ (С. А. Танъевъ, Изъ прошлаго Императорскихъ Театровъ, *Русскій Вѣстникъ* 1886, № 8, стр. 355—356). И такое постановленіе было принято Комитетомъ, не смотря на то, что еще въ 1822 г. была поставлена на сценѣ „Орлеанская Дѣва“ Шиллера въ переводѣ Жуковскаго, написанная бѣлыми стихами. „Московский Вѣстникъ“ по поводу вышедшихъ въ 1827 г. переводовъ *Баязета* и *Федры* (Олина и Чеславскаго) въ томъ же № 1 на 1828 г. (стр. 73) писалъ: „Удивляемся, какъ до сихъ поръ опытомъ не убѣдятся Гг. переводчики, что шестистопный ямбическій размѣръ въ трагедіяхъ со-

вершенно противенъ свойствамъ языка нашего. Ужели навсегда ему останется недоступною трагедія Расина, — ему, столь звучному, столь роскошно щеголяющему выраженіями въ устахъ многихъ нашихъ поэтовъ? Пятистопный ямбическій стихъ безъ риемъ намъ кажется самымъ удобнѣйшимъ размѣромъ для перевода французской трагедіи. Французы съ своимъ силлабическимъ метромъ поневолѣ должны прибѣгать къ украшеніямъ риемы; но мы звучностью и быстротою стиха можемъ заставить слушателя забыть о риемахъ оригинала“. Но мнѣніе нашихъ „классиковъ“ не поддавалось никакимъ доводамъ, и „Сѣверная Пчела“ (1828, № 45) иронически замѣчала, что Пушкину „часто удается слышать, что Поэмы Байрона — не Поэмы, что Трагедіи Шекспира — не Трагедіи, и большая часть стиховъ Шиллера и Гете — не стихи, потому что безъ риемъ. И можетъ ли для него быть обидно, когда его стануть мѣрять тою же мѣркою?“

О сценѣ Пимена сказалъ еще нѣсколько словъ *И. В. Кирѣевскій* въ статьѣ: „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, напечатанной съ подписью: „9.11“ въ VIII части *Московского Вѣстника* 1828 г. По мнѣнію Кирѣевского (стр. 195—196), въ этой сценѣ „особенно обнаруживается зрѣлость Пушкина. Искусство, съ которымъ представленъ въ столь тѣсной рамѣ характеръ вѣка, монашеская жизнь, характеръ Пимена, положеніе дѣлъ и начало завязки; чувство особенное, трагически спокойное, которое внушаетъ намъ жизнь и присутствіе лѣтописца; новый и разительный способъ, посредствомъ котораго Поэтъ знакомитъ насъ съ Гришкою; наконецъ, языкъ, неподражаемый, поэтический, вѣрный, — все это вмѣстѣ заставляетъ насъ ожидать отъ трагедіи, скажемъ смѣло, чего-то великаго. Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода. Онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ, чтобы быть лирикомъ; въ каждой изъ его поэмъ замѣтно не-

вольное стремленіе дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часто клонящееся ко вреду цѣлаго въ твореніяхъ эпическихъ, но необходимое, драгоценное для драматика“.

Написалъ также небольшую статейку о сценѣ Пимена Д. В. Веневитиновъ — на французскомъ языкѣ, предполагая напечатать ее въ „Journal de St.-Pétersbourg“. Предположеніе это, однако, почему-то не осуществилось, и статейка, подъ заглавіемъ: „Analyse d'une scène détachée de la Tragédie de Mr. Pouchkin, insérée dans un journal de Moscou“, была напечатана только въ вышедшемъ уже по смерти автора изданіи его сочиненій (часть II, М. 1831, стр. 73—78).

Веневитиновъ начинаетъ свой разборъ общимъ замѣчаніемъ о поэзіи Пушкина: „Какъ ни блестящи были до настоящаго времени успѣхи поэта, какъ ни неоспоримы его права на славу, все-таки, истинные друзья національной литературы съ сожалѣніемъ замѣчали, что онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ слѣдовалъ иноземному вліянію, жертвуя призваніемъ самобытнаго поэта своему преклоненію передъ англійскимъ бардомъ, который являлся въ его глазахъ воплощеніемъ поэтическаго генія нашего вѣка... Въ настоящее же время поэтическое воспитаніе г. Пушкина, повидимому, окончательно завершилось: независимость его таланта служить вѣрною порукою его зрѣлости“.

Обратившись, затѣмъ, къ разсмотрѣнію самой сцены и изложивъ ея содержаніе, съ выпискою нѣкоторыхъ стиховъ, критикъ говоритъ: „Эта сцена, поражающая своею простотою и силою, можетъ быть смѣло поставлена наряду съ наиболѣе совершенными драматическими произведеніями Шекспира и Гете. Она отличается поистинѣ античною простотою и, вмѣстѣ, тѣмъ изяществомъ и точностью выраженій, какія всегда присущи стихамъ г. Пушкина“.

О содержаніи всей трагедіи, которая, будто бы, остается ему неизвѣстною, Веневитиновъ дѣлаетъ лишь самые общіе намеки и заключаетъ свою статью пожеланіемъ, чтобы вся пьеса въ цѣломъ соотвѣтствовала напечатанному нынѣ отрывку. „Тогда русская литература не только пріобрѣтетъ безсмертное произведеніе, но и обогатитъ лѣтописи трагической музы такимъ созданіемъ, которое станетъ рядомъ съ наилучшими твореніями этого рода на всѣхъ языкахъ, древнихъ и новыхъ“.

Въ петербургской журналистикѣ появленіе *Бориса Годунова* было отмѣчено однимъ только Булгаринимъ. Въ № 4 *Съверной Пчелы* 1828 г. (10 января), въ статьѣ: „Разсмотрѣніе Русскихъ Альманаховъ на 1828 годъ“, между прочимъ, было сказано, что Пушкинъ „въ Трагедіи своей *Борисъ Годуновъ* доказалъ, до какой степени гибокъ талантъ его, какъ онъ умѣетъ владѣть языкомъ и съ какимъ искусствомъ употребляетъ слогъ важный“. Далѣе, въ той же статьѣ была перепечатана изъ *Съверныхъ Цептовъ* сцена: „Граница Литовская“, которая Булгарину представлялась „совершенствомъ по слогу, по составу и по чувствамъ. Какое познаніе характеровъ, сердца человѣческаго, мѣстныхъ обстоятельствъ. Тѣни Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь!“

Этимъ, собственно, и ограничились литературные отклики на отрывки изъ новаго произведенія Пушкина. Въ печати оно вызвало, можетъ быть, больше толковъ, но они, повидимому, сводились только къ повторенію все тѣхъ же сужденій о нарушеніи Пушкинымъ основныхъ правилъ драматическаго сочиненія, установленныхъ классическою теоріею. Съ этой точки зрѣнія какой-то г. З. (Загоскинъ?) говорилъ, что *Борисъ Годуновъ* не стоитъ модной картинки *Дамскаго Журнала*, а Н. И. Надеждинъ — уже въ 1830 г. — совѣтовалъ поэту „разбайрониться добровольно и добросовѣстно, съсечь

Годунова и докончить *Оптимна*“ (*Вѣстникъ Европы* 1830, № 7, стр. 200).

Петербургскіе друзья поэта познакомились съ его трагедіей только въ концѣ 1827 г. Жуковскій былъ въ восторгѣ: „*Годуновъ* — превосходное твореніе“, писалъ онъ А. И. Тургеневу, — „много глубокости и знанія человѣческаго сердца. Гдѣ онъ (Пушкинъ) все это беретъ?“ (Письма Жуковского къ Тургеневу, изданіе *Русскаго Архива*, М. 1895, стр. 230); съ другой стороны, Крыловъ добродушно посмѣялся надъ трагедіей, назвавъ ее „совершеннѣйшимъ уродомъ“. 16 мая 1828 г. Пушкинъ читалъ *Годунова* у графини Лаваль; въ числѣ слушателей были: двѣ княгини Голицыны, Одоевская-Ланская, Грибоѣдовъ, Мицкевичъ, какіе-то „юноши“ и кн. П. А. Вяземскій, который на другой день писалъ А. И. Тургеневу: „Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя. Я нѣсколько разъ слушалъ ее со вниманіемъ, и всегда съ новымъ, т. е. свѣжимъ удовольствіемъ. Иныя сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, недостаточно развиты, и только развѣ *des sommaires des scènes*. Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не видишь. Передъ тобою не куклы на проволокахъ, дѣйствующія по манію закулиснаго фокусника. Но за то, можетъ быть, мало созданія. Вальтеръ-Скоттъ также историченъ, но все болѣе соображенія въ его картинахъ. Читая его, угадываешь, что человѣкъ этотъ могъ бы и выдумать событія, создать свою исторію; въ *Борисъ Годуновъ* не находишь того убѣжденія. За то сравните климатъ, въ которомъ родился, развился, созрѣлъ одинъ и другой. Вся Англія, прошедшая и нынѣшняя, приготовила Вальтеръ-Скотта, напитала его соками своими. У насъ Пушкинъ послѣ Карамзина выродокъ. Русская природа не могла выразить его...“ („Къ біо-

графіи А. С. Пушкина“, изданіе *Русскаго Архива*, выпускъ II, М. 1885, стр. 39).

Большинству тогдашнихъ нашихъ читателей произведеніе Пушкина, дѣйствительно, было мало понятно. „Люди образованные, но съ предрасудками французской школы“, писалъ Погодину Н. М. Мельгуновъ, — „вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются пятистопнымъ ямбамя, тому, что монахъ выведенъ на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для нихъ предметомъ соблазна“ (*Русскій Архивъ* 1884, томъ II, стр. 360). „Общее мнѣніе“, говоритъ Анненковъ („Материалы“, изд. 2-е, стр. 136) — „поражено было новымъ направленіемъ, какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе угадали поэтическое откровеніе одной народной эпохи. Наиболѣе расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, числительно сильнѣйшіе, не видѣли уже прежняго сладкозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ и сожалѣли о юношескихъ, блестящихъ произведеніяхъ, гдѣ риема заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные появившимся въ печати отрывкомъ *Вориса*, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о классицизмѣ и романтизмѣ былъ оптический обманъ, созданный журналами, которому и онъ самъ поддакъ, и что необходимость преобразованія литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, въ дѣйствительно возмужаломъ и измѣнившемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ и смотрѣть съ ироніей на *свое предположеніе* создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но Пушкинъ нашель ему оправданіе въ общемъ французско-классическомъ воспитаніи всего современнаго поколѣнія...“.

Вотъ причина, почему онъ и не рѣшался продолжать

начатыя ходатайства о разрѣшеніи напечатать *Годунова*. Его сомнѣнія по этому поводу подробно изложены въ черновомъ письмѣ къ Н. Н. Раевскому, написанномъ въ Москвѣ, въ мартѣ—апрѣлѣ 1827 г. (*Переписка*, томъ II, стр. 15—22). Здѣсь, между прочимъ, поэтъ говоритъ: „Я написалъ трагедію истинно романтическую и думалъ уже, что надѣлалъ чудеса и что публика скажетъ мнѣ большое спасибо... Между тѣмъ, внимательно разсматривая критическія статьи, помѣщаемыя въ журналахъ, я началъ подозрѣвать, что я жестоко обманулся... Нововведенія опасны и, кажется, не нужны“.

Другое соображеніе, заставлявшее Пушкина, по крайней мѣрѣ, не спѣшить съ напечатаніемъ пьесы, заключалось въ томъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней могли быть истолкованы, какъ намеки на современность, чѣмъ поэтъ особенно возмущался, находя, что драматическій авторъ долженъ „совершенно отказаться отъ своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться въ вѣкъ, имъ изображаемый“.

Черезъ два года, однако, Пушкинъ сталъ вновь думать о возможности напечатать *Годунова* и въ письмѣ къ Раевскому (черновое 30 января 1829 г., *Переписка*, томъ II, стр. 86—89) изложилъ свои мысли о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ пьесы. Его, видимо, занималъ вопросъ о предисловіи. „Сочиняя моего *Годунова*“, говоритъ онъ, „я думалъ о трагедіи — и если бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ бы скандалъ: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ словесности...“. А въ концѣ письма онъ проситъ его сохранить, — „потому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе“. Намъ неизвѣстно, было ли это письмо послано Раевскому; во всякомъ случаѣ, черновикъ остался въ бумагахъ Пушкина вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ замѣтокъ, относящихся къ *Годунову* и набросанныхъ

въ разное время, въ разныхъ тетрадахъ. Приводимъ эти замѣтки, соблюдая порядокъ, по возможности, хронологическій, и отмѣчая зачеркнутое прямыми скобками.

I.

Рум. Муз. № 2367, л. 55а.

О *Гавриль Григорьевичъ Пушкинъ* *). Предался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву — пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (небывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) съ Мининымъ, получая 120 руб. окладу — Въ 1630 году находился въ томъ же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радиловымъ, защищаетъ Москву противъ Владислава и Сагайдашнаго. Въ Вильнѣ принимаетъ возвращающагося изъ плѣна Филарета. Въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшѣ (о границахъ).

II.

Рум. Муз. № 2382, л. 11.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. [Предвижу нападенія и признаюсь что неудача огорчила бы меня] [была бы для меня] Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ [зависить] имѣть [долгое] вліяніе на преобразование [наш] драматической нашей системы. Боюсь чтобъ собственные ея недостатки не были бы отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ самымъ не замедлила хода — — Хотя успѣхъ *Полтавы* ободряетъ меня

[Что касается до того]

19 іюля 1829. Арзрумъ.

---

*) Пушкинъ ошибся въ имени своего предка: его звали *Григоріемъ Гавриловичемъ*.

III.

Собрание Л. Н. Майкова (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 23, № 4).

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ [свое] [вполнѣ увѣренный въ его неуспѣхѣ; и хотя] [хотя] успѣхъ

и хотя я довольно равнодушенъ успѣхъ или неудача [сочиненій] своихъ сочиненій, но признаюсь [неуспѣхъ] неудача *Бориса Годунова* будетъ мнѣ чувствителенъ, а я въ [немъ] ней почти увѣренъ. C'est une oeuvre de bonne foi. Какъ Монтанъ могу сказать о [м] своемъ сочиненіи (—)

Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающей [критики] свѣта, [трагедія моя] плодъ [изученія] постоянного труда добросовѣстныхъ изученій [трудовъ].

Трагедія [моя] сія доставила мнѣ все, чѣмъ писател^ю[ь] [можетъ] насладиться [возможно] дозволено: [оживленное] живое вдохновенное [вдохновеніе во время] занятіе [щастіе] внутреннее убѣжденіе что мною употреблены были всѣ [почти всѣхъ коихъ]

усилія наконецъ одобренія малаго числа тѣхъ коихъ [мнѣні^{емъ}[ями] привыкъ я дорожить] [Большая] Тр. моя уже известна почти всѣмъ тѣмъ коихъ мнѣніемъ я дорожу. [Въ числѣ моихъ слушателей не доставало] [Но мнѣ] Въ числѣ моихъ слушателей одного [слушателя] не доставало того кому обязанъ я мыслию моей трагедіи, чей Гений одушевилъ и поддержалъ [мой трудъ] ону; [если] чье одобреніе [хвала] [казалось] [ласковою улыбкою] [единств] [моему] представлялось моему воображенію [въ часы труда] и единственно развлекало меня въ уединеніи труда.

IV.

Рум. Муз. № 2372, лл. 42—44.

[Комедія о Царѣ Б. и о Гр. [была писана] написана въ 1825 г. долго немогъ я рѣшится выдать ее въ свѣтъ —]

писана мною въ строгомъ уединеніи и кончена въ 1825

[строгое уединеніе строгое] изученіе Шекспира и Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей [подали] дало мнѣ

облечь
сію мысль [оживить] въ [драматическихъ] романт. формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи — Я писалъ въ строгомъ уединеніи [безъ] [не смущаемый ни] не смущаемый ни [весельемъ] никакимъ [можетъ] [чуждымъ] вліяніемъ — —

[можетъ быть] [комедія моя]

Шексп. [старался] я подражалъ [въ изображеніи] въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ

Карамз. слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій, въ лѣтописяхъ старался угад[ывать] образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — незнаю — по крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны — [Находясь въ уединеніи, не смущаемый никакимъ постороннимъ вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики]

Долго не могъ я рѣшится напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если ни-

когда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, а единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня, ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены (*Ермакъ* А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано).

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аривянахъ* *). А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жь нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи одного изъ предковъ моихъ, чело-вѣка игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену не думая о щекотливости приличія — [Если бы изъ этого стали заключать о моей спѣси то я] *son amoge*, но безо всякой дворянской спѣси. Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байр. дворянская спѣсь была самое смѣшное. Древнее русское дворянство не можетъ быть уважаемо — — —

---

*) Трагедія В. К. Кюхельбекера, отрывки изъ которой были напечатаны въ *Мнемозинѣ* 1824 г.

Аристокрацію нашу составляетъ дворянство новое — древнее же пришло въ упадокъ [ибо] [оно] его права уравниены съ правами [уравнено со всѣми] прочихъ состояній — великія именія давно раздроблены [и внуки то] уничтожены и скоро и никто даже еслибы и проч.

Принадлежать старой Аристокр. въ глазахъ черни такъ же смѣшно какъ и быть знаменитымъ *) и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмыслии или подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ, — отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, — образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть нигдѣ донинѣ я его не обнаруживалъ, и никому до него дѣла нѣтъ.

V.

Рум. Муз. № 2387 Б, л. 35.

[Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи] духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть и онѣ [обмануть] надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было бы ему бороться... Такимъ образомъ Lope de Vega и Расинъ уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото ему принадлежащее отъ примѣси.

---

*) На поляхъ приписано: „не представляетъ преимущества въ глазахъ благоразуми...“

VI.

Тамъ же.

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности — молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же, главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Б(улгарина), нашель я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять Царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Васмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Б(улгарина) также. Все это — драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, *les beaux esprits se rencontrent.*

VII.

Собраніе Л. Н. Майкова (*Публики и его современники*, выпускъ IV, стр. 25, № 3).

Изо всѣхъ родовъ сочиненій самыя (*invraisemblance*) неправдopodobныя (*tags!*) сочиненія драматическія, а изъ сочиненій драматическихъ — трагедіи ибо зритель долженъ забыть — по большой части, время, мѣсто, языкъ, долженъ усиленъ воображенія, согласиться въ извѣстномъ нарѣчій, — къ стихамъ — къ вымысламъ — Франц. писатели это чувствовали и дѣлали свои своенравныя правила. Мѣсто, время, дѣйствіе — занимательность будучи первымъ закономъ драм. иск. единство дѣйствія должно быть наблюдаемо. Но мѣсто и время слишкомъ своенравны — отчего происходятъ какія неудобства, стесненіе мѣста дѣйствія. Заговоры, свадьбы, изъясненія любовныя, Государственныя совѣщанія, празднества, все происходитъ въ одной комнатѣ! — Непомѣрная быстрота и стѣсненность происшествій — наперсники,.. а *parte* — столь же несообразны съ разсудкомъ — принуждены

были въ двухъ мѣстахъ — и проч. И все это ничего не значить. Не короче ли слѣдовать школѣ романтической, которая есть отсутствіе всякихъ правилъ но не всякаго искусства — Интересъ — единство.

Смѣшеніе родовъ — ком. траг. — напряженіе, изысканность, необходимая иногда новостъ выраженій

VIII.

Рум. Муз. № 2386 В, л. 79.

Pour une préface. — Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [passionnée] mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

IX.

Рум. Муз. № 2373, л. 2.

Je me présente ayant [renoncé à] changé ma manière première — n'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli — Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue — Je me retire volontairement du rang des ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

X.

Тамъ же.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. — d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. [C'est donc avec] j'éprouvais [done] une grande

répugnance à livrer au public ma tragédie — je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes. — Mais je trouve tout cela fort inutile.

XI.

Послѣдняя замѣтка относится уже ко времени послѣ изданія *Бориса Годунова*: она помѣчена 6 іюля 1831 и находится въ собраніи Л. Н. Майкова (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 23, № 4):

Мнѣніе Митроп. Платона о Дм. Сам(озванцѣ) будто бы восп(итывался) у Езуитовъ удивительно дѣтское и романическое. Всякой былъ годенъ чтобъ разыграть эту роль: доказ(ательство): послѣ смерти Отрепьева, Тушинской Воръ и проч. Езуиты довольно были умны чтобъ знать природу человѣческую и невѣжество русск(аго) нар(ода).

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывочныхъ замѣтокъ, Пушкинъ въ концѣ 1828 и началѣ 1829 г. началъ серьезно думать о напечатаніи *Годунова*, къ которому собирался написать не только предисловіе, но и примѣчанія, но потомъ рѣшилъ, что это лишній трудъ, такъ какъ наша критика, все равно, не въ состояніи будетъ понять и оцѣнить его мысли о драматической поэзіи. Передъ отъѣздомъ на Кавказъ (вѣроятно—въ мартѣ 1829 г.) онъ передалъ свою рукопись Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы тотъ, „пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, заготовилъ чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его“. 20 іюля рукопись была представлена Плетневымъ въ III Отдѣленіе; 10 октября о ней было доложено Государю, который опять потребовалъ перемѣны нѣкоторыхъ мѣстъ, казавшихся ему „слишкомъ тривіальными“ (*Переписка*, томъ II, стр. 112). Поэтъ рѣшился отстаивать свободу своего творчества и въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 16 апрѣля 1830 г. (*Тамъ же*, стр. 133—

134), указывая на то, что неразрѣшеніемъ трагедіи къ печати ему наносится матеріальный ущербъ, особенно чувствительный именно въ виду предстоящей женитьбы, старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, опровергнуть доводы слишкомъ придирчивой критики. Напоминая о разсмотрѣніи *Годунова* Государемъ въ 1826 г., онъ писалъ: „Вниманіе Его Величества было обращено на два-три мѣста, въ которыхъ можно было усмотрѣть намеки на обстоятельства, въ то время недавнія. Перечитывая ихъ теперь, я сомнѣваюсь, чтобы ихъ можно было истолковать въ этомъ смыслѣ. Всѣ смуты похожи одна на другую, и драматическій писатель не можетъ нести отвѣтственности за слова, какія онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставить ихъ говорить въ соотвѣтствіи съ извѣстнымъ ихъ характеромъ. Слѣдовательно, надлежитъ обращать вниманіе только на *духъ, въ какомъ написано все сочиненіе*, на то впечатлѣніе, какое оно производитъ. Моя трагедія есть произведеніе добросовѣстное, и я не могу, по совѣсти, исключить изъ нея то, что мнѣ представляется существеннымъ. Умоляю Его Величество простить мнѣ ту свободу, съ какою я осмѣливаюсь ему противорѣчить; я очень хорошо знаю, что эти возраженія поэта могутъ вызвать смѣхъ; но до настоящаго времени я постоянно отказывался отъ всѣхъ предложеній издателей; я считалъ за счастье молчаливо приносить эту жертву волѣ Его Величества. Нынѣ же, находясь въ стѣсненномъ положеніи, я умоляю развязать мнѣ руки и дозволить напечатать мою трагедію такъ, какъ я этого желаю“. Бенкендорфъ отвѣтилъ, 28 апрѣля, что Государь позволяетъ Пушкину напечатать трагедію „подъ его собственною отвѣтственностью“ (*Тамъ же*, стр. 134).

„Милый! побѣда!“ писалъ Пушкинъ изъ Москвы Плетневу: „Царь позволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ... Думаю написать предисловіе.

Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Оадеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. . . “ Плетневъ отвѣчалъ, что „важность предисловія должна гармонировать съ самою трагедію, что можно сдѣлать только яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на истинную поэзію драмы вообще, а не предикою изъ темы о блудномъ сынѣ Булгаринѣ; слѣдственно, не стоитъ тебѣ якшаться съ нимъ въ этомъ мѣстѣ. . . Лучше ты отдѣлай путемъ романтиковъ нѣмецъ за то, что они не поняли ни испанцевъ романтиковъ, ни Шекспира. . . (Тамъ же, стр. 146, 154).

Но Пушкину было уже не до предисловія. Вынужденный, по случаю холеры, просидѣть до зимы въ Болдинѣ, онъ поручилъ Плетневу всѣ заботы о печатаніи трагедіи, а самъ занялся другими, новыми работами. Книга печаталась въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и была выпущена изъ печати 24 декабря 1830 г. На заглавномъ листѣ ея, вмѣсто прежняго названія, выставлено только два слова: „Борисъ Годуновъ“, а на оборотѣ: „Съ дозволенія Правительства“. Затѣмъ на отдѣльномъ листѣ напечатано посвященіе, о которомъ Пушкинъ писалъ Плетневу еще въ концѣ октября: „Я хотѣлъ ее (трагедію) посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мнѣ чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти Отца“ (Тамъ же, стр. 183).

Печатный экземпляръ пьесы былъ представленъ Государю, объ отзывѣ котораго Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина 9 января 1831 г. Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо безъ предварительнаго доклада Государю, который сдѣлалъ въ немъ исправленія. Такъ, въ первоначальномъ текстѣ было сказано: „Е. В. Государь

Императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше „Борись Годуновъ“, изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго пѣтическаго творенія доставило ему великое удовольствіе“; Государь замѣнилъ это мѣсто слѣдующимъ: „поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше „Борись Годуновъ“ изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ“ (*Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи, томъ II, стр. 218—233).

Въ *Литературной Газетѣ* 1831, № 1, стр. 9, было сообщено, что въ первое же утро по выходѣ книги было раскуплено, по показаніямъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ. „Это доказываетъ“, — прибавила *Газета*, — „что непривѣтливые журналисты напрасно винять нашу публику въ равнодушій къ истинно хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному“. То же подтверждаетъ и Гоголь въ черновомъ наброскѣ оставшейся неоконченною статьи о *Борисѣ Годуновѣ*, посвященной Плетневу: „400 экземпляровъ разобрали въ два часа“ (Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе 10-е, томъ V, М. 1889, стр. 67).

Пушкинъ въ это время былъ въ Москвѣ и оттуда писалъ Плетневу: „Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ. Странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальтеръ-Скотта? голось знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ — то ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія — подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ риѣмъ — не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ, что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно, и тому подобныя критическія замѣчанія. Жду переводовъ

и суда нѣмцевъ, а о французяхъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши: „Поми-луйте-съ!..“*). Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе — попугаи или сороки Низовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную е.... .“ (*Перетиска*, томъ II, стр. 211).

Катенинъ не оправдалъ ожиданій своего друга и въ печати ни однимъ словомъ не отозвался на появленіе *Годунова*, въ частныхъ же разговорахъ и перепискѣ высказывался о драмѣ Пушкина рѣзко отрицательно. „Это галиматья въ Шекспировомъ родѣ“, писалъ ему В. А. Каратыгинъ (*Русскій Архивъ* 1871, № 7—8, стр. 0244), и Катенинъ былъ съ этимъ мнѣніемъ совершенно согласенъ. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей, вызывавшему его на разборъ *Годунова*, онъ отозвался о пьесѣ такъ:

„Самое лучшее въ немъ слогъ. Погрѣшности, небрежности, обмолвки водятся тамъ и сямъ, но ихъ стоило бы только пріятелю (кабы у Пушкина были толковый) карандашемъ замѣтить, а ему въ одно утро выправить... Во многихъ подробностяхъ есть умъ безъ сомнѣнья, но цѣлое не обнято; я ужь не говорю — въ драматическомъ смыслѣ: оно не драма отнюдь, а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ; и въ этомъ отношеніи слишкомъ многого недостаетъ... Первое появленіе Царя сухо, а второе, шесть лѣтъ спустя, уже тоскливо: въ лѣтописяхъ болѣе поэзіи. Патриархъ рассказываетъ чудо, сотворенное новымъ угодникомъ Углицкимъ, и курсивомъ напечатано: „Годуновъ нѣсколько разъ утирается плат-

---

*) Въ критической статьѣ о *Полтавѣ* въ *Сынъ Отечества* 1829, ч. 125, № 15, стр. 50, по поводу характеристики Карла XII, авторъ восклицаетъ: „Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ! это ужь вольность шитическая, черезъ край!“

комъ“. Нѣмецкая глупость! Мы должны видѣть смуту государя-преступника изъ его словъ, или изъ словъ свидѣтелей, коли самъ онъ молчитъ, а не изъ пантомимы въ скобкахъ печатной книги... Женскій крикъ, когда рѣжутъ, — мерзость; зачѣмъ ему быть слышнымъ? Въ тишинѣ совершенное злодѣйство еще страшнѣе, и не гадко... Самозванецъ не имѣетъ рѣшительной фѣзіономіи... Признанье Маринѣ въ саду — глупость безъ обиняковъ... Словомъ, все недостаточно, многого нѣтъ, а что и есть, такъ esquisé, что надобно напередъ исторію прочесть, а кто давно не читалъ и позабылъ, драмою сытъ не будетъ. Большой порокъ, ибо всякое сочиненіе должно быть само собою удовлетворительно... Комическая примѣсь недурна, но опять скажу — бѣдна... Вообще, по напечатанному въ журналѣ разговоръ Пимена и Григорія я ожидалъ (конечно, не трагедіи, которой и въ поминѣ нѣтъ) чего-то, если не для изящнаго чувства, по крайней мѣрѣ — для холоднаго разсудка болѣе значительнаго, нежели что вышло; надѣялся на твореніе зрѣлое, но теперь оно мнѣ кажется ученическимъ опытомъ: мало достоинствъ, большой красоты ни одной, плана никакого... Что отъ него пользы? Qu'est ce qu'il prouve? На театрѣ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ... Я его сегодня перечелъ въ третій разъ, и уже многое пропускалъ, а кончилъ, да подумалъ: 0 (нуль)“. (*Помощь голодающимъ*. Научно-литературный сборникъ, изданіе Русскихъ Вѣдомостей, М. 1892, стр. 253—258).

Недоволенъ новымъ произведеніемъ Пушкина былъ также и В. К. Кюхельбекеръ: онъ ставилъ трагедію Кукольника „Торквато Тассо“ выше *Бориса Годунова*, который, по его мнѣнію, „слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру“ (*Барсуковъ*, Жизнь М. П. Погодина, томъ II, стр. 110).

Прочіе „наши Шлегели“ оказались вообще неподготовленными къ оцѣнкѣ *Годунова* и въ своихъ разногласныхъ отзывахъ ограничились почти исключительно голословными похвалами или порицаніями. Большинство критиковъ обратило вниманіе только на формальную сторону пьесы, не находя въ ней никакого примѣненія къ сценѣ; они говорили, что это — не драма, не поэма, не повѣсть, а какой-то литературный выродокъ, которому нѣтъ имени въ теоріи поэзіи и котораго невозможно ни къ чему приспособить. Далѣе, въ пьесѣ не находили единства и внутренней гармоніи, ибо главное дѣйствующее лицо, *Годуновъ*, заслонено лицомъ второстепеннымъ — *Отрепьевымъ*; говорили, что это — не драма, а китайскія тѣни, и что если ихъ представить на театрѣ, то у „кулисныхъ мастеровъ“ заболятъ руки; замѣчали, что „сущность творенія запоздалая и близорукая“. Другіе утверждали, что главное лицо въ драмѣ — не *Борисъ*, а *Самозванецъ*, „жаль только, что характеръ его не довольно развитъ и что не весь интересъ сосредоточивается на немъ, ибо гдѣ нѣтъ единства интереса, тамъ нѣтъ и стройности“. Третьи замѣчали, что интересъ не долженъ сосредоточиваться ни на *Борисѣ*, ни на *Самозванцѣ*: трагедія *Пушкина* есть трагедія историческая, слѣдовательно, не страсть, не характеръ, не лицо должно быть главнымъ ея предметомъ, но цѣлое время, *тѣмъ*; *Пушкинъ* это и сдѣлалъ: онъ представилъ въ трагедіи своей вѣрный очеркъ вѣка, сохранилъ всѣ его краски, всѣ особенности его цвѣта. Жаль только, что эта картина начертана поверхностно и неполно, ибо въ ней забыто многое характеристичное и развито много лишняго, на примѣръ, характеръ *Марины* и т. п. Находились и такіе критики, которые называли *Бориса Годунова* „паралитической фантазіей“, неудачно слѣпленной мозаикой, собраніемъ нѣсколькихъ холодныхъ историческихъ сценъ, вѣданныхъ опромет-

чиво, безъ дара творчества, безъ искусства пользоваться драматическими положеніями *). Наконецъ, были выходки и прямо непристойныя. Редакторъ газеты „Колокольчикъ“, Вал. Олинъ, напечаталъ (1831, № 6, стр. 83—84) замѣтку, въ которой было сказано, что *Борисъ Годуновъ* — „совершенное ребячество, или, говоря другими словами, школьная шалость, достойная исправленія“; а редакторъ „Сѣвернаго Меркурія“, М. А. Бестужевъ-Рюминъ, постоянно задѣвавшій Пушкина и перепечатывавшій самовольно его стихи, въ замѣткѣ съ подписью: *Аристархъ Заветный*, появившейся въ день Новаго Года (№ 1, стр. 8), издѣвался надъ „нѣкоторыми писателями, для которыхъ издается нѣкоторая Газета“ (т. е. друзьями Пушкина, сотрудниками *Литературной Газеты*), и увѣрялъ, что они превознесли выше всякой мѣры трагедію, которой не читалъ еще никто, даже и самъ ея авторъ, потому что изъ нея было написано еще только не больше трехъ небольшихъ отрывковъ, „въ полнотѣ же она существовала только въ воображеніи Пушкина“, и послѣдній, „принявъ во вниманіе, что предполагаемое имъ произведеніе уже расхваливается нѣсколько лѣтъ, наконецъ рѣшился положить оное на бумагу: присѣлъ и написалъ!“ Затѣмъ, по словамъ автора замѣтки, случилось слѣдующее „странное происшествіе“: нѣкто въ большомъ обществѣ, прочитавъ новое произведеніе, „покачалъ головою, всплеснулъ руками и пропѣлъ слѣдующій куплетецъ:

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
 И Пушкинъ надоѣлъ,
 И стихъ его не звученъ,
 И геній охладѣлъ.

* Статьи и замѣтки о *Борисъ Годуновъ* появились въ *Сынъ Отечества* 1830, №№ 24—28 (ч. 142 и 143, ст. В. Плаксина) и 40—41 (ст. И. Ср. Камашева); *Сѣверной Пчелы*, №№ 133 и 167; *Этн* 1831, № 2 (ст. Ф.-д.-Дика); *Московскомъ Телеграфѣ* 1831, № 2. Другія указываются далѣе.

Бориса Годунова

Онъ выпустилъ въ народъ:

Убогая обнова,

Увы! на новый годъ!

Послѣ чего всё грянули хоромъ послѣдніе два стиха. Nonni soit qui mal y pense“.

Кромѣ журнальныхъ статей и замѣтокъ, разбору драмы была посвящена особая брошюра: „О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ“ (М. 1831, 16 стр. 8^о; перепечатана въ *Русской Старинѣ* 1890, томъ 68, стр. 445—454, и у *Землинскаго*, Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, часть III, М. 1888, стр. 106—115). Это совершенно нелѣпое произведеніе, которое, однако, Олинъ, въ своей *Гирляндѣ* (1831, часть II, № 24—25) и Бестужевъ-Рюминъ, въ *Съверномъ Меркуріи* (1831, № 28) рекомендовали своимъ читателямъ, какъ „занимательное“, приписывалось, — кажется, неосновательно, — В. С. Филимонову и было по достоинству оцѣнено только что выступившимъ тогда на литературное поприще Бѣлинскимъ (*Листокъ* 1831, № 45; *Сочиненія Бѣлинскаго*, подъ редакцію С. А. Венгерова, томъ I, стр. 148—150; *Землинскій*, томъ III, стр. 116—118).

„Никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія“, писалъ баронъ Е. О. Розень С. П. Шевыреву. „Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ — вотъ чѣмъ привѣтствовали *Годунова*, творецъ коего во времена Петрарки и Тасса былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи коронованія“ (*Русскій Архивъ* 1878, книга II, стр. 47). Еще рѣзче выразился Яковлевъ въ небольшой замѣткѣ о драмѣ Пушкина въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1831, № 2, стр. 62—64: „Предоставимъ литературнымъ *Хавроньямъ* отрывать въ этомъ твореніи недостатки; скажемъ, что поэзія

Бориса Годунова должна проникнуть наслажденіемъ душу благородную, чуждую щепетильныхъ расчетовъ зависти“. Наконецъ, надо еще отмѣтить, что во французской газеткѣ „*Le Furet de St.-Petersbourg*“ (1831, № 6, 21 января) появилась небольшая замѣтка о *Годуновѣ*, за подписью „W. B.“ (Бурнашевъ), въ которой было сказано: „Мы ожидали видѣть колоссальные размѣры новой драмы автора *Руслана и Людмилы*, а нашли только обыкновенную статуя“. Тотчасъ же издатель получилъ — и напечаталъ въ слѣдующемъ же № (25 января) письмо за подписью „E1...“, съ замѣчаніемъ, что статья о *Борисѣ Годуновѣ* навела автора письма на мысль перевести на французскій языкъ сонетъ Пушкина: „Поэту“, только что появившійся въ *Сверныхъ Цѣткахъ*, и съ приложеніемъ перевода, въ которомъ нельзя было не видѣть отвѣта критику („Услышишь судъ глупца...“).

Изъ отзывовъ, Пушкину сочувственныхъ, слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить статью барона А. А. Дельвига, напечатанную въ № 1 и 2 *Литературной Газеты* 1831 г. (1 и 6 января) и оставшуюся безъ окончанія за смертью автора (14 января). Въ самомъ началѣ своей статьи Дельвигъ почему-то счелъ нужнымъ указать на независимость Пушкина отъ какихъ-либо матеріальныхъ соображеній: „Это — не произведеніе, писанное съ единственнымъ намѣреніемъ поскорѣе кончить и, получивъ за оное деньги, опять съ тою же мыслию приняться за новое денежное предпріятіе. Нѣтъ: еще въ 1825 году *Борисъ Годуновъ* былъ написанъ, а только въ 1831 вышелъ изъ печати. Истинный талантъ выше денегъ цѣнитъ свое искусство“. Затѣмъ, упомянувъ объ упрекахъ „классиковъ“ въ несоблюденіи Пушкинымъ извѣстныхъ „правилъ“, Дельвигъ замѣтилъ: „Пора убѣдиться намъ, что человѣкъ, какъ бы ученъ ни былъ, сколько бы правилъ ни зналъ, но не имѣющій поэтическаго таланта, ничего необыкновеннаго не напи-

шесть“. Обращаясь къ разбору собственно драмы Пушкина, онъ успѣлъ высказать лишь нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній. По поводу этой статьи Ор. Сомовъ въ № 4 *Литературной Газеты* (стр. 34) объяснилъ читателямъ, что „жестокая, мучительная болѣзнь“ автора „помѣшала окончить оную. Пусть же она останется недоконченною, какъ прекрасное зданіе, недостроенное по смерти искуснаго зодчаго: посторонняя рука могла бы только испортить живую мысль художника“.

Другіе немногочисленные поклонники поэта находили *Бориса Годунова* „необыкновеннымъ твореніемъ“, на которомъ „лежитъ особенная, или, лучше сказать, собственная печать, подобная Микель-Анджеловой печати на безсмертномъ куполѣ знаменитаго Римскаго храма, — печать таланта неустрашимаго, всемогущаго“ (*Дамскій Журналъ* 1831, часть 33, № 6, ст. князя Шаликова); говорили, что Пушкинъ „силою очарованія такъ увлекъ насъ въ прошедшее, что мы на время забыли настоящее“ (*Тамъ же*, № 10, ст. *Мечтателя*, т. е. С. Н. Глинки). Надеждинъ, еще незадолго передъ тѣмъ совѣтовавшій Пушкину сжечь *Годунова*, теперь принялъ драму подъ свою защиту противъ черезчуръ легкомысленныхъ порицателей (*Телескопъ* 1831, № 4, стр. 546—574). Его статья написана въ обычной для него формѣ разговора между „романтикомъ“ Тлѣнскимъ и Надоумкой, причемъ въ рѣчахъ перваго отражаются толки тогдашнихъ судей Пушкина о томъ, что *Борисъ Годуновъ* — „ни комедія, ни трагедія, ни чортъ знаетъ что“, ибо „въ этой связкѣ разговоровъ нѣтъ никакой цѣлости: Борисъ умираетъ, а эти историческія сцены все еще тянутся и морятъ терпѣніе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Тлѣнскаго, въ пьесѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго созданія, а слѣдовательно — нѣтъ и поэзіи, ибо поэзія есть творчество; главные лица — Борисъ и Шуйскій — суть только переложенія въ стихи „пѣвучей прозы

Исторіи Государства Россійскаго“. Надоумко на это выражаетъ, что содержаніемъ драмы служить не Борисъ Годуновъ, какъ личность, а его царствованіе, — „эпоха, имъ наполняемая, міръ, имъ созданный и съ нимъ разрушившійся“; небывалое еще достоинство пушкинскихъ сценъ заключается въ томъ, что поэтъ „облекъ всею прелестью романтической фантазмагоріи колоссальный призракъ нашихъ среднихъ временъ“. Существенный недостатокъ драмы состоитъ въ раздвоенности интереса, такъ какъ Самозванецъ стоитъ на первомъ планѣ, а Борисъ за нимъ исчезаетъ. Другимъ крупнымъ пробѣломъ является несоблюденіе въ иныхъ мѣстахъ „исторической истины“, вслѣдствіе чего въ монологѣ Пимена „встрѣчаются мысли, обличающія въ смиренномъ Чудовскомъ отшельникѣ наслѣдника идей Гердеровыхъ“. Заслуживаютъ также порицанія излишества въ родѣ сцены въ корчмѣ, гдѣ фарсъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Напротивъ, довольно хорошо обрисованы характеры дѣйствующихъ лицъ. Хотя поэтъ, смотрѣвшій на исторію „подъ карамзинскимъ угломъ зрѣнія“, не вполне угадалъ истинную тайну души Борисовой и всю чудесную игру страстей ея, но личность Годунова „никогда еще не являлась въ столь вѣрномъ и яркомъ очеркѣ“. Мастерски представленъ Шуйскій; не выдержанъ характеръ Самозванца, и пр., но вообще *Борисъ Годуновъ* есть весьма важное пріобрѣтеніе для нашей литературы: онъ „указалъ путь народной русской драмѣ, указалъ точку, съ которой должно драматiku смотрѣть на исторію, подалъ мысль, какъ пользоваться ею, и далъ образецъ такого языка, какого мы до тѣхъ поръ и не слыхивали“.

Такова сущность статьи Надеждина, прикрытая обычными шутовскими выходками Надоумки, которые дали поводъ одному современнику увидѣть въ ней „что-то дѣльное, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто нарочно нелѣпое,

увертливое, шумливое“ (*Сынъ Отечества* 1831, томъ 23, часть 145, № 40, стр. 101).

Умно и тонко оцѣнилъ *Бориса Годунова* И. В. Кирѣевскій въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1831 годъ, напечатанномъ въ № 1 основаннаго имъ въ 1832 г. журнала „Европеецъ“.

Свои замѣчанія о произведеніи Пушкина Кирѣевскій начинаетъ общимъ указаніемъ на то, что у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ критики, — „нѣтъ ни одного критическаго сочиненія, которое не обнаруживало бы пристрастія автора къ той или другой иностранной словесности... Эта привычка смотрѣть на русскую литературу сквозъ чужіе очки иностранныхъ системъ до того ослѣпила нашихъ критиковъ, что они въ трагедіи Пушкина не только не замѣтили, въ чемъ состоятъ ея главные красоты и недостатки, но даже не поняли, въ чемъ состоитъ ея содержаніе“. Обращаясь затѣмъ къ вопросу, что же составляетъ главный предметъ трагедіи, Кирѣевскій указываетъ, что „всѣ ея лица и всѣ сцены развиты только въ одномъ отношеніи, — въ отношеніи къ послѣдствіямъ царевубійства. Тѣнь умерщвленнаго Дмитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общій тонъ...“. Поэтому, „чтобы оцѣнить *Годунова*, какъ его создалъ Пушкинъ, надобно было отказаться отъ многихъ ученыхъ и школьныхъ предразсудковъ... Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся или долженствующее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла, уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является не какъ *дѣйствіе*, но какъ сила, какъ *мысль*, которая обнаруживается мало по малу... Это постепенное возростаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, но связанныхъ между

собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно трагическій и, такимъ образомъ, позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка...“.

Но — „такого рода трагедія, гдѣ главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не можетъ быть понята большинствомъ нашей публики... Таково состояніе нашей литературной образованности. Я говорю это не какъ упрекъ публикѣ, но какъ *фактъ*, а болѣе — какъ упрекъ поэту, который не понялъ своихъ читателей. Конечно, въ *Годуновѣ* Пушкинъ выше своей публики; но онъ былъ бы еще выше, если бы былъ общепонятнѣе. Своевременность — столько же достоинство, сколько красота“.

Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ для тогдашней публики журналистовъ, Н. А. Полевой, свою оцѣнку *Бориса Годунова* построилъ на отрицательномъ отношеніи къ Карамзину. Въ первой небольшой своей замѣткѣ о выходѣ драмы Пушкина (*Московскій Телеграфъ* 1831, часть 37, № 2, стр. 244—246) онъ уже вполне опредѣленно высказался въ этомъ смыслѣ: „Языкъ Русскій доведенъ въ *Борисѣ Годуновѣ* до послѣдней, по крайней мѣрѣ — въ наше время, степени совершенства; сущность творенія, напротивъ, запоздалая и близорукая; и могла ли она не быть такою..., когда Пушкинъ *рабски влекся по слѣдамъ Карамзина* въ обзорѣ событій, и когда посвященіемъ своего творенія Карамзину онъ невольно заставляетъ улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то раболѣпствѣ называя Карамзина — Богъ знаетъ чѣмъ“. Къ подробному разбору трагедіи Полевой обратился только два года спустя, — въ иностранной, но такъ и оставшейся недописанною, статьѣ, напечатанной въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1833, часть 49, №№ 1 и 2, стр. 117—147, 289—327. Здѣсь, послѣ общихъ разсужденій о новѣйшей европейской литературѣ вообще, критикъ замѣчаетъ, что мысль создать драму историче-

скую „показываетъ удивительно смѣтливый геній Пушкина“ и что самый выборъ предмета драмы есть также доказательство его проницательности: „мало найдемъ предметовъ столь поэтическихъ, характеровъ столь увлекательныхъ, событій разительныхъ, каковы жизнь Бориса Годунова, характеръ его, странная судьба его самого и его семейства“. Но — „прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ *Карамзинскаго* Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособить уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ... Карамзинъ безчеловѣчно ошибся въ основныхъ началахъ событій цѣлаго столѣтія... истина совершенно потухла подъ оптическимъ стекломъ его разсказа, и вмѣсто настоящихъ характеровъ и дѣйствій у него явились какіе-то призраки... Риторика, фразы и сущая пустота и несообразность открываются при самомъ легкомъ взглядѣ Критики на все, что писалъ Карамзинъ о событіяхъ въ Россіи съ 1533-го до 1612-го года...“. Коренная ошибка Пушкина, по мнѣнію Полевого, именно въ томъ и заключается, что онъ „рабски“ слѣдовалъ Карамзину и вмѣсто того, чтобы представить Бориса жертвою клеветы, изобразилъ его царубійцею. Этимъ объясняются и всѣ недостатки *Бориса Годунова*, какъ произведенія историческаго и драматическаго.

Въ другомъ мѣстѣ (*Московскій Телеграфъ* 1831, часть 41, № 14, стр. 217—218) Полевой отозвался о критикахъ *Бориса Годунова* слѣдующимъ образомъ: „Всѣ появившіеся донинѣ разборы были двухъ родовъ: или краткія извѣстія, или неокончательный судъ, который для судимаго тяжелѣе самаго строгаго приговора. Не говоримъ о вздорныхъ выходкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *недоумочныхъ* (т. е. о статьяхъ „Надоумко“ — Надеждина): ихъ никто не слушаетъ, не уважаетъ, и рѣдко даже доходятъ онѣ до слуха порядочнаго человѣка; мало ли что тол-

жують на рынкахъ и въ лубочныхъ балаганахъ, но благовоспитанный человѣкъ не станетъ навѣдываться объ этихъ толкахъ. Слѣдственно, истинной Критики на *Бориса Годунова* у насъ еще не явилось. Надобно знать наше литературное состояніе, чтобы не удивляться этому. Скажемъ коротко и ясно: у насъ нѣтъ Критики. Причиною этого нашъ домашній бытъ, наше образованіе и, наконецъ, мелкія страстишки и отношенія, занимающія насъ *faute de mieux*. Есть люди, которые могли бы установить у насъ Критику истинную, но они или не хотятъ заниматься ею, или не имѣютъ средствъ. Самъ Пушкинъ, съ его умомъ, его высокою образованностью и силою поэтическаго взгляда могъ бы сдѣлаться критикомъ Европейскимъ... но... мы знаемъ, *какія критики* пишетъ онъ нынѣ!“

Мнѣніе Полевого о „рабской“ зависимости Пушкина отъ Карамзина, обязанное своимъ происхожденіемъ только посвященію *Бориса Годунова*, сдѣлалось общимъ мѣстомъ позднѣйшей критики. Его дословно повторилъ и Бѣлинскій, находившій даже „что-то оффиціальное и канцелярское въ самомъ складѣ и языкѣ посвященія, написаннаго по ломоносовской конструкціи, съ завѣтнымъ *сей*“ (Сочиненія В. Бѣлинскаго, часть VIII, изданіе 2-е, М. 1865, стр. 611—651). Въ то же время, однако, Бѣлинскій считалъ *Годунова* твореніемъ, достойнымъ занимать первое мѣсто послѣ шекспировскихъ драмъ (Сочиненія, подъ редакціей С. А. Венгерова, томъ VI, Спб. 1903, стр. 110) и въ окончательномъ выводѣ своего разбора говорилъ: „Словно гигантъ между пигмеями, до сихъ поръ высится между множествомъ русскихъ трагедій пушкинскій *Борисъ Годуновъ*, въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величій строгаго художественнаго стиля, благородной классической простоты...“ (Сочиненія, часть VIII, стр. 642).

Изъ позднѣйшихъ критиковъ замѣчаніе Полевого

было повторено Аполлономъ Григорьевымъ. И онъ также находилъ, что „Исторія Карамзина легла, какъ тяжелый камень, на дѣятельность цѣлыхъ поколѣній и *испортила величайшее созданіе Пушкина*“; что „фальшиво въ *Борисѣ* только карамзинское, т. е. личность самого Бориса; все же чисто-пушкинское (пиръ ли у Шуйскаго, сцены ли въ корчмѣ, сцены ли битвъ, сцены ли у Дѣвичьяго монастыря, на Лобномъ мѣстѣ и т. д.) — вѣчно, какъ сама народная сущность, или поэтически и общечеловѣчески правдиво“ (Сочиненія, томъ I, Спб. 1876, стр. 499, 515).

Только новѣйшее изслѣдованіе академика И. Н. Жданова: „О драмѣ А. С. Пушкина *Борисъ Годуновъ*“ (Спб. 1892 и Сочиненія И. Н. Жданова, томъ II (Спб. 1907), стр. 99—134) съ полною доказательностью установило, что Пушкинъ въ своей работѣ не ограничивался только чтеніемъ Карамзина, а провѣрялъ его показанія и нерѣдко измѣнялъ ихъ въ соотвѣтствіи съ другими источниками: „Пушкинъ въ изображеніи судьбы царя Бориса шелъ своей дорогой, — дорогой, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ. Карамзинскій Борисъ появляется на престолѣ, какъ излюбленный царь русской земли, вызывающій общее сочувствіе и боярства, и народа. Пушкинскій Борисъ въ первыхъ же сценахъ драмы представляется мнимымъ избранникомъ народа; развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ. Несчастія карамзинскаго Бориса объясняются его болѣзненною подозрительностью, вызвавшею общее недовольство. Несчастія пушкинскаго Бориса объясняются историческими условіями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, на строеніемъ боярства и народа: бояре помнили своихъ властныхъ предковъ, народъ помнилъ Юрьевъ день“.

Что касается второго ожиданія, высказаннаго Пушкинымъ въ приведенномъ выше письмѣ къ Плетневу —

о „переводахъ и судѣ нѣмцевъ“, — то оно исполнилось лишь отчасти. *Борисъ Годуновъ* былъ очень скоро переведенъ на нѣмецкій языкъ Карломъ Кноррингомъ и напечатанъ во второмъ выпускѣ издававшейся имъ *Русской Библиотеки для нѣмцевъ* (Russische Bibliothek für Deutsche von Karl von Knorring. Zweites Heft, Reval. 1831, цензурное разрѣшеніе — 10 іюня 1831), съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ было объяснено, что въ Россіи „одновременно съ литературою возникаетъ также и критика: нѣсколько повременныхъ изданій, соперничая между собою, стараются обращать вниманіе публики на все замѣчательное, и всѣ согласны между собою въ томъ, что *Борисъ Годуновъ* заслуживаетъ величайшей признательности, хотя и вызываетъ различныя сужденія“. — „Я полагаю“, продолжаетъ Кноррингъ, „что для самого автора отзывы не безусловно хвалебныя важнѣе и даже пріятнѣе, нежели рѣшительно восторженныя хвалы упоеннаго любовью и поклоненіемъ рецензента *Литературной Газеты*, ибо такія хвалы всегда возбуждаютъ въ читателѣ сомнѣніе, не проистекаютъ ли онѣ изъ личной дружбы критика съ поэтомъ; между тѣмъ, критика нѣсколько болѣе строгая, свободная отъ восторговъ, внушаетъ убѣжденіе, что критикъ сумѣетъ отдать справедливость тому, что дѣйствительно превосходно“.

Далѣе Кноррингъ передаетъ содержаніе отзыва Полевого, который говорилъ, что *Борисъ Годуновъ*, какъ произведеніе русскаго поэта, „есть великое явленіе нашей словесности, шагъ къ настоящей романтической драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло дарованія необыкновеннаго“, которымъ Пушкинъ „становится уже рѣшительно и безспорно выше всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ“; но какъ поэтъ европейскій, „получаетъ онъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто, но только какъ надежда на будущее, болѣе совершенное“, такъ какъ въ этомъ произведеніи онъ

„еще не достигъ предѣловъ возможнаго для него дарованія“. Съ своей стороны Кноррингъ замѣчаетъ, что истинный поэтъ никогда не можетъ быть доволенъ самимъ собою, и выражаетъ надежду, что Пушкинъ рѣшится представить продолженіе своей драмы, которое будетъ заключать въ себѣ настоящее ея окончаніе, т. е. конецъ Лжедмитрія; только при этомъ условіи, по мнѣнію переводчика, *Борисъ Годуновъ* явится произведеніемъ, вполнѣ удовлетворительнымъ.

Что касается самаго перевода, то онъ сдѣланъ размѣромъ подлинника и, въ общемъ, удовлетворительно. Кромѣ Кнорринга, *Бориса Годунова* переводилъ также баронъ Е. О. Розенъ, при чемъ этотъ трудъ былъ имъ исполненъ, повидимому, очень быстро: въ письмѣ къ Пушкину отъ 27 іюня 1831 г. онъ говоритъ: „Приготовляю все нужное для перевода *Бориса*“ (*Переписка*, томъ II, стр. 261), а 19 іюля того же года уже пишетъ Шевыреву: „Я перевелъ его (*Бориса*) на нѣмецкій языкъ съ рукописи автора и заслужилъ его восторженную благодарность и хвалу Жуковского“ (*Русскій Архивъ* 1878, кн. II, стр. 47). Переводъ этотъ, однако, въ печати не появлялся, да и самое исполненіе его въ такой короткій срокъ вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе. Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ о переводѣ не всего *Бориса*, а только одной, пропущенной Пушкинымъ при печатаніи драмы, сцены: „Ограда монастырская“ (см. выше, стр. 113), которую баронъ Розенъ дѣйствительно перевелъ съ рукописи автора и напечаталъ въ 1833 г. въ „*Dorpat'er Jahrbücher*“ вмѣстѣ съ своей критической статьёй, о которой онъ упоминаетъ въ томъ же письмѣ къ Шевыреву и которая предназначалась первоначально для *Литературной Газеты*. Иначе трудно понять, почему Розенъ переводилъ съ рукописи, когда передъ нимъ была печатная книга.

Переводъ Кнорринга вызвалъ рецензіи Полевого въ

Московскомъ Телеграфѣ 1831, часть 41, № 18, стр. 216—220, и Булгарина въ *Съверной Пчелѣ* 1831, № 266. Полевой пересказалъ своими словами предисловіе переводчика и сдѣлалъ, попутно, нѣсколько замѣчаній вообще о критикахъ Пушкина (приведенныхъ нами выше). Булгаринъ написалъ одну изъ тѣхъ статей, которыя подъ видомъ похвалъ поэту заключали въ себѣ обычные для *Пчелы* шпильки. Онъ начинается утвержденіемъ, что Пушкинъ „въ самую пору представилъ *Бориса Годунова* на судъ литераторовъ въ отечествѣ Гете и Шиллера“; затѣмъ слѣдуетъ выраженіе нетерпѣнія, съ которымъ Булгаринъ ожидаетъ „приговора нѣмецкой ученой критики о завязкѣ и характерахъ сего произведенія нашего поэта“, — и даетъ совѣтъ, какъ надо критиковать *Годунова*, на какія мѣста пьесы слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Въ этомъ отношеніи прежде всего высказывается увѣренность, что въ нѣкоторыхъ частяхъ нѣмецкіе критики будутъ къ автору благосклоннѣе, нежели русскіе образованные читатели, знакомые съ исторіей Россіи. Такъ, по мнѣнію Булгарина, „богомольный русскій царь XVII столѣтія, примѣрный мужъ и отецъ, извѣстный чистотою нравовъ“, не могъ сравнивать свою участь съ „любовными утѣхами“ и не могъ произнести монолога: „Шестой ужъ годъ я царствую спокойно“. Но нѣмецкіе критики легко могутъ пропустить эту несообразность, потому что „въ устахъ какого-нибудь рыцаря Тогенбурга эти слова имѣютъ силу и значеніе“. Кромѣ того, „всѣ герои въ такъ называемыхъ *семейныхъ драмахъ* чрезвычайно говорливы, и, слѣдовательно, Борисъ Годуновъ, скончавшійся въ исторіи скоропостижно, отъ кровоизліянія, и разсуждающій, какъ книга, на смертномъ одрѣ, будетъ весьма занимателенъ для нѣмцевъ“. Далѣе идетъ мѣсто, наиболѣе яркое по злобѣ и зависти къ Пушкину. „Можетъ быть, нѣмецкіе критики, люди вообще начитанные и ученые, найдутъ въ

русскомъ произведеніи нѣкоторыя знакомыя мѣста“, говоритъ Булгаринъ, и хотя увѣряетъ, что „это не можетъ уронить достоинство цѣлаго“, но тотчасъ же, предваряя критиковъ, спѣшитъ указать, въ чемъ заключаются заимствованія Пушкина: сцена Бориса съ княземъ Шуйскимъ заимствована изъ *Разбойниковъ* Шиллера (д. V, явл. I), когда испуганный Францъ Мооръ рассказываетъ сонъ слугѣ Даніэлю; сцена въ лѣсу между Самозванцемъ и Пушкинымъ напоминаетъ сцену въ „*Lady of the Lake*“ В. Скотта, а Самозванецъ, засыпающій въ лѣсу, склоня голову на сѣдло послѣ неудачной битвы, — картина изъ *Мазены* Байрона.

Чувствуя, очевидно, несостоятельность этихъ мелочныхъ упрековъ и указаній, Булгаринъ замѣчаетъ, что „хорошій переводъ *Бориса Годунова* обратитъ на себя вниманіе европейской литературы“ и дастъ иностранцамъ „выгодное понятіе о нашей словесности“. Но при этомъ онъ считаетъ нужнымъ указать, что „по мнѣнію многихъ и безпристрастныхъ критиковъ и литераторовъ русскихъ, *Борисъ Годуновъ* не есть лучшее произведеніе нашего поэта“, и что если бы дѣйствительно лучшее его твореніе — *Цыганы* — было переведено такъ сильно, какъ оно написано по-русски, то „нѣмцы и англичане сплели бы русскому поэту вѣнокъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ, коими они увѣнчали Гете, Шиллера, Байрона и Мура“. Переводы же *Бориса Годунова*, *Полтавы*, *Евгенія Онѣгина* „не дадутъ иностранцамъ такого понятія о томъ небесномъ пламени, которое согрѣвало юную душу нашего поэта въ часы свободныхъ, непринужденныхъ вдохновеній“ (Ср. *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIX—XX, стр. 148—150).

„Суда нѣмцевъ“ Пушкинъ такъ и не дождался: только въ октябрѣ 1838 г. извѣстный критикъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе напечаталъ въ Берлинскомъ журналѣ *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* статью, посвященную

общей характеристикѣ поэзіи Пушкина (по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ трехъ томовъ посмертнаго изданія его сочиненій). Здѣсь, между прочимъ, о *Борисъ Годуновъ* было сказано, что это произведеніе безъ всякаго сомнѣнія можетъ называться трагедіей, такъ какъ въ немъ единство дѣйствія вездѣ строго сохранено и органически связываетъ всѣ части въ одно цѣлое. Критикъ указываетъ далѣе на мастерство въ распредѣленіи сценъ и веденіи діалога, а также на художественную обрисовку характеровъ. „Мы еще болѣе будемъ удивляться драматической силѣ генія Пушкина“, говоритъ онъ, „если примемъ въ соображеніе тѣ малыя средства, которыми поэтъ достигаетъ своихъ цѣлей. Здѣсь онъ является первокласснымъ мастеромъ: все у него сжато и ярко, опредѣленно и быстро, ничего лишняго, ничего растянутаго; нигдѣ поэтъ не вдается въ заманчивыя отступленія, которыя такъ часто врываються въ драматическія произведенія и думаютъ оправдать себя названіемъ лирическихъ мѣстъ... Для русскихъ трагедій Пушкина имѣетъ еще то преимущество, что она въ высочайшей степени національна... Даже мы, иностранцы, чувствуемъ біеніе русскаго сердца въ каждой сценѣ, въ каждой строкѣ. Видя такое прекрасное соединеніе величайшихъ даровъ, мы не можемъ не удивляться и не сожалѣть, что Пушкинъ создалъ только одну эту трагедію, а не цѣлый рядъ“.

Статья Фарнгагена *) была, съ нѣкоторыми сокращеніями, переведена на русскій языкъ въ *Сынъ Отечества* 1839, т. VII (*Зелинскій*, Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, часть IV, изданіе 2-е, М. 1902, стр. 105—126) и въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1839, т. IV (переводъ М. Н. Каткова, перепечатанный въ книжкѣ: „М. Н. Катковъ о Пушкинѣ“, М. 1900, стр. 1—16;

*) Она перепечатана въ *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften von K. A. Varnhagen von Ense*, 5-ter Band, Lpz. 1843, S. 592—635.

статья должна была появиться также въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, но была запрещена цензурой: см. *Бѣлинскій, Письма*, томъ I, Спб. 1914, стр. 362).

Нѣсколько ранѣе статьи Фарнгагена появилась книга Кенига: „*Litterarische Bilder aus Russland*“, составленная при ближайшемъ участіи Н. А. Мельгунова и переведенная на русскій языкъ только въ 1862 г. (Спб.), подъ заглавіемъ: „Очерки русской литературы“. Здѣсь о *Борисѣ Годуновѣ* было сказано, что эта пьеса напоминаетъ драму Гете: „Гетцъ фонъ-Берлихингенъ“ (конечно, по вѣшной формѣ, а не по содержанію) и „въ ходѣ событій совершенно слѣдуетъ Исторіи Карамзина; изображеніе характеровъ составлено по этому же историку... Поэтизировавъ великолѣпную прозу историка, Пушкинъ создалъ картину всѣхъ сословій и состояній, по колориту языка, по живости представленій художественную, — картину вполнѣ объективную и вѣрную. Эту пьесу можно считать вполнѣ художественнымъ произведеніемъ“ (стр. 106—107).

Указаніе Кенига на сходство *Бориса Годунова* съ гетевскимъ *Гетцомъ* повторяется и позднѣйшими нѣмецкими изслѣдователями (*Honegger, Russische Litteratur und Kultur*, Лpz. 1880, S. 189; *Weddigen, Geschichte der Einwirkungen der deutschen Litteratur auf die Litteraturen der übrigen Völker*, 1882, S. 166), — но совершенно голословно: нѣтъ никакихъ основаній для предположенія, что Пушкинъ былъ знакомъ съ драмою Гете. Съ другой стороны, изученіе историческихъ драмъ Шекспира несомнѣнно отразилось не только въ общемъ характерѣ трагедіи Пушкина, но и въ отдѣльныхъ ея сценахъ. Въ этомъ отношеніи поучительно сравнить избраніе Бориса на царство со сценою избранія герцога Глостера („*Ричардъ III*“, д. III, явл. 7); монологъ Бориса: „Достигъ я высшей власти“ съ монологомъ Генриха V: „На короля, — все,

все на короля“ („Генрихъ V“, д. IV, явл. I) и въ особен-ности — послѣднія наставленія Бориса Теодору съ рѣчью Генриха IV къ принцу Уэльскому („Генрихъ IV“, часть II, послѣднее явленіе IV дѣйствія). Нельзя не замѣтить также нѣкотораго сходства въ изображеніи военныхъ сценъ съ подобными же сценами въ „Генрихъ V“ и, въ частности, сходства капитана Маржерета съ уэльскимъ капитаномъ Флюэлленомъ (см. *M. Pokrowskij*, Puschkin und Shakespeare — въ *Jahrbuch der deutschen Schakespeare-Gesellschaft*, 43-ter Jahrgang, 1907, S. 169—209). Указывалось также и на общее сходство характера Бориса съ Клавдіемъ („Гамлетъ“) и Макбетомъ.

По вопросу о вліяніи на творчество Пушкина драмы французской и, въ частности, Расина нѣсколько любопытныхъ замѣчаній можно найти въ статьѣ *Θ. Д. Батюшкова*: „Пушкинъ и Расинъ“ въ сборникѣ: „Памяти Пушкина“ преподавателей и слушателей С.-Петербургскаго Университета, Спб. 1900, стр. 1—34 (перепечатана въ книгѣ Батюшкова: „Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ“, часть II, Спб. 1902, стр. 72—115). Здѣсь, между прочимъ, указывается на нѣкоторое (весьма, впрочемъ, общее) сходство *Бориса Годунова* съ *Аталіей* Расина. „Иудейская царица переживаетъ аналогичный душевный кризисъ: временно восторжествовавъ на престолѣ, она замѣчаетъ, что не утвердилась на немъ. Возможность заговора ее тревожитъ, и укору совѣсти напоминаютъ ей, какъ и Борису, о царевичѣ, законномъ наследникѣ престола, котораго она приказала умертвить. Далѣе, въ трагедіи Расина, какъ и въ драмѣ Пушкина, важнымъ дѣйствующимъ лицомъ является не только царь или царица, а народъ; темою служитъ вопросъ объ отношеніяхъ народа и правителя, характеристика придворныхъ, вопросъ престолонаслѣдія и даже шире — вообще значеніе верховной власти“.

Но, конечно, болѣе всего отразились въ *Борисъ Годуновъ* русскіе источники, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ *Исторія Государства Россійскаго*. Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ трагедіи указываются соотвѣтственныя заимствованія и совпаденія.

„Карамзину“, говоритъ Пушкинъ, „слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“. Въ ту пору, когда работалъ поэтъ, было уже издано нѣсколько памятниковъ, имѣющихъ первостепенную важность при изученіи смутной эпохи: такъ называемый Новый Лѣтописецъ, Житіе царя Феодора Ивановича, составленное патриархомъ Іовомъ, Сказаніе Авраамія Палицына, Грамота объ избраніи Бориса Годунова, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства“ и пр. (М. 1781, 1788); много извѣстій о времени Бориса и Самозванца было собрано кн. Щербатовымъ въ VII томѣ его *Исторіи Россійской*. Пушкинъ имѣлъ въ своей библиотекѣ и *Древнюю Россійскую Визлюовику* Новикова, и сочиненіе капитана Маржерета: „Estat de l'Empire de Russie“, Р. 1669, въ новѣйшей перепечаткѣ 1821 г. (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IX—X, стр. 38, № 135 и стр. 286, № 1131). Такимъ образомъ, наряду съ подробностями, взятыми у Карамзина, въ *Борисъ Годуновъ* встрѣчается много такого, что было почерпнуто непосредственно изъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что и первоначальное заглавіе пьесы: „О настоящей бѣдѣ Московскому государству и о Гришкѣ Отрепьевѣ“ взято изъ *Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго Государства*, на которую указываетъ самъ Пушкинъ (см. выше, стр. 83) и которую онъ читалъ, конечно, въ изданіи Н. И. Новикова*). Далѣе,

*) Полное заглавіе: „Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и вѣшнихъ непріятелей и

въ замѣчаніяхъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ *Бориса Годунова*, будутъ указаны и другіе источники, которыми воспользовался поэтъ.

Уже въ первой сценѣ („Кремлевскія палаты“, стр. 51—55) Пушкинъ расходится съ Карамзинымъ. Исторіографъ, упоминая о князьяхъ Рюриковичахъ, участвовавшихъ въ избраніи Годунова, говоритъ, что они, „давно лишенные достоинства князей владѣтельныхъ, давно слуги Московскихъ государей наравнѣ съ дѣтьми боярскими (ср. стр. 55, стихи 88, 89), *не дерзали мыслить* о своемъ наслѣдственномъ правѣ“; разговоръ Шуйскаго съ Воротынскимъ, напротивъ, показываетъ, что князья „дерзали мыслить“ объ этомъ и представляетъ художественное развитіе лѣтописнаго намека о Шуйскихъ, которые Бориса „не хотяху на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію“ (*И. Н. Ждановъ*, Сочиненія, томъ II, стр. 119—120).

Зачеркнутое, въ виду требованій объ „очищеніи“, мѣсто въ сценѣ на Дѣвичьемъ Полѣ (стр. 58, стихи 18—26) воспроизводитъ примѣчаніе 397 къ X тому Исторіи Карамзина: „Въ одномъ хронографѣ сказано, что нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать, но не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною“. То же извѣстіе хронографа Пушкинъ могъ видѣть и въ *Исторіи Россійской князя М. М. Щербатова* (томъ VII, часть I, Спб. 1790, стр. 12). Въ текстѣ же Карамзина, къ которому относится указанное примѣчаніе, говорится: „... по данному знаку все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ

отъ прочихъ тогдашнихъ временъ многихъ случаевъ по преставленіи Царя Іоанна Васильевича; а паче о между-государствованіи по кончинѣ Царя Федора Іоанновича и о учиненномъ исправленіи книгъ въ царствованіе Благовѣрнаго Государя Царя Алексѣя Михайловича въ 7168 (1655) году. Собрано изъ древнихъ тѣхъ временъ описаній. Изданіе Второе. Москва, въ Типографіи Компаніи Типографической, 1788“. Первое изданіе этой *Лѣтописи* вышло въ Спб. 1771.

оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣна съ воплемъ неслыханнымъ: всеѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика. *Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемеровъ!*“ . Пушкинъ въ своемъ толкованіи этого извѣстія опять рѣшительно расходится съ Карамзинымъ: исторіографъ подчеркиваетъ искренность и „вдохновеніе“ народнаго плача и хочетъ сказать, что рыдавшія женщины не замѣчали, какъ дѣти падали у нихъ изъ рукъ, а поэтъ придаетъ сценѣ комическій характеръ и заставляетъ бабу нарочно бросить ребенка, чтобы тотъ „пицаль“.

Стр. 60, стихи 22—24. Ср. Ист. Гос. Росс., т. XI, стр. 11: „Въ сей день народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всеѣ были званые, отъ патріарха до нищаго“.

Въ сценѣ въ Чудовомъ монастырѣ слѣдуетъ отмѣтить пропущенные выше варианты *Московского Вѣстника*:

Стихъ 93-й: Противу *ихъ* . . .

„ 102-й: . . . . . *шуменомъ смиреннымъ*

„ 104-й: . . . . . *Кирилль косноязычный*

„ 112-й: . . . *Игумену и братѣи*

„ 118-й: *И схимю* честную восприму

„ 135-й: . . . . . *Царю едину* зримый

„ 166-й: Вдругъ между *ихъ* . . .

„ 183-й: Я лѣтопись *мою* . . . .

Имя *Пимена* взято у Карамзина; но это былъ не Чудовской старецъ, а монахъ, привлеченный къ допросу о Самозванцѣ и показавшій, что онъ самъ вывелъ Григорія Отрепьева въ Литву (Ист. Гос. Росс., XI, 144).

Рассказъ Пимена о смерти царя Феодора заимствованъ не изъ Карамзина, у котораго (X, прим. 372) сказано только: „Пишутъ, что онъ умирая видѣлъ ангела и

проч.“, — а изъ жизнеописанія царя Θεодора, составленнаго патріархомъ Іовомъ и входящаго въ составъ такъ называемой Никоновской Лѣтописи: „Прежде пришествія патріархова видѣлъ нѣкакова пришедша къ нему мужа свѣтла во святительскихъ одеждахъ, и глаголетъ благочестивый царь внезапно предстоящимъ бояромъ своимъ, повелѣваетъ отступить отъ одра его, да устроятъ мѣсто нѣкому, патріархомъ нарицая его“, и т. д. (*Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей*, томъ XIV, первая половина, стр. 16—17; *И. Н. Ждановъ*, Сочиненія, томъ II, стр. 110—111).

Сцена въ палатахъ патріарха (стр. 68) воспроизводитъ разсказъ *Лѣтописи о многихъ мятежахъ* „о настоящей бѣдѣ Московскому государству“, гдѣ, между прочимъ, о Гришкѣ говорится: „Грамотажъ ему далася не отъ Бога де, но діаволу сосудъ учинися, и бысть зѣло грамотень“ (стр. 72); имена дьяковъ Смирнова и Ефимьева взяты у Карамзина (XI, 125).

Слѣды близкаго знакомства съ тою же *Лѣтописью* видны и въ монологѣ Бориса: „Достигъ я высшей власти“ (стр. 70). Такъ, въ *Лѣтописи* читаемъ: „Наведе на насъ Богъ гладъ велий“ (стр. 63), а стихъ 27-й почти дословно повторяетъ эту фразу; *Лѣтопись* подробно разсказываетъ и о смерти королевича Іоанна, послѣдовавшей, будто бы, отъ намѣреннаго небреженія врачей, послушавшихъ приказа, даннаго имъ Семеномъ Годуновымъ по царскому повелѣнію. Извѣстіе о томъ, что Борисъ отравилъ свою сестру, было передано Самозванцу Хрущовымъ, какъ объ этомъ говоритъ Карамзинъ (XI, 144).

Самый монологъ Бориса *В. В. Ситовскій* („Пушкинъ и его современники“, выпускъ III, стр. 86—88) сближаетъ съ думой *Рылѣва*: „Борисъ Годуновъ“. Оба поэта „изобразили Годунова въ минуту тоски, когда онъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ вопіющей несправедливости

черни къ его державному труду кроется великая справедливость, — наказаніе за содѣянное преступленіе“. Для сравненія приводятся изъ думы Рылѣва слѣдующіе стихи:

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
 Пролью съ высотъ его къ народу;
 Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
 Всѣмъ дамъ законную свободу!
 Начнуть торговлею вездѣ цвѣсти
 И грады пышные, и села,
 Полезному открою всѣ пути
 И возвеличу блескъ престола!
 Я мнилъ: народъ меня благословить,
 Зря благоденствіе отчизны,
 И общая любовь мнѣ будетъ щить
 Отъ тайной сердца укоризны.
 Добро творю, — но ропота души
 Оно остановить не можетъ:
 Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
 Вездѣ равно меня тревожить!
 Вездѣ, какъ неотступный стражъ, за мной,
 Какъ злой, неумолимый геній,
 Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
 Невнятно повѣсть преступленій...
 Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
 Отъ нестерпимаго страданья!

и т. д.

Матеріаль для сцены въ корчмѣ данъ нѣсколькими примѣчаніями къ XI тому Карамзина, въ которыхъ приводятся выдержки изъ хронографовъ. Такъ, въ примѣчаніи 196 читаемъ: „И отбѣжа въ Литву (съ Мисаиломъ и Варлаамомъ Яцкимъ)... Той же лютой волкъ не восприя питія; Мисаиль же и Варлаамъ зѣло негодуячи на

него, яко не піеть съ ними, но творить себя яко свята...". Въ примѣчаніи 199 приводится выдержка изъ *Сказанія, еже содѣяся* и пр.: „Внидоша (Гришка съ товарищами) въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и сѣдяще за столомъ вопросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ царя: не вѣмъ, кто съ Москвы бѣгу ся ятъ... И Гришка бѣ отъ страху яко мертвъ... Жена же показа имъ путь къ Чернигову“. Въ самомъ текстѣ Карамзина сказано, что Самозванецъ „устремился не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ... инокъ *Пименъ*“ (XI, 127).

О пѣснѣ Варлаама: „Какъ во городѣ было во Казани“ см. замѣтки *В. Чернышева* и *Н. Виноградова* въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, выпускъ V, стр. 127—129 и выпускъ VII, стр. 65—67. По всей вѣроятности, пѣсня эта, какъ и другія, намѣченныя въ первоначальномъ вариантѣ сцены (см. выше, стр. 100), взяты изъ Пѣсенника Новикова.

Л. Н. Майковъ („Пушкинъ“, стр. 221) приводитъ сообщеніе А. Н. Вульфа о томъ, что находящаяся въ томъ же первоначальномъ вариантѣ приговорка Варлаама заимствована Пушкинымъ отъ настоятеля Святогорскаго монастыря, который любилъ повторять: „Нашъ Ома пьетъ до дна, выпьетъ да поворотитъ, да въ донушко поколотитъ“.

Описаніе примѣтъ Самозванца (стр. 79) взято у Карамзина.

У Карамзина же, но не изъ текста *Исторіи* (XI, 95—96), а изъ примѣчанія 138, гдѣ цитируется хронографъ, взята и молитва, читаемая на ужинѣ у Шуйскаго (стр. 79—80): „Сущіи днесъ въ полатѣ сей молимъ о душевномъ спа-

сеніи и о тѣлесномъ здравіи и о побѣдѣ на враги Божиему слугѣ, великому, благочестивому и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превознесенному... Государю Царю Борису Θεодоровичу, самодержащему скифетры на всей Восточной странѣ и на Сѣверѣ... *И на томъ збо и чашу сію Царскую воздвигнуми...* Дай Богъ, Государь нашъ и Великій Князь Борисъ Θεодоровичъ, единый подсолнечный христіанскій царь... и его царица... и ихъ царскія дѣти... на многія лѣта здравы были и счастливы, и недругомъ своимъ страшны, чтобъ всѣ великіе Государи приносили достойную почесть его величеству... и имя *славилося отъ моря и до моря* и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію... чтобы тѣ великіе Государи его царскому величеству послушливы были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали... чтобы его прекрасно-цвѣтушія, младо-умножаемая вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго Царствія были на вѣки и некончаемые вѣки безъ урыву; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго...". Любопытно отмѣтить, что подчеркнутое Карамзинымъ прошеніе о томъ, чтобы всѣ прочіе государи „рабски служили“ Борису, Пушкинымъ выпущено, да и весь тонъ молитвы измѣненъ, хотя и сохранены нѣкоторыя ея выраженія (отмѣченныя выше курсивомъ).

Въ той же сценѣ, въ рѣчи Пушкина (стр. 82—83), указанная нами выше (стр. 101) необходимость исправленія стиха 74-го: „на *колу*“, вмѣсто: „на полу“ была замѣчена еще въ *Голосъ* 1869, № 359 (стр. 2, Петербургская Хроника), гдѣ сказано, что опечатка указана была еще въ 1859 г. Шевыревымъ (Ист. Рус. Слов., т. I, 1859, стр. ССП), но до сихъ поръ остается неисправленною.

Въ той же рѣчи перечисленіе гонимыхъ князей и бояръ (стихи 83, 84) взято у Карамзина, XI, 102—103.

У Карамзина же (XI, 54) заимствовано и выраженіе въ слѣдующей сценѣ: „Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица“ (стр. 85, стихъ 10): „Борисъ“, говоритъ Карамзинъ, „чувствовалъ, можетъ быть, казнь небесную въ совѣсти, готовивъ счастье для милой дочери и видя ее *вдовою въ невѣстахъ*“. „Чертежъ земли Московской“ (стихъ 18) также упоминается у Карамзина (XI, 91). Оригиналъ этой карты неизвѣстенъ; она издана въ 1604 г. голландцемъ Герритсомъ (а не нѣмцемъ Герардомъ, какъ говоритъ Карамзинъ). См. статью *Н. Д. Чечумина*: „О такъ называемой картѣ царевича Θεодора Борисовича Годунова“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1903, апрѣль, стр. 335-344.

Патеръ *Черниковскій*, одинъ изъ двухъ іезуитовъ, бывшихъ при Самозванцѣ (стр. 92), упоминается Карамзинымъ въ примѣчаніи 240 къ XI тому. Казакъ *Корела* (стр. 95) также названъ Карамзинымъ (XI, 141), а въ *Лѣтописи о многихъ мятежахъ* о немъ сказано: „Увѣдаша же про него (Самозванца) такіежъ воры собаки Донскіе козаки, и послаша къ нему съ Дону атамана Корелу“.

Собанскій, шляхтичъ вольный (стр. 94) напоминаетъ поляка Собанскаго, бывшего соперникомъ Пушкина въ ухаживаніи за Амаліей Ризничъ въ Одессѣ. Академикъ *Ө. Е. Коршъ*, въ небольшой замѣткѣ по поводу этой сцены въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, выпускъ VII, стр. 56—59, указываетъ, что „никто изъ представляющихся Самозванцу не получаетъ отъ него такого короткаго отвѣта, какъ Собанскій. Да и не только короткаго, а и презрительнаго. Правда, презрѣніе въ немъ прикрито небрежною лестью тому признаку общественнаго положенія, который составляетъ предметъ гордости даже почти нищаго шляхтича передъ холопомъ, — сво-

бодѣ, и непосредственно за этой похвалой слѣдуетъ пріятное для бѣдняка распоряженіе о выдачѣ ему трети жалованья впередъ; но это самое распоряженіе, послѣ котораго Самозванецъ тотчасъ отвертывается отъ Собаньскаго... ясно показываетъ, каково было его мнѣніе объ этомъ новобранцѣ... Какъ бы то ни было, въ Собаньскомъ *Бориса Годунова* естественно видѣть замысловатую, хоть и довольно безобидную, мечь тому Собаньскому, который года за два передъ тѣмъ причинилъ, повидимому, немало страданій ревнивому поэту“.

Изъ переписки Пушкина мы знаемъ, что онъ интересовался юродивыми, искалъ въ Минеяхъ житіе Василя Блаженнаго, просилъ Карамзина прислать свѣдѣнія о „Желѣзномъ Колпакѣ“. Эти свѣдѣнія и послужили матеріаломъ для юродиваго „Николки“, выведеннаго въ сценѣ на площади передъ соборомъ (стр. 119—120). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что поэтъ въ данномъ случаѣ не считался съ хронологіей: блаженный *Іоаннъ*, Христа ради юродивый, московскій чудотворецъ, нарицаемый Большой Колпакъ и Водоносецъ, умеръ въ 1589 году, т. е. за 9 лѣтъ до воцаренія Годунова. Въ его житіи (рукопись Покровскаго собора) рассказывается, что онъ „носилъ вериги и колпакъ великій и тяжкій“ и, встрѣчаясь съ Годуновымъ, говорилъ ему: „Умная голова, разбирай Божьи дѣла. Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ“ (*Свящ. Іоаннъ Козалевскій*, Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Историческій очеркъ. Изданіе 3-е, М. 1902, стр. 244—248).

Основою для сцены въ лѣсу (стр. 124—126) послужило, какъ указываетъ И. Н. Ждановъ, извѣстіе, находящееся у Петрея и повторенное Миллеромъ и кн. Щербатовымъ. „Г. Миллеръ (замѣчаетъ Щербатовъ), послѣдуя Петрею, говоритъ, что на семь побоищъ лошадь подъ самимъ Самозванцемъ была ранена, и онъ едва могъ

спастися отъ плѣненія“. У Карамзина нѣтъ извѣстія объ убитомъ конѣ Самозванца; сказано только (XI, 171), что онъ „на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ Рыльскъ, съ немногими ляхами, съ княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками“, въ числѣ которыхъ Пушкинъ не упоминаетъ.

Описывая смерть Годунова, Карамзинъ (XI, 180) говоритъ: „Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты такой жизни, читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной внезапнымъ наступленіемъ вѣчности?“ Эти слова историка и послужили программой для послѣдней рѣчи Пушкинскаго Бориса (стр. 129—130, стихи 55—118), за которую критики упрекали поэта, замѣчая, что умирающій царь не могъ такъ долго говорить... Стихъ 128-й (стр. 132): „Се тотъ, кому приказываю царство“ заимствованъ изъ цитируемой Карамзинымъ въ примѣчаніи 304 грамоты Ростовскаго митрополита Кирилла: „Отходя отъ сего свѣта, при насъ, богомольцахъ своихъ, *приказалъ* и благословилъ на великіе государства сына своего“.

Рѣчь Пушкина на Лобномъ мѣстѣ (стр. 135—136) представляетъ сокращеніе подробно переданной Карамзинымъ (XI, 198—200) грамоты Самозванца „къ синклиту“, гдѣ, между прочимъ, есть и воспроизведенныя поэтомъ выраженія: „спасенный Богомъ, *иду къ вамъ съ любовію* и кротостію... Дерзните ли на брань междуособную *въ угодность* Маріи Годуновой и сыну ея?.. Вспомните, что было отъ Годунова вамъ, бояре, воеводы и всѣ люди знаменитые: сколько *опалъ* и *безчестія* несноснаго!.. Мы же хотимъ *васъ жаловать* безпримѣрно: *бояръ... дворянъ и людей приказныхъ... гостей и купцовъ... Иду съ сильнымъ войскомъ... смиритесь и немедленно приимите Митрополитовъ, Архіепископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ Бояръ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торговыхъ, битъ намъ челомъ*, какъ вашему Царю законному“.

Крики народа: „Вязать! топить!“ и пр., которыми заключается эта сцена (стр. 137), взяты также у Карамзина (XI, 201): „Да здравствуетъ царь Димитрій! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновыхъ!“. По Карамзину же составлена и заключительная сцена пьесы: „Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерефединовъ, взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ стрѣльцовъ, 10 іюня пришли въ домъ Борисовъ, увидѣли Теодора и Ксенію . . . объявили, что Теодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ“.

Наконецъ, сцена Григорія съ злымъ чернецомъ (стр. 139—140), вѣроятно, создавалась подъ вліяніемъ мимоходомъ брошеннаго Карамзинымъ (XI, 125) замѣчанія: „Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряють, однимъ *злымъ инокомъ*“. Упоминаемый въ черновомъ отрывкѣ, приведенномъ выше, на стр. 85, *старецъ Леонидъ*, по Карамзину (XI, 128) — „отчаянный бродяга“, монахъ Крыпецкаго монастыря: ему Отрепьевъ передалъ свое имя, когда самъ назвался Димитріемъ“.

XXIX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

(Стр. 141).

Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, ч. I, № 4, стр. 252, съ подписью: А. П. Затѣмъ перешло въ изданіе 1829, ч. II, стр. 28.

Князь П. А. Вяземскій (Сочиненія, т. I, стр. 321—322) передаетъ, что поводомъ къ этой эпиграммѣ послужилъ не совсѣмъ благопріятный отзывъ его о *Цыпанахъ* (см. настоящаго изданія томъ III, примѣчанія, стр. 440—443).

„Этотъ разборъ“, говоритъ Вяземскій, „навлекъ или могъ бы навлечь облачко на свѣтлыя мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо позднѣе. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, общій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина, онъ убѣдился, что поэтъ несовсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ: „медленно склонился и съ камня на траву свалился“. Между тѣмъ, онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи; напротивъ, сколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью. Какъ бы то ни было, взаимныя наши отношенія оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ; молчала и я, опасаясь дать словамъ Муханова видъ сплетни, за которую Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привести въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе; но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваетъ меня въ упоръ, можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпиграмму: „О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?“ Полагая, что вопросъ его относится до цензуры, отвѣчаю, что не предвижу никакого со стороны ея препятствія; между тѣмъ замѣчаю, что при этихъ словахъ моихъ лицо его вдругъ вспыхнуло и озарилось краскою — обычною въ немъ примѣтою какого-либо смущенія или внутренняго сознанія въ неловкости положенія своего. Впрочемъ, и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядѣлъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло и кончилось. Уже послѣ смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ эта сцена: загадка нечаянно сама разгадалась передо мною: я понялъ, что этотъ *про-*

замкъ—я, что Пушкинъ, легко оскорблявшійся, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и, наконецъ, хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорблюсь ли я самъ напечатаніемъ эпиграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня“.

Эти объясненія кн. Вяземскаго опровергаются простой хронологической справкой: эпиграмма Пушкина была написана въ 1825 г., когда объ изданіи *Цыганъ* не было еще и рѣчи, и напечатана въ книжкѣ *Московского Вѣстника*, разрѣшенной цензурою 7 декабря 1826 г., — ранѣе *Цыганъ*, разрѣшенныхъ только 10 декабря; книжка журнала съ эпиграммой вышла въ свѣтъ около 15 февраля 1827 г., *Цыганы* — около 15 мая, а статья кн. Вяземскаго явилась только въ № 10 *Московского Телеграфа* 1827 г. Такимъ образомъ, эпиграмма Пушкина и по времени ея написанія, и по времени появленія въ печати никакъ не могла цѣлить въ статью кн. Вяземскаго (См. *Н. Лернеръ*, *Распутанное недоразумѣніе*, въ *Русскомъ Библюфилѣ* 1913, № VII, стр. 87—92, и „Пушкинъ въ печати“ *Н. Сивявскаго* и *М. Цявловскаго*, М. 1914, №№ 274 и 287).

XXX.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

(Стр. 142).

Находится въ письмѣ къ кн. Вяземскому, писанномъ изъ Михайловскаго въ первой половинѣ сентября 1825 г., гдѣ Пушкинъ, между прочимъ, проситъ князя „доказать“ Василию Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны — произведеніе „какого-нибудь другого беззаконника“. — „Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ“, добавляетъ поэтъ, и доказываетъ „братство“ стихами (см. выше, стр. 27, и *Переписку*, томъ I, стр. 285).

Напечатано въ *Современникъ* 1836, томъ I, стр. 191, безъ подписи.

Настоящее стихотвореніе представляетъ довольно близкій переводъ отрывка А. Шенье, въ которомъ воспроизводится сказаніе о смерти Геркулеса, послужившее содержаніемъ для трагедіи Эврипида „Неистовый Гераклъ“. Жена Геркулеса, Деянира, получила въ подарокъ отъ убитаго имъ кентавра тунику, какъ талисманъ, имѣющій силу удержать ея мужа отъ невѣрности, и однажды, подозрѣвая Геркулеса въ измѣнѣ, послала ему эту тунику. Какъ только онъ ее надѣлъ, ядовитая кровь кентавра, которою она была пропитана, стала жечь его тѣло. Геркулесъ хотѣлъ сорвать съ себя губительную одежду, но она плотно пристала къ тѣлу и причиняла ему мучительную боль. Тогда герой взомель на гору Этю, сложилъ тамъ костеръ, легъ на него и самъ его поджегъ.

Приводимъ, для сравненія, подлинное стихотвореніе Шенье.

Oeta, mont ennoblî par cette nuit ardente,
 Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
 Reçut de son amour un présent trop jaloux,
 Victime du centaure immolé par ses coups;
 Il brise tes forêts; ta cime épaisse et sombre
 En un bûcher immense amoncelle sans nombre
 Les sapins résineux que son bras a ployés.
 Il y porte la flamme; il monte; sous ses pieds
 Etend du vieux lion la dépouille héroïque,
 Et l'oeil au ciel, la main sur la massue antique,
 Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.
 Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu
 Brille autour du héros, et la flamme rapide
 Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide.

Переводъ почти дословно вѣренъ подлиннику: даже число стиховъ одинаково; сохранены всѣ особенности

подлинника, — отрывочность, придающая стиху сильное движеніе, быстрый переходъ къ заключительному двустишію, красиво завершающему картину страданій героя и изображающему его апопееозъ. Но при этомъ Пушкинъ опустилъ риторическое обращеніе къ горѣ Этѣ и замѣнилъ первые 4 стиха подлинника, довольно сухіе и прозаическіе, энергичнымъ, лаконическимъ вступленіемъ (ср. *С. Любомудровъ*, „Античные мотивы въ поэзіи Пушкина“, изданіе 2-е, Спб. 1901, стр. 26).

XXXII.

БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ...

(Стр. 144).

Этими стихами начинается письмо къ Дельвигу, писанное изъ Михайловскаго въ сентябрѣ—октябрѣ 1825 г. За стихотвореніемъ слѣдуетъ приписка: „Вотъ тебѣ душа моя приращеніе къ куплетамъ Эрстова — Поцалуй его отъ меня въ лобъ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 299—300).

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Эрстовъ (ум. 1858) — младшій товарищъ Пушкина по Лицею (II курса). Племянникъ его, князь Павелъ Арсеньевичъ Путятинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ* 1887 г., говоритъ о близости его къ Пушкину и Дельвигу, о живости и веселости его характера и приводитъ, будто бы съ автографа Пушкина, акростихъ на имя „Димитрій“, очень нескладный и, конечно, Пушкину не принадлежащій. „Куплеты“ Эрстова, должно быть, сообщенные Пушкину Дельвигомъ, — вѣроятно, шуточные стихи того же размѣра, какимъ написано и „приращеніе“. Въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ попадаетъ, между прочимъ, такое восьмистишіе, изъ котораго два стиха на-

печатаны В. Я. Брюсовымъ въ книжкѣ: „Письма Пушкина и къ Пушкину“, М. 1903, стр. 157:

За трапезой царской
 Адъютантъ сидѣль,
 Съ важностью боярской
 Чинно раки ѣль.
 Фрейлина съ тарелки
 Шарикъ ему въ глазъ, и пр.

Вѣроятно, это и есть „куплеты Эривова“.

Впослѣдствіи кн. Эривовъ издалъ, вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ, „Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви“ (Спб. 1836), о которомъ Пушкинъ помѣстилъ небольшую замѣтку въ *Современникъ*, и составилъ нѣсколько статей для Энциклопедическаго Лексикона Плюшара. См. Д. Ѳ. Кобеко, Императорскій Царскосельскій Лицей, Спб. 1911, стр. 347—348.

XXXIII.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

(Стр. 145).

Этими стихами начинается письмо къ кн. Вяземскому изъ Михайловскаго, въ началѣ октября 1825 г. (*Перетиска*, томъ I, стр. 300). Рѣчь идетъ, вѣроятно, о стихотвореніяхъ кн. Вяземскаго, напечатанныхъ въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ. О графѣ Хвостовѣ, надъ стихотвореніями котораго потѣшались „арзамасцы“, рассказывали, что въ его баснѣ „Два голубя“ голубь, попавшійся въ силокъ, перегрызъ петли *зубами* и такимъ образомъ спасся. Однако въ текстѣ этой басни, помѣщенной въ собраніи 1820 г., ничего подобнаго нѣтъ. Можетъ быть, самъ Хво-

стовъ, узнавъ о насмѣшкахъ, исправилъ свою ошибку, а можетъ быть, этотъ вариантъ о „зубастомъ голубѣ“ просто былъ сочиненъ, ради потѣхи, его „зоилами“.

XXXIV.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

(Стр. 146).

Списокъ этого стихотворенія, сдѣланный рукою А. Н. Вульфа, находится въ альбомѣ П. А. Осиповой, принадлежащемъ нынѣ княгинѣ А. А. Хованской, съ подписью: „А. П.“, подъ заглавіемъ: „Стихи писанные по случаю въ позднюю осень присланныхъ цвѣтовъ“ и съ помѣткою: „16 октября 1825“. — Напечатано въ *Современникъ* 1838, томъ IX, стр. 137, и въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 200. Въ изданіи Анненкова (томъ II, стр. 448) было произвольно отнесено къ 1828 году.

Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1838, часть XVI, стр. 618, было замѣчено, что это стихотвореніе „выказываетъ одно изъ тайнствъ души и жизни человѣческой и въ своихъ простыхъ, безыскусственныхъ формахъ блещитъ таинственною красотою творчества“.

XXXV.

19 ОКТЯБРЯ.

(Стр. 147—152).

Рукопись этого стихотворенія находится въ Пушкинскомъ Музеѣ Императорскаго Александровскаго Лицея. Она подробно описана и издана въ точной транскрипціи Я. К. Гротомъ въ *Извѣстіяхъ II Отдѣленія Императорской*

Академіи Наукъ, томъ VI (1857), стр. 326—336 и затѣмъ — въ книгѣ: „Пушкинъ, его лицейскіе наставники и товарищи“ (1901), стр. 142—154. — Напечатано стихотвореніе въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1827 годъ, стр. 342—348, съ помѣтою въ концѣ: „1825“ и съ выноскою къ заглавію: „19 октября 1821 (*такъ!*) года было открытіе Императорскаго Царскосельскаго Лицея“. Затѣмъ перепечатано въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 34—43, и въ Посмертномъ, томъ III, стр. 16—22.

Стихотвореніе было представлено на цензуру Бенкендорфа черезъ барона Дельвига, причемъ изъ рукописи были заранѣе исключены семь строфъ, а собственныя имена товарищей означены только заглавными буквами. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину 4 марта 1827 г.: „Заглавныя буквы друзей въ піесѣ *19 Октября* не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ? это предоставляю вашему разсужденію“. Пушкинъ отвѣчалъ 22 марта: „Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно піесы: *19 Октября*. Непремѣнно напишу Б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ — и вообще все что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ было имъ исключено“ (*Переписка*, томъ II, стр. 10, 14—15). Въ печати заглавныя буквы были замѣнены звѣздочками, а пропущенныя мѣста восстановлены только въ указанной выше статьѣ Грота.

Автографъ, по сравненію съ печатнымъ текстомъ, представляетъ слѣдующіе варианты и дополненія.

Стихъ 2-й: *Дохнулъ морозъ на убранное поле*

„ 5-й: И скроется за край *туманныхъ* горъ. . .

„ 8-й: Минутное забвенье (*многихъ*) (*нашихъ*) мукъ.

Далѣе слѣдуютъ четыре строфы, не попавшія въ свое время въ печать:

Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ
 Завѣтный срокъ. Сегодня тамъ, далече,
 На (вѣрный) пиръ, на сладостное вѣче
 Стеклися вы при звонѣ мирныхъ чашъ —
 Вы собрались (чудесно) молодѣя
 Усталый духъ въ минувшемъ обновить
 По(толковать) на языкѣ Лицея
 И съ жизнью вновь (безпечно) пошालить.
 На пиръ любви душой
 Стремлюся (къ вамъ, хожу межъ вами) я . . .
 Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю
 Я
 (И) праздника порядокъ учреждаю . . .
 Я вдохновенъ, о
 (Послушайте, по)слушайте, друзья:
 Чтобъ 30 мѣсть насъ ожидали снова.
 Садитес(ь вновь) какъ вы сѣдились тамъ
 въ тѣни святаго крова
 Когда мѣста, (одно славнѣй другога,)
 Отличіе присвоивало намъ.
 Спартанскою душой плѣняя насъ
 Воспитанный
 (Всегда хранимъ) суровою Минервой
 Пускай опять В — [Вольховскій] (будетъ) первой
 Последнимъ я, иль Бр — [Брольо] иль Д — [Данзасъ]
 (будутъ) явятся ъ
 Но многія не (сядутъ) меж(ду) нами . . .
 Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ
 Они придутъ: конечно надъ водами
 Иль на холмѣ подъ сѣнью липъ густыхъ
 Они твердятъ томительный урокъ
 Или романъ украдкой пожираютъ

Или стихи влюбленные слогають
 И по ть ^{звонокъ}
 Забы(въ межъ тѣмъ) полуденный (урокъ)
 Они придуть! — за праздные приборы
 Усядутся; напѣнять свой стаканъ
 Въ нестройный хоръ сольются разговоры
 И загремитъ веселый нашъ пеанъ.

Въ этихъ зачеркнутыхъ строфахъ своего стихотворенія Пушкинъ вспоминаетъ школьные порядки: 30 (собственно — 29, такъ какъ одинъ изъ товарищей, Гурьевъ, былъ исключенъ въ самомъ началѣ курса) воспитанниковъ перваго курса Лицея занимали въ столовой мѣста по поведенію, причемъ первое мѣсто обыкновенно принадлежало Вл. Дм. Вольховскому, о которомъ въ „національной“ лицейской пѣснѣ говорится:

Покровительствомъ Минервы
 Пусть Вольховскій будетъ первый.

Это двустипіе, можетъ быть Пушкинымъ же и сочиненное, вспомнилось ему теперь, когда онъ писалъ „19 октября“. О Пушкинскомъ Лицеѣ и школьныхъ товарищахъ поэта въ настоящее время существуетъ уже цѣлая литература, такъ что здѣсь нѣтъ надобности повторять свѣдѣнія о нихъ. См. *Я. К. Гротъ*, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб. 1887 и 1901 (Труды Я. К. Грота, томъ III); *К. Я. Гротъ*, Пушкинскій Лицей, Спб. 1911; *Д. Ѡ. Кобеко*, Императорскій Царскосельскій лицей, Спб. 1911; *Н. А. Гастфрейндъ*, Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею, 3 тома, Спб. 1912—1913, а также примѣчанія къ I тому настоящаго изданія.

Послѣ зачеркнутыхъ строфъ въ рукописи слѣдуютъ строфы 2—9, съ приводимыми ниже вариантами:

- Стихъ 9-й: Мечты, мечты! Со мною друга нѣтъ,
радостно затмѣ бы я
- „ 10-й: Съ кѣмъ (могъ бы я запить виномъ) разлуку
сегодня
- „ 18-й: Меня друзья (со вздохомъ) именуютъ
- „ 19-й: Но многія-ль и тамъ изъ насъ пируютъ?
пльнительной
- „ 21-й: Кто измѣнилъ томъ сладостной привычкѣ?
- „ 22-й: Кого отъ васъ увлекъ жестокой свѣтъ?
шелъ
- „ 25-й: Онъ не *при(детъ)*, кудрявый нашъ пѣвецъ,
- „ 26-й: Съ огнемъ очей, съ гитарой сладкогласной
- „ 27-й: Подъ лаврами Италіи прекрасной
(нашихъ) (Русскихъ Музъ)
- „ 28-й: Онъ мирно спитъ — и дружескій *) рѣзецъ
русского
- „ 29-й: Не начерталъ надъ (раннею) могилой
бродя въ краю
- „ 32-й: Сынъ Сѣвера (на берегу) чужомъ.
Сидишь ли
- „ 33-й: (Явился ль) ты въ кругу своихъ друзей
- „ 36-й: И(ль) вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
моря
- „ 44-й: Среди бурныхъ волнъ мечта(ются) тебѣ
(мнилъ одно) повторялъ
- „ 47-й: И (говорилъ): на долгую разлуку
- „ 52-й: Сростался онъ подъ сѣнью мудрыхъ музъ
- „ 56-й: Отечество намъ Сарское-Село.
За судьбы
- „ 58-й: (Отутанный въ сѣтяхъ (нужды) суровой
любвию (мечтой чувствительной)
- „ 61-й: Съ огнемъ любви печальной и мятежной
ой надеждой
- „ 62-й: Съ доверчив(ымъ незнаньемъ) первыхъ лѣтъ
небратскій
- „ 64 й: Но горекъ былъ (холодный) ихъ привѣтъ.

---

*) Зачеркнуто и восстановлено.

Послѣ строфы 9-й въ рукописи зачеркнута еще одна строфа, обращенная къ Пушину:

Мы вспомнили бѣ какъ Вакху приносили
 Безмолвную мы жертву въ первый разъ
 Какъ всѣ трое по
 (Мы вспомнили какъ) мы впервой любили
 (Рове)
 Наперсники товарищи проказъ — —
 И все прошло проказы заблужденья. . .
 Ты освятить
 (Смиренъ, суровъ) тобой избранный санъ
 Ему
 (Но ты) въ очахъ общественнаго мнѣнья
 Завоевалъ
 (Къ нему) почтеніе гражданъ

Зачѣмъ 4 послѣдніе стиха были исключены, а первые 4 составили вторую половину строфы, къ которой приписано было начало съ обращеніемъ къ Малиновскому:

Что жъ я тебя встрѣтилъ тутъ же
 (Зачѣмъ и ты) не (обнялъ друга) съ нимъ
 Ты
 (О) нашъ казакъ и пылкій и незлобной
сѣни
 Зачѣмъ и ты моей (глуши) надгробной
 Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
 Мы вспомнили бѣ, и проч.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій (1796—1873), сынъ перваго Директора Лицея, былъ самымъ старшимъ изъ однокурсниковъ Пушкина. Поэтъ былъ съ нимъ особенно друженъ; его и Пушина вспомнилъ онъ и на смертномъ одрѣ, сказавъ: „Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пушина, ни Малиновскаго, — мнѣ бы легче было умирать“ (*Я. К. Гротъ*, Пушкинъ, стр. 70).

Слѣдующія строфы автографа представляютъ опять болѣе или менѣе незначительные варианты:

- Стихъ 78-й: Ступая въ ^{жизнь} (свѣтъ) мы ^(послѣ) (тотчасъ) ^{быстро} разошлись
- „ 86-й: О Дельвигъ мой, твой ^{про}голосъ (раз)будиль
- „ 93-й: Но я любилъ ^{уже} (толпы) рукоплесканья
- „ 94-й: Ты ^{(скромно) гордый тѣль} (создавалъ) для Музъ и для души
- „ 95-й: ^{Свой даръ} (Стихи) какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья
- „ 105-й: Пора, пора! ^{душевныхъ} (сердечныхъ) нашихъ мукъ
- „ 107-й: Сокроемъ жизнь подъ ^{снѣ}(кровъ) уединенья
- „ 110-й: Предан(і)я ^{Сердечныя ъ оживи} (души возобнови)
- „ 116-й: Промчится годъ и ^{съ вами снова} (къ вамъ явлюся) я
- „ 117-й: ^{сл}Исполнитъ (ъ онъ) завѣтъ моихъ мечтаній
- „ 124-й: ^{Благослови!} (Да здравствуетъ,) да здравствуетъ Лицей.

Далѣе въ рукописи слѣдовало:

(И каведра) ^{уроки и}
 Златыя дни! (и зимнія) забавы
 И чернѣй столъ, и бунты вечеровъ
 И нашъ словарь, и плески мирной славы,
 И критики Лицейскихъ мудрецовъ*).

1 О други съ мѣстъ (бокалы) вторую наливайте

2 Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря

3 Опять до дна, до капли выпивайте! . . .

Но за кого-жь? . . . о други! угадайте . . .

4 Ура нашъ Царь! — такъ выпьемъ за Царя

* „Черный столъ“ находился въ столовой Лицея отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ. „Словарь“ составлялся лицейстами и заключалъ въ себѣ характеристику всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу Лицея. „Лицейскій Мудрецъ“ — рукописный журналъ 1815 года.

Въ строфахъ 5-й и 6-й поэтъ обращается къ Оед. Оед. *Матюшкину* (ум. 1872), который еще съ дѣтства питалъ страсть къ морю и по окончаніи курса въ Лицеѣ отправился въ кругосвѣтное плаваніе съ капитаномъ Головнинымъ на шлюпѣ „Камчатка“, а затѣмъ поступилъ въ Балтійскій флотъ и въ 1820—1824 гг. участвовалъ въ описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири, подъ командою барона Врангеля, съ которымъ впоследствии еще разъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе. Матюшкинъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ и не участвовалъ въ большей части лицейскихъ годовщинъ. Въ 1831 г. онъ крейсировалъ въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ, въ 1850 г. — въ Балтійскомъ морѣ; въ 1860-хъ годахъ, уже въ чинѣ контръ-адмирала, завѣдывалъ морскою частью въ Свеаборгѣ; потомъ занималъ разныя административныя должности въ морскомъ вѣдомствѣ и, наконецъ, былъ сенаторомъ. Онъ первый подаль мысль поставить Пушкину памятникъ въ Москвѣ (*Я. Гротъ*, Пушкинъ, стр. 74—80; *Н. Гастфрейндъ*, Товарищи Пушкина, томъ II, стр. 3—116; *К. Гротъ*, Пушкинскій Лицей, по указателю).

Подчеркнутыя слова въ 6-й строфѣ заимствованы изъ прощальной пѣсни лицеистовъ: „Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье“, сочиненной барономъ А. А. Дельвигомъ. Здѣсь, между прочимъ, говорится:

Прощайте, братья! Руку въ руку!
Обниметесь въ послѣдній разъ:
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ.

Полный текстъ этой пѣсни—у *Грота*, Пушкинъ, стр. 283.

Въ строфѣ 9-й Пушкинъ вспоминаетъ о посѣщеніи его Пуццинымъ 11 января 1825 г. Подробный и прекрасный рассказъ Пуццина объ этомъ посѣщеніи см. у *Л. Н. Майкова*, Пушкинъ, стр. 77—83.

Строфа 10-я относится къ встрѣчѣ Пушкина съ княземъ А. М. Горчаковымъ въ сентябрѣ того же года (см. выше, стр. 124). Между прочимъ, поэтъ передалъ Горчакову, для доставленія кн. Вяземскому, письмо, въ которомъ писалъ: „Мы встрѣтились и разтались довольно холодно — по крайнѣй мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ — впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ или гниемъ; первое всетаки лучше — Отъ нѣчего дѣлать я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. . . “ (*Переписка*, томъ I, стр. 285).

Строфа 11-я говоритъ о посѣщеніи Пушкина барономъ А. А. Дельвигомъ, во второй половинѣ апрѣля. Немедленно по возвращеніи изъ Михайловскаго Дельвигъ былъ уволенъ Оленинымъ отъ службы въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Д. Θ. Кобеко (Императорскій Царскосельскій Лицей, стр. 238) высказываетъ предположеніе, что эти два факта находятся въ связи между собою...

Со стихами о „служеніи музъ“ въ строфѣ 12-й можно сопоставить стихи Жуковскаго въ посланіи къ Батюшкову (1812 г.):

О другъ! Служенье музъ
 Должно быть ихъ достойно:
 Лишь съ чистымъ ихъ союзъ. . .

Обращаясь, въ концѣ этой строфы, къ В. К. Кюхельбекеру, Пушкинъ называетъ его своимъ роднымъ братомъ *по музѣ* — потому, что оба они были поэтами и въ свое время оба писали въ элегическомъ родѣ, и *по судьбамъ* — потому, что Пушкинъ былъ сосланъ въ деревню, а Кюхельбекеръ, по возвращеніи изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ секретаря при А. Л. Нарышкинѣ и гдѣ прочелъ (въ Атенеѣ) нѣсколько либеральныхъ лекцій о русской литературѣ, также былъ принужденъ удалиться изъ Петербурга на Кавказъ (1822). Въ 1823—

1825 г. онъ жилъ въ Москвѣ, и тамъ, вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, издалъ 4 книжки сборника „Мнемозина“. Въ Петербургъ онъ вернулся только осенью 1825 г.

Въ черновыхъ тетрадахъ Пушкина остались слѣды воспоминаній его о Кюхельбекерѣ. Такъ, 1 іюля 1822 г. онъ записалъ: „Послѣ обѣда во снѣ видѣлъ Кхбкр. 1 іюля—день щастливый“. А въ концѣ 1824 г., набрасывая черновыя строфы *Андрея Шенге*, поэтъ прерываетъ ихъ замѣткой: „Кхбкр. — да сохранить тебя твой добрый геній (въ тишинѣ) подѣ бурей“ (Рук. Рум. Муз. № 2366, л. 33 об., и № 2370, л. 19).

Я. К. Гротъ (Пушкинъ, стр. 280) приводитъ изъ бумагъ товарища Пушкина, С. Д. Комовскаго, восемь стиховъ, которые, будто бы, предназначались въ пьесу „19 октября“, но не вошли въ составъ ея:

Вы помните ль то розовое поле,
 Друзья мои, гдѣ красною весной,
 Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
 И тѣшились отважною борьбой?
 Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
 Комовскій же — проворнѣе, хитрѣе;
 Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
 Гдѣ вы, лѣта забавы молодой?

Подѣ копіей этихъ стиховъ находится, по словамъ Я. К. Грота, замѣтка Комовскаго: „Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ котораго жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ“.

П. А. Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изданіе Суворина, томъ VIII, 1905, стр. 223—224), указавъ, что первые 4 стиха приведеннаго отрывка представляютъ вариантъ одного мѣста въ *Гавриладн* (см. настоящаго изданія томъ III, стр. 140), высказалъ предположеніе, что Ко-

мовскій, вѣроятно желая самъ пополнить умолчаніе о немъ Пушкина, прислалъ Гроту этотъ отрывокъ, переделанный изъ указанныхъ стиховъ поэмы, которая въ то время была подъ строгимъ запретомъ. К. Я. Гротъ (Пушкинскій Лицей, стр. 7—8) оспариваетъ мнѣніе Ефремова, но оно вполне подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что Пушкинъ и Комовскій никогда не были въ сколько-нибудь близкихъ отношеніяхъ, а во-вторыхъ — и это главное — указаніемъ самого же Комовскаго, который могъ получить отъ Н. С. Алексѣева изъ Кишинева только стихи, написанные Пушкинымъ въ Кишиневѣ, а отнюдь не стихи, сочиненные въ Михайловскомъ. Такимъ образомъ, приведенное восьмистишіе несомнѣнно въ основѣ своей принадлежитъ Пушкину, но относится вовсе не къ 19 октября, а къ *Гавриіады*, и притомъ — искажено нарочно внесенными поправками. Возраженія К. Я. Грота опровергаются также (хотя съ другой точки зрѣнія) и Н. А. Гастфрейндомъ (Товарищи Пушкина, томъ I, стр. 547—548).

„Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября“, говоритъ Я. К. Гротъ (Пушкинъ, стр. 81), „праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса Лицея то у одного, то у другого изъ товарищей: сперва у Тыркова, потомъ у М. Л. Яковлева. . . Яковлевъ, какъ самый пламенный читатель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался „лицейскимъ старостой“, а квартира его — „лицейскимъ подворьемъ“. Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется, — полупуточный, отчасти даже буффонскій. . .“ Сохранился протоколъ и заочно отпразднованнаго Пушкинымъ собранія 19 октября 1825 г., на которомъ присутствовало всего шесть товарищей поэта: баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій,

Саврасовъ, Комовскій и Яковлевъ (см. статью К. Я. Грота: „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него“, *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, 1910, стр. 43—44).

„Торжествовать одному“ день Лицея пришлось, какъ извѣстно, князю А. М. Горчакову, который пережилъ всѣхъ своихъ товарищей по первому курсу и скончался 27 февраля 1883 г., на 86-мъ году жизни. Къ памяти своего великаго товарища князь Горчаковъ, повидимому, относился не особенно дружелюбно (см., между прочимъ, статью *Я. К. Грота*: „Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину“ въ книгѣ: „Пушкинъ“, стр. 163—172).

По поводу послѣдней строфы настоящаго стихотворенія *Булгинскій* (Сочиненія, изданіе 1865 г., томъ VIII, стр. 383) писалъ:

„Какая глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполне художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ,—это не просто поэтическіе стихи, это — поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается пѣса полными бодрого чувства стихами... Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою: онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на „здѣсь“ указывалъ ему какъ на источникъ и горя, и утѣшенія и заставлялъ его искать цѣленія въ той же существенности, гдѣ постигла его болѣзнь.

И, право, въ этой силѣ, опирающейся на внутреннемъ богатствѣ своей натуры, болѣе вѣры въ Промыслъ и оправданія путей его, чѣмъ во всѣхъ заоблачныхъ порываніяхъ мечтательнаго романтизма. . . И въ цѣломъ піеса Пушкина, не смотря на ея значительную величину, вездѣ выдержана и какъ будто въ одну минуту легко и свободно излилась изъ взволнованной души поэта. . . Это — арія, пропѣтая пѣвцомъ, который вполнѣ владѣетъ своимъ голосомъ, не дастъ пропасть ни одной ноткѣ, не ослабѣетъ ни на мгновение отъ начала до конца аріи. . . Особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ — полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная, не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодовитости. Въ поэзіи художественной соразмѣрность, стройность, полнота и ровность бываютъ уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ, и, прочитавъ его піесу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ“.

Н. Н. Страховъ („Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, С.-Пб. 1888, стр. 70) по поводу какъ этой, такъ и другихъ лицейскихъ годовщинъ замѣчаетъ, что „дружба играетъ въ поэзіи Пушкина такую роль, какъ ни у какого другого поэта. Пушкина многіе любили, но не друзья его прославились своею необычайною преданностью, а онъ знаменитъ тою нѣжностью, которую питалъ къ нимъ. Его

лицейскія годовщины и множество другихъ стихотвореній исполнены необыкновенной задушевности и показываютъ, какъ онъ былъ жаденъ до этихъ теплыхъ отношеній и какъ въ то же время былъ въ нихъ искрененъ и простъ“.

XXXVI.

ИЗЪ АРИОСТОВА ORLANDO FURIOSO.

(Стр. 153—157).

Черновые наброски отдѣльныхъ частей этого перевода находятся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 69, 79 и 79 об., а все стихотвореніе, въ перебѣленномъ видѣ, но съ новыми поправками — въ принадлежащемъ Академіи Наукъ собраніи Л. Н. Майкова, на четырехъ восьмушкахъ сѣровой бумаги, съ заглавіемъ; „Canto XXIII, ott. 100“. — Напечатано впервые въ изданіи Анненкова (1855), томъ I, стр. 465—469. Въ настоящемъ изданіи печатается съ исправленіями по Майковской рукописи.

Текстъ музейной рукописи начинается съ строфы 104-й:

	<i>мышь</i>	<i>молвишь</i>	
(л. 69)	Но (вскорѣ)	витазь (мыслишь)	ты
		Однакожь эти мнѣ черты	
		<i>(Давно)</i>	
		Знакомы — разумѣемъ	
		(Къ нимъ приученъ давно мой взоръ)	
		<i>(быть можетъ)</i>	
	(Конечно)	сей Медоръ	
		(Лишь только вымышленъ Медоръ)	
		Медоръ сей вымышленъ лишь ею	
		<i>мелл</i>	
		Подъ этимъ прозвищемъ (она)	

Она
 (Меня) б. м., (вспоминала)
правду басней
 Такъ (мыслить онъ) замѣня
(судьбѣ)
 Онъ мыслить что бѣдѣ поможетъ
 (Но подозрѣнье сердце гложетъ)

(мудрится)
 Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ
у
 Чтобъ (по)тушить свое мученье
 Тѣмъ болѣе злое подозрѣнье
ется
 Возобновля(яся) горитъ
 Такъ птичка легкой другъ свободы
попавши въ
 (въ сѣти) (въ сѣткѣ) (въ сѣть) роковую сѣть
 Чѣмъ больше бьется, тѣмъ (сильнѣе) сильнѣй
Тѣмъ пуще
 (Запутав) (крѣпче) путается въ ней
 Орландъ идетъ туда гдѣ (своды) (сводомъ) (гѣсь)
 (холмъ) горы
 Нависли (сводомъ надъ ручьемъ)
 Гора склонилась надъ ручьемъ

Кривой, бродящей повилпкой
 Завѣшенъ былъ приятный входъ
 Медоръ съ прелестной Анджеликой
свѣжила
 Любили здѣсь у (хладныхъ) водъ
въ день жаркій
 Сидѣть (въ палатцѣ) въ (тихой) часъ досуга
 (Предавшись)
 Вдыхать въ объятіяхъ другъ —
 И здѣсь ихъ имена кругомъ
 Древа, утесы украшали

Здѣсь мѣломъ, углемъ или ножемъ

вездѣ ихъ

Они (повсюду) начертали

На листѣ 79-мъ сначала былъ написанъ карандашемъ черновикъ изъ *Оныина*: „Зима, — крестьянинъ, торжествуя“, и пр.; затѣмъ по карандашу перомъ написано продолженіе Аріоста, — строфы 107-я и слл.:

Туда тѣшкомъ

Печальный Гр. (туда пѣшкомъ)

надъ пещерой темной

Идетъ — и (видитъ надъ входомъ)

(Онъ видитъ) (Читаетъ) Зритъ надпись—въ похвалу забавъ

Медоръ ее рукою томной

(Стихами) Еще въ то время начерталь

Стихи (любви) чувствъ нѣжныхъ вдохновенья

Онъ по Арабски (сочинялъ) написалъ

И вотъ ихъ точное значенье

Цвѣты, (зеленый)

(Луга, цвѣты,) (зеленый дернъ) кристалльный токъ

Прохладный гротъ, щастливы тѣни

Приютъ любви забавъ и лѣни уголокъ

(Гдѣ Галафрона дочь)

Съ прехр дщерью Я съ Анжеликой молодой

(милой) Я находилъ душой

(Здѣсь съ) (Утѣхи) Купидона

(Приемля на свои колѣни)

(Чѣмъ наградить)

(Васъ бѣдный) (чѣмъ наградить Медоръ)

(Какой награды ждять)

васъ (еще) возъ

(О) чѣмъ могу (васъ) наградить

Чего отъ бѣдн Медора

Вамъ ожидать — (Чѣмъ вамъ)

Чѣмъ, бѣдный, васъ
 Медоръ васъ бѣдный нагр
 (Благодареньемъ и хвалою)
 (Одной хвалы)

Наконецъ, на оборотѣ л. 79-го находится первоначальный набросокъ строфы 109-й:

Господь любовниковъ молю
 Дамъ, рыцарей и всевозможныхъ
 (Иль) здѣшнихъ или дорожныхъ
 Которыхъ въ сторону сію
 Случайно заведетъ фортуна
 Молю — (цвѣты) и тѣнь благословить
 и тѣнь
 ручей и гротъ

Да ихъ
 (Чтобъ)
 Не гнали ядныя стада
 Благословите лугъ, ручей
 И тѣнь, и лѣсъ — и
 Чтобъ

Майковская рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные (тутъ же исправленные) варианты:

- Стихъ 7-й: Пастухъ *раздѣтой* спитъ у стада
 „ 11-й: *И здѣсь то былъ* въ сей день несчастной
 „ 12-й: Приютъ *обманчивый*, ужасный
 „ 14-й: Гуляя, *тамъ* на деревьяхъ
 „ 28-й: Стараясь *горестъ* усыпить
 „ 30-й: *Еще онъ силится* не открыть
 „ 32-й: Что *надписи* въ пустынь дикой
 „ 35-й: Но *нынѣ*, витязь, молвилъ ты
 „ 39-й: Подъ этимъ *именемъ* меня
 „ 40-й: Она прославила, быть можетъ
 „ 45-й: Тѣмъ *больше* злое подозрѣнье

- Стихъ 47-й: Такъ птичка, *легкій* другъ свободы
 „ 48-й: *Попавъ неожиданно въ стѣну*
 „ 56-й: Въ день жаркой, *въ часъ любви* досуга
 „ 60-й: *Здѣсь мѣломъ, углемъ* или ножемъ
 „ 78-й: *Сокрытый* вами, охраненный

Пушкинъ выбралъ для перевода то мѣсто XXIII-й глѣси *Неистоваго Орланда*, которое въ программѣ поэмы обозначается заголовкомъ: „Начало сумасшествія Орланда“. Рыцарь влюбляется въ прекрасную волшебницу Анджелику, дочь Китайскаго царя Галафрона, и въ погонѣ за нею дерется съ другими влюбленными въ нее паладинами, а также совершаетъ рядъ удивительныхъ подвиговъ и становится героемъ многихъ приключеній. Между тѣмъ, Анджелика, сдѣлавшись невидимкою съ помощью волшебнаго кольца, находитъ на полѣ сраженія тяжело раненаго юношу, сарацина Медора, спасаетъ ему жизнь и, влюбившись въ него, становится его женою. Счастливая пара временно кутится въ хижинѣ одного пастуха, затѣмъ Анджелика увозитъ своего возлюбленнаго въ Китай, гдѣ онъ и долженъ раздѣлить съ нею престолъ. Орландъ, узнавъ, что Анджелика навсегда для него потеряна, сходитъ съ ума.

„Переводъ“, говоритъ Анненковъ, „сдѣланъ весьма небрежно; видно, что для Пушкина это было скорѣе упражненіемъ въ итальянскомъ языкѣ, чѣмъ настоящимъ творчествомъ: такъ, 101-я октава имъ не додѣлана, а 110-я сокращена въ 4 стиха, впрочемъ, вполне сохраняющіе содержаніе подлинника. Любопытно, что одинъ стихъ Аріосто въ 103-й октавѣ затруднилъ Пушкина, который послѣ двухъ пріемовъ такъ и оставилъ его не побѣжденнымъ. Стихъ этотъ у Аріосто читается:

Va col pensier cercando in mille modi
Non creder quel ch'al suo dispetto crede

(Мысленно изыскиваетъ тысячи способовъ не вѣрить тому, чему однакоже вѣрить на бѣду свою). Пушкинъ сперва перевелъ: „Еще онъ силится не вѣрить“, потомъ зачеркнулъ стихъ и написалъ: „Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣрить“, а потомъ замаралъ и это. Со всёмъ тѣмъ поэтическій колоритъ Аріостовой кисти сохраненъ вполне въ этомъ едва набросанномъ переводѣ и былъ бы истиннымъ подаркомъ публикѣ въ то время. Вспомнимъ, что большинству ея поэма Аріосто казалась или сухой волшебной сказкой, благодаря французскимъ переложеніямъ, или напыщенной небылицей — по милости русскихъ переводовъ; поэтическаго оттѣнка ея она не знала“.

Обзоръ черновика убѣждаетъ въ томъ, что переводъ этотъ, все-таки, стоилъ поэту большого труда, и что Пушкинъ старался возможно ближе подойти къ подлиннику. Приводимъ, для болѣе подробнаго сравненія, точный переводъ.

100.

(Вторая половина).

Онъ достигъ ручья, казавшагося кристалломъ, на берегу котораго цвѣлъ прекрасный лугъ, разукрашенный разнообразными цвѣтами и отличавшійся многочисленными и красивыми деревьями.

101.

Въ полдень дуновеніе вѣтерка было приятно и для грубаго стада, и для обнаженнаго пастуха, такъ что и Орландъ почувствовалъ потребность отдохнуть, тѣмъ болѣе, что на немъ былъ панцырь, шлемъ и щитъ. Для отдыха онъ проникъ въ середину лѣса и нашелъ тамъ убѣжище непріятное и жестокое, и даже болѣе — злое мѣсто въ этотъ несчастный и злополучный день.

102.

Осматриваясь тамъ, онъ увидѣлъ надписи на многихъ деревьяхъ на затѣненномъ берегу, и лишь только остановилъ на нихъ свой взоръ, такъ сейчасъ же узналъ, что онѣ сдѣланы рукою его богини. Это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, уже описанныхъ выше, куда часто приходила съ Медоромъ изъ сосѣдней пастушьей хижины прекрасная царица Катая.

103.

Онъ видитъ имена Анджелики и Медора сплетенными въ сотни вензелей и въ сотнѣ мѣсть. Сколько буквъ, столько гвоздей, которыми Амуръ ранилъ и пробиваетъ его сердце. Онъ мысленно изыскиваетъ тысячи способовъ не вѣрить тому, чему однакоже вѣрить на бѣду свою; онъ принуждаетъ себя повѣрить, что какая-то другая Анджелика написала свое имя на этой древесной корѣ.

104.

Затѣмъ онъ говоритъ: «Конечно, я знаю эти черты; сколько разъ я ихъ видѣлъ и читалъ; но, вѣдь, она могла выдумать этого Медора, а можетъ быть, дала это прозвище мнѣ». Обманывая самъ себя такими далекими отъ правды мыслями, злополучный Орландъ сталъ питать надежду, которую самъ же старался себѣ внушить.

105.

Но чѣмъ больше старается онъ потушить жестокое подозрѣнiе, тѣмъ сильнѣе разжигаетъ и обновляетъ его, — какъ осторожная птичка, которая, попавши въ сѣтъ или въ клей, чѣмъ больше бьется крыльшками и чѣмъ сильнѣе старается освободиться, тѣмъ больше запутывается. Орландъ идетъ туда, гдѣ гора образовала родъ свода надъ прозрачнымъ ручьемъ.

106.

Входъ въ это мѣсто былъ украшенъ искривленными побѣгами плюща и дикимъ виноградомъ. Здѣсь въ самый палящій зной

обыкновенно обнимались двое счастливыхъ любовниковъ. Здѣсь еще больше, чѣмъ въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, было ихъ именъ, начертанныхъ то углемъ, то мѣломъ, то концомъ ножа.

107.

Огорченный графъ, спѣшившись, спустился туда и увидѣлъ надъ входомъ въ пещеру много словъ, которыя Медоръ начертилъ своею рукою и которыя, повидимому, были написаны недавно. Это была надпись въ стихахъ, въ похвалу великихъ наслажденій, полученныхъ имъ въ пещерѣ. Я думаю, что она была изящна на его языкѣ, а на нашемъ имѣла такое значеніе:

108.

«Прекрасные цвѣты, зеленая трава, прозрачныя воды, темная пещера, пріятная своею прохладною тѣнью, гдѣ прекрасная Анжелика, рожденная Галафрономъ и тщетно многими любимая, часто обнаженная лежала въ моихъ объятіяхъ, — за удовольствіе, мнѣ здѣсь дарованное, я, бѣдный Медоръ, не могу вознаградить васъ иначе, какъ постоянно васъ восхваляя

109.

«И прося всякаго влюбленнаго, и рыцарей, и дамъ, и каждаго мѣстнаго жителя или странника, зашедшаго сюда по своей волѣ или случайно, сказать этому лугу, тѣни, пещерѣ, ручью, травѣ: Да будутъ къ вамъ благосклонны солнце и луна, и да позаботятся хоры нимфъ о томъ, чтобы пастухъ никогда не приводилъ къ вамъ своего стада».

110.

Это было написано на арабскомъ языкѣ, который графъ понималъ такъ же хорошо, какъ и латинскій. Изъ многихъ и многихъ языковъ, которыми владѣлъ рыцарь, этотъ былъ ему всего ближе и много разъ избавлялъ его отъ непріятностей и стыда, когда онъ находился среди сарацинскаго народа. Но хотя арабскій языкъ и былъ ему полезенъ, однако онъ не могъ этимъ похвалиться:

теперь этотъ языкъ причинилъ ему такое зло, которымъ уничтожилось все прежнее благо.

111.

Три раза, и четыре, и шесть прочелъ написанное этотъ несчастливецъ, тщетно стараясь увѣриться, что написано было вовсе не то, и каждый разъ видѣлъ все яснѣе и отчетливѣе, и каждый разъ холодбующею рукою чувствовалъ, какъ у него въ груди сжимается сердце. Наконецъ онъ остановился неподвижно, прикованный глазами и мыслію къ скалѣ и какъ скала равнодушный.

112.

Онъ едва не лишился чувствъ, всецѣло предавшись своей скорби. Повѣрьте тому, кто это испыталъ, что эта скорбь превосходитъ все прочія. Склонившись подбородкомъ на грудь, поникнувъ челомъ, лишеннымъ гордости, онъ не находилъ ни словъ для жалобы, ни слезъ, ибо скорбь совершенно имъ овладѣла.

Впрочемъ, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній для положительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, переводилъ ли Пушкинъ прямо съ итальянскаго подлинника, или съ французскаго перевода. Правда, въ его библіотекѣ былъ итальянскій подлинникъ, но въ изданіи Буттеры, выпедшемъ только въ 1825 г., между тѣмъ какъ настоящій переводъ, судя по положенію его въ рукописи Музея, сдѣланъ не позже первой половины января этого года, да и томъ, въ которомъ находится пѣснь XXIII-я, остался неразрѣзаннымъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IX—X, стр. 143, № 552). Академикъ *О. Е. Коршъ* въ своей замѣткѣ: „Зналъ-ли Пушкинъ по-итальянски?“ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ VII, стр. 54—56) приходитъ къ заключенію, что поэтъ „понималъ по-итальянски настолько, насколько можетъ способный и сообразительный человѣкъ понимать языкъ, схожій съ другими двумя ему извѣстными языками, но которому онъ никогда не учился.

и на которомъ ему приходилось разбирать только случайно попавшіяся ему фразы и цитаты*). Съ другой стороны, близость перевода къ подлиннику какъ будто свидѣтельствуесть о томъ, что передъ глазами поэта былъ итальянскій текстъ *Орланда*. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначальная редакція перевода ближе къ подлиннику, чѣмъ исправленная. Такъ, въ строфѣ 101 Пушкинъ сначала написалъ: „Пастухъ *раздѣтой* спить и стада“ (въ подлинникѣ: *ignudo*), а затѣмъ исправилъ: „убогій“; въ строфѣ 106, въ соотвѣтствіи съ выраженіемъ подлинника: *al rid cocente giorno* было сначала написано: „сидѣтъ въ *палачий* часъ досуга“, а потомъ исправлено: „въ день жаркій, въ тихій часъ досуга“. Нельзя также не отмѣтить, что выраженіе: *a rid* Пушкинъ перевелъ дословно: „пѣшкомъ“, что вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, такъ какъ въ началѣ строфы 100 отброшены стихи, изъ которыхъ видно, что Орландъ оказался въ роковомъ для него мѣстѣ „по волѣ коня“.

Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что французскіе переводы *Неистоваго Орланда* XVI—XVIII вв., которыми могъ бы пользоваться Пушкинъ, всѣ сдѣланы прозою. На русскомъ языкѣ Пушкину могло быть извѣстно только переложеніе конца XXIII и начала XXIV пѣсни, напечатанное Батюшковымъ въ *Вѣстникъ Европы* 1817, часть XCV, №№ 17 и 18, стр. 17—29 (см. Сочиненія Батюшкова, С.-Пб. 1885, томъ II, стр. 273—281).

Въ соотвѣтствіи съ подлинникомъ, стихи 21-й и 74-й, неразборчиво написанные въ рукописи, слѣдуетъ, кажется, исправить и читать такъ:

Стихъ 21-й: Медоръ съ *Катайскою* царевной

„ 74-й: Съ прелестной дочерью *Галафрона*.

---

*) Эта замѣтка вызвала вѣскія возраженія В. Я. Брюсова въ *Русскомъ Архивѣ* 1908, книга III, стр. 584—591.

XXXVII.

(СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО).

(Стр. 158—159).

Черновой набросокъ въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 1. — Напечатано (неточно) въ изданіи Анненкова (1855), томъ I, стр. 349—350. Ср. *Русскую Старину* 1884, томъ 42, стр. 533—534.

Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

Стихъ 2-й: *Пышно роза разцвѣтла*

Стихи 5-й—10-й: *На постелѣ молодой*

Дѣва томною рукой

Протирала сонны очи,

Вспоминая грезы ночи.

И являлась у дверей

Дѣва, свѣтъ души моей

Стихъ 14-й: *(Мнится) Чистый воздухъ вокругъ меня*

„ 18-й: *Между вѣтвъ овецъ . . .*

„ 21-й: *На тѣнисты берега*

„ 23-й: *Я кормилъ ее, лелѣялъ*

Стихи 26-й—28-й: *Подходила въ тишинѣ,*

И, красавицу встрѣчая,

Пѣлъ я, страстію пылая.

Къ стихамъ 29—32 относится нѣсколько неотдѣланныхъ строкъ:

Нѣтъ княжны подъ луной,

И въ блаженствѣ кто со мной . . .

Нѣтъ щастливѣе на свѣтѣ

въ блѣдомъ свѣтѣ

Спорить смѣетъ кто со . . .

Стихи 35-й—39-й: *Если вижу перси томны,
Тонкій станъ и взоры скромны.
Такъ тѣвалъ бывало я,
И красавица моя,
Слыша пѣсню, улыбалась*

Стихи 43-й—44-й: *Прекратились пѣсни пѣжны,
И я плачу безнадежно*

Сбоку приписано еще и зачеркнуто; „И стенанья“
„И печали“.

Португальскій поэтъ Томасъ-Антоніо Гонзала, прозванный *Digseo* (1747—1793), приобрѣлъ большую извѣстность, особенно въ Бразиліи, своими любовными пѣснями въ честь Маріи Брандонъ, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Мариліи. Современники называли его португальскимъ Петrarкой. Его стихотворенія издавались много разъ и были переведены на французскій языкъ въ *Collection des chefs d'oeuvre classiques*, Paris. 1825. Вѣроятно, этимъ переводомъ и воспользовался Пушкинъ. Къ сожалѣнію, этой книги мы не могли разыскать.

XXXVIII.

НАЧАЛО I-Й ПѢСНИ „ДѢВСТВЕННОИЦЫ“.

(Стр. 160).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 85 об., впервые напечатано (несовсѣмъ точно) В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 37. Рукопись представляетъ только два первоначальныхъ варианта:

Стихъ 15-й: *Являлася она мужей славнѣе*
„ 20-й: *И умъ кривой, и безтолковый вгусь.*

Стихотвореніе является попыткою перевода знаменитой поэмы Вольтера, которую Пушкинъ такъ высоко

цѣнилъ въ юности (см. настоящаго изданія томъ II, стр. 3). „Но, не смотря на французское образованіе поэта, на его незрѣлое вольнодумство и на общій школьническій вкусъ къ нескромнымъ шуткамъ, онъ тщетно пытался перевести *Дѣвственнику*: душа, сродная истинной красотѣ, могла на минуту остріемъ своего ума касаться ея противоположности, но войти въ это уродство, надолго усвоить себѣ эту чужеродную стихію было для нея невозможно“ (*В. С. Соловьевъ*, Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина, *Вѣстникъ Европы* 1899, декабрь, стр. 672). Слѣдуетъ, однако, прибавить, что Пушкинъ нерѣдко принимался за переводы произведеній и совершенно иного характера,— и большею частью бросалъ свой трудъ въ самомъ началѣ, вѣроятно же всего потому, что былъ не въ состояніи надолго подчинить свое творчество велѣніямъ чужой мысли.

Приводимъ нѣсколько стиховъ подлинника, наиболѣе отличающихся отъ перевода (ср. стихи 5—9 и 18—25):

.....
 Elle affermit, de ses pucelles mains,
 Des fleurs de lys la tige gallicane,
 Sauva son roi de la rage anglicane
 Et le fit oindre au maître-autel de Reims.

.....
 O Chapelain, toi dont le violon
 De discordante et gothique mémoire,
 Sous un archet maudit par Apollon
 D'un ton si dur a raclé son histoire;
 Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
 Tu voudrais bien me prêter ton génie;
 Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Houdart,
 Quand l'Iliade est par lui travestie.

XXXIX.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(Стр. 163—174).

Это произведеніе извѣстно въ двухъ рукописяхъ. Одна изъ нихъ находится въ Пушкинскомъ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина (въ Парижѣ) и представляетъ тетрадку въ 14 листовъ бумаги въ $\frac{1}{8}$ писчаго листа, съ заглавіемъ на 1-й страницѣ (карандашемъ): „Новый Тарквиній. 1825. Михайловское“ и рисункомъ, изображающимъ скачущаго на лошади мума Натальи Павловны, съ собакой впереди. Рукопись — бѣловая, но съ многочисленными карандашными поправками. Въ концѣ — помѣта: „1825 — дек. 13“ (см. „Описаніе рукописей Пушкина, находящихся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ“ *Б. Л. Модзалевскаго*, въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, выпускъ XII, стр. 24, № 5, и сообщеніе А. Ѳ. Онѣгина въ *Вѣстникъ Европы* 1887, февраль, стр. 882). Другая рукопись принадлежитъ графу С. Д. Шереметеву и просмотрѣна для настоящаго изданія В. Е. Якушкинымъ, не сообщившимъ, однако, о ней никакихъ подробностей. Она представляетъ также, повидимому, бѣловой текстъ, но тоже съ многочисленными поправками карандашемъ, которыя мало отличаются отъ печатнаго текста.

Въ печати появились сначала первые 30 стиховъ, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ повѣсти: Графъ Нулинъ“, безъ подписи автора, — въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть I, № IV, стр. 251. Затѣмъ Пушкинъ представилъ, 20 іюля 1827 г., на разсмотрѣніе высшей цензуры свою повѣсть вмѣстѣ съ нѣсколькими другими произведеніями и въ августѣ 1827 г. получилъ отъ Бенкендорфа отвѣтное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Графа Нулина Государь Императоръ изволилъ прочесть

съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно слѣдующіе два стиха: *Порою съ бариномъ шалитъ и Коснуться хочетъ одѣяла*. Впрочемъ прелестная піеса сія позволяется напечатать“ (*Переписка*, томъ II, стр. 34, 39). Вслѣдствіе этого разрѣшенія *Графъ Нулинъ* былъ напечатанъ въ *Сѣверныхъ Цѣпкахъ* на 1828 годъ („Поэзія“, стр. 3—18), съ замѣною указанныхъ стиховъ другими. Затѣмъ, въ концѣ 1828 г., повѣсть была перепечатана въ одной брошюрѣ съ повѣстью Боратынскаго *Балъ* (цензурное разрѣшеніе дано 31 октября); позднѣе были выпущены въ продажу и отдѣльные оттиски (*Н. Смявскій* и *М. Цявловскій*, Пушкинъ въ печати, М. 1914, № 885). Въ послѣдній разъ при жизни Пушкина *Нулинъ* былъ напечатанъ въ книгѣ: „Поэмы и повѣсти Александра Пушкина“, часть 2-я, С.-Пб. 1835, стр. 53—71.

Онѣгинская рукопись представляетъ весьма значительныя отличія отъ печатнаго текста; поэтому, чтобы не выписывать вариантовъ почти къ каждому стиху, мы даемъ полную транскрипцію этой рукописи, отмѣчая прямыми скобками зачеркнутыя слова, исправленныя какъ въ печатномъ текстѣ, и приводя въ выноскахъ варианты.

[Туманный день.] Рога трубятъ;

Псари въ охотничьихъ уборахъ

[Слѣсиво] на коняхъ сидятъ

И гончія визжатъ на сворахъ.

5 Выходитъ баринъ на крыльцо,

Все подбочась обозрѣваетъ;

Его широкое лицо

Приятной важностью сіяетъ.

Чекмень зятянутый на немъ,

10 Турецкій ножъ за кушакомъ,

За пазухой во фляжкѣ ромъ

И рогъ завѣтный на цѣпочкѣ.

Въ ночномъ ченцѣ, въ одномъ платочкѣ,
 Глазами сонными жена,
 15 [Еще не помолившись Богу,
 Зѣвал, смотритъ изъ окна
 [На дворъ, на мужа, на дорогу.]
 Вотъ мужу подвели коня;
 Онъ холку хватъ и въ стремя ногу,
 20 Кричитъ женѣ: Не жди меня
 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ [мрачно] — грязь, ненастье,
 25 [Холодный] вѣтеръ, мѣлкій снѣгъ,
 Вой волчій, стужа — то-то щастье
 Охотнику! Не зная нѣгъ,
 Въ отъѣзжемъ полѣ онъ [ночуеть],
 Вездѣ находить свой почлегъ*),
 30 Бранится, мокнетъ и пируетъ
 Опустошительный набѣгъ.

[Но] что же дѣлаеть супруга
 Въ отсутствіи милова друга?
 Занятій малоль есть у ней?
 35 Бѣлье бѣлить, кормить гусей,
 Заказывать обѣдъ и ужинъ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглянуть —
 Хозяйки взоръ повсюду нуженъ,
 Онъ въ мигъ замѣтитъ что-нибудь.
 40 Къ несчастью героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ просто звалъ ее: Наташа,
 Но мы — мы будемъ называть:

---

*) Стихъ 29-й приписанъ карандашемъ послѣ исправленія въ предыдущемъ стихѣ „ночуеть“ на „гарпуеть“.

Наталья Павловна), къ несчастью
 45 Наталья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственной частью
 Не занималася — затѣмъ,
 Что не въ отеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 50 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Falbala
 (Той, что Мадамою была
 При маленькомъ Наполеонѣ).

Она сидитъ передъ окномъ;
 55 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана
Или Несчастья двухъ семей —
 (Романъ классической, старинной,
 60 Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
 Отрада дѣвушки невинной,
 Покойной тетюшки моей).

Наталья Павловна съ начала
 Его внимательно читала,
 65 Но скоро какъ-то развлеклась
 Увеселительною дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею тихо занялась —
 Кругомъ мальчишки хохотали,
 70 Печально, чинно подь окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выступали
 Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ.
 Двѣ утки полоскались въ лужѣ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 75 Чулки повѣсить на заборъ;
 Погода становилась хуже,

Вдругъ колокольчикъ прозвонилъ *)
 И вмигъ ей душу разбудилъ —
 Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 80 Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальный
 Порой волнуеть сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
 Товарищъ юности [бывалой]?
 85 Ужъ не она ли? — Боже мой!
 Вотъ ближе — ближе — сердце бьется — —
 Но мимо, мимо звонъ несется,
 Слабѣй — и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 90 Бѣжить, обрадова[вши] звуку,
 Глядитъ и видитъ — за рѣкой
 У мельницы коляска скачетъ,
 Ужъ на мосту — къ намъ точно! — иѣтъ,
 Поворотила влѣво. — Въ слѣдъ
 95 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ — о радость! Косогоръ —
 Коляска на бокъ. — «Ѳомка! Васька!
 «Кто тамъ? Скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
 «Сейчасъ везти ее на дворъ
 100 «И барина просить обѣдать;
 «Ахъ, живъ ли онъ? — Бѣги провѣдать;
 «Скорѣй, скорѣй!»

Слуга бѣжить,
 Наталья Павловна спѣшитъ
 Поправить локонъ, шаль накинуть,
 105 Отдвинуть столикъ, стулъ придвинуть
 И ждетъ: ну, скоро ль, мой Творецъ?
 Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.

---

*) Стихъ 77-й: Вдругъ колокольчикъ зазвонилъ

- Забрызганный въ дорогѣ дальной,
 Опасно раненый, печальной,
 110 Кой-какъ тащится экипажъ;
 Въ слѣдъ баринъ молодой хромаеть,
 Слуга французъ не унываетъ
 И говорить: «Monsieur, courage!»
 Вотъ у крыльца, вотъ въ сѣни входятъ.
 115 Покамѣсть барину теперь
 Покой особенный отводятъ
 И настежъ отворяютъ дверь,
 Ужъ ободрясь вина стаканомъ,
 Пикарь крехтитъ за чемоданомъ,
 120 Ужъ изъ передней двое слугъ
 Несутъ отвинченный сундукъ,
 Пока весь домъ шумя хлопочеть
 И баринъ одѣваться хочеть,
 Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
 125 Графъ Нулинъ — изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы.
 Теперь въ Петрополь ѣдетъ онъ
 Съ запасомъ фраковъ, панталонъ,
 130 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Съ поклажею чулковъ à jour,
 Съ листками Прадта и Гизота*),
 Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
 135 Съ романомъ новымъ W. Scotta,
 Съ молвой Палаты и Двора**),
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,

---

*) Стихи 132-й и 133-й: [Косыночекъ и] чулковъ à jour,
 [Съ брошюрой Прадта и] *постышеѣ*
 книжкою Гизота

**) Стихъ 136-й: Съ *послѣдними* bons-mots Двора

Съ мотивами Россіи, Пера
Et cetera, et cetera.

- 140 Ужъ столъ накрытъ. Давно пора.
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо.
Дверь отворилась — входитъ Графъ.
Хозяйка, передъ нимъ привставъ,
Освѣдомляется учтиво:
- 145 Здоровъ ли? Что нога его?
Онъ отвѣчаетъ: — Ничего!
Идутъ за столъ. Мой Графъ садится,
Подвинувъ ближе свой приборъ*),
Онъ начинаеть разговоръ:
- 150 Святую Русь бранить; дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ.
Жалбеть о Парижѣ страхъ.
— Ну, что театръ? — О, спротбеть!
С'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слаббеть,
- 155 И мамзель Марсъ — увы! старбеть —
За то Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Чудесно поддержалъ одинъ.
— Какой писатель нынче въ модѣ?
- 160 — Все d'Agincourt и Ламартинъ.
— У насъ имъ также подражаютъ.
— Нѣтъ? право? такъ у насъ умы
И развиваться начинаютъ?
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы.
- 165 — Какъ талью носить? — Очень низко,
Почти до . . . вотъ по этикъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ;
Такъ: улья, банты, здѣсь узоръ, —

*) Стихъ 148-й: *Ея ней устремивъ довольный взоръ.*

Все это къ модѣ очень близко.

170 — Мы получаемъ *Телеграфъ*.

— Ага! — Хотите ли послушать

Прелестный водевиль? — и Графъ

Поеть. — Да, Графъ, извольте жъ кушать.

— Я сытъ. — И такъ. . .

Изъ за стола

175 Встають. Хозяйка молодая

Черезвычайно весела;

Графъ, о Парижѣ забывая,

Дивится, какъ она мила!

Проходитъ вечеръ незамѣтно;

180 Графъ самъ не свой. Хозяйки взоръ

То выражается привѣтно,

То вдругъ потупленъ безотвѣтно. . .

Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ —

Пора! Поеть пѣтухъ сосѣдней,

185 Храпитъ слуга въ дверяхъ передней *),

Въ чугууну доску сторожъ бьетъ,

Въ гостинной свѣчи догорѣли.

Наталья Павловна встаетъ:

— Пора, прощайте! Ждутъ постели,

190 Приятный сонъ! — Невольно вставъ,

Полу-влюбленный нѣжный Графъ

Цалуетъ руку ей — и что же?

Куда кокетство не ведетъ?

[Красавица] — прости ей Боже!

195 Тихонько Графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта.

Стоитъ Параша передъ ней.

[Всѣмъ ясно, что] Параша эта

Наперсница ея затѣй:

*) Стихъ 185-й: Храпитъ слуга, *сидя* въ передней

- 200 Сосѣдокъ сплетни переносить, *)
 [Порой за слугъ опальныхъ] просить,
 Но чаще на весь домъ ворчить,
 Порой на барина кричить
 И лжетъ [за барыню] отважно.
- 205 Теперь она толкуетъ важно
 О Графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаетъ ничего —
 Богъ вѣсть развѣдать какъ успѣла.
 Но госпожа ей наконецъ
- 210 Сказала: Полно; надоѣла!
 Спросила кофту и чепецъ,
 Легла и выдти вонъ велѣла.

- Слугой французомъ между тѣмъ
 И Графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
- 215 Ложится онъ [и трубку] просить;
 Monsieur Picard ему приноситъ
 [Кисетъ], серебряный стаканъ,
 Дорожный бронзовый свѣтильникъ,
 Щипцы съ пружиною, гасильникъ
- 220 И неразрѣзанный романъ.

- Въ постелѣ лежа, Вальтеръ Скотта
 Глазами пробѣгаетъ онъ,
 Но Графъ душевно развлеченъ:
 Неугомонная забота
- 225 Его тревожить. Мыслить онъ:
 God damn! Неужто я влюбленъ?
 Что, если можно — Вотъ забавно!
 Однакожъ, это было бѣ славно.

---

*) Стихи 200-й—202: *Шьетъ, моетъ, ѣсти переносить,*
Сосѣдокъ [молодыхъ] всегда бранить,
Обношенныя платья просить,
[При нуждѣ] Стѣсиво съ барынюмъ кричить

- Я, кажется, ей право миль — *)
- 230 И Нулинъ свѣчку погасилъ.
- Ему не спится — бѣсъ не дремлетъ,
 Вертится Нулинъ — грѣшнѣй жаръ
 Его сильнѣй, сильнѣй объемлетъ,
 Онъ весь кипитъ, какъ самоваръ,
- 235 Пока не отвернула крана
 Хозяйка нѣжною рукой —
 Иль какъ отверстіе вулкана,
 Или какъ море предъ грозой,
 Или — сравненій подъ рукой
- 240 У насъ довольно — но сравненій
 Не любить мой степенный геній:
 Живѣй безъ нихъ разказъ простой.
 Въ потемкахъ пылкій нашъ герой
 Теперь воображаетъ живо
- 245 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Немножко круглый, полный станъ,
 Приятный голосъ, прямо женской,
 Лица румянецъ деревенской
 (Да скука лучше всѣхъ румянъ).
- 250 Графъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной
 И говоритъ: «О, точно такъ.
 «Она мнѣ ручкою небрежной
 «Пожала руку — я дуракъ,
 «Я долженъ былъ остаться съ нею.
- 255 «Да — разумѣю, разумѣю:
 «Насъ ожидаютъ — намъ теперь
 «Отворена, конечно, дверь» —
 — И, тотчасъ на себя накинувъ
 Свой нестрый шалевый халатъ
- 260 И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,

---

*) Стихъ 229-й: Я кажется ей что-то миль

Въ надеждѣ сладостныхъ награды
 Къ Лукреціи, Тарквиній новыи,
 Отправился на все готовый*).

Графъ *мстной памяти* органъ
 265 Имѣлъ по Галевой примѣтъ,
 Онъ въ темнотѣ, какъ и при свѣтѣ,
 Нашелъ бы дверь, окно, диванъ.
 Онъ чуть дыханье переводитъ,
 Желаньемъ пламеннымъ томимъ
 270 (Или боязною) — полъ подъ нимъ
 Скрыпнеть — украдкой онъ подходитъ
 Къ безмолвной спальнѣ. *«Здѣсь она
 Ждетъ, нетерпимымъ полна,
 И умолитъ ее не трудно.»*
 275 Глядитъ — однако жъ это чудно!
 Дверь заперта, — но графъ слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка,
 Дверь тихо — уступаетъ.
 Глядитъ — въ тазу свѣча горитъ,
 280 Хозяйка мирно почиваетъ
 Иль притворяется, что спитъ.
 Надѣясь твердо на прощенье,
 Графъ падаетъ къ ея ногамъ. . . .
 Прошу я П — дамъ
 285 Себѣ представить пробужденье
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа. Нашъ герой

---

*) Послѣ стиха 263-го приписано сбоку карандашемъ:

Вл(юбленный) Гр(афъ) въ потемкахъ бродитъ оцущью находить
 Такъ иногда [жеманный] лукавый котъ
 Усатый баловень

- 290 Ей сыплетъ чувства выписныя,
И дерзновенною рукой
(Совсѣмъ смутивъ ее сначала)
Уже коснулся одѣяла —
Но что же дѣлаетъ она?
- 295 Смятенья, ужаса полна,
Она, коль вѣрить хронографу,
Она довѣрчивому графу,
Даетъ пощечину, да, да!
Я правду чисту повѣствую —
- 300 Пощечину, да вѣдь какую!
Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда.
Любовью, бѣшенствомъ пылая,
Не знаю, чѣмъ бы кончиль онъ,
Но шпичъ косматый, вдругъ залая,
- 305 Прервалъ Параша крѣпикій сонъ.
Услышавъ Графъ ея походку
И, проклиная свой почлегъ
И своенравную красотку,
Въ [обратный] обратился бѣгъ.
- 310 Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь —
[Представьте сами], воля ваша —
Я не хочу вамъ въ томъ помочь.
- Поугру, [вставши] молчаливо,
- 315 Графъ одѣвается лѣниво;
Отдѣлкой розовыхъ ногтей,
Зѣвая, занялся небрежно,
Встаетъ, обрившись неприметно,
И мокрой щеткою своей
- 320 Не третъ взъерошенныхъ кудрей.
Къ хозяйкѣ какъ ему явиться
Не покраснѣвъ? Что скажетъ ей?

- Не лучше ль [въ путь скорѣй] пуститься? *)
 Да не готово колесо —
 325 Какая мука это все!
 За чьи грѣхи я погибаю? — —
 Но вотъ его позвали къ чаю.
 Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
 330 Идетъ —
- Проказница младая,
 Насмѣшливой потуя взоръ,
 Заводитъ [важно] [тихо] разговоръ
 О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
 Но постепенно ободренный
 335 Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
 [Пяти минутъ] не прошло,
 Ужъ онъ и шутить очень мило,
 И ужъ по-прежнему влюбленъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
 340 «Наташа, здравствуй!»
- Ахъ, мой Боже!
 Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя —
 Графъ Нулинь.
- Радъ сердечно я.
 Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 345 Большой немного экипажъ.
 Наташа! Тамъ у огорода
 Мы затравили рысака.
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
 Мнѣ привезли изъ далека.
 350 Вы съ нами будете обѣдать?

---

*) Стихъ 323-й: Не лучше ль — *мыслишь* — въ путь пуститься?

— Не знаю, право, я спѣшу.
 — И, полно, Графъ, я васъ прошу.
 Жена и я, гостямъ мы рады.
 [Ну], Графъ, останьтесь!

Но съ досады

355 И всё надежды потерявъ,
 Упрямится печальный Графъ.
 Къ крыльцу подъѣхала коляска,
 Пикарь все скоро уложилъ
 И Графъ поѣхалъ — тѣмъ и сказка
 360 Могла бы кончиться, друзья —
 Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
 Жена все мужу рассказала
 И подвигъ Графа моего
 365 Своимъ сосѣдямъ описала.
 Но кто же болѣе всего
 Съ Натальей Павловной смѣялся?
 Не угадать вамъ. — Почему жъ?
 Конечно мужъ. — Совсѣмъ не мужъ:
 370 Онъ очень этимъ оскорблялся,
 Онъ говорилъ, что Графъ дуракъ,
 Молокососъ, что если такъ,
 То Графа онъ визжать заставить,
 Что псами онъ его затравить.
 375 Смѣялся Вѣринъ, ихъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ 23 лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
 Сказать, что въ наши времена
 Супругу вѣрная жена,
 380 Друзья мои, совсѣмъ не диво.

Что касается Шереметевской рукописи, то она гораздо ближе къ печатному тексту, представляя, большею частью, лишь мелкія орфографическія отличія. Приводимъ ея варианты.

- Стихъ 4-й: *И голчія визжатъ* на сворахъ
 „ 12-й: И рогъ *засѣтннй* на цѣпочкѣ
 „ 18-й: Онъ [*црису*] хватъ — и въ стремя ногу
 „ 34-й: [*Холсты бьлнть*], кормить гусей
 Стихи 58-й и 59-й: *Отрада двѣушкн невинной,*
Покойной тетушкн моей.
- Стихъ 65-й: И ею *только* занялась
 „ 69-й: Вослѣдъ за *важннмъ* пѣтухомъ
 73-й: *А время становилось* хуже
 „ 75-й: Вдругъ колокольчикъ [*про*]завонилъ
И сердце дамы разбудилъ.
 „ 90-й: [*Ужъ*] на мосту . . .
 „ 103-й: И идетъ: [*му,*] скоро ль, мой творецъ —
 „ 115-й: Пока *весь домъ* крутомъ хлопочеть
 „ 123-й: Съ занасомъ *пашалонъ,* жилетовъ
 „ 127-й: Съ *последней* книжкой Гизота
 „ 153-й: *Гайбону,* поддерживалъ одинъ
 „ 163-й: Такъ: *улья,* банты — здѣсь узоръ
 „ 169-й: . . . . . *Изо* стола
 „ 174-й: Проходить вечеръ *незамытно*
 „ 212-й: *Крафннъ,* серебряный стаканъ
 „ 228-й: И дразнить *милою* мечтой
 „ 235-й: *Графъ* помнить . . .
 „ 236-й: *Графъ* помнить . . .
 „ 245-й: Свой пестрый *шалевой* халатъ
 „ 253-й: [*Неслышннй поступлю*] идетъ
 „ 264-й: Къ завѣтной [*спалннъ. Графъ*] слегка
 „ 265-й: Жметъ ручку [*върнаго*] замка
 „ 267-й: Онъ [*входитъ*]: лампа чуть горитъ,

- Стихъ 268-й: [*Предметы*] блѣдно освѣщаетъ
 „ 284-й: Но [*одругъ*] опомнилась она
 „ 299-й: Въ [*обратный*] обратился бѣгъ
 „ 308-й: [*Свой*] галстукъ вяжетъ непрележно
 „ 309-й: И [*влажной*] щеткою своей
 „ 346-й: *Ужъ изъ передней* двое слугъ
 „ 348-й: Къ крыльцу *подъехала* коляска

Печатный текстъ во всѣхъ изданіяхъ, вышедшихъ при жизни Пушкина, одинаковъ (есть лишь мелкія орфографическія различія) и отличается отъ принятаго нами только указаннымъ выше исправленіемъ двухъ мѣстъ, по требованію Государя:

Стихъ 197-й: Порою *барина смѣшитъ*

Стихи 282-й—285-й: *Уже руки ея коснулся,*

Но тутъ опомнилась она,

Гнѣвъ благородный съ ней проснулся.

И честной гордости полна

Въ Посмертномъ изданіи стихъ 169-й читается:

— Я сътъ. — «И такъ. . .»

Въ началѣ марта 1826 г. Пушкинъ писалъ Плетневу, по поводу предложеній книгопродавцевъ о новомъ изданіи своихъ стихотвореній: „Знаешь ли? ужь если печатать что, такъ возьмемся за *Цыгановъ*. . . Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть, въ родѣ Верро, которая у меня въ запасѣ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 334).

Относительно происхожденія этой повѣсти въ бумагахъ поэта сохранилась слѣдующая замѣтка, находящаяся нынѣ въ Майковскомъ собраніи Академіи Наукъ (*Пуш-*

кинъ и его современники, выпускъ, IV, стр. 24, № 9) и напечатанная неточно и неполнѣ въ изданіи Анненкова (томъ I, стр. 167):

находился я [Однажды]
 „Въ концѣ 1825 года [находясь] въ деревнѣ пере-
 я
 чива[лѣ] Лукрецію, довольно слабую поэму [приписы-
 а
 ваемую] Шекспир[у] я [подумалъ что] [повторилъ пошлое
 хъ
 замѣчаніе о] [еслибъ] [о томъ какъ могутъ] мѣлк[я] при-
 ахъ ихъ й
 чин[ы] [произвести] велик[ія] послѣдстві[я] Я подумалъ:
 что [было бы съ Римомъ и его будущностію] еслибъ Лук-
 и [пришла мысль] пришло въ голову дать
 рещ[я дала] пощечину Тарквинію?

это
 [Нѣтъ сомнѣнія что это его,] быть можетъ [она]
 [изумило] бѣ предприимчивость
 охладило* его [пламень,] и онъ со стыдомъ принужденъ
 былъ отступить? — [Тогда] [II] Лукреція бѣ не зарѣза-
 [покаялся бѣ]
 лась, Публикола не взбѣсилъ бы, Брутъ не изгналъ
 Царей [Цари подъ покровомъ] [и такъ далѣе]

[Цари остались бы въ Римѣ, и міръ] и міръ и исторія
 міра были бы не тѣ — [Соблазнительный]

[И такъ] [Мысль эта п]

Итакъ Республикою, Консулами, Диктаторами, [Кеса-
 ремъ,] Катонами, Цесаремъ [Италія] [обязана] [всей неми]
 [завоеваніями извѣстнаго сын] мы* обязаны соблазнитель-
 [сезадону]

ному происшествію,* подобному тому, которое [слышалъ
 я недавно отъ] случилось недавно въ моемъ сосѣдствѣ,
 въ Новоржевскомъ уѣздѣ —

*) Зачеркнуто и возстановлено.

[Я немогъ] [Сильное искушеніе] Мысль* пародиро-
мнѣ представилась
 вать [Римскую] исторію и Шекспира [мною овладѣла] я
вос-

немогъ противиться двойному искушенію и въ два утра (13 и 14 дек) написалъ [повѣ] [Гр. Нулинъ] эту повѣсть — [Я имѣю привычку под]

Я имѣю привычку [подписывать годъ подъ] на моихъ бумагахъ выставлять годъ и число, [когда было напис] Гр. Нулинъ писанъ 13 и 14 дек... [Сближеніе было] [случаются и быть могутъ] бываютъ странныя сближенія — “

Имя Публиколы, въ поэмѣ Шекспира вовсе не упоминаемое, поставлено въ этой замѣткѣ, конечно, по ошибкѣ вмѣсто имени Коллатина, мужа Лукреции, который „взбѣсился“ послѣ того, какъ его жена, обезчещенная Тарквиніемъ, зарѣзалась, рассказавъ о томъ, что съ нею случилось; послѣдствіемъ этого „бѣшенства“ и было, какъ извѣстно изъ легенды Ливія, изгнаніе римскихъ царей. Соблазнившись мыслью о томъ, „что было бы, если бы...“ и желаніемъ „пародировать исторію и Шекспира“, Пушкинъ, однако, отказался отъ намѣренія остаться въ пародіи на исторической почвѣ, какъ это сдѣлалъ, на примѣръ, Вольтеръ въ своей *Дѣвственницѣ*. Нашъ поэтъ перенесъ дѣйствіе своего разсказа въ обстановку современной русской помѣщичьей жизни, въ ту самую обстановку, которая окружала его во время написанія повѣсти, и далъ, собственно говоря, не пародію, а новую вариацию на шекспировскую тему. Ближайшее сравненіе *Графа Нулина* съ *Лукреціей* показываетъ, что въ расположеніи отдѣльных частей разсказа Пушкинъ дѣйствительно слѣдовалъ Шекспиру, отступая отъ него тамъ, гдѣ это было необходимо по измѣнившимся понятіямъ и усло-

*) Зачеркнуто и восстановлено.

віямъ живни. У Шекспира Тарквиній, согласно легендѣ Ливія и Овидія, прїѣзжаетъ къ Лукреціи изъ лагеря подъ Ардеей, гдѣ находится ея мужъ Коллатинъ,—прїѣзжаетъ уже съ тайной цѣлью овладѣть ею, возбужденный разказами мужа объ ея красотѣ и цѣломудріи. Графъ Нулинъ становится гостемъ Натальи Павловны случайно, вслѣдствіе поломки коляски, а мужъ отсутствуетъ также случайно, благодаря охотѣ. Далѣе, Тарквиній въ гостяхъ у Лукреціи бесѣдуетъ съ нею о Коллатинѣ и наблюдаетъ за выраженіемъ ея чувствъ къ отсутствующему супругу; Нулинъ рассказываетъ о Парижѣ, о новыхъ модахъ и пр., поетъ куплеты, болтаетъ всякій вздоръ. Лукреція, прощаясь съ гостемъ передъ отходомъ ко сну, подаетъ ему руку—въ благодарность за утѣшительныя вѣсти о мужѣ, и Тарквиній вспоминаетъ объ этомъ рукопожатіи вовсе не для того, чтобы истолковать его, какъ кокетливый намекъ:

Она говоритъ: «Она коснулась нынѣ
 «Моей руки, смотрѣла мнѣ въ глаза,
 «Когда я говорилъ о Коллатинѣ:
 «Страхъ за него смѣяла въ ней слеза.
 .....
 «Ея рука въ моей рукѣ дрожала.»*)

Наталья Павловна „тихонько жметъ“ руку графу, конечно, вовсе не въ томъ настроеніи, въ какомъ Шекспиръ изображаетъ свою героиню. Затѣмъ у Пушкина слѣдуютъ сцены раздѣванья и укладыванья въ постели Натальи Павловны и графа, обставленныя разными бытовыми подробностями, — до мелкихъ принадлежностей ночного туалета. У Шекспира, конечно, ничего подобнаго и быть не могло. Англійскій поэтъ прямо переходитъ къ

---

* Переводъ А. М. Федорова.

изображенію душевнаго состоянія своего героя. Тарквиній въ длинномъ монологѣ подробно объясняетъ бушевающія его противоположныя чувства, — борьбу рыцарской чести въ возжелѣніемъ, осыпаетъ себя упреками, говоритъ, что онъ „опозоритъ свой гербъ“, и т. д., но въ то же время приближается къ комнатѣ Лукреціи и, наконецъ, преодолевъ свое смущеніе и всѣ препятствія, входитъ въ спальню. Любопытно отмѣтить нѣсколько мелкихъ совпаденій въ описаніи ночного шествія обоихъ героевъ: Лукреціей, вставъ съ постели, кое-какъ набросилъ на плечи плащъ; Нулинъ отправляется въ путь, „на плеча накинувъ свой пестрый шелковый халатъ“. На пути Тарквинія двери своимъ скрипомъ предупреждаютъ о несчастіи; Нулинъ „трепещетъ, если полъ подъ нимъ вдругъ заскрипитъ“. Тарквинія, созерцающаго красоту спящей Лукреціи, Шекспиръ сравниваетъ со львомъ, ласкающимъ свою добычу, а дальше, передавая настойчивыя требованія и угрозы Тарквинія и мольбы Лукреціи, уподобляетъ насильника коту, который „только забавляется, когда въ его когтяхъ бьется безсильная мышка“. У Пушкина также есть сравненіе съ котомъ, но относящееся къ болѣе раннему моменту, — когда графъ только что отправился въ путь. Это сравненіе, близко напоминающее другое, — съ „хищнымъ волкомъ“, которымъ Пушкинъ воспользовался при изображеніи соблазнителя въ XIII строфѣ I-й главы *Ольгина* *), конечно, могло быть навѣяно и Шекспиромъ; но оно ближе подходитъ къ стихамъ вольтеровской *Дневенницы*:

---

*) Такъ хищный волкъ, томясь отъ голода,
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада.
Все спитъ . . . И вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Ainsi qu'un chat, qui d'un regard avide
 Guette au passage une souris timide,
 Marchant tout doux, la terre ne sent pas
 L'impression de ses pieds délicats;
 Dès qu'il l'a vu, il a sauté sur elle, и пр. *)

Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 8, среди черновыхъ I-й главы *Евгенія Оныгина*, находятся слѣдующіе стихи:

рызый

Такъ (хитр) баловень служанки
 Анбара стражъ усатый **) (рѣзвый) котъ
За мышью
 (Спрыгнувъ) крадется съ лежанки
 Протянется идти, идетъ
 (За мышью крадется)

отдыхаетъ

Полузажмурясь, (подступаетъ)
Свернется въ комъ
 (Сквозь хитрый сонъ) хвостомъ играетъ
 Разширить когти

Такимъ образомъ, эти стихи были сочинены раньше *Нулина* и первоначально предназначались для *Оныгина*.

Но этими мелкими подробностями и ограничивается все сходство между обоими героями: Нулинъ такъ же далекъ отъ угрызеній Тарквинія, какъ Наталья Павловна— отъ римской матроны. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, разумѣется, никакого сходства уже и быть не могло, по самому замыслу Пушкина. Поэтъ быстрыми штрихами рисуетъ ночное странствіе Нулина и рѣшительную сцену и

*) Указано П. А. Ефремовымъ, Сочиненія Пушкина, изд. Суворина, томъ VIII (С.-Пб. 1905), стр. 413.

**) Къ этому слову поставленъ крестикъ и на полѣ, съ крестикомъ же написано: *шривый*.

затѣмъ прямо переходитъ къ развязкѣ. Наталья Павловна, по отъѣздѣ графа, подобно Лукреціи, но, конечно, не въ трагическомъ тонѣ, рассказываетъ о ночномъ приключеніи. Мужъ „бѣсится“, какъ Коллатинъ, а молодой сосѣдъ, вмѣстѣ съ „новой Лукреціей“, неудержимо хохочетъ: другія времена — другіе нравы.

Такимъ образомъ, пародія на шекспировскую поэму отлилась въ форму легкаго анекдота въ стилѣ байроновскаго „Беппо“, за которымъ Пушкинъ отдохнулъ отъ только что законченнаго серьезнаго труда надъ *Борисомъ Годуновымъ*.

Приведенная выше замѣтка Пушкина о *Нуллинѣ* писана, вѣроятно, въ 1827 г., вскорѣ послѣ того, какъ случилось то происшествіе „въ Новоржевскомъ уѣздѣ“, о которомъ въ ней упоминается. Героемъ этого происшествія оказался пріятель поэта А. Н. Вульфъ, гостившій съ нимъ, въ январѣ 1827 г., въ имѣніи своего дяди П. И. Вульфа — не въ Новоржевскомъ, а въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Тутъ бывшему Дерптскому студенту вздумалось приволокнуться за молоденькой поповной, жившей въ томъ же домѣ, и онъ пробрался ночью въ комнату, гдѣ она спала; проснувшись, она прикрикнула на неожиданнаго посѣтителя, и тотъ поспѣшилъ убраться, но на утро неудачное его похождение стало всѣмъ извѣстно. Пушкинъ превозносилъ дѣвушку за находчивость и смѣлость, а пріятеля безпощадно поднималъ на смѣхъ. Конечно, Вульфъ въ эту пору уже зналъ *Нуллина*, роль котораго ему пришлось разыграть (*В. Колосовъ*, Пушкинъ въ Тверской губерніи, Тверь. 1888, стр. 14—25; *Майковъ*, Пушкинъ, стр. 166).

По своему содержанию и стилю *Графъ Нулинъ* явился совершенной новинкой для тогдашней нашей публики и литературной критики. Два-три журнальных рецензента похвалили повѣсть, „у насъ еще небывалую“;

въ *Бабочкѣ* 1829, № 6 было замѣчено, что „въ этой повѣсти все превосходно: живость разсказа, очерки лицъ, изображенія мѣстностей. Она можетъ служить образцомъ остроумія и утонченнаго вкуса. Если бы въ наше время жилъ еще старичекъ Вольтеръ, то вѣрно онъ не отрекся бы подписать свое имя подъ повѣстью Пушкина молодого. Стиховъ въ образецъ красоты изъ сей повѣсти приводить нельзя, ибо мы перепечатывать цѣлыхъ сочиненій безъ позволенія сочинителей не въ правѣ. Если бы кто рѣшился приказать намъ въ повѣсти *Графъ Нулинъ* сыскать непремѣнно слабый стихъ, тогда мы, покорствуя только приказу, указали бы изъ всей повѣсти на одинъ стихъ: „Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ“. Что касается до: „*супруга* одна въ отсутствіи *супруга*“, то эти рѣзмы, вѣроятно, употреблены здѣсь съ какимъ-нибудь намѣреніемъ“.

Точно также и рецензентъ *Сына Отечества* (1829, часть 123, № 5) писалъ: „Объ анекдотической повѣсти *Графъ Нулинъ* не станемъ распространяться: его многіе уже знаютъ наизусть, и всѣ любители словесности давно уже согласились, что бойкость разсказа и живость стиховъ въ ней единственны. Можетъ быть, законсѣлые любители старины, критики словесности и нравовъ, которые находятъ, что французскія дамы временъ Регента и Людовика XV очень мило падали съ табуретовъ, — сердятся на Пушкина на пощечину, данную Натальею Павловной Графу Нулину. Но пусть ихъ сердятся! Повѣсть Пушкина нисколько отъ того не потеряетъ, и все-таки останется въ памяти у людей, которые умѣютъ оцѣнивать и любить прелестныя игрушки Поэзіи“.

Но строгая критика „законсѣлыхъ любителей старины“ отвеслась къ *Нулину* и его автору далеко не такъ снисходительно. Недаромъ Пушкинъ такъ уморительно разсказывалъ Вульфу, какъ московскіе читатели и чита-

гельницы цензуровали его повѣсть: „нашли, что неблагопристойно видѣть его сѣятельство въ халатѣ! На вопросъ сочинителя, — какъ же одѣть? предложили сюртукъ. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобъ онъ далъ ей хотя салопъ“ (*Майковъ*, Пушкинъ, стр. 177). Выразителемъ въ печати этихъ мнѣній добровольныхъ московскихъ цензуровъ явился Н. И. Надеждинъ. Въ извѣстной статьѣ *Никодима Надоумко съ Патриаршихъ Прудовъ* подъ заглавіемъ: „Литературныя опасенія за будущій годъ“ (*Вѣстникъ Европы* 1828, № 22) представитель „моднаго“ литературнаго верхоглядства и безусловный поклонникъ Пушкина Тлѣнскій сообщаетъ, что сейчасъ на вечерѣ у одного изъ его пріятелей „извѣстный нашъ поэтъ Вѣтрогоновъ будетъ читать въ дружескомъ кругу новую свою Тетралогію, коея сюжетъ взять изъ *Графа Нулли*“. Въ слѣдовавшей затѣмъ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Сонмище нигилистовъ“ (*Вѣстникъ Европы* 1829, № 2) Надеждинъ писалъ: „Еще со временъ Оалеса ведется филозофическая поговорка: *изъ ничего ничего не бываетъ!* Она оправдывается и теперь непреложными опытами. Нашъ литературный *хаосъ*, осѣменяемый мрачною филозофіею *ничтожества*, раздражается — *Нуллими!* Множить ли, дѣлать ли *нулли* на *нулли*, — они всегда остаются *нулями!*“

Мѣсяць спустя, Надеждинъ посвятилъ *Нулли*, изданному въ одной книжкѣ съ *Баломъ* Боратынскаго, особую статью, въ которой, повторяя прежнія свои выходки, прибавилъ къ нимъ пространныя разсужденія въ томъ же родѣ (*Вѣстникъ Европы* 1829, № 3). „*Графъ Нуллинъ* есть произведеніе Корнуфѣя нашей Поэзіи. . . И столь ослѣпительно яркое сіяніе славы Поэта, въ лучахъ коея вращается эта малая крошка литературнаго нашего міра, что еще доселѣ ни одинъ дурный глазъ. . . не изурочилъ ея внимательнымъ разсматриваніемъ и завистливымъ

разборомъ. *Нуминъ... Пушкинъ!*.. Сіе послѣднее имя обдавало невольнымъ благоговѣніемъ всѣхъ и повергало въ безмолвное изумленіе. Честь и слава величію генія! Одно имя его есть уже фирма, подъ которою самое ничтожество пропускается безошлнно въ храмъ безсмертія!..“

„...Поэтъ не оставляетъ безъ отеческаго вниманія дѣтища, имъ на свѣтъ пущеннаго; ему хочется продлить, упрочить и всеобщее вниманіе, созываемое имъ на малютку. Будемъ признательны къ трудамъ высокомошнаго повелителя въ области нашей Поэзіи; отважимся бросить теперь скромный взглядъ на сіе драгоцѣнное произведеніе, въ которомъ, какъ въ микрокосмѣ, отпечатлѣвается типъ всего поэтическаго міра, имъ сотвореннаго!“

„...Если имя Поэта должно оставаться всегда вѣрнымъ своей этимологіи, по которой означало оно у древнихъ Грековъ *твореніе изъ ничего*, то пѣвецъ *Нулина* есть рагъ excellence Поэтъ. Онъ *сотворилъ ничто изъ ничего* — сію поэмю. Но за то и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома Іонійской философической школы, на которую столь нападали позднѣйшіе Креационисты, что *изъ ничего ничего не бываетъ* (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соотвѣтствовало такъ вполнѣ носимому имъ имени. *Графъ Нулинъ* есть *нуль* во всей математической полнотѣ значенія сего слова. Глубокомысленный Кантъ поставлялъ существеннымъ характеромъ *колическаго* то, что ожиданіе, имъ возбуждаемое, превращается въ *нуль*. Нашъ *Нулинъ* не можетъ имѣть и на то претензіи. Онъ не возбуждаетъ никакихъ ожиданій, кромѣ чисто *нульныхъ*... Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны; геній Поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился *Нулинымъ*“.

Далѣе критикъ съ такою же тяжелою ироніею говоритъ о пушкинскихъ описаніяхъ и, между прочимъ, оста-

навливается на стихахъ о томъ, что видѣла Наталья Павловна, сидя у окна: „Здѣсь изображена Природа во всей наготѣ своей! Жаль только, что сія мастерская картина не совсѣмъ дописана. Неужели въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора не умѣстились бы двѣ-три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышныхъ диванахъ топучей грязи, въ блаженномъ самодовольствіи и совершенно эпикурейской беззаботности о всемъ окружающемъ ихъ, могли бы даже сообщить нѣчто занимательное изображаемому зрѣлищу? Почему Поэтъ, представляя бабу, идущую развѣшивать бѣлье черезъ грязный дворъ, уклонился нѣсколько отъ вѣрности, позабывъ изобразить, какъ она, со всѣмъ деревенскимъ жеманствомъ, приподымала выстроченный подолъ своей пестрой понявы,

чтобы ей воскресилъ

Не омочить усыпленную *грязнаго* моря волну?

„Это едва извинительно въ живописцѣ великомъ и всеобъемлющемъ!“

„... Чудаки покачиваютъ головою и говорятъ сквозь зубы: все это такъ! все это правда! все это вѣрный снимокъ съ природы!.. Да съ какой природы? Вотъ тутъ-то и заковычка! Мало ли въ натурѣ вещей, которыя совсѣмъ не идутъ для показу? Дай себѣ волю... пожалуй, залетишь и Богъ вѣсть куда! Отъ спальни недалеко до дѣвичьей; отъ дѣвичьей — до передней; отъ передней — до сѣней; отъ сѣней — дальше и дальше! Мало ли есть мѣстъ и предметовъ, еще болѣе *вдохновительныхъ*, могущихъ представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивыхъ дѣлателей! Немудрено дожидаться, что насъ поведутъ и туда со временемъ! Что жъ касается до повѣсничества и безпутства, то имъ нѣсть числа! Выставлять ихъ на показъ значитъ оскорблять человѣческую

природу, которая никогда не можетъ выноситьъ равнодушно собственнаго уничтоженія... Каково покажется это моей двоюродной сестрѣ, которой невступно еще шестнадцать: если сія послѣдняя (чего Боже упаси!), соблазненная демономъ дѣвическаго любопытства, вытащить потихоньку изъ незапирающагося моего бюро это сокровище? Грѣха не оберешься! Съ другой стороны, однако, должно согласиться, что пѣвецъ *Нуллина* не совсѣмъ еще отрѣшился отъ узъ приличія и умѣетъ иногда полагать границы своевольному своему Генію. Такъ, напримѣръ, при подробномъ описаніи ночныхъ утварей, которыми аккуратный Mr. Picard снабдилъ отходящаго ко сну Графа:

Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ...

кто не чувствуетъ, что послѣднее слово есть вставка, замѣнившая другое, равно созвучное, но болѣе идущее къ дѣлу, — слово, принесенное поэтомъ съ истинно героическимъ самоотверженіемъ въ жертву тиранскому приличію?“

Статья заключается общимъ замѣчаніемъ о *Нуллинѣ* и *Баль*: „Это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрѣлы, но... she chi ha i duo occhi il veda!“

Разсужденія Надеждина о приличіи, „вдохновительныхъ“ мѣстахъ, хавроньяхъ и будильникѣ вызвали насмѣшливую замѣтку *Сына Отечества* (1829, часть 124, № 12): „О чутьѣ критика Имярекъ, живущаго на Патриаршихъ Прудахъ“. — „Не правда ли“, говорится въ этой статейкѣ, „что у г. Критика весьма тонкое чутье? Не правда ли, что онъ кстати выбралъ себѣ мѣсто пребы-

ванія? Не правда ли, что *подобный подобнымъ и любитъся?**) Кстати о хавроньяхъ: вспомнимъ, какъ въ баснѣ Крылова отвѣчаетъ хавронья пастуху на вопросъ, что она видѣла въ богатомъ и пышномъ барскомъ домѣ...“

За то въ московскомъ *Дамскомъ Журналѣ* (1829, № 4) статья Надеждина встрѣтила сочувственный откликъ въ видѣ эпиграммы на Пушкина и Боратынскаго:

А В Т О Р Ы.

Два друга, сообщась, двѣ повѣсти издали,
Точили балы въ нихъ и все нум писали;
Но слава добрая объ авторахъ прошла,
И книжка вдругъ раскуплена была.
Ахъ, часто вздоръ плетутъ извѣстныя намъ лица,
И часто къ ихъ нулямъ мы ставимъ единицы.

Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ большой статьѣ по поводу *Полтавы* (*Вѣстникъ Европы* 1829, №№ 8 и 9), Надеждинъ опять вспомнилъ *Нуллина* — и на этотъ разъ провозгласилъ его лучшимъ произведеніемъ Пушкина, съ своей особенной точки зрѣнія:

„Поэзія Пушкина есть просто — *пародія*. Нечего Бога гнѣвить! Что правда, то правда! Мастеръ посмѣяться и посмѣшить... когда только, разумѣется, знаетъ честь и мѣру! И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно назвать по всѣмъ правамъ Геніемъ — *на каррикатуры!*.. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть *Графъ Нулинъ!*.. Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи, и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи...“

---

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что Надеждинъ дѣйствительно угадалъ: въ рукописи графа Шереметева вмѣсто *будильника* поставлено именно то слово, на которое намекаетъ критикъ.

Пушкинъ отвѣчалъ на критическія приставанья Надюмки эпиграммами: „Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ...“, „Притча“ и „Надѣясь на мое презрѣнье...“. Но, очевидно, не желая ввязываться въ полемику, онъ напечаталъ первыя двѣ изъ этихъ эпиграммъ только тогда, когда онъ уже утратили свою остроту и примѣненіе къ текущей злобѣ дня: одну — въ 1830, другую — въ 1836 году; а третья, наиболѣе отчетливо выражающая тогдашнее его настроеніе, такъ и осталась ненапечатанною и была извлечена изъ рукописей поэта только въ 1884 году. Здѣсь Пушкинъ ясно указываетъ, что въ статьяхъ своего строгаго судьи онъ видѣлъ только желаніе подслужиться „сѣдому зоилу“ Каченовскому, и говоритъ, что „журнальный шутъ, холопъ лукавый“ не дождется отъ него отвѣта:

Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
 Себѣ покоя не даетъ:
 Лакей сиди себѣ въ передней,
 А будетъ съ баринномъ расчетъ.

Толки о безнравственности *Графа Нулина* вызвали отвѣдъ въ № 4 *Сверной Пчелы* 1828 г. (стр. 150):

„Что значить нравственное и что значить безнравственное сочиненіе?“ читаемъ здѣсь. „Нравственное сочиненіе есть то, гдѣ порокъ представленъ въ такомъ видѣ, что возбуждаетъ къ себѣ омерзеніе, или гдѣ дѣйствующее лицо представлено въ столь непріятномъ видѣ, что ни одинъ изъ читателей не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ... Безнравственное сочиненіе есть то, гдѣ подъ самыми благовидными формами авторъ скрываетъ пороки, и хотя избѣгаетъ нескромныхъ сценъ и рѣчей, но однимъ положеніемъ своего героя въ свѣтѣ доказываетъ, что и порочный можетъ избѣгать общаго презрѣнія и укрыться отъ наказанія. Легковѣрный читатель или

юноша видитъ однѣ розы на пути порока и думаетъ, что въ свѣтѣ можно избѣгнуть шиповъ, т. е. избѣгнуть презрѣнія и наказанія за дурное поведеніе. . .“.

„Если смотрѣть на предметъ съ сей точки зрѣнія, „Графъ Нулинъ“, въ стихахъ, сочиненіе А. С. Пушкина, есть піеса нравственная, въ полномъ смыслѣ слова. Графъ Нулинъ изображенъ въ такомъ видѣ, что ни одинъ юноша не захочетъ быть на него похожимъ. . . (когда я пишу сіи строки, у меня такъ и мерещатся передъ глазами толпы Нулиныхъ, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка). . . Это не повѣсть, а картина нравовъ. . . Быстрота въ слогѣ, блескъ въ изображеніяхъ перемѣняющихся на свѣтѣ лицъ и картинъ, веселость, легкость разсказа, плавность и сладкозвучіе стиховъ поставляютъ піесу сію въ число первоклассныхъ произведеній поэзіи“.

Погодинъ, въ небольшой замѣткѣ о *Съверныхъ Цвѣтахъ* въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, часть VII, № 2, стр. 192, писалъ: „*Нулинъ* доказываетъ, что мастеръ поэтъ и шутитъ поэтически. Предметъ его картины не важенъ, но какая зрѣлая и легкая кисть! какой вѣрный глазъ, зорко уловляющій малѣйшія подробности въ описаніи! Строгіе аристархи спрашиваютъ о нравственной цѣли въ этой піесѣ. Вотъ она, если имъ того хочется: *нескромныя желанія людей худо награждаются!*“

Въ бумагахъ Пушкина (рукопись Румянцовскаго Музея № 2387) сохранились замѣтки, писанныя въ началѣ 30-хъ годовъ, по поводу всѣхъ этихъ пересудовъ и толковъ о *Нулинѣ*.

„*Графъ Нулинъ* надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ“, писалъ, между прочимъ, поэтъ: „нашли его (съ позволенія сказать) похабнымъ, — разумѣется въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой жен-

щины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!.. Подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что Графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности?“

Указавъ на ребяческую претенциозность этихъ сужденій и объяснивъ, въ чемъ заключается настоящая безнравственность литературнаго произведенія, Пушкинъ говоритъ: „Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ насъ даже и не смѣшатъ“, и затѣмъ даетъ образецъ разбора, въ духѣ Надеждина, *Федры* — „еслибъ, къ несчастію, написалъ ее русскій и въ наше время“. Разборъ этотъ оканчивается словами: „Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые... и проч., тутъ личности и ругательства. Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ!“ — „Плюсь на совѣсть самихъ критиковъ“, заключаетъ поэтъ: „должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бы онѣ были писаны и по-латыни?“

Въ другой замѣткѣ Пушкинъ говоритъ: „Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее какъ самую вольную сказку Боккаччіо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлыя отрывки наизусть...“

Лѣтъ пятнадцать спустя послѣ того, какъ Пушкинымъ были набросаны эти мысли, которыхъ онъ такъ и не огласилъ въ печати, онѣ получили подробное развитіе въ

статьѣ Бѣлинскаго 1846 г. „Бѣдная критика!“ восклицаетъ Бѣлинскій: „она и до сихъ поръ добродушно убѣждена въ своемъ знаніи большого свѣта и нещадно преслѣдуетъ *Мертвыя Души* за нарушение условій хорошаго тона, — а большой свѣтъ, неблагодарный, до сихъ поръ не хочетъ и подозрѣвать существованія ея, бѣдной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ прочелъ *Мертвыя Души*, съ какимъ нѣкогда читалъ *Графа Нулина*, не видя ни въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничего противнаго и оскорбительнаго тому, что называетъ онъ хорошимъ тономъ и приличіемъ“ (Сочиненія В. Бѣлинскаго, часть VIII, изданіе 2-е, М. 1865, стр. 513). Бѣлинскій „съ наслажденіемъ и нѣсколько разъ перечелъ“ *Нулина* и писалъ К. С. Аксакову, 21 іюня 1837 г.: „Что за поэтъ этотъ Пушкинъ! Не говоря о вѣрности изображеній, волшебной живости разсказа, удивительномъ остроуміи, онъ и въ этой шуткѣ, въ этой карикатурѣ не измѣняетъ своему характеру, который составляетъ грустное чувство“ (выписаны стихи 76—85, см. Письма Бѣлинскаго, томъ I, С.-Пб. 1914, стр. 74).

Бѣлинскій (повторяемъ здѣсь сказанное нами въ другомъ мѣстѣ, — Сочиненія Пушкина подъ редакціей С. А. Венгерова, томъ II, стр. 392) поставилъ *Нулина* за одну скобку съ поэмой Гоголя, — и, конечно, былъ правъ: *Нулинъ* явился въ нашей литературѣ первой ласточкой того новаго направленія, которое впоследствии, въ эпоху *Мертвыхъ Душъ*, получило названіе „натуральной школы“. Этимъ-то и смутилъ онъ сторонниковъ старой, „классической“ эстетики, продолжавшихъ, вопреки духу времени, твердить, что искусство должно быть „украшеніемъ“ природы. Сама по себѣ незначительная повѣсть Пушкина для своего времени была и большою смѣлостью, и своего рода литературнымъ откровеніемъ. Пять лѣтъ спустя, за нею послѣдовали „Повѣсти Бѣлкина“.

XL.

КЪ БОРАТЫНСКОМУ.

(Стр. 175).

Въ рукописи неизвѣстно*). — Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829, часть I, стр. 108, подъ заглавіемъ: „Къ . . .“ и съ обозначеніемъ даты: „1825“. Затѣмъ вошло безъ измѣненій въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 170, подъ заглавіемъ: „Къ Б***“.

Въ 1824 году Боратынскій написалъ поэму: „Эда“, содержаніемъ которой служитъ исторія обольщенной русскимъ солдатомъ и затѣмъ покинутой финляндки. Вѣсть о новомъ произведеніи дошла до Пушкина, и онъ желалъ скорѣе съ нимъ познакомиться. „Что жь чухонка Баратынскаго?“ спрашивалъ онъ брата въ концѣ октября: „я жду!“ Левъ Сергѣевичъ медлилъ и вызвалъ, во второй половинѣ ноября, новое напоминаніе: „Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя“. 4 декабря Пушкинъ опять писалъ брату: „Пришли же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду“. Въ письмѣ къ А. Г. Родзянкѣ, 8 декабря, Пушкинъ, между прочимъ, сообщаетъ: „Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся про *Чухонку*) и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила. — А я про *Цыганку*; каковъ?“ Наконецъ, во второй половинѣ декабря онъ снова пишетъ брату: „Пришли мнѣ *Цетовъ* да *Эду*“. Изъ письма къ брату же, въ половинѣ февраля 1825 г., видно, что Пушкинъ, наконецъ, получилъ *Эду* и прочелъ ее; по поводу неумѣренныхъ похвалъ Плетнева, который сравнивалъ Боратынскаго съ Байрономъ и отдавалъ

*) Имѣется только копія въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2898, съ вариантомъ въ стихѣ 1-мъ:

Стихъ каждый съ повѣсти твоей.

преимущество русскому поэту, Пушкинъ писалъ: „Плетневъ не осторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправить“, а въ другомъ письмѣ совѣтовалъ Плетневу не писать „добрыхъ“ критикъ. Въ 1826 г., 20 февраля, получивъ уже и печатный оттискъ поэмы, онъ сообщалъ Дельвигу, что сейчасъ отошлетъ ее въ Тверь, П. А. Осиповой: „Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусарь, Эда и самъ поэтъ — всякой говорить по-своему. А описанія Лифляндской (описка вмѣсто: финляндской) природы! а утро послѣ первой ночи, а сцена съ отцомъ! — чудо!“ Въ написанномъ въ тотъ же день письмѣ къ П. А. Осиповой читаемъ: „Вотъ новая поэма Баратынскаго, только что присланная мнѣ Дельвигомъ; это образецъ граціозности, изящества и чувства; вы будете отъ нея въ восхищеніи“ (*Переписка*, томъ I, стр. 141, 149, 156, 157, 165, 179, 193, 328).

Впослѣдствіи, уже въ 1830 году, Пушкинъ, въ отрывкѣ оставшейся недописанною статьи о Баратынскомъ, говорилъ, что этотъ поэтъ „всѣхъ менѣе пользуется благосклонностью журналовъ... Критика изъявляла по отношенію къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая ужъ объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго *Благодатреннаго*, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе *Эды*, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотой, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ *Съверной Пчелѣ* и слабому возраженію на нее въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Перечтите *Эду*, которую критики наши нашли ничтожной (ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь“, и пр.

Въ замѣткѣ *Съверной Пчелы*, которую Пушкинъ находилъ „неприличною“, было, между прочимъ, сказано, что „чувство любви въ поэмѣ не возвышенно и происшествіе совсѣмъ обыкновенно“. Эта ффраза вызвала возраженіе въ похвальной рецензіи на *Эду* въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1826, часть VIII, стр. 62—76. Слова Пушкина о „зоилѣ“, по всей вѣроятности, относятся именно къ рецензенту *Пчелы*.

XLI.

Н. С. МОРДВИНОВУ.

(Стр. 176—177).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 58 об., по которой и напечатано въ изданіи Анненкова, 1855 г., томъ I, стр. 355—356.

Въ рукописи сдѣлано только двѣ поправки: стихъ 3-й начинался сперва словами: „Сложивъ свои“, а стихъ 8-й—словами: „На встрѣчу“. Въ остальномъ нѣтъ поправокъ.

„Перебирая бумаги поэта“, говоритъ Анненковъ, — „мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ отдѣлу черновыхъ отрывковъ, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и превосходную поэтическую картину въ классическомъ родѣ. Отрывокъ этотъ, писанный, вѣроятно, въ 1825 году, кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій орелъ Екатерины, поэтъ Петровъ, на 60-мъ году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: „Его Высокопревосходительству адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову“ (1796), которая блеститъ если не изяществомъ внѣшней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и рас-

положенія. Они дѣлаютъ ее трогательной, не смотря на отсутствіе поэтическихъ красокъ. Теплота и одушевленіе оды Петрова становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу-поэту справиться съ непокорнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся піеса есть образецъ истиннаго чувства, не обрѣтающаго поэтической формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина не только указываетъ на посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу предвѣстную радость:
Ты будешь отчества оплотъ!

Свершеніе надежды
Моими зря днесъ вѣжды
И славу сбытія,
Не возыграю ль я?

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старика, развиваетъ ее въ духѣ стремленія къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество такъ называемой классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла (строфа 2-я), есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя тридцать лѣтъ поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за нею строфы — уже опять не болѣе, какъ стихотворныя замѣтки, и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ“.

Николай Семеновичъ Мордвиновъ, адмиралъ, впоследствии — графъ (1754—1845), извѣстный своими замѣчательными мнѣніями и докладами по разнымъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ, въ которыхъ выражался его просвѣщенный взглядъ на нужды Россіи,

былъ въ ту пору, къ которой относится стихотвореніе Пушкина, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. По выраженію Пушкина (въ письмѣ къ кн. Вяземскому, *Переписка*, томъ I, стр. 106), Мордвиновъ заключалъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію. Онъ пользовался высокимъ уваженіемъ современнаго Пушкину поколѣнія писателей: о немъ восторженно отзывается въ своихъ запискахъ Н. И. Тургеневъ; его воспѣлъ Рылѣевъ въ извѣстной своей одѣ: „Гражданское мужество“:

... намъ ли унывать душой,
 Когда еще въ странѣ родной
 Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
 Екатерины славныхъ дней,
 Среди сонма избранныхъ мужей
 Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О немъ говоритъ также и Боратынскій, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Гиѣдичу:

Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
 Отъ дней Фелицыныхъ оставшійся одинъ,
 Но смѣло духъ ея хранившій въ вѣкѣ новомъ,
 Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
 Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
 Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать царя...

П. А. Плетневъ посвятилъ Мордвинову большое стихотвореніе: „Долгъ гражданина“ (Сочиненія, томъ III, стр. 300) и напечаталъ объ одѣ Петрова особую статью въ *Трудахъ Волынаго Общества Любителей Россійской Словесности* 1824 г. (Сочиненія, томъ I, стр. 121). Можетъ быть, именно эта статья и послужила ближайшимъ поводомъ къ стихотворенію Пушкина.

Подробная біографія Н. С. Мордвинова написана В. С. Иконниковымъ: „Графъ Н. С. Мордвиновъ, историческая монографія“, С.-Пб. 1873. О Васильѣ Петровичѣ Петровѣ (1733—1799) см. статью И. А. Шляпкина въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1885, № 11, стр. 381—405.

 XLII.

СОВѢТЬ.

(Стр. 178).

Въ половинѣ ноября 1825 г. *) Пушкинъ писалъ князю Вяземскому: „Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшихъ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 310). Къ письму были приложены: *Совѣтъ*, *Соловей* и *кукушка*, *Движеніе*, *Дружба* и *Мадригалъ* („Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати“). Всѣ эти стихотворенія и были напечатаны въ альманахѣ Погодина: „Уранія“ на 1826 годъ, откуда затѣмъ перешли въ изданіе 1829 г. (часть II).

Въ рукописи 1-й стихъ читается такъ же, какъ и въ альманахѣ. Поправка сдѣлана только въ изданіи 1829 г.

 XLIII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

(Стр. 179).

Прислано кн. Вяземскому при томъ же письмѣ и напечатано въ той же *Ураніи* (стр. 265), откуда перепечатано безъ измѣненій въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 31.

---

* Въ *Перепискѣ* это письмо отнесено къ началу декабря; но книжка *Уранія* вышла изъ цензуры 26 ноября.

Рукопись, по сравненію съ печатнымъ текстомъ, представляетъ одинъ вариантъ:

Стихъ 7-й: И эхо вслѣдъ *кукуетъ* то-же.

„Какъ ты отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ!“ писалъ Пушкину Боратынскій въ январѣ 1826 г., посылая ему *Уранію*. „Тутъ и мнѣ достается — да и подѣломъ; я прежде тебя спохватился и въ одной ненапечатанной піесѣ говорю, что стало очень приторно

Выгье жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ».

(*Переписка*, томъ I, стр. 317). Указаннаго Боратынскимъ стиха мы не находимъ въ его сочиненіяхъ; но въ посланіи Богдановичу, написанномъ въ 1824 г. и напечатанномъ только три года спустя, есть нѣсколько стиховъ на ту же тему:

..... всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивыя враки,
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и сердце отцвѣло, и пр.

(Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго, изданіе Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ I, С.-Пб. 1914 г., стр. 62).

Около того же времени, по поводу статьи Кюхельбекера въ *Мнемозинѣ* (1824), ч. II: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе“, гдѣ осуждались элегіи, какъ мелочной родъ поэзіи, Пушкинъ въ XXXII-й строфѣ 4-й главы *Оныгина* писалъ:

..... Критикъ строгій
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогій,
И нашей братьѣ рямачамъ

Кричить: «Да перестаньте плакать
 «И все одно и то же квакать,
 «Жалѣть о *прежнемъ*, о *быломъ*:
 «Довольно, — пойте о другомъ!

Въ указанной статьѣ Кюхельбекеръ, между прочимъ, писалъ: „Трудно не скучать, когда Иванъ и Сидоръ напѣваютъ намъ о своихъ несчастіяхъ... Прочитавъ любую элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, знаешь всѣ. Чувства у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Всѣ мы взапуски толкуемъ о своей погибшей молодости; до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту тоску и наперерывъ щеголяемъ своимъ малодушіемъ въ періодическихъ изданіяхъ. Если бы сія грусть не была просто реторическою фігурою, иной, судя по нашимъ Чайльдамъ-Гарольдамъ, едва вышедшимъ изъ пеленъ, могъ бы подумать, что у насъ на Руси Поэты уже рождаются стариками“ (*Мнемозина*, книга 2-я, стр. 33, 36—37).

Въ другой своей статьѣ: „Страна безглавцевъ“, помѣщенной въ той же книжкѣ (стр. 149—150), Кюхельбекеръ опять вернулся къ этой темѣ: „Елегіи одного трудно отличить отъ Елегій другаго; они всѣ твердятъ одно и то же, всѣ грустятъ и тоскуютъ о томъ, что *дважды два пять*. Эта мысль, конечно, чрезвычайно нова и поразительна; но подъ ихъ перомъ уже нѣсколько обветшала... Какъ истинный сынъ Отечества, я порадовался, что наши Русскіе Поэты избрали предметъ, который не въ примѣръ богаче: съ семнадцати лѣтъ у насъ начинаютъ рассказывать про свою отцвѣтшую молодость; наши Стихотворенія не обременены ни мыслями, ни чувствами, ни картинами; между тѣмъ, заключаютъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелесть, непонятную ни для читателей, ни для сочинителей...“.

XLIV.

ДВИЖЕНІЕ.

(Стр. 180).

Прислано кн. Вяземскому при томъ же письмѣ и напечатано въ *Ураніи*, стр. 155, и въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 29.

Послѣдній стихъ рукописи первоначально читался:

Однакожь правъ *какой-то* Галилей

но тутъ же былъ исправленъ, какъ въ печатномъ.

Въ числѣ принадлежащихъ И. А. Шляпкину автографовъ Пушкина находится слѣдующая замѣтка, послужившая темою для настоящаго стихотворенія:

„On a admiré le (Phi) Sunique qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne“ (*Шляпкинг*. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 3).

„Брадатый мудрецъ“, отрицавшій движеніе,—Зенонъ Элейскій, жившій въ V вѣкѣ до Р. X. „То, что вы называете движеніемъ“, говорилъ онъ, „есть только названіе, данное цѣлому ряду одинаковыхъ положеній, изъ которыхъ каждое, отдѣльно взятое, есть *покой*. Въ каждой отдѣльной точкѣ пространства предметъ находится въ покоѣ; общая сумма множества такихъ состояній покоя и называется движеніемъ“ (*Н. Черняевъ*, Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, стр. 326—323).

XLV.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(Стр. 181—182).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1830 годъ, стр. 34—35, и затѣмъ вошло въ изданіе 1832 г., служащее продолженіемъ изданія 1829 г., часть III, стр. 102—103.

Въ этомъ стихотвореніи отразилась жизнь Пушкина въ Михайловскомъ зимою 1825 г., о которой разсказалъ Пущинъ въ своихъ запискахъ (*Л. Н. Майковъ*, Пушкинъ, стр. 78—83) и вспоминаетъ Языковъ въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ нянѣ поэта, Аринѣ Родіоновнѣ. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній, напечатанномъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 годъ (стр. 43), Языковъ, обращаясь къ нянѣ, говоритъ:

Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола . . .
Ты занимала насъ, добра и весела,
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ;
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ, — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
И легкіе часы летѣли беззаботно.

Въ другомъ стихотвореніи („На смерть няни Пушкина“, *Сѣверные Цвѣты* на 1831 годъ, стр. 53) Языковъ описываетъ обстановку дома Пушкина:

Тамъ, гдѣ на доль съ горы отлогой
 Разнообразно сходитъ боръ,
 Въ виду рѣки и двухъ озеръ
 И внизъ извиистой дорогой,
 . . . . . древнимъ садомъ окружень,
 Господскій домъ уединенный
 Дряхлѣеть — памятникъ почтенный
 Елисаветиныхъ временъ . . .

. . . . .
 Вонъ тамъ — обоями худыми
 Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
 Полю нечиненный, два окна
 И дверь стеклянная межъ ними;
 Диванъ подь образомъ въ углу,
 Да пара стульевъ; столъ украшенъ
 Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
 И ты, пришедшая къ столу, —
 Мы пировали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 Къ своей веснѣ переносилась
 Разгоряченную мечтой,
 Любила слушать наши хоры,
 Живые звуки чуждыхъ странъ,
 Рѣчей напоры и отпоры
 И звонъ стакана о стаканъ.

. . . . .
 Шумнѣй удалая пирушка . . .
 Садись-ка, добрая старушка,
 И съ нами бражничай давай!

Описание пушкинскаго дома въ Михайловскомъ много разъ дѣлалось позднѣйшими его посѣтителеми. Такъ, еще въ 1837—1838 гг. Псковскій губернскій землемеръ *Ивановъ* издалъ двѣ тетради видовъ Пскова и его окрест-

ностей; объ этомъ изданіи была помѣщена замѣтка въ *Иллюстраціи* 1848, томъ VI, № 9, стр. 137—139, гдѣ воспроизведенъ и рисунокъ дома Пушкина. Домъ этотъ, деревянный, одноэтажный, уже въ то время обветшавшій, занималъ середину между тянувшимся въ обѣ стороны отъ него службами; передъ домомъ съ южной стороны была небольшая лужайка, а съ другой стороны — извилистая рѣчка Соротъ. — Въ томъ же 1848 году въ *Сверной Пчелѣ* (№№ 247—251) были напечатаны путевыя замѣтки Давида *Мацкевича*, въ которыхъ также сообщено нѣсколько подробностей о пушкинскомъ домѣ. Въ 1859 г. посѣтилъ Михайловское *К. Я. Тимофеевъ*, описавшій его въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1859, часть СІІІ, стр. 139—151). Новѣйшее и самое полное описаніе находится въ изданномъ К. А. Фишеромъ альбомѣ *В. П. Острогорскаго* и *В. М. Максимова*: „Пушкинскій уголокъ“ (М. 1899). Въ настоящее время въ Михайловскомъ нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ пребыванія Пушкина: помѣщичій домъ и всѣ прочія постройки — новыя. Владѣльцемъ имѣнія былъ младшій сынъ поэта, Григорій Александровичъ, скончавшійся въ 1905 г.; теперь же оно приобрѣтено въ казну, и забота о немъ возложена на Псковское дворянство.

„Добрая подружка бѣдной юности“ поэта, дѣлившая съ нимъ уединенное житье въ Михайловскомъ, Арина Родіонова была крестьянка села Кобрина (въ 60 верстахъ отъ Петербурга), принадлежавшаго нѣкогда дѣду Пушкина, Осипу Абрамовичу Ганнибалу. Въ 1799 г. она, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми, получила вольную, но не захотѣла ею воспользоваться и осталась въ семьѣ Пушкиныхъ. Она вынянчила сначала сестру поэта, потомъ — его самого и, наконецъ, его младшаго брата Льва и скончалась въ 1829 г. въ Петербургѣ, въ домѣ своей старшей питомицы О. С. Павлицевой. По

словамъ сосѣдокъ и пріятельницъ Пушкина, Осиповыхъ, Арина Родіоновна была „старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая“. Она горячо любила своего питомца-поэта, рассказывала ему сказки, которыми онъ пользовался для своихъ произведеній, пѣла пѣсни, а онъ, въ свою очередь, дѣлился съ нею своими сочиненіями:

... я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

Эти стихи въ *Отъѣздѣ* (глава 4-я, строфа XXXV) написаны одновременно съ *Зимнимъ вечеромъ*, и въ нихъ повторяется то же названіе няни „подругой юности“. Въ позднѣйшемъ стихотвореніи (1827) онъ называетъ ее „подруга дней моихъ суровыхъ“. Въ началѣ 1825 г. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Покамѣстъ я одинъ одишешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни“ (*Переписка*, томъ I, стр. 169). Въ написанномъ въ томъ же году посланіи къ Языкову, приглашая его посѣтить Михайловское, Пушкинъ обѣщалъ ему прогнать скуку зимнихъ вечеровъ виномъ и пѣснями. Къ этому же средству обращался онъ и оставшись одинъ съ старушкой-няней, въ зимнія сумерки, когда она дремлетъ подъ завываніе вѣтра. Чтобы подбодрить ее и себя самого, поэтъ прибѣгаетъ къ вину, которое у него всегда было въ запасѣ и было на руку старушкѣ, по словамъ Осиповыхъ, любившей выпить. Серьезныя, заунывныя пѣсни не годятся: и безъ нихъ тоскливо, — и поэтъ проситъ няню пѣть веселыя пѣсни: „За моремъ синичка не пышно жила“ и „По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой“. Л. И. Погодинъ высказалъ предположеніе, что первая изъ этихъ пѣсень, въ которой

говорится о птичьей свадьбѣ, нравилась Пушкину, быть можетъ, потому, что въ ней слышался какъ бы намекъ на его одесскую привязанность:

Есть за моремъ перепелочка;
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму. . .

Проф. Н. О. Сумцовъ (Пушкинъ, стр. 117—129) посвятилъ *Зимнему вечеру* и сходнымъ стихотвореніямъ обстоятельный очеркъ, въ которомъ разбираетъ ихъ форму и содержаніе. *Бѣлинскій* отнесъ настоящее стихотвореніе къ числу тѣхъ чисто-лирическихъ произведеній, не различимыхъ отъ пѣсни, въ которыхъ элементъ лирики является элементомъ чисто-субъективныхъ ощущеній, гдѣ „въ безчисленное многоразличіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи, ощущеній, которыя такъ безотчетно, такъ *особенно*, возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей *особенности*, т. е. отъ исключительной принадлежности *мнѣ*, — и выпархиваютъ на свѣтъ, окрыленные фантазіей“. По замѣчанію критика, такіа стихотворенія, вмѣстѣ съ пѣснею, составляютъ исключительно лирику нашего времени. Къ числу лучшихъ и задушевнѣйшихъ произведеній этого рода онъ и относитъ „Зимній вечеръ“.

XLVI.

Н. Н., ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ НЕВСКАГО АЛЬМАНАХА.

(Стр. 183).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1826 годъ (цензурное разрѣшеніе 7 октября 1825 г.), стр. 59, и въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 68.

Стихотвореніе относится къ альманаху на 1825 годъ, въ которомъ дѣйствительно находятся произведенія перечисленныхъ авторовъ: Полевого (стихотворенія: „Удовольствіе ума и сердца“, „Уныніе“ и „Книжная лавка“), В. Л. Пушкина („Ода“ и „Больной“), графа Д. И. Хвостова („Посланіе о наводненіи Петрополя“, басня „Рысь и Кротъ“), В. Маркова („Прощаніе съ нянюшкой“), В. М. Княжевича („Убивать время“) и Д. М. Княжевича („Взглядъ, взоръ, воззрѣніе“), но нѣтъ И. Е. Великопольскаго, имя котораго явилось только въ изданіи 1829 г. въ замѣну „Василья Пушкина“.

Буква К***, означавшая Княжевича, вызвала нѣкоторое неудовольствіе П. А. Катенина, который поспѣшилъ написать Пушкину (3 февраля 1826): „Ты часто изволишь ставить начальныя буквы таинственно. Въ *Невскомъ Альманахѣ* (издатель долженъ быть слишкомъ добрый человѣкъ!) послѣ Полевого et сопрягніе стоитъ какой-то К*** дальній *вашъ* (чей?) *родня*. Моя совѣсть чиста, ибо я по сію пору ни въ *Невскомъ*, ни въ другомъ альманахѣ ничего не печаталъ; но злые люди!...“ (*Переписка*, томъ I, стр. 322). Пушкинъ на это письмо отвѣтилъ (*Тамъ-же*, стр. 326—327), но вопросъ о *Невскомъ Альманахѣ* оставилъ безъ отвѣта.

Альманахъ этотъ издавался, начиная съ 1825 г., Егоровъ Вас. *Аладьмынъ* (ум. 14 августа 1860), авторомъ нѣсколькихъ повѣстей и стихотвореній. Вышло всего 10 книжекъ въ 1825—1833 гг. и двѣ книжки въ 1846—1848 гг. Изъ произведеній Пушкина въ альманахѣ были помѣщены: отрывки изъ *Бахчисарайскаго Фонтана* (1827), сцена изъ *Бориса Годунова* (1828), отрывокъ изъ *Евгенія Онегина* (1829) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Упомянутый въ числѣ сотрудниковъ альманаха *Княжевичъ*, Дмитрій Максимовичъ (род. 25 апрѣля 1788, ум. 1 октября 1844) служилъ при графѣ Воронцовѣ въ

Одессѣ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ, потомъ былъ Петербургскимъ вице-губернаторомъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ и, наконецъ, попечителемъ Новороссійскаго учебнаго округа. Онъ печатался въ разныхъ журналахъ 20-хъ и 30-хъ гг. и, между прочимъ, составилъ „Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ“, С.-Пб. 1822. О немъ есть книжка *Н. Греча*: „Воспоминаніе о Д. М. Княжевичѣ“, С.-Пб. 1860. Братъ его, Владиславъ, стихотвореніе котораго также появилось въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1825 годъ, писалъ рѣже и меньше. Третій братъ, Александръ, былъ въ 1858—1862 гг. министромъ финансовъ.

Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ, — авторъ „Сатиры на игроковъ“, вызвавшей въ 1828 г. ироническое посланіе Пушкина. О немъ см. примѣчаніе къ этому посланію.

XLVII.

Б У Р Я.

(Стр. 184).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть I, № 2, стр. 91 (цензурное разрѣшеніе 7 декабря 1826) и затѣмъ вошло въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 69—70, съ исправленіемъ 7-го стиха.

XLVIII.

ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...

(Стр. 185).

Рукопись принадлежитъ И. А. Шляпкину. — Напечатаны были въ изданіи Анненкова (томъ I, 1855, стр. 346)

только первые 4 стиха; остальные даны Шляпкинымъ въ книгѣ: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, С.-Пб. 1903, стр. 3, причѣмъ указаны и помѣты: „1825“. „Триг. 23“ и „Триг. 22“.

Стихотвореніе написано безъ всякихъ помарокъ на оторванной, повидимому, отъ какого-нибудь письма четверткѣ грубой линейной бумаги.

П. А. Ефремовъ, въ изданіи 1882 г. (томъ II, стр. 398), высказалъ предположеніе, что это стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ одесской знакомой Пушкина, Амаліи Ризничъ. И. А. Шляпкинъ, напротивъ, въ виду даты: „1825“, неизвѣстной Ефремову, отнесъ стихи къ А. П. Кернъ. Разбирая оба эти мнѣнія, П. Е. Щеголевъ, въ своей книгѣ: „Пушкинъ, очерки“, С.-Пб. 1912, стр. 196—225, пришелъ къ заключенію, что оба они не имѣютъ достаточнаго основанія. Убѣдительно доказывалъ, что стихи не могутъ относиться ни къ Ризничъ, ни къ Кернъ, г. Щеголевъ, однако, отказывается приурочить ихъ къ какой-либо опредѣленной особѣ, — такъ какъ при современномъ состояніи нашихъ данныхъ о Пушкинѣ мы не можемъ дать на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта.

XLIX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(Стр. 189—193).

Рукописи этой сцены не сохранилось. Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, часть IX, № 9, стр. 3—8, подъ заглавіемъ: „Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ“ и съ подписью: *А. Пушкинъ*. Затѣмъ перепечатано въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 60—67, подъ заглавіемъ: „Сцена изъ Фауста“. Кромѣ заглавія, текстъ

журнала отличается еще только мелкими особенностями правописанія, да начертаніемъ имени бѣса: Пушкинъ писалъ: „Мефистофѣль“, а въ журналѣ — „Мефистофѣль“. Какъ въ журналѣ, такъ и въ изданіи 1829 г. подъ пьесой выставленъ 1825 годъ, въ концѣ котораго, какъ надо думать, она и была написана. Тѣмъ не менѣе, въ изданіяхъ Анненкова, Геннади (1859 и 1870), Литературнаго Фонда (1887) и „Просвѣщенія“ (1903) пьеса отнесена была къ 1826 г. П. А. Ефремовъ въ изданіяхъ 1880 или 1882 гг. напечаталъ ее подъ 1825 г., замѣтивъ, что „не могъ же Пушкинъ въ началѣ 1829 г. уже забыть, въ 1825 или 1826 г. писалъ онъ эту сцену, особенно если припомнимъ его необыкновенную точность и аккуратность въ размѣщеніи своихъ произведеній по годамъ“. Однако, въ суворинскомъ изданіи 1903 г. Ефремовъ опять перенесъ сцену въ 1826 годъ. Въ изданіи С. А. Венгерова (1910) она помѣщена подъ 1826 г., хотя въ примѣчаніи (т. IV, стр. XV) Н. О. Лернеръ убѣдительно доказываетъ, что временемъ ея созданія слѣдуетъ признать 1825 годъ.

Эта спутанность хронологическаго приуроченія сцены была, повидимому, вызвана неопредѣленнымъ сообщеніемъ Анненкова („Матеріалы“, изданіе 2-е, стр. 177) о томъ, что Д. В. Веневитиновъ, умершій въ мартѣ 1827 г., „за нѣсколько времени (?) до смерти своей написалъ Пушкину посланіе, въ которомъ призывалъ пѣвца Байрона и Шенье воспѣть великаго германскаго старца Гете. Пушкинъ въ превосходной сценѣ, созданной *въ это же время (?)*, измѣнилъ, отчасти, образы германскаго поэта, но съ замѣчательной силой, энергіей поэзіи. *Есть предположеніе, что Гете зналъ объ этой сценѣ.* Разсказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ чрезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слы-

шали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: „Подарокъ Гете“.

Изъ этихъ словъ и дѣлали выводъ, что сцена Пушкина явилась какъ бы отвѣтомъ на посланіе Веневитинова. Нашлось также четверостишіе Гете, относимое къ 1826 г. и до сихъ поръ остающееся неразъясненнымъ, въ которомъ видѣли какъ бы подтвержденіе разсказа Анненкова:

Goethe's Feder an***.

Was ich mich auch sonst erkühnt,
 Jeder würde froh mich lieben,
 Hätt'ich treu und frei geschrieben
 All'das Lob, das Du verdienst.

(См. статью *Otto Harnack*: „Goethe's Beziehungen zu russischen Schriftstellern“ въ *Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur*, herausg. v. M. Koch und L. Geiger, Neue Folge, Band III, S. 269—274, и *Историческій Вѣстникъ* 1891, іюль, стр. 217—218).

Все это возбуждаетъ, однако, цѣлый рядъ сомнѣній. Во-первыхъ, намъ неизвѣстна точная дата посланія Веневитинова, которое могло быть (и, судя его содержанію, вѣроятно, было) написано еще ранѣе личнаго знакомства молодого поэта съ Пушкинымъ, состоявшагося въ сентябрѣ 1826 г.; во-вторыхъ, изъ этого посланія видно, что Веневитиновъ предлагаетъ Пушкину „воспѣть“ Гете:

Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
 Прибавь веселья хваленья, —
 Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ,
 .....
 И вѣрь, онъ съ радостью живою
 Въ пріютѣ старости унылой
 Еще услышитъ голосъ твой,
 И, можетъ быть, тобой плѣненный,

Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,
Отвѣтно лебедь запоетъ . . .

Очевидно, рѣчь идетъ или о стихотвореніи въ похвалу Гете, или о посланіи къ нему. „Сцена изъ Фауста“ совершенно не отвѣчаетъ этому ожиданію, почему ее никакъ нельзя считать отвѣтомъ на вызовъ Веневитинова. Источникомъ разсказа о подаркѣ Гете является, кажется, сообщеніе П. В. Нащокина; можетъ быть, германскій поэтъ и въ самомъ дѣлѣ прислалъ Пушкину свое перо; но почему же въ этой посылкѣ надо видѣть доказательство, что Гете зналъ о сценѣ Пушкина, появившейся въ печати только въ 1828 году? Что касается четверостишія Гете, относимаго издателями къ 1826 г., то, — какъ это уже и замѣчено А. Г. Горнфельдомъ (въ Соч. Пушкина, подъ ред. Венгерова, томъ II, стр. 411), оно къ Пушкину совершенно не подходитъ. „Трудно думать“, говоритъ г. Горнфельдъ, „чтобы Гете, при удивительной конкретности его творчества, гдѣ каждое слово было отпечаткомъ дѣйствительнаго переживанія, . . . обратился съ этими опредѣленными восхваленіями къ поэту, произведеній котораго онъ не читалъ. „Что бы ни позволяло я себѣ въ прошломъ, — всякій съ радостью полюбилъ бы меня, если бы я вѣрно и свободно написало всю хвалу, которой ты достоинъ“, — говоритъ „перо“ неизвѣстному объекту посланія. Это, очевидно, — „перо“ метафорическое, и ничто въ маленькомъ посланіи не говоритъ, что имъ сопровождалось перо реальное. Въ напряженной сдержанности четверостишія чувствуется содержательность; чувствуется, что Гете знаетъ, какъ и за что хвалить своего адресата (передъ которымъ, прибавимъ отъ себя, онъ сознаетъ себя какъ будто немножко виноватымъ: „что бы ни позволяло я себѣ въ прошломъ“); что же онъ могъ, по существу, сказать о Пушкинѣ?“

Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ достаточнаго основанія для того, чтобы не повѣрить самому Пушкину, дважды помѣтившему свою сцену 1825-мъ годомъ. Можетъ быть, въ 1826 г. она подверглась нѣкоторой окончательной обработкѣ, но созданіе ея, все-таки, согласно съ показаніемъ поэта, должно быть приурочено къ 1825 году.

Въ 1826 г. Пушкинъ привезъ эту сцену, вмѣстѣ съ *Борисомъ Годуновымъ* и другими своими произведеніями, въ Москву. Веневитиновъ рассказывалъ Погодину, 11 сентября, что у поэта, кромѣ *Бориса*, есть еще Самозванецъ, Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна (т. е. Нулинъ), *продолженіе Фауста*. . . („Пушкинъ и его современники“, выпускъ XIX—XX, стр. 73). Пушкинъ, однако, не торопился печатать сцену: только 10 мѣсяцевъ спустя, 27 іюля 1827 г., онъ послалъ ее на цензуру III Отдѣленія, а черезъ мѣсяць писалъ Погодину: „*Фаустъ* и другія стихи не вышли еще изъ-подъ Ц. (Царской) цензуры; коль скоро получу, перешлю къ вамъ“. Бенкендорфъ, 22 августа, увѣдомилъ Пушкина, что сцену позволено напечатать, за исключеніемъ стиховъ: *Да модная болѣзнь: она Недавно вамъ подарена*. О томъ же сообщалъ поэту и Плетневъ (27 августа), прибавляя: „Постарайся скорѣе доставить въ *Фауста* два стиха, коими бы замѣнить непропущенные. Тогда и *Фаустъ* пойдетъ къ Дельвигу“. Однако Пушкинъ стиховъ не доставилъ и отдалъ *Фауста* не Дельвигу, а Погодину, которому и написалъ 31 августа: „Побѣда, побѣда! *Фауста* царь пропустилъ кромѣ двухъ стиховъ. . . Скажите это отъ меня Господину (Снегиреву), который вопрошалъ насъ, *какъ мы смѣли* представить предъ очи его Высокородія такіе стихи. Покажите ему это письмо, и попросите его Высокородіе отъ моего имени, впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе. Плетневъ доставить вамъ сцену съ копіей отношенія Бенкендорфа.

Если Московская Цензура все таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, а я опять буду беспокоить Государя Императора всеподданѣйшей просьбою и жалобами на неуваженіе Высочайшей Его Воли“ (*Переписка*, томъ II, стр. 34, 37, 39—42). Погодинъ отослалъ сцену къ С. Т. Аксакову, цензуровавшему „Московскій Вѣстникъ“, при письмѣ: „Посылаю Вамъ, м. г. Сергѣй Тимоѣевичъ, Фауста, прочтеннаго самимъ Царемъ. Онъ не скрѣпленъ, но, я думаю, можно имѣть довѣренность оффиціальную къ письму Пушкина, не говоря уже о бумагѣ Бенкендорфа. Если станете подписывать, то прошу васъ надписать на чистовомъ оригиналѣ, а Царской мнѣ хочется сохранить“ (*Русскій Архивъ* 1903, книга I, стр. 445). Разрѣшеніе было подписано Аксаковымъ 9 мая 1828 г.

Два исключенные стиха были впервые напечатаны (неточно) П. А. Ефремовымъ въ *Библиографическія Записки* 1861, № 9; затѣмъ они появились въ статьѣ М. М. Попова, въ *Русской Старинѣ* 1874, № 8, стр. 701.

Съ содержаніемъ гетевского *Фауста* Пушкинъ могъ познакомиться еще въ Лицеѣ. Мысль о созданіи стихотворнаго разсказа на тему отношеній человѣка съ дьяволомъ появилась у него еще въ 1819 году: къ этому времени относится находящійся въ самой ранней юношеской тетради поэта (рукопись Румянцовскаго Музея № 2364) набросокъ: „Скажи, какія заклинанья“ (настоящаго изданія томъ II, стр. 66). Затѣмъ, въ пору кишиневской своей жизни, онъ задумывалъ какую-то „адскую“ поэму, обломкомъ которой остался набросокъ: „Въ Гееннѣ праздникъ“ (настоящаго изданія томъ III, стр. 53); наконецъ, въ Михайловскомъ набросаны еще три-четыре сцены, изображающія посѣщеніе ада Фаустомъ въ сопровожденіи дьявола (см. примѣчанія къ слѣдующему стихотворенію). Отказавшись отъ мысли объ обработкѣ этой темы въ первоначально задуманной формѣ, Пушкинъ остановился на

новомъ планѣ сцены Фауста съ Мефистофелемъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ— не „чертовщина“, а раскрытіе душевной жизни Фауста и гдѣ Мефистофель является такимъ же alter ego героя, надѣленного „двойною душою“, какъ и въ трагедіи Гете. Въ этой сценѣ, до извѣстной степени, несомнѣнно отразилось и собственное настроеніе Пушкина въ пору ея созданія: тоска деревенскаго одиночества, воспоминанія ранней юности, веселыхъ вакханалій и чистой любви. . . Нѣкоторые стихи сцены даже воспроизводятъ или отдѣльныя выраженія, или мысли, высказанныя въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта. Въ концѣ мая 1825 г. Пушкинъ писалъ Рылѣву: „Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. *Скучна есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа*“ (*Переписка*, томъ I, стр. 220); а въ *Фаустѣ* онъ, устами Мефистофеля, говоритъ: „Вся тварь разумная скучаетъ“ и далѣе развиваетъ эту мысль. Стихъ 21-й: „Какъ надъ *Виргилиемъ* дремалъ“ почти дословно повторенъ въ VIII главѣ *Онгина*. Стихи 23—26 приводятъ на память уже знакомыя намъ по кишиневскимъ тетрадямъ поэта „оргіи жизни шумной“, „красы Лайсъ, завѣтные пиры...“ Слова о славѣ (стихи 44—46) выражаютъ ту же мысль, какая высказана въ *Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ* (настоящаго изданія томъ III, стр. 225, стихи 73—75). Наконецъ, стихи изъ этой послѣдней пьесы, отброшенные при ея напечатаніи въ изданіяхъ 1825 и 1835 гг.:

Тамъ, тамъ, — гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи

повторены, съ небольшимъ измѣненіемъ, въ *Сценѣ изъ Фауста*. Все это показываетъ, до какой степени самъ поэтъ переживалъ настроенія созданнаго имъ Фауста, который имѣетъ такъ мало общаго съ созданіемъ Гете. Это же свидѣтельствуетъ и о томъ, что сцена была создана

совершенно независимо отъ обращенія къ Пушкину Веневитинова.

„Пушкинскій Фаустъ“, говоритъ *В. Я. Стоюнинъ* („Пушкинъ“, С.-Пб. 1881, стр. 311—314), — „сродни Евгению Онѣгину, который, въ свою очередь, сродни самому Пушкину. Это — русскій Фаустъ, т. е. современный Пушкину русскій образованный человѣкъ, развитый чтеніемъ и не нашедшій себѣ въ общественной жизни дѣятельности по душѣ; какъ существо мыслящее, онъ осудилъ всѣ свои прежнія сердечныя увлеченія, свою пустую свѣтскую жизнь, для которой и былъ воспитанъ. Но напрасно онъ искалъ себѣ дѣятельности внѣ канцелярскаго міра, внѣ полковаго ученія и парадовъ, внѣ той механической службы, которую предлагала жизнь; онъ оставался только при напряженномъ состояніи ума размышляющаго, анализирующаго, резонерствующаго; но эти безцѣльныя упражненія ума не могли удовлетворять природной потребности человѣческаго духа — жить всѣми силами; а тутъ оказывалось силъ много, примѣнять же ихъ было не къ чему, и чѣмъ больше пріобрѣталось познаній, тѣмъ больше являлось пищи для размышленій и тѣмъ яснѣе видѣлись жизненныя противорѣчія, при которыхъ невозможно было ихъ примѣненіе. При такихъ условіяхъ могла быть только одна дѣятельность — борьба; но для этого нужно было, во-первыхъ, проникнуться какимъ-либо высокимъ идеаломъ, во имя котораго начать борьбу, и, во-вторыхъ, сознать въ самомъ себѣ силы или характеръ, котораго не могло развить и образовать свѣтское воспитаніе. Оставалось только размышлять и скучать въ бездѣятельности, потому что въ безцѣльномъ размышленіи нѣтъ дѣятельности. Вотъ какого рода скука была знакома многимъ русскимъ людямъ изъ свѣтскаго общества, у которыхъ умъ былъ возбужденъ односторонне и которые рано извѣдали жизнь въ разныхъ юношескихъ увлече-

ніяхъ, ослабивъ ими энергію своей души... Если ихъ можно сблизить съ настоящимъ Фаустомъ, то развѣ противоположностями. Тотъ искалъ познаній, чтобы удовлетворить жаждѣ своего ума; эти, утомляясь одними размышленіями ума, искали жизни для сердца, которое не удовлетворялось тѣмъ, что давала жизнь. Пушкинскій Фаустъ нашель, что „въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ“, и „проклялъ знаній ложный свѣтъ“. Отсюда ясно, что роль Мефистофеля при этомъ Фаустѣ должна быть иная. Онъ вызванъ развлекать и увеселять резонирующаго и скучающаго человѣка послѣ того, какъ тотъ извлекъ изъ темной пучины науки однѣ „великодушныя мечты“, не примѣнимыя къ дѣйствительной жизни... Мефистофель сознаетъ свое безсиліе сражаться съ человѣческой скукой и какъ бы идти противъ человѣческой природы, ... глумится надъ этимъ разладомъ между умомъ и сердцемъ, надъ идеальными стремленіями и ихъ отрицаніемъ. Но въ сущности „бѣсовскаго“ въ немъ нѣтъ ничего... Онъ — не „духъ отрицанья и сомнѣнья“. Въ немъ отразилось само свѣтское общество, которое способно было глумиться надъ всѣмъ — не въ явѣ, такъ въ тайнѣ — и, за неимѣніемъ дѣятельности, которая бы заняла силы человѣка и удовлетворила бы его, брало на себя доставлять развлеченія, какія взбредутъ на умъ...

„Та же самая скука преслѣдуетъ и Онѣгина, скитающагося по Россіи и напрасно ищущаго развлеченія. Смѣняющіяся впечатлѣнія наводятъ на разныя думы, въ которыхъ видится мыслящее существо, но не наполняютъ его души, не занимаютъ всѣхъ его силъ. Отсюда у него являются желанія, самыя невозможныя для человѣка съ здоровою душою:

Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?

Зачѣмъ не хилый я старикъ,

Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
 Чего мнѣ ждать? *Тоска, тоска!*

„Конечно, подъ этотъ типъ мы не можемъ вполнѣ подвести нашего поэта, который находилъ себѣ исходъ въ своемъ творчествѣ и ясно сознавалъ задачу своей жизни; но, тѣмъ не менѣе, онъ переживалъ такое чувство, въ виду тѣхъ противодѣйствій жизни, которыя мѣшали ему исполнять эту задачу...“.

Этотъ взглядъ Стоюнина въ существѣ раздѣляется и другими новѣйшими комментаторами настоящей пьесы: В. А. Розовымъ („Пушкинъ и Гете“, Кіевъ. 1908, стр. 118 и сл.), Ѡ. Некрасовымъ (статья: „Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ“ въ *Пушкинскомъ Сборникѣ* Московскаго Университета подъ редакціей А. И. Кирпичникова, М. 1900) и А. Г. Горнфельдомъ (Сочиненія Пушкина, подъ редакціей С. А. Венгерова, томъ II, стр. 408—416). Последне-названный критикъ прибавляетъ, что „какъ картинка мимолетнаго настроенія, *Сцена изъ Фауста* не такъ ужъ рѣзко противорѣчитъ и образу гетевскаго героя. Да, Фаустъ Гете глубже, сознательнѣе, пытливѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ Фаустъ Пушкина, — но онъ человѣкъ, у него могутъ быть минуты тоскливаго разочарованія, когда онъ готовъ успокоить свое раздраженіе даже безцѣльной жестокостью. Если не преувеличивать различія, если не требовать, чтобы маленькій эпизодъ, созданный Пушкинымъ, изображалъ всего Фауста Гете, если видѣть въ Фаустѣ Пушкина законное дополненіе къ Фаусту Гете, законный вариантъ въ предѣлахъ образа, даннаго нѣмец-

кимъ поэтомъ, то никакого глубокаго противорѣчія не окажется. „Сцена изъ Фауста“ Пушкина, съ ея отчетливыми характеристиками, съ ея живымъ и сильнымъ языкомъ, съ ея увлекательнымъ, легкимъ стихомъ, достойна занять мѣсто въ великой трагедіи, подтверждая тѣмъ какъ всечеловѣческую чуткость Пушкина, такъ и сверхнаціональную всенародность творенія Гете“.

Не зная нѣмецкаго языка и вообще не интересуясь нѣмецкой литературой, Пушкинъ, однако же, дѣлалъ исключеніе для Гете, съ которымъ знакомился, конечно, по французскимъ переводамъ. Въ извѣстномъ письмѣ, которое послужило ближайшимъ поводомъ къ высылкѣ поэта изъ Одессы „въ далекій сѣверный уѣздъ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 103), Пушкинъ писалъ, что онъ предпочитаетъ Библию — Гете и Шекспира. Въ одной замѣткѣ, находящейся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 45, и написанной, повидимому, около того же времени, когда создавалась „Сцена изъ Фауста“, поэтъ говоритъ, что въ трагедіи Гете „есть высшая смѣлость, смѣлость изображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслию“, и въ этомъ отношеніи ставитъ Гете наряду съ Данте, Шекспиромъ и Мильтономъ. Въ той же рукописи, въ замѣткѣ о Байронѣ (л. 40 об.), Пушкинъ называетъ *Фауста* величайшимъ созданіемъ поэтическаго духа, которое „служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи точно какъ *Иліада* служитъ памятникомъ классической древности“ (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 348, 350). Въ позднѣйшей замѣткѣ (рукопись Румянцовскаго Музея № 2382, л. 24) Пушкинъ говоритъ: „Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ-Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи, и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ“. Наконецъ, въ неоконченной замѣткѣ о сочине-

нiяхъ Катенина (1833), Пушкинъ замѣтилъ, между прочимъ, что Байронъ въ Манфредѣ „ослабилъ духъ и формы своего образца“ (т. е. Фауста).

Извѣстно также, что Пушкинъ поощрялъ молодого поэта Э. И. Губера заняться переводомъ *Фауста* и очень интересовался его работою (см. объясненiя Губера въ *Литературныхъ Прибавленiяхъ къ Русскому Инвалиду* 1837, № 34, и „Критико-биографическiй Словарь“ С. А. Венерова, томъ II, стр. 384).

Современная Пушкину критика почти не коснулась *Сцены изъ Фауста*, и самъ Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминалъ. Только Полевой замѣтилъ, что этотъ отрывокъ „Гете могъ бы вмѣстить въ свое безсмертное созданiе, и его не отличили бы въ ряду картинъ, составляющихъ эту чудную эпопею пѣвца Германскаго“ (*Московскiй Телеграфъ* 1833, часть 49, № 1, стр. 145), да *Вѣлиискiй*, въ статьѣ о стихотворенiяхъ Бенедиктова въ *Телескопъ* 1835 г., упомянулъ о „дивной“ Сценѣ изъ Фауста, въ которой, по его мнѣнiю, была выражена почти та же идея, что и въ *Демонъ* Пушкина, — идея сомнѣнiя, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа (Сочиненiя, подъ редакцiей Венгерова, томъ II, С.-Пб., 1900, стр. 285). Позднѣе, уже послѣ смерти Пушкина, въ статьѣ о стихотворенiяхъ Лермонтова въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1841 г., Вѣлиискiй сослался на *Сцену изъ Фауста* въ связи съ характеристикой современности: „Нашъ вѣкъ“, писалъ критикъ, „есть вѣкъ сознанiя, философствующаго духа, размышленiя, „рефлексiи“. *Вопросъ* — вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ, — вмѣсто того, чтобы роскошно упиваться его полною, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ, и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанiя, съ тяжелою

тоскою, со всёмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, — и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ“. Приведа затѣмъ стихи 68—95, Бѣлинскій продолжаетъ: „Ужасно!.. Но это — не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое въ своей молодости такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнію. . . Люди нашего времени такъ же, или еще больше, полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это — только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго“ и т. д. (Сочиненія Бѣлинскаго, ред. Венгерова, томъ VI, стр. 37—38).

Въ томъ же году, въ большой статьѣ о раздѣленіи поэзіи на роды и виды (*Тамъ же*, стр. 110—111), Бѣлинскій говоритъ, что Пушкинъ „создалъ особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману. По формѣ и объему это не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію это — трагедія въ полномъ смыслѣ этого слова. По оригинальности и самобытности онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли, ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами. . .“.

Впослѣдствіи, въ извѣстномъ рядѣ статей о Пушкинѣ (Сочиненія, часть VIII, изданіе 2-е, М. 1865, стр. 678), Бѣлинскій уже значительно понизилъ свое прежнее мнѣніе о *Сценѣ изъ Фауста* и высказалъ, что Мефистофель Пушкина — „все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ онъ въ молодости подъ громкимъ именемъ *Демона*“.

Эго просто-на-просто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина — не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ. . . . Не смотря на то, піеса эта написана ловко и бойко и потому читается легко и съ удовольствіемъ“.

Съ другой стороны, *Гоголь* пришелъ отъ этой сцены въ такой восторгъ, что, по словамъ П. В. Анненкова („Литературныя воспоминанія“, С.-Пб. 1909, стр. 40), однажды, къ великому соблазну А. А. Иванова, заявилъ, что сцена эта „выше всего Фауста Гете, вмѣстѣ взятаго“. Въ своей *Перетискъ съ друзьями* (въ статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, Сочиненія, изданіе 10-ое, томъ IV, М. 1889, стр. 185), говоря объ отзывчивости Пушкина, Гоголь, между прочимъ, замѣтилъ, что „Гетевъ *Фаустъ* навелъ его вдругъ на идею сжать въ двухъ-трехъ страничкахъ главную мысль германскаго поэта — и дивисься, какъ она мѣтко понята и какъ сосредоточена въ одно крѣпкое ядро, не смотря на всю ея неопредѣленную разбросанность у Гете“. По этому поводу *В. А. Розовъ* („Пушкинъ и Гете“, стр. 293 и слл.) говоритъ, что „отъ нашего поэта нельзя требовать, чтобы онъ сжалъ въ одну сцену все содержаніе *Фауста*. . . . Если бы предъявили подобную претензію къ самому Гете, — и тотъ не былъ бы въ состояніи удовлетворить ее. Отдѣльная сцена есть естественное продолженіе и развитіе предшествовавшихъ сценъ. . . . Фаустъ Пушкина пережилъ не менѣе гетевскаго Фауста первой части поэмы. . . . И Мефистофель понятъ и обрисованъ Пушкинымъ вполне правильно. . . . Какъ и Гете, Пушкинъ особенно подробно останавливается на эпизодѣ съ Гретхенъ. . . . Эпоха бездѣтельности и тоски, напол-

ненная ужасными воспоминаніями, любовью къ памяти Гретхенъ и угрызеніями совѣсти, была естественна и неизбѣжна. Это одинаково понимали оба гениальные поэта. Но Гете скользнулъ надъ нею, изобразивъ ее символически, а Пушкинъ далъ подробный и точный анализъ ея... Пушкинъ первую роль отвелъ не времени съ его всеисцѣляющимъ забвеніемъ, а собственной душевной дѣятельности Фауста. Онъ постарался разобратъся въ хаосъ его чувствъ и нашелъ между ними одно — высокое, идеальное, безкорыстное... Фаустъ нашелъ въ прошедшемъ и чистоту, и возвышенность отношеній, и безмятежное счастье, которое онъ будто бы переживалъ тогда. Безпощадно обнаруживая истину, адскій духъ разрушаетъ сладкую Фаусту иллюзію, но самаго чувства онъ не въ силахъ разрушить...“.

L.

ВОТЪ КОЦИТЬ, ВОТЪ АХЕРОНЪ...

(Стр. 194).

Черновой набросокъ — въ собраніи пушкинскихъ рукописей Л. Н. Майкова въ Императорской Академіи Наукъ. Печатается здѣсь впервые (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 6, № 22).

Рукопись — на листѣ грубой сѣрой бумаги, съ жандармскою помѣтою: „8“, начинается наброскомъ первыхъ шести стиховъ перевода изъ Шенье: „Покровъ, упитанный...“. Затѣмъ слѣдуетъ настоящее стихотвореніе, въ которомъ послѣ 2-го стиха зачеркнуты слова: „Этотъ мостикъ“, а послѣ 3-го — „Перейдемъ черезъ мостъ“. Далѣе, послѣ стиха 6-го слѣдовало:

(Гдѣжъ намъ знать кому)

(Это) (Кто такъ важно выступаетъ)

Стихъ 9-й первоначально читался:

Это кто — капралъ

Набросокъ является, повидимому, однимъ изъ обломковъ стихотворнаго разсказа о посѣщеніи ада докторомъ Фаустомъ, въ сопровожденіи дьявола. Другіе обломки этого разсказа мы видимъ въ слѣдующихъ черновыхъ отрывкахъ, которые находятся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 54 об. и 55 и прежними издателями относились къ 1821 г., чему противорѣчитъ ихъ положеніе въ указанной рукописи (см. настоящаго изданія томъ III, примѣчанія, стр. 87). Мы даемъ полную транскрипцію этихъ отрывковъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ рукописи.

(л. 54 об.) Что козырь? — черви — ^{мнѣ} (вамъ) ходить
 Я бую — нельзя ли погодить
 Беру — ^{(совсѣмъ) кругомъ} (опять) насъ обыграла —
 Ей смерть ты право сплutowала
 (Ужъ) (Полно) (нѣтъ ли тутъ)
 Молчи * ты глупъ и (полно) молоденецъ —
 (Да) Ужъ не тебѣ меня ловить
 Вѣдь
 (Да) мы (не въ деньги) играемъ не для денегъ
 (Лишь) (Чтобъ)
 А (чтобы) только * бѣ вѣчность прово^{дить}(ждать)

(Кто тамъ еще)
 здорово Господа
 Кто тамъ? (Кто пришелъ сюда?)

---

* Зачеркнуто и восстановлено.

За чѣмъ пожаловалъ сюда —

Привѣтъ
(Веду) (Вед) я гостя — ахъ, создатель!..

Вотъ докторъ Ф. нашъ приятель —
Живой? — онъ живъ да нашъ давно —

Сегодня ль завтра (ми) все равно **
(сдѣлай одолженъе)

(Простишь ли мнѣ его явленъе) —

(Да, да конечно все равно)

(Обычай)

(Однако) (требовалъ обычай) (однако)

(Соизволенъя моего)

Объ этомъ думаютъ двояко —**

Обычай * требовалъ * (конечно) однако

Соизволенъя моего —

(мнѣмъ двояко) (двояко)

Но впрочемъ — это — ничего —

Вы знаете   всегда ли
(Я рада и)   другу

Я рада
(Готова) оказать услугу —

— Грѣхъ,

Я дамой крою (я бью) (недаромъ)

(Я) бью тузомъ —

Позвольте, козырь — ну пойдѣмъ —

Такъ

Вотъ (наше) дѣтей земныхъ изгнапье

Какой порядокъ и молчанье

Какой огромный сводовъ рядъ —

Но

Гдѣ (жъ) же (наши) грѣшниковъ варять —

* Зачеркнуто и восстановлено.

** Подчеркнуто Пушкинымъ.

(Здѣсь пусто)
 (Все) тихо* — тамъ гораздо далѣ
 (Въ) Гдѣ мы теперь — (Мы) въ парадной залѣ
 Сегодня балъ у Сатаны
 На именины мы
 (Мы всѣ)   званы
    эти два бѣсенка
 Смотри какъ (суетятся бѣсы)
 (Метутъ) (торопятъ поваренка)
 На кухню тащатъ
 (Усердно жарятъ) поросенка
 (Л. 55) (Съ какою важностію дружной)
 (Смотри какъ важно старый бѣсъ)
    какъ важенъ онъ
 А этотъ бѣсъ — (усердно онъ)
 Какъ чинно (какъ важно)
 (Мятегъ) (Изъ ада метлой) выметаетъ вонъ —
 Опилки, сѣру, пыль и кости —
 Скажи мнѣ скоро ль будутъ гости

Такимъ образомъ, Фаустъ вмѣстѣ съ чортомъ является въ адъ. Тамъ въ это время идетъ игра въ карты: Смерть играетъ съ Грѣхомъ (?) и еще съ кѣмъ-то. Чортъ рекомендуетъ Фауста (Анненковъ, въ книгѣ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 177, высказалъ предположеніе, что подъ буквою Ф., можетъ быть, разумѣется Фрикенъ, извѣстный Кишиневскій врачъ того времени; но при нашей датировкѣ отрывка это предположеніе, конечно, отпадаетъ). Смерть немножко недовольна тѣмъ, что чортъ привелъ живого пріятеля безъ ея разрѣшенія; но чортъ возражаетъ, что „объ этомъ думаютъ двояко“, — и она успокоивается и продолжаетъ прерванную игру. Фаустъ осматривается кругомъ и спрашиваетъ путевода-теля, гдѣ варятъ грѣшниковъ. Чортъ объясняетъ, что они находятся сейчасъ въ парадной залѣ, и указываетъ

на приготовленія къ балу по случаю именинъ Сатаны. Затѣмъ онъ ведетъ Фауста дальше и на своемъ хвостѣ переноситъ черезъ горящій Флегетонъ туда, гдѣ находится адская поварня, о которой раньше освѣдомлялся докторъ. У входа въ поварню ихъ, повидимому, хотеть остановить часовой („Кто идетъ?“), но чортъ отвѣчаетъ словами, указывающими на высокій чинъ посѣтителя. Шутка не получила дальнѣйшаго развитія . . .

LI.

ШУМИТЬ КУСТАРНИКЪ . . .

(Стр. 195).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 50 впервые напечатано (неточно) *В. Е. Якушкинымъ* въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 351. Отнесено нами къ 1825 году предположительно, въ виду того, что въ рукописи этому наброску непосредственно предшествуетъ черновикъ *Клеопатры*; но, можетъ быть, написано и позже, такъ какъ по содержанію можетъ быть отнесено къ кавказскимъ впечатлѣніямъ (1829).

Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

- Стихъ 2-й: Олень *пулливый* (*пулливо*) выбѣгаетъ
 „ 3-й: Недвижимъ, онъ *окрестный* лѣсъ
 „ 9-й: *Глядитъ на бездны*, на берега
 „ 11-й: *Вдругъ* вздрогнулъ онъ — *далекій* звукъ
 „ 13-й: Съ вершины *прянулъ* (*безпокойно*)

Далѣе еще было написано и зачеркнуто:

Онъ (*поднялъ*) шею *вытянулъ* и *вдругъ*
 Онъ шею *при*

LII.

ТВОЕ СОСѢДСТВО НАМЪ ОПАСНО...

(Стр. 196).

Впервые (и неточно) напечатано *В. Е. Якушкинымъ* по рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 51, въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 25. Приводимъ точную транскрипцію этой страницы рукописи.

Верхняя половина страницы занята черновикомъ стихотворенія „Горящія письма“. Затѣмъ слѣдуетъ *зачеркнутая* строчка:

тонкій   *чистый*   *правиль*
Вкусъ (вѣрный) (тонкій) умъ и (мысли) чистоту

Сбоку, нѣсколько выше этой строчки, написано:

Сосѣдство ваше всѣмъ сердцамъ опасно —
Мигушка

Далѣе слѣдуетъ:

Смѣшливый (умъ, повѣса) бойкой
(прзб.) (плѣнень я) дѣвой бойкой
(Для) (Что я)
(И . . .) (плѣнень я бойкой)
(Мнѣ ваша милая бесѣда)
(Напоминаетъ)
(Напрасно вамъ 16 лѣтъ)

милы
Напрасно вы какъ роза (милы)
(Сосѣдство ваше намъ) мнѣ опасно
(Хоть мило можетъ быть оно)

Твое   *намъ*
Сосѣдство (ваше) (мнѣ) опасно
Хоть мило м. б. оно
Такъ утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено

Твой (любезная) *учтила*
 (Вашъ) домъ (и милая) бесѣда
 И шутки (вѣрь) съ злостью пополамъ
 Напоминають живо намъ
 Творца опаснаго сосѣда

Сбоку, противъ стиха: „Твое сосѣдство намъ опасно“,
 написано еще:

всегда
 У вашихъ ногъ твержу (всечасно)
 (И даже можно вѣрить намъ)
 (и вѣрьте намъ)
эсть
 (Повѣрьте вы моимъ словамъ)
 (Въ моихъ)

Далѣе, сбоку же, дважды написано:

Она не старая мигушка
кровожадная
 Не (неуклюжая) вострушка
 И не спѣсивая п. . . .

ЛIII.

Я БЫЛЪ СВИДѢТЕЛЕМЪ ЗЛАТОЙ ТВОЕЙ ВЕСНЫ...

(Стр. 197).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 55,
 напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884,
 томъ 43, стр. 29—30.

Первый стихъ первоначально читался:

Я былъ свидѣтелемъ *весеннихъ вашихъ мѣтъ*

Затѣмъ было написано и зачеркнуто:

(Вы приближаетесь къ порѣ)

Дальнѣйшіе первоначальные варианты:

Стихъ 2-й: Тогда *неуженз* умъ. . .

Тогда *красу и умъ самъ юность замѣняетъ*

„ 3-й: И *даже* красотѣ *тогда* замѣна *младость*

„ 4-й: Но *кончено* — для *васъ* настала *перемѣна*

„ 5-й: Ты приближаешься къ *мудреной той* порѣ

Стихъ 7-й вѣрнѣе читается:

И *рѣже* похвала твой слухъ обворожаетъ

Послѣ послѣдняго стиха написаны и зачеркнуты только отдѣльные слова и части словъ:

(Гдѣ) (Совѣты новые) (тво)

(Сов)

LIV.

ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДАЮТЪ. . .

(Стр. 198).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 56 об., напечатано *В. Е. Якушкинымъ* (неточно) въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 30.

Приводимъ полную транскрипцію.

(Цвѣточки)

Лишь роз(а) увяда(е)тъ (отцвѣтаютъ)

(Тогда ея душа)

Амвросіей дыша,

Въ Элизій (от)летаетъ

(Ихъ легкая) душа,

И тамъ, гдѣ волны сонны

несутъ

Забвеніе(мъ) текутъ)

(Вѣлчаютъ р. . .)

Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою
 (Въ Элизіи) цвѣтуть.

Внизу той же страницы находится французскій чер-
 новикъ:

Aux riv[es] d'Elysée
 (Leurs) Ses mânes (embaumés) parfumés
 (fleurissent)
 Vont r
 Charme(nt) du (vieux) doux Léthé les bords inanimés
 (Au sein de la coupe)
 Au doux sein de l'oubli
 (нрзб.) (нрзб.) s'éblouissait
 (Quand la) la rose a terminé sa vie
 Soudain —
 Quand (sur le front) au front du convive, au banquet
 Soudain se détachant de sa tige natale
 Comme un léger soupir sa douce (son âme)
 (dans les airs) (et) s'exhale
 (dans les airs) (se détache et voltige)
 (Soudain se détachant de la tige)

Трудно сказать, хотѣлъ ли Пушкинъ перевести на французскій языкъ уже готовое русское восьмистишіе, или сначала пытался выразить свою мысль французскими стихами, а потомъ оставилъ эту попытку и написалъ русскіе стихи... Поэтический образъ и здѣсь и тамъ одинъ и тотъ же, но русское стихотвореніе менѣе изысканно, чѣмъ французское, — проще и яснѣе.

LV.

ПРИПАДКАМИ БОЛѢЗНИ ЖЕНСКОЙ...

(Стр. 199).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 64 об., напечатано *П. О. Морозовымъ* въ *Юбилейномъ Сборникъ Литературнаго Фонда*, С.-Пб. 1909, стр. 378.

Эпиграмма, вся перечеркнутая, кромѣ послѣдняго стиха, который *подчеркнутъ*, написана на той же страницѣ, которая начинается черновыми стихами изъ IV главы *Оптыма*: „Нѣтъ, я не созданъ для блаженства“ и пр. Первые 4 стиха были сначала написаны такъ:

Припадками болѣзней женскихъ

(*Она припадк.*).

Слов. Руск. больна Лежитъ въ истерикахъ она

(Въ истерикѣ, языкъ мечтаній)

(Въ истерикѣ она) И бредитъ языкомъ мечтаній

LVI.

ЧТО СЪ ТОВОЙ, СКАЖИ МНѢ...

(Стр. 200).

Подлинникъ — въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 3, № 4). По копіи Анненкова напечатано *И. А. Шапкинѣмъ* въ книгѣ: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, С.-Пб. 1903, стр. 66.

Черновое стихотвореніе, небрежно написанное на четверткѣ сѣрой бумаги, первоначально начиналось словами:

Блѣдень онъ, какъ (мертв) убійца —

затѣмъ слѣдовала строчка, не поддающаяся прочтенію.

Стихъ 4-й написанъ такъ:

дѣвою

(Иль) (Вѣрно) Или (ты) съ молодой (дѣвицей)

Послѣ стиха 8-го слѣдовало:

(Или бѣс)

Въ стихѣ 10-мъ *Мучась* переправлено изъ *Мучимъ*; слово: *дѣвою* такъ прочитано Анненковымъ, но вызываетъ сомнѣніе.

LVII.

ИЗЪ РИМА ВЪХАЛЪ ОНЪ ДОМОЙ...

(Стр. 201).

Подлинникъ — въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 6, № 18) — набросокъ на четверткѣ синей бумаги, на оборотѣ черновика второй половины стихотворенія: „Я помню чудное мгновенье...“. Внизу написано:

Разсходились по поганскому граду
Разломали темную темницу

о о — | о о о — | о о о о
| о — о о | о — о

о о — | о о о — | о о о о
— | о — о о | о о о

Стихъ 3-й первоначально читался:

Но былъ уменъ, хорошъ собой

Въ настоящемъ изданіи печатается впервые.

LVIII.

КОРОЧЕ ДНИ, А НОЧИ ДОЛЪ...

(Стр. 202).

На одномъ листкѣ съ предыдущимъ. Печатается впервые. Приводимъ полную транскрипцію.

(Зима!) короче (стали) дни, а ночи долъ
(А вечера гораздо долъ)

зима

Настала (скучная) пора
(И солнце) И солнце будто по неволѣ
Глядитъ на убранный поле
(Намъ свѣтитъ скучный)
Что дѣлать намъ
Пока не подали намъ кушать?
Хотите ли (друзья) теперь послушать
(Мои почтенные друзья)

почтенные

Друзья (любимые) мои
(Старинну повѣсть про) (дни)
Разказъ про (Рыцаря) добраго Роберта
Что жилъ во время Дагоберта

Внизу написано:

И дабы впредь не смѣлъ чудесить,
Поймавши, истинно повѣсить
И живота весьма лишить.

Въ настоящемъ изданіи печатается впервые.

LIX.

О БОГИ МИРНЫЕ ПОЛЕЙ...

(Стр. 203).

Подлинникъ — въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 20, № 83) — на лоскуткѣ почтовой бумаги. Здѣсь печатается впервые и отнесено нами къ 1825 году предположительно.

Перебѣланный списокъ съ поправками. Первоначальные варианты читаются:

- Стихъ 1-й: О Боги мирные *тсовъ*, полей и горъ
 „ 7-й: Какъ тихой вѣтерокъ иль *пчелки залотыя*
 „ 8-й: Иль бѣглый поцелуй — *холмы, тса густые*

LX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ.

(Стр. 204—205).

Подлинникъ — въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ о его современники“, выпускъ IV, стр. 20, № 82) — черновикъ, писанный на листѣ грубой синей бумаги. Печатается здѣсь впервые. Отнесено нами къ 1825 году предположительно: можетъ быть, написано и раньше (ср. настоящаго изданія томъ III, примѣчанія, стр. 76—77).

Приводимъ первоначальные варианты, насколько ихъ удалось разобрать.

- Стихъ 2-й: *А здраствуй* душенька
 „ 5-й: А вѣрно Сашинкѣ — *она сестры не хуже*
Пора и ей — такъ точно — молодой

Стихъ 9-й—11-й: (*Недѣлю цѣлую*) Я думала, *вашъ жарь*
любовный

Въ дали отъ насъ уже погасъ.

И съ бельведера мы смотрѣли безпрестанно
(*И в*) (*И подъ окошко*)

(*Смотрѣли, скоро ль при*)

Стихъ 13-й: *Спѣшить бы мнѣ не кстати было*

„ 15-й: *А Софья Павловна?*

„ 16-й: (*Ал*) *Эльвировъ...*

„ 20-й: *Пожалуй, милая...*

Послѣ стиха 24-го зачеркнуто:

(Тихонько) (Какъ вы же ей)

(Не сказывай) (что) (за чѣмъ)

Стихъ 28-й: Да это *письмецо писалъ* не я

„ 29-й: Вотъ что! *А понимаю*

Послѣ стиха 30-го зачеркнуто:

(Да чтобы я — — а знаешь что въ)

Стихъ 32-й: Но все жъ дитя (*еще*) я не дуракъ

„ 34-й: Вотъ *барынь твоей* обновка

„ 37-й: Помилуйте да мнѣ — да я не *знаю*

Послѣ послѣдняго стиха зачеркнуто:

(Я такъ и зналъ)

и нѣсколько неразборчивыхъ словъ.

LXI.

ПѢСНИ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

(Стр. 206—208).

Въ рукописи неизвѣстны. Напечатаны *Я. К. Гротомъ* въ газетѣ *Русь* 1881, № 11, по копiи, писанной *Погодинымъ* и найденной въ бумагахъ *Плетнева* (нынѣ въ *Пушкинскомъ домѣ*).

Личность Стеньки Разина, какъ впоследствии личность Пугачева, останавливала на себѣ особенное вниманіе Пушкина. Поэтъ еще въ концѣ 1824 г. требоваль отъ своего брата „хотя бы сухого историческаго извѣстія“ объ этомъ человѣкѣ, называя его „единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи“ (*Переписка*, томъ I, стр. 141), записываль народныя пѣсни о немъ и, наконецъ, самъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ въ народномъ духѣ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ сказалось вліяніе извѣстныхъ романтическихъ понятій о разбойникахъ. *Л. Н. Майковъ* („Пушкинъ“, стр. 154) замѣчаетъ, что Разинымъ интересовался также и Н. Н. Раевскій, который тоже собираль о немъ свѣдѣнія и собирался даже написать исторію разинскаго бунта. „Такимъ образомъ, народныя волненія Поволжскаго степного края представляли для обоихъ друзей любопытную историческую задачу. Можно не сомнѣваться, что начало ихъ общаго интереса къ этому предмету восходитъ ко времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, когда въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные признаки сочувствія къ своевольному атаману гулящихъ шаекъ. Конечно, въ тѣхъ же раннихъ впечатлѣніяхъ коренится зародышъ позднѣйшей мысли Пушкина — заняться изученіемъ пугачевщины. . .“

Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ (*Русскій Архивъ* 1865, стр. 95) рассказываетъ, какъ Пушкинъ читаль эти пѣсни о Разинѣ послѣ чтенія *Бориса Годунова*. Лѣтомъ 1827 г. поэтъ рѣшилъ ихъ напечатать въ *Сверныхъ Цѣптахъ* на 1828 годъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими своими произведеніями отослаль къ Плетневу, для представленія, черезъ Бенкендорфа, на Высочайшую цензуру. По возвращеніи этихъ произведеній отъ государя Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина, что „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по

содержанію своему неприличны къ напечатанію. Сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева“ (*Переписка*, томъ II, стр. 39). Послѣ такого замѣчанія, очень похожаго на выговоръ, Пушкинъ, вѣроятно, уничтожилъ свою рукопись; по крайней мѣрѣ, она до сихъ поръ нигдѣ не отыскана.

Записанныя Пушкинымъ *народныя* пѣсни о Стенькѣ Разинѣ находятся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368. Онѣ были напечатаны Анненковымъ въ газетѣ *Порядокъ* 1881, № 11, и будутъ помѣщены, вмѣстѣ съ другими сдѣланными поэтомъ записями народныхъ пѣсень, въ приложеніи къ слѣдующему тому настоящаго изданія. См. *Русскую Старину* 1884, томъ 42, стр. 547, *Я. К. Грота*, „Пушкинъ“, стр. 135—142, и *М. Е. Соколова*, Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ, Саратовъ. 1902.

Къ 1825 году, по всей вѣроятности, относятся еще слѣдующіе черновые наброски и отрывки.

I.

Къ кастрату разъ пришелъ скрышачъ,
 Онъ былъ бѣднякъ а тотъ богачъ.
 Смотри сказалъ пѣвецъ безъ . . . . .
 Мои алмазы, изумруды —
 Я ихъ отъ скуки разобралъ
 А! къ стати, братъ — онъ продолжалъ,
 Когда тебѣ бываетъ скучно
 Ты что творишь ска^{затъ}(жи) прошу —
 Въ отвѣтъ бѣдняга равнодушно:
 Я? я . . . . себѣ чешу.

10/11 снт (окт?)

Мих.

Написано чисто, съ одной лишь поправкой, на клочкѣ почтовой бумаги. Находится въ Пушкинскомъ Музеѣ А. О. Онѣгина (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XII, стр. 12, № 22). Печатается здѣсь въ первый разъ.

II.

(*храбр*) (*смѣл*) *похвально*
 (Въ) (Похвально) быть въ сраженьи (смѣлымъ)
 Но (хорошо) кто не смѣлъ въ нашъ храбрый вѣкъ —
 (Не ли) (Герой)
 Все дерзко бьется (все) (рѣжется) лжетъ нахально
 Герой * будь преждѣ человекъ —
 Чувствительность (и нынче) бывала (и) въ модѣ
 И въ наше(мъ) сѣверно(мъ) природѣ —
 Когда горящая картечь
 Главу сорветъ у друга съ плечъ
 (Завидя) (вои) (рыдай) (плачь вои) (плачь добро) вольно
слезы
 Плачь, воинъ (Плачь, воинъ!) (плачь) украшенье
 Не стыдись (воинъ) (не стыдись) рыданій
 (Слезы)
Кесей
 И (Кесарь) слезы проливалъ
 (Такъ) (когда) (онъ) смертью (палъ) узналъ
 Такъ нынѣ (среди) (въ пыли) народной брани
 (А самъ былъ) И самъ былъ раненъ очень больно
 (и въ наши дни)
 (Не помню гдѣ, не помню какъ) **
 (Но толь) (Но впрочемъ) онъ былъ раненъ (не былъ онъ дуракъ)
печ
 (Но) безъ (боли) (впро) плакать трудно

* Зачеркнуто и восстановлено.

** Скобки Пушкина.

(О другѣ плакать мудрено)
 (Не раненымъ)
 О другѣ если напимѣрь
 Онъ (быль) досаждалъ намъ безразсудно
 Или былъ скучный суетѣрь —
 Но если мы теряемъ брата
 (Иль сына)

Но плакать и безъ раны можно
 О другѣ если былъ онъ милъ
 (Ласкаль) (шутилъ) Насъ не дразнилъ неосторожно
 (И намъ при случаѣ служилъ)
 И нашимъ прихотямъ служилъ
Лишь
 (Однако) надобно среди рыданій (печали)
жница
 Но если (битва) роковая
 (Глухая) Окровавленная, слѣпая
 Въ огнѣ, въ дыму (сына) въ глазахъ (поразить) отца
 (сразъ) (сразить)
 Сразить залетнаго птенца
 (Какъ отецъ тутъ устоитъ)
 (О страхъ) (О страшный)
 (Не такъ Природа зарыдаеть)
 (Сраженъ) (Отецъ)
 О стр — когда твой сынъ
 Упалъ — и ты одинъ
 (Оста)

Совершенно неотдѣланный набросокъ — въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 5—6, № 17), написанъ на листкѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1822 г. Девять стиховъ напечатано *И. А. Шляжкимъ*

по копии Анненкова, въ книгѣ: „Изъ неизданныхъ бумагъ
А. С. Пушкина“ (С.-Пб. 1903), стр. 69.

Въ рукописи, сбоку, еще приписано:

И предашь славы ты чужой
Успѣхъ обдуманый тобой
тѣнь
Какъ (мрачн) (мертв) какъ гроба хл
Ужасно! В...

III.

Но ты забудь меня мой другъ
Забудь меня, какъ забываютъ
(Поутру) Томительный, печальный сонъ —
изстѣаютъ
Когда (поутру) (отлетаютъ)
(И тѣнь)

Въ Майковскомъ же собраніи (*Тамъ же*, стр. 7, № 26),
на четверткѣ сѣрвовой бумаги, на оборотѣ отрывка:
„Только что на проталинахъ весеннихъ...“ Здѣсь печатается впервые.

IV.

Подъ какимъ созвѣздіемъ
Подъ какой планетою
Ты родился юноша,
(Подъ звѣздой)
(Звѣздочка ль Кипридина)
Золотая ль звѣздочка
Али Марса яркаго
(Аль звѣзда) Меркурія
Подъ звѣздой (златой)

Марса аль Меркурія
 Звѣздочка
 Аль Сатурна * дальнаго
 (Аль звѣздой Кипридиной)
 Марсовой, Кипридиной
 Иль звѣздою Марсовой
 (Нѣтъ) Уродился юноша
 Подъ звѣздой безвѣстною
 Подъ звѣздой падучею —
 Мигъ одинъ блеснувшюю
 Въ (те) синевѣ небесъ
 (Въ тьмѣ)

Въ томъ же собраніи (*Тамъ же*, стр. 20, № 80), на четверткѣ синей бумаги. Печатается впервые.

 V.

Заступники кнута и плети
 (Щастливый)
 (О благодѣтели мой)
 (*Семья и*) (*Жена моя и*)
 (за) Всѣ наши женщ и дѣти
 (Вамъ благодарны) навсегда
 (Благодаряте) васъ
 Не позабудемъ никогда
 (За) (О вашемъ свѣтломъ *нрѣб.*)
 (Вамъ заключенныя)
 Ударъ послѣдняго кнута

Крайне неразборчивый набросокъ внизу л. 63 рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, среди черновика *Андрея Шенѣ* (см. настоящаго изданія томъ III, врим.,

---

* Въ подлинникѣ: *Сутарна*.

стр. 240). Рядомъ съ приведенными стихами, въ видѣ второго столбца, написано еще:

За васъ молить я бога буду
 (О) И* никогда* не позабуду
     ^{ахъ}   ^(разправы)
 К(огда) (для) дѣлу позовуть
 Меня на. . . . . разправу
 За ваше* здравіе* и* славу
 (Влетить) (первый кнутъ)
 мой первый

Напечатано П. Е. Щеголевымъ въ *Русскомъ Слово* 1911, № 181; снимокъ данъ въ журналѣ „Искры“ 1911, № 30, стр. 236.

VI.

Въ той же рукописи л. 56 об., гдѣ написано стихотвореніе: „Лишь розы отцвѣтають“ и однородные съ нимъ французскіе стихи (см. выше, стр. 283), вверху страницы начато было другое стихотвореніе:

Скажи мнѣ, почь, зачѣмъ твой тихой мракъ
 Мнѣ радостнѣй

См. *Русскую Старину* 1884, томъ 43, стр. 30.

VII.

Не позднѣе (а по всей вѣроятности, гораздо ранѣе) 1825 года написано слѣдующее стихотвореніе, впервые напечатанное П. В. Анненковымъ въ VII томѣ его изданія Сочиненій Пушкина (1857), стр. 106, по рукописи, нынѣ неизвѣстной:

---

* Зачеркнуто и восстановлено.

О муза пламенной сатиры,
 Приди на мой призывный кличъ!
 Не нужно мнѣ гремящей лиры,
 Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
 5 Не подражателямъ холоднымъ,
 Не переводчикамъ голоднымъ
 И не поэтамъ милыхъ дамъ
 Готовлю язву эпиграммъ:
 Миръ вамъ, смиренные поэты!
 10 Миръ вамъ, несчастные глупцы!
 А вы, ребята - подлецы, —
 Впередъ! Всю вашу сволочь буду
 Я мучить казню стыда,
 А если же кого забуду, —
 15 Прошу напомнить, господа!
 О, сколько лицъ безстыдно - блѣдныхъ,
 О, сколько лбовъ широко - мѣдныхъ
 Готовы отъ меня принять
 Неизгладимую печать!

Анненковъ отнесъ это стихотвореніе къ 1830 г., подъ которымъ оно и перепечатывалось всѣми послѣдующими изданіями, съ исправленіемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очевидной ошибки въ стихѣ 14-мъ, ибо Пушкинъ не могъ написать безграмотнаго выраженія: „А если же“. Другой списокъ этого стихотворенія оказался въ тетради П. П. Каверина, съ помѣтою: „1 Августа 825. Калуга“ (конечно, — день внесенія стиховъ въ тетрадь) и съ слѣдующими отличіями отъ текста, напечатаннаго Анненковымъ:

Стихъ 7-й: *Не беззащитнымъ рюмачамъ*

„ 8-й: *Готовлю язвы эпиграммъ.*

Стихи 9-й и 10-й: *Миръ вамъ, несчастные поэты!*

Миръ вамъ, смиренные глупцы!

Стихъ 14-й: *Но если же кого забуду*

См. *Ю. Н. Щербачева*: „*Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ*“, М. 1913, стр. 119—120. Имѣя въ виду, что въ той же тетради переписаны стихотворенія Пушкина, относящіяся ко второму десятилѣтію XIX в., г. Щербачевъ высказываетъ предположеніе, что настоящая пьеса, „можетъ быть, написана гораздо ранѣе 1825 года, — въ 1817—1819 гг., въ эпоху постоянныхъ личныхъ сношеній между Пушкинымъ и Каверинымъ, и тогда же могла быть непосредственно передана послѣднему“. И дѣйствительно, по своему настроенію стихи Пушкина ближе подходятъ къ ранней порѣ его поэтической дѣятельности, когда наша либеральная молодежь любила, по примѣру Онѣгина (глава I-я, строфа VI), „потолковать объ Ювеналѣ“. Имя римскаго сатирика встрѣчается уже въ первомъ появившемся въ печати стихотвореніи Пушкина: „Къ другу — стихотворцу“, 1814 г.; въ томъ же году, въ посланіи къ Батюшкову („Философъ рѣзвый и пійтъ“), поэтъ совѣтовалъ ему вдохновиться Ювеналомъ, а въ слѣдующемъ году самъ написалъ, въ подражаніе III-й сатирѣ Ювенала, посланіе: „Лицинію“. Въ одномъ старинномъ рукописномъ сборникѣ сочиненій, „презрѣвшихъ печать“ стихотвореніе: „О муза пламенной сатиры“ слито въ одно цѣлое съ посланіемъ къ В. Л. Пушкину: „Христосъ воскресъ, питомецъ Феба“ („Желаніе“, см. настоящаго изданія томъ I-й, изд. 2-е, стр. 164 и прим., стр. 237—239, и сборникъ П. И. Бартенева: „А. С. Пушкинъ“, выпускъ I-й, М. 1881, стр. 88 и 118). Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ оно, по времени написанія, близко къ этому посланію.

1826.

I.

(И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ).

(Стр. 211).

Этими стихами начинается письмо Пушкина къ Великопольскому (*Переписка*, томъ I, стр. 354), оканчивающееся прозою: „Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душевно *Александра Пушкина*“.

Иванъ Ермолаевичъ *Великопольскій* (род. 27 декабря 1797, ум. 6 февраля 1868) учился въ Казанскомъ Университетѣ, затѣмъ служилъ въ Семеновскомъ полку и въ это время сблизился съ литературными кругами и сталъ печатать стихи въ разныхъ журналахъ. Въ 1820 г., послѣ известной „Семеновской исторіи“, былъ переведенъ въ армейскій полкъ, стоявшій во Псковѣ, гдѣ и оставался до выхода въ отставку въ 1827 г. — Пушкинъ познакомился съ нимъ, по всей вѣроятности, въ сентябрѣ 1825 г., когда пріѣзжалъ на нѣсколько дней во Псковъ; въ началѣ марта 1826 г., благодаря Великопольскаго за присланное письмо, Пушкинъ выражалъ надежду увидѣться съ нимъ если не во Псковѣ, то въ Михайловскомъ. Въ концѣ мая поэтъ опять былъ во Псковѣ и, вѣроятно, въ это время и выигралъ у Великопольскаго тѣ 500 р., которые затѣмъ проигралъ Назимову на почтовой станціи „Преображенское“, Тверской губерніи.

На письмо Пушкина съ наминаніемъ о неприятномъ карточномъ долгѣ Великопольскій отвѣчалъ 12 іюня *Посланіемъ къ А. С. Пушкину*, которое въ послѣдствіи напечаталъ подъ заглавіемъ: „Посланіе въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ“:

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
 Храни священный огонь души,
 Какъ можно менѣ мытарствуй,
 Какъ можно болѣ пиши,
 А за посланье — благодарствуй!
 Не правъ ли я, пріятель мой,
 Не говорилъ ли я заранѣ:
 Не одобровать тебѣ съ игрой,
 И есть дыра въ твоёмъ карманѣ!
 Поэтъ! Ты — честь родной странѣ,
 Но, смѣлый всадникъ на Пегасѣ,
 Ты такъ же пылокъ на сукнѣ,
 Какъ ты запосчивъ на Парнасѣ!
 Конечно (къ слову то нейдетъ),
 Съ тобою тамъ никто не равенъ:
 Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ,
 Передъ тобою все падеть,
 Тебя привѣтствуетъ и иѣжитъ, —
 Но, другъ, въ игрѣ не тотъ расчетъ:
 Иной пяти не перечтеть,
 А вмигъ писателя подрѣжетъ . . . *
 Въ стихахъ — ты только что не святъ,
 Но счастье — лживая монета,
 И когти длинные поэта
 Отъ бѣдъ игры не защитятъ!
 Надменно плавая по небу,
 Во многомъ ты подобенъ Фебу,

* Варіантъ: „А вмигъ и Пушкина подрѣжетъ“.

Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
 Ты не пошелъ его путемъ:
 Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта,
 И берегись, чтобъ и тебѣ,
 Подобно горестной судьбѣ
 Вождя блистательнаго свѣта
 (Слова не сбудутся, авось!)
 Подчасъ сойти бы не пришлось
 Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Въ томъ же году, 1 сентября, Великопольскій написалъ еще эпиграмму на Пушкина:

Аристъ — негодный человѣкъ *,
 Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой:
 Отцомъ покнунуть, брошенъ службой,
 Провелъ безъ совѣсти свой вѣкъ;
 Его исправить — трудъ напрасенъ,
 За то кричить о немъ весь свѣтъ:
 Вотъ онъ-то истинный поэтъ,
 И каждый стихъ его прекрасенъ!
 И точно: вѣрь или не вѣрь, —
 Не правда ли (сказать межъ нами)?
 На всю поэзію теперь
 Другими взглянемъ мы глазами!

Два года спустя, Пушкинъ нашелъ случай отплатить за эти выходки въ своемъ *Посланіи къ сочинителю сатиры на шроковъ* (см. въ стихотвореніяхъ 1828 г.).

О Великопольскомъ и его литературной дѣятельности см. *В. Л. Модзалевскаго*: „И. Е. Великопольскій“, въ сборникѣ: „Памяти Л. Н. Майкова“, С.-Пб. 1902, стр. 335—446 и отд.; *его-же* „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“ — *Русская Старина* 1901; „Пушкинъ и Великопольскій“ —

*) Вариантъ: „*Мытаринъ* — скверный человѣкъ“.

Русскій Архивъ 1884 и сборникъ: „Къ біографіи А. С. Пушкина“, вып. II, М. 1885, стр. 131—137; Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изданіе С. А. Венгерова, томъ VI, стр. 158—159 и 575—579; Первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова, подъ ред. М. Лемке, С.-Пб. 1911, томъ III, стр. 1049.

II.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

(Стр. 212).

Копія этой пьесы, сдѣланная рукою П. А. Осиповой, находится въ ея альбомѣ, нынѣ принадлежащемъ княгинѣ А. А. Хованской; съ подписью: „А. Пушкинъ“ и помѣтою: „1 іюля 1826. *Зуѣво*“.—Напечатано въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 92, по сообщенію А. Н. Вульфа, съ примѣчаніемъ, въ которомъ сказано, что это стихотвореніе „относится къ одной изъ молодыхъ обитательницъ Тригорскаго, прозванной *Зиной* и отличавшейся тѣмъ, что она ненавидѣла мадригальные стихи и весьма мало отвѣчала на любезности своихъ собесѣдниковъ. Подпись стихотворенія важна тѣмъ, что впервые является тутъ народное прозваніе Михайловскаго — *Зуѣво*, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ біографамъ Пушкина“.

„Зиной“ или „Зизи“ въ семействѣ Осиповыхъ называлась младшая дочь П. А. Осиповой отъ перваго брака съ Н. И. Вульфомъ, Евпраксія Николаевна, о которой см. выше, стр. 30. Ей посвящены также стихи въ XXXII строфѣ 5-й главы *Евгенія Онегина* (экземпляръ 4-й и 5-й главъ романа былъ подаренъ ей Пушкинымъ съ надписью: „Твоя отъ твоихъ“):

Зизи, кристаллъ души моей,
 Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
 Любви приманчивый фіалъ,
 Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

Впослѣдствіи, въ 1845 г., въ посланіи, къ ней обращенномъ, Языковъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Тригорскомъ и о веселыхъ пирушкахъ, которыя тамъ устраивались съ участіемъ Пушкина и Евпраксіи Николаевны, мастерски варившей жженку:

Какъ хорошо тогда мы жили!
 Какой огонь намъ въ душу лили
 Стаканы жженки ромовой!
 Ее вы сами сочиняли:
 Сладка была она, хмѣльна;
 Ее вы сами разливали, —
 И горячо пилась она!
 Стаканы быстро подымались
 Къ веселымъ юношей устамъ
 И звонко, звонко цѣловались,
 Сто разъ звеня привѣты вамъ.

См. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ I, стр. 120—122, и VI, стр. 43—44.

III.

(КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ).

(Стр. 213).

Этими стихами начинается письмо къ кн. Вяземскому отъ 14 августа 1826 г. (*Переписка*, томъ I, стр. 364), написанное въ отвѣтъ на письмо князя отъ 31 іюля, въ которомъ князь послалъ своему „барину на Парнасѣ — смиренный ревельскій оброкъ“ въ видѣ стихотворенія

„Море“ (*Тамъ же*, стр. 359—361). Поблагодаривъ за стихи, Пушкинъ спрашиваетъ: „Правда ли, что Николая Тургенева) привезли на корабль въ П. Б.?“ и прибавляетъ: „Вотъ каково море наше хваленое“.

Слухъ объ арестѣ и выдачѣ Н. И. Тургенева оказался ложнымъ. Въ 1837 г. А. И. Тургеневъ сообщилъ стихи Пушкина брату и своему родственнику И. С. Аржевитинову, указавъ при этомъ и поводъ къ ихъ написанію (*Русскій Архивъ* 1903, томъ I, стр. 144, и *Пушкинъ и его современники*, выпускъ VI, стр. 47).

IV.

ПРОРОКЪ.

(Стр. 214—215).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, ч. VII, № 3, стр. 269—270, и въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 73—74. Въ Посмертномъ (томъ III, стр. 219—220) помѣщено въ отдѣлѣ: „Подражанія восточнымъ стихотворцамъ“.

Нѣкоторые образы для этого стихотворенія даны видѣніемъ пророка Исаи (глава VI): „И видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ. . . и серафимы стояху окрестъ его, шесть криль единому и шесть криль другому. . . И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ рцѣ своей имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря. И прикоснулся устнамъ моимъ, и рече: се прикоснулся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметь беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого пошлю, и кто поидетъ къ людямъ симъ? И рекохъ: се азъ есмь, послѣ мя. И рече: иди и рцы людямъ симъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видяще узрите и не увидите“, и пр. Библии же принад-

лежить, по замѣчанію *В. С. Соловьева* (въ статьѣ: „Значеніе поэзіи Пушкина“, *Вѣстникъ Европы* 1899, декабрь, стр. 680), и „общій тонъ стихотворенія, невозмутимо величавый... И самый грамматическій складъ еврейской рѣчи, бережно перенесенный въ греческую, а оттуда — въ церковно-славянскую Библию, удивительно выдержанъ въ нашемъ стихотвореніи. Отсутствие придаточныхъ предложений, относительныхъ мѣстоименій и логическихъ союзовъ при нераздѣльномъ господствѣ союза *и* (въ 30 стихахъ онъ повторяется 20 разъ) настолько приближаютъ здѣсь пушкинскій языкъ къ библейскому, что для какого-нибудь талантливаго гебраиста ничего бы не стоило дать точный древне-еврейскій переводъ этого стихотворенія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, указывая на фформальную зависимость стихотворенія отъ Библии, Соловьевъ обратилъ вниманіе на отсутствіе между ними внутренняго совпаденія: „пушкинскій пророкъ испытываетъ, слышитъ и говоритъ не противоположное, но совсѣмъ другое, по существу отличное отъ того, что испытывалъ, слышалъ и говорилъ настоящій библейскій пророкъ“.

На это несходство пушкинскаго пророка съ библейскимъ обратила вниманіе еще *Н. С. Кохановская* (*Соханская*) въ статьѣ: „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“ (*Русская Бесѣда* 1859, № 5, отд. III, стр. 20—30): „Ни одинъ библейскій пророкъ“, говоритъ она, — „ни даже всѣ они вмѣстѣ не получали такого полнѣйшаго посвященія, такой благодати открытія передъ ними тайны міровой жизни въ голосахъ и звукахъ вселенной, какъ получилъ пророкъ Пушкина“. Повторяя ту же мысль и ссылаясь на сочиненіе профессора Кіевской Духовной Академіи *Ф. А. Терновскаго*: „Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“ (К. 1883, стр. 363—374), гдѣ сказано, что стихотвореніе Пушкина изобра-

жаеть ту знаменитую ночь, когда ангель Гавріиль явился Магомету, далъ ему прочесть свитокъ повелѣній Божьихъ и поздравилъ его пророкомъ, Н. И. Черняевъ, въ статьѣ: „Пророкъ Пушкина и его связь съ Подражаніями Корану“ (М. 1898) высказалъ мнѣніе, что стихотвореніе Пушкина навѣяно образами вовсе не библейскими, а вычитанными изъ Корана, и что его пророкъ — не кто иной, какъ Магометъ. Это мнѣніе совершенно опровергается В. С. Соловьевымъ и проф. Н. Θ. Сумцовымъ („А. С. Пушкинъ“, стр. 12—13). Послѣдній возражаеть также и на мнѣніе свящ. І. Троицкаго, высказавшаго (въ статьѣ: „Религіозный элементъ въ произведеніяхъ Пушкина“ — въ *Сборникъ статей о Пушкинѣ* изд. Кіевскаго педагогическаго общества, К. 1899, стр. 212—216), что настоящее стихотвореніе „было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, если бы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ библейскаго сказа безъ сокращенія и измѣненія его“. Къ *Пророку*, по замѣчанію проф. Сумцова, нельзя примѣнять религіозной точки зрѣнія, какъ нельзя примѣнять и точки зрѣнія реально-бытовой: „Пушкинъ вовсе не желалъ здѣсь выразить того или другаго пророка, ни Исаи, ни Магомета, не желалъ придать образу поэта такой односторонній паеосъ, даже не желалъ воспроизвести общій типъ ветхозавѣтныхъ провозвѣстниковъ воли Божіей. *Пророкъ* — исключительно литературное достояніе, лишь художественный поэтический образъ, но такого захвата, который выходитъ далеко за предѣлы какихъ либо частныхъ историческихъ или бытовыхъ рамокъ. Сущность и сила такого произведенія, какъ *Пророкъ*, заключается не въ томъ или другомъ частномъ его истолкованіи, частномъ примѣненіи — къ Библии, исторіи, литературѣ, а въ глубинѣ образа, въ неисчерпаемо возможномъ его содержаніи“. Дальнѣйшее и болѣе опредѣленное развитіе этихъ же

мыслей представляет разбор *Пророка* В. С. Соловьевымъ, который прямо указалъ, что *Пророкъ* Пушкина — не настоящій пророкъ, а поэтъ, „идеальный образъ истиннаго поэта въ его сущности и высшемъ призваніи“. Онъ „не есть и какой-нибудь изъ поэтовъ, онъ не есть также и самъ Пушкинъ, а есть чистый носитель того безусловнаго идеальнаго существа поэзіи, которое было присуще всякому истинному поэту, и прежде всего — самому Пушкину, въ зрѣлую эпоху его творчества и въ лучшія минуты его вдохновенія. . .“

Подобное толкованіе *Пророка* было дано еще Мицкевичемъ, въ читанныхъ имъ въ Парижѣ лекціяхъ о славянскихъ литературахъ; но Мицкевичъ придавалъ стихотворенію преимущественно автобіографическій характеръ. По его мнѣнію, *Пророкъ* былъ „началомъ новой эры въ жизни Пушкина, но Пушкинъ не имѣлъ въ себѣ достаточно силы, чтобы осуществить это предчувствіе; у него не достало смѣлости подчинить свою внутреннюю жизнь и труды этимъ возвышеннымъ понятіямъ“. (*Кн. П. А. Вяземскій*, „Мицкевичъ о Пушкинѣ“, *Русскій Архивъ* 1873, стл. 1075, и Сочиненія, томъ VII, стр. 320—321). Автобіографическій элементъ въ *Пророкъ* отмѣчается также и Сумцовымъ, который въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, видитъ проявленія одного и того же образа, — „побѣды Ормузда добра, истины и поэзіи надъ Ариманомъ зла, житейской суеты и пошлости“. И прочіе наши критики, писавшіе ранѣе и послѣ В. С. Соловьева, въ общихъ чертахъ высказываютъ о *Пророкъ* тѣ же мысли, которыя развиты въ статьѣ „О значеніи поэзіи Пушкина“ съ особенною полнотою и выразительностью.

Академикъ Н. П. Дашкевичъ, въ статьѣ: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени“ (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, томъ 92, Пгр. 1914,

стр. 284—287), ставитъ *Пророка* въ связь съ другими произведеніями Пушкина, посвященными предназначенію поэта и задачамъ поэзіи, и обращаетъ вниманіе на сходство высказанныхъ въ этихъ произведеніяхъ мыслей съ идеями Кольриджа и Мицкевича, которые также говорили о пророческомъ призваніи поэта. Незамѣченнымъ комментаторами осталось двустипіе Державина въ стихотвореніи, конечно, хорошо извѣстномъ Пушкину: „Издателью моихъ пѣсней“ (Лабзину, 1808):

Долгъ саламандра — жечь; долгъ поэта —
Въ міръ правду вѣщать.

Можно еще указать и на стихотвореніе Ламартина: *L'Enthousiasme*, включенное въ его „*Méditations*“ (XI), гдѣ также выражена мысль о призваніи поэта „жечь души“ людей, для чего и самъ поэтъ долженъ горѣть и обладать всеобъемлющимъ чувствомъ:

Heureux le poète insensible!
Son luth n'est point baigné des pleurs;
Son enthousiasme paisible
N'a point ces tragiques fureurs.
Mais nous, pour embraser les âmes,
Il faut brûler, il faut ravir
Au ciel jaloux ses triples flammés,
Pour tout peindre, il faut tout sentir.
Foyers brûlants de la lumière,
Nos coeurs de la nature entière
Doivent concentrer les rayons, и пр.

Въ составленномъ при ближайшемъ участіи П. А. Ефремова біографическомъ очеркѣ: „А. С. Пушкинъ“, въ *Русской Старинѣ* 1880, январь, стр. 133, былъ пере-

данъ разсказъ, по опредѣленію самого П. А. Ефремова, „сомнительной правдивости“, о томъ, что Пушкинъ, отправляясь, 8 сентября 1826 г., въ Кремлевскій дворець, имѣлъ съ собою листокъ, на которомъ былъ написанъ *Пророкъ* съ заключительною строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
 Позорной ризой облекись,
 Иди — и съ вервемъ на выи
 (*Var.:* И съ вервемъ вокругъ смиренной выи)
 Къ царю російскому явись.

Этотъ листокъ Пушкинъ, будто бы, намѣревался вручить государю, но обронилъ его — не то на лѣстницѣ дворца, не то на квартирѣ Соболевскаго, гдѣ онъ остановился, — и нашелъ только уже послѣ свиданія съ царемъ. Не смотря на весьма малое правдоподобіе этого разсказа, онъ былъ поддержанъ А. П. Пятковскимъ (*Русская Старина* 1880, мартъ, стр. 673—675), указывавшимъ на то, что разсказъ и четверостишіе повторялись Соболевскимъ и А. В. Веневитиновымъ (братомъ поэта). Доводами Пятковскаго убѣдились многіе комментаторы Пушкина, въ томъ числѣ и Ефремовъ, который въ двухъ первыхъ своихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина (1880 и 1882 гг.) привелъ четверостишіе, какъ несомнѣнное, но въ изданіи 1905 г. уже отказался отъ него. В. Д. Спасовичъ (*Сочиненія*, томъ II, стр. 335) и Н. И. Черняевъ („*Пророкъ Пушкина*“, стр. 14) рѣшительно и вполнѣ основательно опровергаютъ какъ самое преданіе, такъ и принадлежность Пушкину приведенныхъ стиховъ. Н. Θ. Сумцовъ („*Пушкинъ*“, стр. 28, 192—193) хотя и признаетъ, что „Пушкинъ, при его умѣ, не могъ допустить такого нелѣпаго окончанія въ *Пророкъ*“, но склоненъ считать четверостишіе, въ техническомъ отношеніи совершенно плохое, подлинно-пушкинскимъ, только написан-

нымъ не одновременно съ *Пророкомъ*, а совсѣмъ отдѣльно отъ него. Доводы г. Сумцова въ пользу этого мнѣнія не выдерживаютъ критики, точно такъ же, какъ и основанныя на нихъ разсужденія Н. О. Лернера (Сочиненія Пушкина, ред. С. А. Венгерова, томъ IV, С.-Пб. 1910, прим., стр. III—IV). Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ предположеніе, что четверостишіе было сочинено кѣмъ-нибудь (можетъ быть, Соболевскимъ?) уже послѣ появленія *Пророка* въ печати, — можетъ быть, даже какъ бы въ отвѣтъ на Стансы („Въ надеждѣ славы и добра“), въ которыхъ увидѣли покаяніе поэта въ прежнихъ либеральныхъ его грѣхахъ.

V.

Е. К. АЛ. ТИМАШЕВОЙ.

(Стр. 216).

Подлинникъ этого стихотворенія, въ настоящее время неизвѣстно, гдѣ находящійся, безъ заглавія, съ помѣтою: „Москва, 20 октября 1826 г.“ и подписью: *А. П.*, былъ сообщенъ Е. А. Тимашевой извѣстному библиографу С. Д. Полторацкому и напечатанъ имъ въ газетѣ: „Наше Время“ 1862, № 228, съ примѣчаніемъ, въ которомъ, между прочимъ, указано, что текстъ стихотворенія, напечатанный пять разъ, появился во всѣхъ пяти изданіяхъ въ искаженномъ видѣ и даже съ примѣскою бессмыслицы въ послѣднемъ стихѣ. Дѣйствительно, стихотвореніе явилось въ печати въ первый разъ въ изданномъ П. Араповымъ и Н. Новиковымъ альманахѣ „Радуга“ на 1830 годъ (стр. 78), подъ заглавіемъ: „К. А. Т-вой“ и съ подписью: „А. Пушкинъ“; затѣмъ было перепечатано въ *Современникъ* 1838, томъ X, стр. 177, подъ заглавіемъ: „Къ

женщинѣ — поэту“, и съ тѣмъ же заглавіемъ перешло въ Посмертное изданіе (томъ IX, стр. 201), а изъ него — въ изданія Анненкова (1855, томъ II, стр. 427) и Геннадіи (1859, томъ I, стр. 364), съ невѣрнымъ отнесеніемъ къ 1827 году.

Текстъ *Радуи* по сравненію съ печатаемымъ нами представляетъ только одинъ вариантъ — въ стихѣ 12-мъ:

Не много риомъ и много прозы.

Всѣ послѣдующіе четыре текста, совершенно одинаковые, даютъ уже много вариантовъ, происхожденіе которыхъ можно объяснить только тѣмъ, что стихотвореніе было напечатано въ *Современникѣ* съ какого-то неисправнаго списка, существенно отличавшагося отъ подлинника. Вотъ эти отличія:

Стихи 1-й и 2-й: Я слушалъ васъ . . . я прочиталъ

Сии небрежныя созданья

Стихъ 6-й: Въ исполненныхъ души чертахъ

„ 9-й: Соперницы заветной розы

Стихи 11-й и 12-й: Стократъ блаженъ, кто ей внушалъ

Единый стихъ и много прозы.

Екатерина Александровна Тимашева, урожденная Загряжская (р. 25 іюля 1798, ум. въ Москвѣ 4 марта 1881), жена наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска и мать А. Е. Тимашева, бывшаго въ 1868—1878 гг. министромъ внутреннихъ дѣлъ, принадлежала къ московскому большому свѣту и писала стихотворенія, изъ которыхъ въ печати извѣстны два: 1) „Отвѣтъ на святочную шутку“ — въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1831 годъ и 2) „Къ портрету***“ — въ *Литературной Газетѣ* 1831, № 12, стр. 96. Кромѣ того, ей приписывается извѣстный романсъ: „Я счастливъ, какъ съ тобой бываю“, съ припѣвомъ: „Ты не повѣришь, какъ ты мила!“ (но романсъ

этогъ, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ комментаторовъ, не имѣеть ничего общаго съ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ *Литературной Газетѣ*). Ей посвящали стихи кн. Вяземскій, Боратынскій, Языковъ, графиня Ростопчина.

Полторацкій, печатая стихотвореніе Пушкина въ *Нашемъ Времени*, замѣтилъ, что выраженіе: „Запретная Роза“ въ 9-мъ стихѣ требуетъ объясненій, безъ которыхъ оно „невыразительно и не имѣеть никакого значенія“, и указалъ, что для пониманія его необходимо имѣть въ виду стихотвореніе кн. Вяземскаго: „Запретная Роза“, напечатанное въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1826, часть VIII, № 5, стр. 3 и подписанное буквою В. По словамъ Полторацкаго, это стихотвореніе относится къ одной изъ племянницъ Е. А. Тимашевой:

Прелестный цвѣтъ, душистый, ненаглядный,
 Московскихъ розъ царица и краса!
 Вотще тебя свѣжитъ зефиръ прохладный,
 Заря златить и серебритъ роса.
 Судьбою злой гонимая жестоко,
 Свой красный день ты тратишь одиноко;
 Ты про себя таишь дары свои:
 Румянецъ свой, и медь, и запахъ сладкой,
 И съ завистью пчела любви украдкой
 Глядитъ на цвѣтъ, запретный для любви.
 Тебя, цвѣтокъ, коварствомъ безкорыстнымъ
 Похитилъ шмель, пчелѣ и розѣ врагъ;
 Онъ оскорбилъ лобзаньемъ ненавистнымъ,
 Онъ погубилъ весну надеждъ и благъ.
 Счастливъ, кто, снявъ съ цвѣтка запретъ враждебный
 И возвративъ ее пчелѣ любви,
 Ей скажетъ: цвѣтъ прелестный! цвѣтъ волшебный!
 Познай весну и къ счастью оживи!

Гр. Кн. (т. е. „Григорій Книжник“ — Г. Н. Геннади) въ № 233 *Нашего Времени* того же 1862 г. замѣтилъ, что объясненіе Полторацкаго недостаточно и не устранило недоумѣній, и указалъ, что въ тетради стихотвореній 20-хъ годовъ, принадлежавшей А. М. К. (Княжевичу?) подъ стихами Вяземскаго находились какія-то загадочныя буквы и даты. „Можетъ быть“, писалъ онъ, „указавши на „запретную розу“, С. Д. Полторацкій сообщить, кто трудолюбивая пчела и кто негодный шмель, упоминаемыя въ стихахъ кн. Вяземскаго“. Но на этотъ вопросъ не послѣдовало никакого отвѣта. Въ письмѣ къ Вяземскому изъ Михайловскаго, отъ 9 ноября 1826 г., Пушкинъ, между прочимъ, спрашивалъ: „Что Запретная Роза? что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу! но и это не ушло“ (*Переписка*, томъ I, стр. 383). Изъ сопоставленія этихъ словъ съ стихотвореніемъ видно, что *Запретною Розою* называли, конечно, не Тимашеву (какъ полагали нѣкоторые комментаторы), а какую-то другую московскую красавицу, быть можетъ, выданную замужъ за старика...

Это прозвище, повидимому, было хорошо извѣстно въ Москвѣ. Полевой, въ статьѣ: „Взглядъ на русскую литературу 1825 и 1826 гг.“, въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827, часть XIII, книга I, стр. 5—9, назвалъ *запретною розою* литературу: „соловьи свищутъ около нея, но, кажется, не хотятъ или не смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ, а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи. Подумаешь, что русская литература выбрала девизомъ: *впередъ не забтай, назадъ не оставайся и въ серединѣ не вертись*“.

Стихотвореніе Пушкина, при своемъ появленіи въ *Радугѣ*, было встрѣчено браннымъ отзывомъ М. А. Бестужева-Рюмина, который въ своей газетѣ „Сѣверный

Меркурій“ (1830, № 5, января 10, стр. 18—19) писалъ: „Въ двѣнадцатистишии А. Пушкина первые только четыре стиха имѣють въ себѣ смыслъ и стоятъ имени своего Поэта; слѣдующіе же стихи: „Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ, *въ душой исполненныхъ чертахъ*“ невольно заставили насъ заглянуть въ оглавленіе опечатокъ, чтобъ найти поправку; но, не нашедъ ее, мы остались въ томъ мнѣніи, что Гг. Издатели Радуги напечатали эту пьесу съ невѣрнаго списка, ибо Пушкинъ неспособенъ творить такіа безсмыслицы“. Можетъ быть, именно въ виду этого отзыва позднѣйшими издателями стихотворенія и внесена была поправка въ стихъ 6-й. Съ другой стороны, Бѣлинскій, въ статьѣ о X-мъ томѣ *Современника*, выписавъ стихотвореніе по напечатанному тамъ тексту, не обратилъ вниманія на искаженіе послѣдняго стиха и восторженно прिवѣтствовалъ въ этомъ произведеніи „что-то лелѣющее чувство“, какую-то „дивную, таинственную“ гармонію и простоту (Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, томъ III, стр. 437—438).

VI.

(С. А. СОВОЛЕВСКОМУ).

(Стр. 217—218).

Эти стихи входятъ въ составъ письма къ С. А. Соболевскому, изъ Михайловскаго, отъ 9 ноября 1826 г. (*Переписка*, томъ I, стр. 380—381) и впервые были напечатаны въ VII-мъ, дополнительномъ, томѣ изданія Анненкова (1857), стр. 94—95. „Въ доказательство дружбы“, пишетъ Пушкинъ, „посылаю тебѣ мой *Itinéraire* отъ Москвы до Новгорода. Это будетъ для тебя Инструкція. Во первыхъ запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не

найдешь. Потомъ у Гальяни“ и т. д. Къ первому стиху сдѣлана выноска: „На голосъ: *Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской*“; при стихѣ 7-мъ въ скобкахъ прибавлено: „имянно котлетъ“; послѣ стиха 20-го написано: „Яжелбицы — первая станція послѣ Валдая — Въ Валдаѣ спроси есть-ли свѣжія сельди? если же нѣтъ — у подагличныхъ“ и пр.

Стихотвореніе: „Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской“ (подъ заглавіемъ: „Быль“ или „Цапли“), въ которомъ высмѣивается родственникъ Пушкина камергеръ Сонцовъ и его дочери, приписывалось то Пушкину, то Боратынскому, то Воейкову; недавно отыскалась замѣтка Соболевскаго, изъ которой видно, что оно было сочинено имъ, вмѣстѣ съ Боратынскимъ, въ 1825 году, до пріѣзда Пушкина изъ деревни (Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго, подъ ред. М. Л. Гофмана, томъ I, 1914, стр. 325). Оно было напечатано въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1831, № 6, стр. 46—47.

Итальянецъ Гальяни, котораго Пушкинъ, въ шутку, называетъ Кольони (что по-итальянски звучитъ не особенно пристойно), имѣлъ въ то время въ Твери трактиръ съ номерами для пріѣзжающихъ, считавшійся лучшимъ и давшій свое имя „Гальяновой“ улицѣ, только недавно переименованной въ „Пушкинскую“. Здѣсь неоднократно бывалъ Пушкинъ. Пожарская, Дарья Евдокимовна, дочь ямщика въ Торжкѣ, содержала тамъ постоянный дворъ и прославилась своими куриными котлетами, которыя понравились Императору Николаю Павловичу и вошли въ моду при Дворѣ (*В. Колосовъ*, „А. С. Пушкинъ въ Тверской губерніи“, Тверь. 1888. и *Русская Старина* 1888, томъ 60; *Русскій Архивъ* 1912, книга II, стр. 159 и 635). Яжелбицы пріобрѣли извѣстность своими форелями, а о Валдаѣ еще Радищевъ, въ *Путешествіи изъ Петербурга въ Москву*, писалъ: „Кто не бывалъ въ Валдаяхъ, кто не знаетъ валдайскихъ баранокъ и валдайскихъ разрумя-

ненныхъ дѣвокъ! Всякаго проѣзжающаго наглыя валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любовстрастіе. . .“.

Все стихотвореніе, какъ и сопровождающее его письмо, является легкой шуткой надъ пріятелемъ, любившимъ хорошо покушать, за что Пушкинъ и называлъ его „обжорой“, „Калибаномъ“, „Фальстафомъ“, „животнымъ“.

Сергѣй Александровичъ Соболевскій (р. 10 сентября 1803, ум. 6 октября 1870), побочный сынъ богача А. Н. Соймонова и А. И. Лобковой, учился въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ вмѣстѣ съ братомъ Пушкина Львомъ, который и познакомилъ его съ поэтомъ. По возвращеніи изъ ссылки въ Москву Пушкинъ жилъ въ его домѣ и пользовался его содѣйствіемъ при печатаніи *Онегина*. Соболевскій служилъ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ 20-хъ годахъ минувшаго вѣка сосредоточивалась блестящая и умная московская молодежь, за которою утвердилось придуманное Соболевскимъ же и повторенное Пушкинымъ прозвище „архивныхъ юношей“. Даровитая натура внушала ему сочувствіе къ болѣе возвышеннымъ интересамъ и сближала его съ умными и талантливými людьми. „Всякое дѣльное занятіе встрѣчало въ немъ горячую поддержку; умудренный опытомъ и разностороннимъ чтеніемъ, онъ спѣшилъ съ добрымъ словомъ и полезнымъ указаніемъ къ ученому труженику, къ человѣку, начинавшему какое-либо доброе и дѣльное предпріятіе. . . Мицкевичъ и Пушкинъ повѣряли ему свои стихотворенія до выхода въ свѣтъ, принимали его совѣты, дорожили его примѣчаніями, его тонкимъ умѣньемъ подмѣтить слабую или сильную сторону. . .“ (*Русскій Архивъ* 1870, стл. 2144). Между прочимъ, Соболевскій принималъ дѣятельное участіе въ

основаніи *Московского Вѣстника*, а впоследствии сталъ ученымъ библіографомъ. Ему принадлежитъ множество эпиграммъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изъ которыхъ лишь часть напечатана въ разное время, преимущественно въ *Русскомъ Архивѣ*. См. о немъ брошюру Я. Ѳ. Березина-Ширяева: „С. А. Соболевскій“, С.-Пб. 1892; Н. П. Колюпанова: „Біографія А. И. Кошелева“, томъ I, книга 2, М. 1889, стр. 127—130; Ф. Ф. Вигеля: „Записки“, часть VII, М. 1893, стр. 134—135; Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“; *Остафьевскій Архивъ*, томъ III, стр. 542—543.

VII.

ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

(Стр. 219).

Черновое стихотвореніе, написанное на листѣ грубой сѣрой бумаги, находится въ принадлежащемъ Императорской Академіи Наукъ Майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 7, № 27 и представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

Стихъ 1-й: Мой *дивный* другъ, мой *гость* безцѣнный

„ 4-я: *Пустыннымъ* снѣгомъ занесенный

Далѣе, послѣ стиха 5-го, слѣдуетъ:

На сторонѣ глухой и дальной
Забытый кровъ, шалашъ опальной

Ты (съ) утѣшенемъ (*оживилъ*) (посѣтилъ)

Ты день (отраднѣй и) печальный

(*печальнымъ*) другомъ раздѣлилъ.

„онъ гордился мною и за меня“. Разставшись съ Пуцинымъ, онъ началъ писать къ нему посланіе, но затѣмъ отложилъ его, воспользовавшись средними строфами для лицейской годовщины 19 октября 1825 г. (см. выше, стр. 192); впоследствии же, во Псковѣ, 13 декабря 1826 г., взялъ изъ старой своей черновой первые пять стиховъ и прибавилъ къ нимъ новое заключеніе. Такое же мнѣніе высказано и В. Е. Якушкинымъ („Новыя изданія текстовъ Пушкина“ — въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1903, № 72).

Въ бѣловой редакціи, сообщенной П. А. Плетневу самимъ Пуцинымъ, стихотвореніе было впервые напечатано въ *Современникѣ* 1841, томъ XXII, стр. 172, откуда перепечатано въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 392, и въ изданіи Анненкова, томъ II, стр. 390, — всѣ три раза безъ имени Пуцина и съ ошибкою въ стихѣ 3-мъ: *домъ* вм. *дворъ*. Стихи были присланы Пуцинымъ Плетневу черезъ П. П. Ершова, автора известной сказки: „Конекъ-Горбунокъ“ (см. *А. К. Ярославцева* „П. П. Ершовъ“, С.-Пб. 1872, стр. 74, 83), а имя Пуцина было указано только въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1858, № 11.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ Пуцину было доставлено посланіе Пушкина, онъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ (*Майковъ*, Пушкинъ, стр. 83—85) слѣдующее:

„1828 года 5-го генваря привезли меня изъ Шлиссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился, наконецъ, съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Что дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ, — я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири душевнымъ словомъ. Въ самый день моего приѣзда въ Читу призываетъ меня къ застою А. Г. Муравьева (супруга Никиты Михайловича, урожденная графиня

Чернышева) и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было: „Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный“ и пр. Отраднo отозвался во мнѣ голосъ Пушкина. Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи. . . Наскоро, черезъ частоколь, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мною и рада, что могла, наконецъ, исполнить порученное поэтомъ. По приѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, въ 1839 г., я послалъ эти стихи къ Плетневу; такимъ образомъ были они напечатаны; а въ 1842 г. братъ мой Михаилъ отыскалъ въ Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ“.

Пушкинъ и раньше нерѣдко вспоминалъ своего „перваго друга“. Такъ, въ одной изъ его черновыхъ тетрадей (рук. Рум. Муз. № 2366, л. 33 об.), среди стихотворныхъ набросковъ, относящихся къ 1822 г., находится замѣтка: „Послѣ обѣда во снѣ видѣлъ Кхбкр.“ (Кюхельбекера). Написавъ фамилію товарища съ пропускомъ гласныхъ, поэтъ тутъ же дважды написалъ и свою фамилію такимъ же образомъ: *Пушкн.*, а потомъ—анаграммою, тоже дважды: *Нкуит*, и рядомъ съ нею, также анаграммою и безъ гласныхъ, фамилію Пуцина: *Нцуп*. (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 335). О посѣщеніи Пуцинымъ Михайловскаго см. выше.

VIII.

ОЛЬГА, КРЕСТНИЦА КИПРИДЫ...

(Стр. 220).

Рукопись этого стихотворенія — черновая, хотя и съ незначительными поправками, находится въ принадлежащемъ Императорской Академіи Наукъ Майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина. Стихотвореніе занимаетъ первую страницу листа грубоватой бумаги съ филигранью: „Pro patria“ и имѣетъ помѣту „22 Nov.“ На второй страницѣ того же листа, сверху и поперекъ страницы, написано карандашемъ стихотвореніе: „Каковъ я прежде былъ...“, отчасти покрытое писаннымъ чернилами наброскомъ послѣднихъ строфъ стихотворенія: „Зимняя дорога“, начало котораго находится на этой же страницѣ, ниже, и написано въ другомъ направленіи. На третьей страницѣ, въ два ряда (начинаясь справа) написано стихотвореніе: „Какъ щастливъ я...“, съ помѣтою: „23 Nov. С. Козак...“; на четвертой — карандашемъ: „Въ еврейской хижинѣ лампада...“. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ указанныя стихотворенія написаны, приблизительно, въ одно и то же время, и, въ частности, „Ольга“ и „Какъ щастливъ“ — 22 и 23 ноября одного и того же года; да и почеркъ, которымъ написаны какъ эти два, такъ и другія, находящіяся на томъ же листѣ, стихотворенія, совершенно одинаковъ. Въ какомъ же году они были написаны? Очевидно, при опредѣленіи этого года необходимо руководствоваться стихотвореніемъ: „Зимняя дорога“, которое самимъ Пушкинымъ отнесено къ 1826 году. Трудно предположить, чтобы листъ бумаги, объединившій всѣ перечисленныя произведенія, заполнялся постепенно въ теченіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ, начиная

1820-мъ, къ которому Анненковъ отнесъ „Ольгу“, и кончая 1832-мъ, подъ которымъ тотъ же издатель напечаталъ: „Въ еврейской хижинѣ“. Поэтому мы и останавливаемся на предположеніи, что всѣ эти стихотворенія относятся именно къ 1826 году. Содержаніе „Ольги“, какъ будто, противорѣчитъ этому, заставляя приурочивать ее ко времени петербургскихъ походовъ поэта по окончаніи курса въ Лицеѣ; но какъ же тогда объяснить помѣты: „22“ и „23“ ноября, объединяющія это стихотвореніе, по времени написанія, съ отрывкомъ: „Какъ щастливъ“, несомнѣнно написаннымъ въ 1826 г. въ Псковской губерніи, — вѣроятно, въ с. Казаковѣ (или Кастьковѣ), расположенномъ на проселочной дорогѣ изъ Острова въ Новоржевъ? Та же помѣта: „22 Nov.“ устраняетъ связь стихотворенія съ петербургскими переживаниями Пушкина 1820 г., потому что въ ноябрѣ этого года поэтъ находился уже далеко отъ столицы, — въ Кишиневѣ и Каменкѣ. Наконецъ, предположеніе о томъ, что Пушкинъ въ 1826 году могъ записать по памяти старые свои стихи, устраняется характеромъ сдѣланныхъ въ рукописи поправокъ, свидѣтельствующихъ, что онѣ нанесены во время самаго сочиненія стиховъ. Приводимъ эти первоначальные варианты:

Стихи 3-й и 4-й: *Намъ и ласки и обиды*
Разточать *умтешь* ты!

Послѣ стиха 5-го было написано и *зачеркнуто*:

(*Ты тревожа*)
(*Бутоража сердце въ насъ*)

Стихъ 7-й: *Ты назначишь тайный часъ*

„ 13-й: *И (мучительный) предательскій отказъ.*

Стихотвореніе впервые было напечатано Анненковымъ, въ VII (дополнительномъ) томѣ его изданія Сочин-

неній Пушкина (1857, стр. 26—27), подъ заглавіемъ: „Ольга“, съ пропускомъ стиховъ 14-го и 15-го и съ замѣною въ стихѣ 20-мъ *ночи* — *днемъ*, конечно, по требованію цензуры. П. А. Ефремовъ рассказываетъ (*Русская Старина* 1879, декабрь, стр. 729), что рукопись VII тома анненковскаго изданія была взята для просмотра княземъ П. А. Вяземскимъ, который былъ въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и передана на цензуру поэту Н. Ѳ. Щербинѣ, числившемуся при немъ чиновникомъ особыхъ порученій. Щербина составилъ о ней докладную записку. „Поистинѣ, можно было дивиться его придирчивости, ибо, напримѣръ, онъ признавалъ невозможнымъ печатаніе стихотворенія: „Ольга, *крестница Киприды*“ потому только, что въ этомъ стихѣ „смѣшанъ православный обрядъ съ миеологическою богинею“. Впрочемъ, кн. Вяземскій не принялъ ни одного замѣчанія Щербины“. Пропущенные Анненковымъ стихи были восстановлены въ № 11 *Библиографическихъ Записокъ* 1858, стр. 347, а въ полномъ видѣ пьеса вошла въ первое изданіе Г. Н. Геннади (1859, томъ I, стр. 312—313). Затѣмъ П. А. Ефремовъ напечаталъ ее уже съ новымъ заглавіемъ: „Оленькѣ Массонъ“, въ своемъ изданіи 1880 (томъ I, стр. 312). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ, какъ и въ послѣдующихъ, стихотвореніе неизмѣнно приурочивалось къ 1820 году; только П. О. Морозовъ, въ изданіи товарищества „Просвѣщеніе“ (томъ I, стр. 241—242 и 548) отнесъ его къ 1819 году на основаніи письма А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому отъ 18 іюня 1819 г., гдѣ говорится, что Пушкинъ „простудился, дожидаясь у дверей одной. . . , которая не пускала его въ дождь къ себѣ для того, чтобы не заразить его своею болѣзнію“ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ I, стр. 253).

Имя Ольги Массонъ впервые было названо Анненковымъ („Пушкинъ въ александровскую эпоху“, С.-Пб.

1874, стр. 64), какъ имя одной изъ „модныхъ прелестницъ“ своего времени. Небольшая замѣтка о ней, со снимкомъ съ ея портрета (миніатюра на слоновой кости), напечатана Ю. Д. Бѣляевымъ въ *Вечернемъ Времени* 1913, № 391 (28 февраля). Въ сохранившемся въ бумагахъ Плетнева и напечатанномъ въ книгѣ Я. К. Грота „Пушкинъ“ (стр. 154) рукописномъ дополненіи къ XVII-й строфѣ II-й главы *Опытна* также упоминается это имя:

О двойка! Ни дары свободы,
 Ни Фебъ, ни *Олга*, ни пиры
 Онѣгина въ минувши годы
 Не отвлекли бы отъ игры, и пр.

Наконецъ, имя Ольги включено также и въ извѣстный „Донъ-Жуанскій списокъ“ Пушкина (см. Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, томъ IV, С.-Пб. 1910, стр. 95).

IX.

КАКЪ ЩАСТЛИВЪ Я...

(Стр. 221—222).

Печатается здѣсь впервые по рукописи, упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи. Рукопись — черновая и представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

Стихъ 2-й: *И шумъ двора...*

Послѣ стиха 4-го написано и *зачеркнуто*:

*Сихъ милыхъ водъ, гдѣ счастье мое
 (Гдѣ милая) гдѣ радость обитаетъ
 Гдѣ милая Русалка обитаетъ.*

Стихи 5-й — 10-й:

О скоро ли она изъ лона волнъ
 Подыметъ и выдетъ на берегъ?
 Какъ сладко мнѣ явленіе ея
 Въ безмолвѣ волнъ, при свѣтѣ ночи лунной,
 Когда она, прекрасна и (блѣдна) гладна,
 Опутана зелеными власами
 (Придетъ сюда) (Садится)
 Со мной сидитъ на берегу пустынномъ.

Стихи 11-й — 12-й:

Ласкаются, (блестая) блестящей чередой
 Ея глаза и меркнутъ, и блестятъ

Стихи 15-й — 16-й:

Дыхавья нѣтъ изъ блѣдныхъ устъ — но боги
 Какъ сладостно холодныхъ синихъ устъ

Стихи 18-й — 19-й:

въ лѣтній день

Не столько сладостенъ холодный кубокъ

Или:

Не столько сладокъ жаждѣ хладный кубокъ

Стихи 22-й — 24-й:

(По голову моей какъ ужасъ холодъ)
 Какой то хладъ какъ ужасъ пробѣгаетъ
 По голову моей — и сердце бьется,
 Въ моей груди любовью замирая

Въ стихѣ 29-мъ, передъ словомъ *небесъ*, написано какое-то неразборчивое двухсложное слово: *м...ной* (?)

Стихъ 30-й: *Звончатая Болновъ нашихъ гусли*

По содержанію своему этотъ отрывокъ представляется загадочнымъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о любовныхъ свиданіяхъ.

ніяхъ Князя съ русалкою, мертвою, бездыханною любовницею, которая обладаетъ, однако, чуднымъ голосомъ. Она обитаетъ на днѣ рѣки и выходитъ оттуда на зовъ своего возлюбленнаго... Можетъ быть, въ этомъ монологѣ Князя мы имѣемъ осколокъ первоначальнаго замысла *Русалки*, создавшейся, какъ показано академикомъ И. Н. Ждановымъ (*Сочиненія*, томъ II, стр. 328—350) не безъ вліянія извѣстной и въ свое время очень популярной у насъ оперы Генслера: „Днѣпровская Русалка“. Нѣкоторыя отдѣльныя выраженія монолога напоминаютъ рѣчи героя оперы, князя Видостана, который также томится тоскою о своей возлюбленной русалкѣ и предается „восхитительнымъ воспоминаніямъ о величественномъ Днѣпрѣ, въ которомъ обитаетъ прелестная Леста“. — „О, если бъ могъ я“, говоритъ Видостанъ, „увидѣть ее еще однажды, если бъ могъ я услышать пріятный ея голосъ!“ Эти нѣсколько словъ Видостана, повидимому, и послужили темою для своеобразной фантастической картины, созданной нашимъ поэтомъ. Можетъ быть, мысль о драмѣ на тему *Русалки* уже въ эту пору явилась у Пушкина. Странно только, что онъ началъ эту драму, такъ сказать, съ конца...

X.

ВЪ ЕВРЕЙСКОЙ ХИЖИНѢ ЛАМПАДА...

(Стр. 223).

Черновое стихотвореніе (карандашемъ) находится въ упомянутой выше рукописи, по которой и было напечатано Анненковымъ въ VII томѣ его изданія *Сочиненій Пушкина*, стр. 45, съ произвольнымъ заглавіемъ: „Начало повѣсти“ и съ отнесеніемъ къ 1832 году.

Рукопись представляет слѣдующіе первоначальные варианты:

- Стихъ 4-й: *Сидитъ надъ Библіей...*
 „ 7-й: Еврейка юная сидитъ
 „ 8-й: *И молча близъ нея, главою*
 „ 12-й: *Готовитъ бѣдную трапезу*

XI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

(Стр. 224).

Черновой автографъ находится въ упомянутой выше рукописи, гдѣ написанъ карандашомъ, поверхъ котораго набросаны чернилами строфы стихотворенія: „Зимняя дорога“. Здѣсь имѣется только одинъ вариантъ — въ стихѣ 4-мъ:

Безъ *томной* нѣжности и тайнаго волненья.

Другой автографъ, также черновой, сохранился въ записной книжкѣ Пушкина, оказавшейся въ бумагахъ А. А. Краевского и вмѣстѣ съ ними перешедшей въ Императорскую Публичную Библиотеку. Здѣсь стихотвореніе также написано карандашомъ и представляет варианты:

- Стихъ 4-й: Безъ *тайной* нѣжности и *сладкаго* волненья
 „ 6-й: ..... какъ *зѣлнкъ* молодой
 „ 9 й: Я *прежнимъ* идоламъ несу мои мольбы.

Напечатано въ изданіи 1832 г. (III-я часть изданія 1829 г.), стр. 196, безъ заглавія, которое дано только въ оглавленіи, и съ отнесеніемъ къ 1828 году, подъ которымъ затѣмъ и печаталось всѣми изданіями; но рукопись

Майковскаго собранія заставляеть отнести стихотвореніе къ 1826 году. Вѣроятно, въ 1828 г. Пушкинъ только вновь пересмотрѣлъ и исправилъ пьесу, написанную за два года передъ тѣмъ.

Изъ Шенъе здѣсь взятъ одинъ только первый стихъ, поставленный эпиграфомъ. Остальное содержаніе стихотворенія вовсе не совпадаетъ съ соотвѣтствующею элегіею французскаго поэта (какъ было замѣчено еще Анненковымъ, „Матеріалы“, стр. 302—303).

XII.

(Н. С. АЛЕКСѢВУ).

(Стр. 225).

Этимъ четверостишіемъ кончается письмо Пушкина къ Николаю Степановичу Алексѣву изъ Пскова, отъ 1 декабря 1826 г. (*Переписка*, томъ I, стр. 389).

XIII.

СТАНСЫ.

(Стр. 226).

Черновой подлинникъ, впрочемъ, неполный (только 3-я, 4-я и 5-я строфы), написанный на одной сторонѣ оборваннаго лоскутка грубой сѣрой бумаги, находится въ Майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина, принадлежащемъ Императорской Академіи Наукъ. Стихотвореніе напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, часть VII, № 1, стр. 3—4, безъ подписи (Пушкинъ, какъ авторъ, указанъ въ оглавленіи), и оттуда перешло въ изданіе 1829, часть II, стр. 83—84, причемъ отнесено къ 1827 году.

Рукопись представляет слѣдующіе первоначальные варианты:

- Стихъ 10-й: Онъ *всюду* сѣялъ просвѣщенье
 „ 12-й: *Но зрѣлъ* ея предназначенье
 „ 15-й: *Неутомимой онъ* душой
 „ 19-й: Какъ онъ, *рѣшителенъ* и твердь
 „ 20-й: *Но* памятью . . .

А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ А. И. Михайловскому-Данилевскому отъ 10 января 1828 г. (*Русская Старина* 1890, томъ 68, стр. 747—748), переписалъ стихотвореніе, тогда еще не напечатанное, съ припискою: „Прилагаю вамъ стихи Пушкина, *impromptu*, написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетъ его величества“, и съ вариантами:

- Стихъ 6-й: Но *озарилъ* умы наукой
 „ 12-й: *Ея предвидѣлъ* назначенье
 „ 15-й: Онъ всеобъемлющей *рукой*
 „ 18-й: *Будь* пращурю во *всемъ* подобень
 „ 19-й: Какъ онъ, *рѣшителенъ* и *бодръ*

Извѣстно, что императоръ Николай принималъ Пушкина въ Чудовскомъ дворцѣ 8 сентября 1826 г.; стихотвореніе же носитъ помѣту: „22 декабря 1826 года. Москва, у Зуб.“, т. е. у Зубкова, Василія Петровича, женатаго на дальней родственницѣ Пушкина, у котораго поэтъ останавливался во второй свой пріѣздъ въ Москву. Быть можетъ, въ рукахъ Тургенева былъ первоначальный черновикъ или искаженный списокъ; во всякомъ случаѣ, странно, что Тургеневъ, такъ близко знавшій Пушкина, получилъ *Стансы* болѣе года спустя послѣ ихъ написанія и притомъ — въ неисправной редакціи. Впослѣдствіи, въ 1855 г., А. В. Дружининъ, въ одной изъ своихъ статей, повторилъ ходившій

въ обществѣ слухъ, будто Пушкинъ написалъ это „стихотвореніе на заданную (къмъ?) тему, въ четверть часа“ (*Библиотека для Чтенія* 1855, томъ 130, №№ 3—4, стр. 46).

Какъ современники Пушкина, такъ и позднѣйшіе его критики, большею частью, видѣли въ *Стансахъ* выраженіе какого-то „перелома“ въ убѣжденіяхъ поэта — отъ прежняго свободомыслія чуть ли не къ прислужничеству, называя „бездѣлностью“ и „гражданскимъ грѣхомъ“ сравненіе декабристовъ съ „буйными стрѣльцами“. *В. Е. Якушкинъ*, въ своей книгѣ: „О Пушкинѣ“ (М. 1899, стр. 61—62), подробно остановился на этихъ обвиненіяхъ и показалъ, что Пушкинъ „не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, а только измѣнилъ свое отношеніе къ практическому примѣненію ихъ, къ средствамъ... Эта перемѣна, вполне искренняя, совершилась очень быстро: зная, что жалкіе остатки либеральной партіи не могутъ дѣйствовать противъ „необъятной силы“ правительства, онъ рѣшилъ, что надо дѣйствовать черезъ правительство, черезъ него проводить идеи просвѣщенія, идеи прогресса, стараться вызвать въ правительствѣ сочувствіе къ просвѣщенію и т. д. Въ разбираемыхъ стихахъ Пушкинъ высказалъ свои *ria desideria*, основанія для которыхъ онъ, можетъ быть, имѣлъ право видѣть въ отношеніи къ нему новаго правительства...“. Точно такъ же не измѣнилось и отношеніе поэта къ декабристамъ: мы знаемъ, что за нѣсколько дней до *Стансовъ* онъ написалъ посланіе Пущину, а черезъ нѣсколько дней послѣ — посланіе въ Сибирь. „Для правильной оцѣнки *Стансовъ* надо стать на историческую точку зрѣнія... Правительство побѣдило, раздавило вооруженное возстаніе; но, слѣдуя примѣру Петра, оно должно теперь идти по пути преобразования, допускать свободную оппозицію, нужную для выясненія истины и потребностей народа. Таковъ былъ смыслъ *Стансовъ*, смыслъ самый благородный; тутъ — не

лесть, а высокое наставленіе для новой власти“. Такое же объясненіе дано было и *В. Л. Стоюнинымъ* („Пушкинъ“, С.-Пб. 1881, стр. 302—303): фантазія поэта создаетъ идеаль царя, связавъ его съ тѣмъ образомъ, который былъ знакомъ каждому русскому человѣку, — знакомъ потому, что съ нимъ связывалось представленіе народнаго просвѣщенія, неутомимаго труда на общую пользу, строгой справедливости, безкорыстнаго служенія государству и, наконецъ, царской милости... И послѣдній стихъ, выразившій желаніе поэта, чтобы новый царь былъ „памятью какъ Онъ незлобенъ“, выражаетъ въ то же время и самую симпатичную черту царственнаго идеала. Это былъ и призывъ „милости къ падшимъ“, тотъ подвигъ, на который впослѣдствіи нашъ поэтъ указалъ, какъ на свое право долго жить въ памяти потомства.

См. примѣчанія къ стихотворенію: „Друзьямъ“.

XIV.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

(Стр. 227—228).

Черновой набросокъ находится въ упомянутой выше рукописи Майковского собранія и представляетъ слѣдующіе варианты:

- Стихъ 1-й: Сквозь *печальные* туманы
 „ 4-й: Летъ *печальный* свѣтъ она.
 „ 12-й: То *душевная* тоска
 „ 18-й: Въ *светлой* комнатъ *твоей*
 „ 22-й: Мѣрный *путь* свой совершить
 „ 23-й: И *ревнивецъ* удаляя

Другой автографъ, безъ послѣдней строфы, съ написаннымъ чужою рукою заглавіемъ, принадлежитъ В. И. Яковлеву (Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, томъ IV, стр. XIII); здѣсь находятся два зачеркнутые Пушкинымъ варианта:

Стихъ 14-й: Глушь и мракъ . . .

„ 18-й: Завтра, *въ городъ* возвратясь

Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, часть VII, № 4, стр. 405—406, и въ изданіи 1829 г., томъ II, стр. 75—76. Затѣмъ при жизни Пушкина перепечатывалось еще три раза: въ книжкѣ: „*Лири Грацій*, подарокъ на Новый Годъ любителямъ и любительницамъ пѣнія, или новѣйшее собраніе романсовъ и пѣсенъ“, М. 1832, стр. 83—85; въ *Полномъ новѣйшемъ пѣсенникѣ* Ив. Гурьянова, часть XII, М. 1835, стр. 52—53, и въ *Карманномъ Пѣсенникѣ*, С.-Пб. 1835, стр. 132—133. Кромѣ того, въ М. 1831 было издано отдѣльно, съ музыкой *Алябьева*.

Стихотвореніе написано, вѣроятно, во время поѣздки изъ Михайловскаго во Псковъ. Б. Л. Модзалевскій (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 105—106) предполагаетъ, что „Зимняя дорога“ создана по пути изъ Михайловскаго въ Москву: на это, какъ будто, указываетъ и черновой вариантъ — „завтра, *въ городъ* возвратясь“; въ такомъ случаѣ можно думать, что подъ именемъ Нины поэтъ разумѣлъ Софью Ѳедоровну Пушкину, въ которую онъ въ ту пору былъ влюбленъ и о свиданіи съ которою не переставалъ мечтать (см. статью А. Ѳ. Кони: „Страничка изъ жизни Пушкина“ въ *Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, томъ X (1905), книга I, стр. 399—414).

„Когда вы ѣдете зимою на лихой тройкѣ“, писалъ Бѣлинскій, — „и снѣгъ трещитъ подъ полозьями вашихъ

саней, морозное небо усьяно мириадами звѣздъ, и взоръ вашъ съ тоскою теряется на необъятной снѣжной равнинѣ, осеребренной уединеннымъ скитальцемъ — мѣсяцемъ и мѣстами прерываемой покрытыми инеемъ деревьями, какъ понятна покажется вамъ протяжная, заунывная пѣсня вашего ямщика, и какъ будетъ гармонировать съ нею однообразный звонъ колокольчика, *надры- вающій сердце*, по выраженію Пушкина! Грусть есть общій мотивъ нашей поэзіи, и народной, и художественной. . . Нигдѣ Пушкинъ не дѣйствуетъ на русскую душу съ такою неотразимою силою, какъ тамъ, гдѣ поэзія его проникается грустію, и нигдѣ онъ столько не націоналенъ, какъ въ грустныхъ звукахъ своей поэзіи“. „Грусть“, читаемъ въ другой статьѣ Бѣлинскаго, — „составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина. . . Въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душою въ протяжной и разгульной русской пѣснѣ“ (Сочиненія Бѣлинскаго, изданіе С. А. Венгерова, томъ VI, стр. 184 и VII, стр. 361). Ап. Григорьевъ (Сочиненія, томъ I, стр. 282—283) видѣлъ въ *Зимней дорогѣ* одинъ изъ примѣровъ того, „какъ поэтъ просто въ анализѣ полного и цѣльнаго чувства любви, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ до болѣе положительныхъ проявленій. Перечтите это стихотвореніе, дышащее какою-то ежедневностью, такъ сказать домашностью, чтобы ясно понять, какъ просто у поэта чувство, какъ оно присутствуетъ въ душѣ цѣльно, не разрываясь съ другими, обычными впечатлѣніями, правильное, свѣтлое, глубокое. . .“.

Л. И. Поливановъ („Сочиненія Пушкина“, томъ II, стр. 75) въ стихѣ 20-мъ видитъ отзвукъ элегіи В. И. Туманскаго: „На скалы, на холмы *глядятъ безъ наглядья*. . .“, напечатанной въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г. (стр. 289),

которую Пушкинъ похвалилъ въ письмѣ къ брату (*Переписка*, томъ I, стр. 179).

XV.

(ВЪ АЛЬБОМЪ КН. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ).

(Стр. 229).

Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, въ своей статьѣ: „А. С. Пушкинъ, по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ“, напечатанной первоначально въ газетѣ „Берегъ“ 1880, № 111, и затѣмъ перепечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1884, книга II, стр. 375—440 и въ сборникѣ: „Къ біографіи А. С. Пушкина“, выпускъ II, М. 1885, стр. 7—72, а также въ Собраніи сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб. 1893, стр. 467—563, рассказываетъ, что эти стихи были написаны Пушкинымъ въ его альбомъ, который затѣмъ былъ кѣмъ-то взятъ и не возвращенъ. Затѣмъ они были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1867, стлб. 317, въ перечнѣ поступившихъ въ Чертковскую Библіотеку отъ С. П. Колошина „нѣсколькихъ записокъ, черновыхъ набросковъ и рисунковъ“ Пушкина. Въ первоначальной своей статьѣ князь привелъ ихъ — очевидно, по памяти — въ иной редакціи, но въ позднѣйшихъ перепечаткахъ этой статьи уже исправилъ по тексту *Русскаго Архива*, который и является единственно вѣрнымъ.

„Со времени написанія стиховъ въ мой альбомъ“, говоритъ авторъ воспоминаній, „кличка моя въ семействѣ стала: „душа моя Павелъ“; до стиховъ же Пушкина я пользовался нелестнымъ прозвищемъ: „Павлушка мѣдный лобъ — приличное прозванье — имѣлъ ко лжи большее дарованье“. Прозвище это было взято изъ басни

Измайлова на Павла Свиньина и навлекло на моихъ сестеръ строгій нагоняй со стороны Пушкина за предосудительную, вредную шутку“.

Единственный сынъ давнишняго пріятеля поэта, князя П. А. Вяземскаго, Павелъ Петровичъ (род. 2 іюня 1820, ум. 29 іюня 1888) получилъ образованіе въ школѣ при петербургской лютеранской церкви св. Петра и затѣмъ — въ петербургскомъ университетѣ, служилъ за границею по министерству иностранныхъ дѣлъ, потомъ былъ помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа и попечителемъ казанскаго; въ 1873 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ петербургскаго комитета иностранной цензуры, а въ 1881 г. — начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати; впоследствии былъ сенаторомъ. Въ дѣтствѣ и ранней юности онъ пользовался вниманіемъ Пушкина, и въ перепискѣ поэта сохранилось нѣсколько упоминаній о немъ. „Что дѣлаете вы безподобная княгиня, въ вашей саратовской степи, и что дѣлаетъ его сіятельство Павелъ, котораго письма составляютъ единственное утѣшеніе наше?“ писалъ Пушкинъ княгинѣ В. О. Вяземской изъ Петербурга, 24 апрѣля 1828 г. Кн. Вяземскій, въ письмѣ къ Пушкину отъ 26 іюля того же года, между прочимъ, сообщалъ: „Я у Павлуши нашель въ тетради: *Критика на Евгенія Онгина*, и по началу можно надѣяться, что онъ нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: „И какой тутъ смыслъ: *завѣтный вензель О да Е?*“ Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: *какія глупыя мѣста! L'enfant promet.* Булгаринъ и теперь былъ бы радъ усыновить его Пчелѣ“ — „Критика князя Павла“, отвѣчалъ Пушкинъ, „веселитъ меня, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій современемъ плоды. Попроси его переслать мнѣ свои замѣчанія; я буду на нихъ отвѣчать непремѣнно“. Вѣроятно, эти замѣчанія и были доставлены Пушкину, кото-

рый въ началѣ 1830 г., въ письмѣ къ кн. Вяземскому, посылалъ поклонъ „грозному моему критику Павлушѣ“, съ добавленіемъ: „Я было написалъ на него ругательную антикритику, слогомъ *Галатеи*, взявъ въ эпиграфъ: „Павлуша мѣдный лобъ, приличное названье!“ собирался ему послать, не знаю, куда дѣлать“ (*Переписка*, томъ II, стр. 64, 72, 75, 114—115). Пушкинъ забавлялся съ ребенкомъ, училъ его боксировать, играть въ дурачки визитными карточками; впослѣдствіи, въ половинѣ 30-хъ гг., поэтъ охотно бесѣдовалъ съ юношей на разныя житейскія темы.

О князѣ П. П. Вяземскомъ см.: *П. Петровъ*, „Кн. П. П. Вяземскій“, С.-Пб. 1881; *Е. Опочининъ*, „Памяти кн. П. П. Вяземскаго“, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1888, № 146; *Л. Н. Майковъ*, „Кн. П. П. Вяземскій“, некрологъ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1888, № 8; *гр. С. Д. Шереметевъ*, „Кн. П. П. Вяземскій, воспоминаніе“, С.-Пб. 1888; „Сборникъ въ память кн. П. П. Вяземскаго“, С.-Пб. 1892, со статьею *Н. П. Барсукова*: „Страничка біографіи кн. П. П. Вяземскаго“; *Пантеонъ Литературы* 1889, № 1; *Новое Время* 1888, №№ 4431, 4432, 4435 и 4587; *С. А. Венеровъ*, Источники словаря русскихъ писателей, томъ I (С.-Пб. 1900), стр. 669.

XVI.

ОТВѢТЪ О. А. ТУМАНСКОМУ.

(Стр. 230).

Подлинникъ этого стихотворенія, принадлежавшій В. П. Зубкову, былъ переданъ въ 1866 г. С. П. Колошинымъ въ Чертковскую бібліотеку (*Русскій Архивъ* 1876, стлб. 317). Онъ озаглавленъ: „Отвѣтъ X—Y“. Стихотвореніе было напечатано въ изданіи 1829 г., часть II,

XVI.

ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

(Стр. 230).

Подлинникъ этого стихотворенія, принадлежавшій В. П. Зубкову, былъ переданъ въ 1866 г. С. П. Колошинымъ въ Чертковскую библіотеку (*Русскій Архивъ* 1867, стлб. 317). Онъ озаглавленъ: „Отвѣтъ X + Y“. Стихотвореніе было напечатано въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 78, при чемъ отнесено къ 1826 г. и озаглавлено: „Отвѣтъ Ѳ. Т***“. По замѣчанію П. В. Анненкова (Сочиненія Пушкина, томъ II, стр. 420), стихотвореніе предназначалось первоначально для *Московского Вѣстника*, но по какой-то причинѣ было задержано Пушкинымъ: „Ради Господа Бога“, писалъ онъ Погодину въ серединѣ апрѣля 1827 г., „оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете“ (*Переписка*, томъ II, стр. 24).

По какому поводу написано это стихотвореніе, — намъ неизвѣстно. Ѳедоръ Антоновичъ Туманскій (ум. 5 іюля 1853), родственникъ поэта Вас. Ив. Туманскаго, бывшаго съ Пушкинымъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, въ 20-хъ гг. былъ консуломъ въ Яссахъ, откуда часто пріѣзжалъ въ Кишиневъ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ. Въ печати извѣстно только 8 его стихотвореній, помѣщенныхъ въ *Сѣверныхъ Цептахъ* 1825—1830 гг. и перепечатанныхъ въ изданной гр. Г. А. Милорадовичемъ книжкѣ: „Стихотворенія В. И. Туманскаго“, Спб. 1881. Между ними нѣтъ стихотворенія, на которое отвѣчаетъ Пушкинъ. Въ *Русскомъ Архивѣ* 1874, книга II, стр. 728, напечатано не вошедшее въ упомянутую книжку посланіе его: „А. С. Пушкину“, начинающееся стихами: „Еще въ младенческія лѣта любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ“ и ошибочно приписанное Л. Н. Павлицевымъ своей матери,

сестрѣ Пушкина, Ольгѣ Сергѣевнѣ. Всѣмъ извѣстно стихотвореніе Ѳ. Туманскаго: „Птичка“ („Вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей“).

XVII.

О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛЪ...

(Стр. 231).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 61 об., напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 353.

Относится, по всей вѣроятности, къ князю П. А. Вяземскому. Первый стихъ взять изъ посланія 1819 г. къ А. Ѳ. Орлову.

XVIII.

О НѢТЬ, МНѢ ЖИЗНЬ НЕ НАДОБЛА...

(Стр. 232).

Подлинникъ — на неровно оторванной четвертушкѣ бумаги безъ водяныхъ знаковъ, находится въ Пушкинскомъ Музеѣ А. Ѳ. Онягина въ Парижѣ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ XII, стр. 18, № 43); напечатано г. Онягинымъ въ *Новомъ Времени* 1887, № 3922 (29 января). Приводимъ полную транскрипцію этого совершенно неотдѣланнаго и трудно читаемаго наброска.

О нѣтъ мнѣ жизнь ненадобла
Я жить люблю, я жить хочу*).

(Еще я долго жить хочу)

---

*) Весь стихъ зачеркнуть, потомъ возстановленъ.

(Пускай весна моя) (пускай одѣла)
 (Конечно я безъ) (я безъ дѣла)
 (Могилу темную) (темную мою)
 (Утрата въ жиз)
 (Утрата) (Молодость мою)
 Душа невовсе охладѣла
 Утрата молодость свою

(Зачѣмъ)
 Что въ смерти добраго
 Еще мнѣ будутъ (Еще созрѣеть)
 (Еще храня) (впеч)
 Еще хранятся наслажденья
 Для любопытства *) моего
 Для милыхъ сновъ (души моей) воображенья
 (Для чувствъ) всего

Посрединѣ страницы крупно написано: L Luu, потомъ мелко: *России Мицкевичъ*, а внизу дважды повторено, точно намѣренно измѣненнымъ почеркомъ: Louis.

А. Э. Онѣгинъ, основываясь на упоминаніи имени Мицкевича, относитъ этотъ набросокъ къ 1826 г., когда Пушкинъ встрѣтился въ Москвѣ и познакомился съ польскимъ поэтомъ. Основаніе конечно, не особенно твердое, такъ какъ Пушкинъ могъ вспомнить о Мицкевичѣ и позже. Можетъ быть, вѣроятнѣе отнесеніе наброска къ 1830 г., въ виду сходства основной его мысли съ элегіей: „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ („Я жить хочу... и вѣдаю: мнѣ будутъ наслажденья“).

---

*) Зачеркнуто и восстановлено.

1827.

I.

ПОСЛАНИЕ ВЪ СИБИРЬ.

(Стр. 235).

Въ рукописи неизвѣстно. Написано въ Москвѣ и передано Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ мужу, Никитѣ Михайловичу, находившемуся тогда на Петровскомъ заводѣ, близъ Читы (Иркутской губ., Верхнеудинскаго уѣзда). Напечатано впервые Герценомъ, въ *Полярной Звѣздѣ* 1856, книга II-я, стр. 13; въ Россіи же появилось только въ 1874 г., въ *Русскомъ Архивѣ* (книга II-я, стр. 703), при воспоминаніяхъ декабриста Н. И. Лорера. „Какъ извѣстно“, говоритъ Лореръ, „Пушкинъ отнюдь не сочувствовалъ дѣлу декабристовъ и осуждалъ ихъ замыслы, но ко многимъ изъ нихъ лично сохранялъ онъ неизмѣнную привязанность... Прощаясь съ А. Г. Муравьевой, онъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда онъ къ ней вошелъ“.

Декабристъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій отвѣтилъ на посланіе слѣдующими стихами:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей —
И радостно вздохнуть народы.

(Сборникъ П. И. Баргенева: „А. С. Пушкинъ“, М. 1881, выпускъ I, стр. 112; Стихотворенія Одоевскаго, изданныя барономъ Розеномъ, Спб. 1882).

II.

СОЛОВЕЙ.

(Стр. 236).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано въ *Литературномъ Музеумъ* Вл. Измайлова на 1827 г., стр. 311, и затѣмъ вошло въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 90, гдѣ отнесено къ 1827 г., хотя книжка *Литературнаго Музеума* цензурована 28 декабря 1826 г., такъ что, повидимому, стихотвореніе написано въ концѣ этого года.

Сопоставленіе съ другими стихотвореніями Пушкина, въ которыхъ отразился восточный образъ соловья, влюбленнаго въ розу, сдѣлано проф. Н. Θ. Сумцовымъ, въ книгѣ: „А. С. Пушкинъ“ (Харьк. 1900), стр. 174—178,

гдѣ указано, между прочимъ, что источникомъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ считать стихи Байрона, въ началѣ его *Гаура*:

... the Rose o'er crag or vale,
Sultana of the Nightingale,
The maid for whom his melody
His thousand songs are heard on high,
Blooms blushing to her lover's tale...

См. также настоящаго изданія томъ II, прим., стр. 352.

III.

ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ...

(Стр. 237).

Листокъ съ черновымъ наброскомъ этого стихотворенія, принадлежавшій М. П. Погодину, находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Снимокъ съ него данъ Погодинымъ въ *Русскомъ Историческомъ Альбомѣ* (М. 1853, л. 39). Бѣловое стихотвореніе, по рукописи, нынѣ неизвѣстной, напечатано въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859, стлб. 185, откуда перепечатано въ изданіи Г. Н. Геннади (Спб. 1859, томъ I, стр. 376).

Черновой набросокъ читается такъ:

Сонетъ.

Три (розы на свѣтѣ цвѣтуть)
(Но три) Вотще ранніе морозы
дыханье
Цвѣтеть между мин[утныхъ] розъ
Неувядаемая роза
(Въ Киѳерѣ)
(На берегу) (Въ сумрачн...)
(Благо)

(Цв) Цвѣтеть прїятна* и* пышна*
 (Кипридой) Благословенная (цвѣт)
 Благословенная (Венер) Кипридой
 (И близь)
 (Есть) роза —
 Благословенная (Вен) (Кипр)
 (И роза)
 Цвѣтеть румяна и пышна
 (Есть роза) — — она
 (Подъ) (Въ тѣни)
 Есть роза дивная — она
 Предъ изумленною Киѳерой .

По своему содержанию стихотвореніе представляет, вѣроятно, мадригалъ какой-нибудь изъ тогдашнихъ московскихъ красавицъ. Въ *Сѣверныхъ Цѣптахъ* на 1827 годъ (стр. 229) было напечатано стихотвореніе Д. В. Веневитинова: „Три розы“:

Въ глухую степь земной дороги
 Эмблемой райской красоты
 Три розы бросили намъ боги, —
 Эдема лучшіе цвѣты.

Одна изъ этихъ розъ — цвѣтъ Кашмира, другая горитъ зарею на небѣ, а третья сіяетъ на дѣвственныхъ щекахъ красавицы; эта послѣдняя — всѣхъ лучше, но за то и всѣхъ недолговѣчнѣе.

---

*) Зачеркнуто и восстановлено.

IV.

ЕК. НИК. УШАКОВОЙ.

(Стр. 238).

Сохранилось въ копіи Ек. Ник. Ушаковой, на отдѣльномъ листкѣ, подъ заглавіемъ: „Стихи, сочиненныя на слова *Аминь, аминь, разсытсья*, А. Пушкина въ моемъ альбомѣ“.— Напечатано въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859, № 6, стлб. 184, какъ списанное „съ автографа Пушкина изъ альбома Е. Н. Ушаковой“, съ помѣтою: „3 апр. 1827“. Оттуда перешло въ изданіе Геннади (1859), томъ I, стр. 375.

Текстъ рукописи Ек. Н. Ушаковой и текстъ журнала представляютъ нѣкоторыя различія, при чемъ первый, по указанію Л. Н. Майкова („Матеріалы“, стр. 262; „Пушкинъ“, стр. 362—364), внушаетъ болѣе довѣрія по своему происхожденію. Онъ и воспроизводится въ настоящемъ изданіи.

Текстъ *Библиографическихъ Записокъ* представляетъ слѣдующіе варианты:

Стихъ 4-й: *Пустое* это изрѣченье

Стихи 14-й—15-й: *Я* содрогаюсь предъ тобою

И сердца пылкаго мечтою

Съ семействомъ Ушаковыхъ, состоявшимъ изъ отца—Николая Васильевича, матери—Софьи Андреевны, двухъ дочерей—Екатерины и Елизаветы, и трехъ сыновей, Пушкинъ познакомился въ Москвѣ осенью 1826 г. Домъ Ушаковыхъ на Средней Прѣснѣ былъ очень извѣстенъ въ тогдашней Москвѣ: тамъ постоянно бывали разные выдающіеся музыканты, пѣвцы, а также и литераторы, напр. Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, князь П. И. Шаликовъ,

князь П. А. Вяземскій и др. Пушкинъ скоро сталъ въ этомъ домѣ своимъ человѣкомъ и постояннымъ гостемъ, ухаживалъ за обѣими сестрами, писалъ имъ въ альбомы стихи, рисовалъ карикатуры и пр. Два альбома старшей сестры, Екатерины Николаевны, были потомъ сожжены ея мужемъ, М. Д. Наумовымъ, „ревность котораго не пощадила этого драгоценнаго собранія“. См. статью Л. Н. Майкова: „Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ“, въ книгѣ: „Пушкинъ“, стр. 355—377, и *Русскій Архивъ* 1912, книга III, стр. 300—301.

V.

ЕЙ ЖЕ.

(Стр. 239).

Сохранилось также въ копіи Ек. Ник. Ушаковой, на отдѣльномъ листкѣ, подъ заглавіемъ: „Vers de Pouchkine à son départ à Pétersbourg, faits chez nous“, съ подписью: „А. Пушкинъ“ и помѣтою: „16 мая 1827“.— Напечатано въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859, № 6, стлб. 184, какъ списанное „съ автографа Пушкина изъ альбома Е. Н. Ушаковой“, съ примѣчаніемъ: „Писано передъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ“. Затѣмъ перепечатано въ изданіи Геннади (1859), томъ I, стр. 406, съ отнесеніемъ къ 1829 году, къ которому приурочивалось и послѣдующими изданіями. См Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, стр. 364.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ въ ночь съ 19 на 20 мая.

VI.

КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(Стр. 240).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть III, № X, стр. 113 (цензурное разрѣшеніе 23 апрѣля), подъ заглавіемъ: „Книгинѣ З. А. Волконской, посылая ей поэму: Цыганы“; затѣмъ вошло въ изданіе 1829, часть II, стр. 103, подъ заглавіемъ: „Княгинѣ З. А. Волконской“ и съ прибавкою въ оглавленіи: „При посылкѣ ей поэмы: Цыганы“.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, дочь князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, родилась въ Туринѣ въ 1792 г. и свое первоначальное литературное и эстетическое образованіе получила подъ руководствомъ отца, который былъ извѣстенъ, какъ французско-русскій писатель. Выйдя за егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго (1781—1841), она жила сначала въ Петербургѣ, занимая высокое положеніе при дворѣ, а послѣ 1812 г. — за границею, особенно въ Теплицѣ, Вѣнѣ и Веронѣ, гдѣ въ ея обществѣ любилъ бывать, во время политическихъ конгрессовъ, императоръ Александръ I. Въ концѣ 1824 г. она переселилась въ Москву, гдѣ ея домъ сдѣлался средоточіемъ избраннаго артистическаго и литературнаго общества. По словамъ графа М. Д. Бутурлина, княгиня „возбуждала всеобщій восторгъ и удивленіе своими свѣдѣніями, литературнымъ талантомъ . . . , но болѣе всего пѣніемъ и игрою на своемъ домашнемъ театрѣ“ (*Русскій Архивъ* 1897, № 4, стр. 640; № 6, стр. 177—178). Въ числѣ постоянныхъ гостей на ея вечерахъ были: князь П. А. Вяземскій, Мицкевичъ, Веневитиновы, Шевыревъ, И. В. Кирѣевскій, Боратынскій и др. Впослѣдствіи, въ 1829 г., она переселилась въ Римъ и, принявъ католичество, уже не

возвращалась въ Россію. Ум. въ Римѣ, 5 февраля 1862 г. Ею написано на русскомъ и французскомъ языкахъ нѣсколько произведеній въ стихахъ и прозѣ: „Quatre Nouvelles“ (М. 1819); „Giovanna d'Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller“ (Roma 1820); „Tableau Slave du V siècle“ (Р. 1824; русскій переводъ — въ *Дамскомъ Журналѣ* 1826, часть IX, и отдѣльно, М. 1826); ея стихотворенія, беллетристическіе отрывки и путевыя впечатлѣнія печатались въ разныхъ московскихъ журналахъ и альманахахъ. Собраніе ея сочиненій издано ея сыномъ, княземъ Александромъ Никитичемъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ 1865 г., въ Карлсруэ и Парижѣ.

Въ 1826 г. въ Москвѣ вышла брошюра о ней: „Portrait de M-me la princesse Zénéïde Volkonsky“, тогда же переведенная на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Узнанная“. См. *Русскій Архивъ* 1864, стлб. 667, и 1867, стлб. 311, 671; *Русская Старина* 1875, томъ XII, стр. 822; *Н. Колупановъ*, Біографія А. И. Кошелева, томъ I, книга 2, М. 1889, стр. 265—268; *Н. А. Бѣлозерская*, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1897, №№ 3 и 4; *Старина и Новизна*, книга X (1905), стр. 504—609.

Упомянутое въ стихахъ Пушкина о знаменитой итальянской пѣвицѣ Анджеликѣ Каталани (1783—1849) объясняется тѣмъ, что она, въ бытность свою въ Москвѣ, поѣхала однажды послушать цыганъ и такъ осталась довольна пѣніемъ „Стеши“, что сняла съ себя и подарила ей дорогую шаль.

Въ *Дамскомъ Журналѣ* 1828, № 23, стр. 163—164 находится небольшая замѣтка, въ которой, между прочимъ, сказано: „Слышавшіе извѣстную и прекрасную въ своемъ родѣ пѣвицу-цыганку *Стефаниду* вѣрно помнятъ, съ какимъ искусствомъ она умѣла украшать весьма музыкальными пассажами свои русскія и цыганскія пѣсни. Невозможно правильнѣе и съ большимъ выраженіемъ

(expression) дѣлать нѣкоторыя рулады, какъ она ихъ дѣлала, и это не вредитъ нимало характеру національной мелодіи“.

Въ изданномъ П. Араповымъ и Д. Новиковымъ альманахѣ „Радуга“ на 1830 г. было помѣщено нѣсколько цыганскихъ пѣсенъ, съ нотами и примѣчаніемъ: „Слушая знаменитую Степаниду (Степу), славная Каталани восхищалась искусствомъ и плѣнительнымъ голосомъ сей Вакховой жрицы. Степанида имѣетъ счастливыхъ послѣ себя подражательницъ: Оленька (жаль, что она, перейдя отъ недостатка къ довольству, не поетъ ужъ болѣе для всякаго); сестра ея Танюша, любимица публики, и теперь еще славится; хоръ нѣсколькихъ товарищей, мушницъ и женщинъ, составляющихъ таборъ, вторить всегда ея голосу, исполненному жизни и отраднаго впечатлѣнія“.

Названная здѣсь „Оленька“ (Ольга Андреевна) жила съ пріятелемъ Пушкина П. В. Нащокинымъ.

VII.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ.

(Стр. 241).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ изданіи 1880, томъ II, стр. 267, а ранѣе появилось въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина, *Рускаго* (Г. Н. Геннади), 1861 г., стр. 125.

Княжна Софья Александровна Урусова (род. 20 мая 1806, ум. 29 іюля 1889), дочь оберъ-камергера князя Александра Михайловича (1766—1853) и княгини Екатерины Павловны, рожденной Татищевой, въ послѣдствіи (1833) вышла замужъ за князя Леона-Людвига Радзи-

вилла (1808—1885). См. *Русскій Архивъ* 1900, книга I, стр. 369.

Князь П. А. Вяземскій (*Старина и Новизна*, книга VII, стр. 38) высказалъ сомнѣнiе въ принадлежности настоящаго четверостишiя Пушкину: „Мадригалъ довольно пошлый и приторный. Во всякомъ случаѣ не написанъ онъ княжнѣ Урусовой. Пушкинъ былъ влюбленъ въ сестру ея, графиню Пушкину“.

Четверостишiе представляетъ подраженiе экспромпту Вольтера, сказанному въ 1759 г. красавицѣ женѣ пастора Верна:

Oui, j'en conviens, chez moi la Trinité
Jusqu'à présent n'avait pas fait fortune;
Mais j'aperçois les trois Grâces en une, —
Vous confondez mon incrédulité.

VIII.

ЭПИГРАММА.

(Стр. 242).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть II, № VI, стр. 124 (цензурное разрѣшенiе 21 февраля), подъ заглавiемъ: „Эпиграмма (изъ Антологiи)“ и съ подписью: „Ал. П.“. Затѣмъ вошло въ Посмертное изданiе, томъ IX, стр. 464.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ (1806—1874), впоследствии извѣстный церковный писатель, авторъ „Путешествiя къ св. мѣстамъ“, „Писемъ о богослуженiи“, „Исторiи Россiйской церкви“ и пр., въ своей брошюрѣ: „Знакомство съ русскими поэтами“ (Кiевъ 1871), рассказываетъ, что однажды на вечерѣ у княгини Волконской, онъ нечаянно сломалъ руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу, и въ видѣ

извиненія написалъ на пьедесталѣ нѣскольکو стиховъ. Стихи эти, довольно глупые, дошли до Пушкина и послужили поводомъ къ эпиграммѣ, на которую обиженный Муравьевъ попытался отвѣтить также эпиграммой (напечатана въ *Новомъ Времени* 1880, № 1518):

Какъ не злиться Митрофану?
 Аполлонъ обидѣлъ насъ:
 Посадилъ онъ обезьяну
 Въ первомъ мѣстѣ на Парнассъ.

„Эпиграмма“, говоритъ Муравьевъ, „дошла до меня уже позднѣе, когда я былъ въ деревнѣ; когда же я возвратился въ Москву, . . . мнѣ случилось встрѣтить Соболевскаго. . . Я спросилъ его, какая могла быть причина, что Пушкинъ, оказывавшій мнѣ столь много пріязни, написалъ на меня такую злую эпиграмму? Соболевскій отвѣчалъ: „Вамъ покажется страннымъ мое объясненіе, но это сущая правда: у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее, и онъ обращался ко всякаго рода гадалщицамъ. Одна изъ нихъ предсказала ему, что онъ долженъ остерегаться высокаго, бѣлокураго молодого человѣка, отъ котораго придетъ ему смерть. Пушкинъ довольно суевѣренъ, и потому какъ только случай сведеть его съ человѣкомъ, имѣющимъ всѣ сіи наружныя свойства, ему сейчасъ приходитъ на мысль испытать, — не это ли роковой человѣкъ? Онъ даже старается раздражить его, чтобы скорѣе искутить свою судьбу. Такъ случилось и съ вами, хотя Пушкинъ къ вамъ очень расположенъ“. Когда вышло въ свѣтъ „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“ (1832), Пушкинъ, по словамъ Муравьева, хвалилъ эту книгу „оттого, что чувствовалъ себя виноватымъ за эпиграмму. . . Нечаянно встрѣтилъ я его и не узналъ, но онъ первый ко мнѣ устремился и сказалъ: „До сихъ поръ не могу простить себѣ глупой моей эпиграммы. Я былъ

весьма тронуть, когда услышалъ по окончаніи войны, что вы поѣхали въ Іерусалимъ, и тогда же написалъ для васъ стихи въ такомъ смыслѣ, что когда цари земные, заключающая миръ, позабыли святой городъ, одинъ лишь безвѣстный юноша вспомнилъ о немъ и пошелъ поклониться гробу Христову“. Я былъ тронуть до слезъ и благодарилъ знаменитаго поэта за его утѣшительное слово, которое такъ прямо вытекло изъ его благородной души. Пушкинъ обѣщаль мнѣ отыскать стихи свои, но сколько ни рылся въ бумагахъ, не могъ найти ихъ; написать же новые, какъ бы съ подогрѣтыми чувствами, было бы странно; такъ они и пропали. . . Съ тѣхъ поръ и до самой кончины Пушкина я оставался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ“.

Въ разсказѣ о стихахъ, будто бы написанныхъ Пушкинымъ по поводу *Путешествія*, Муравьевъ, вѣроятно, ошибся: передаваемая имъ мысль Пушкина выражена не въ стихахъ, а въ черновой рецензій, предназначавшейся, вѣроятно, для помѣщенія въ *Современникъ*, но такъ и оставшейся въ бумагахъ поэта въ недоконченномъ видѣ (*Русская Старина* 1884, томъ 43, стр. 326).

IX.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

(Стр. 243).

Письмо къ Языкову отъ 14 іюня 1827 г., изъ Петербурга (*Переписка*, томъ II, стр. 30). — Напечатано въ *Северныхъ Цѣткахъ* на 1829 годъ, отдѣлъ: „Поэзія“, стр. 185—186, подъ заглавіемъ: „Къ Я.“ и съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи (имя Пушкина указано въ оглавленіи). Затѣмъ перепечатано въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 468—469.

X.

АРИОНЪ.

(Стр. 245).

Черновое—въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 36, помѣчено: $\frac{16 \text{ іюля}}{7}$ и находится среди произведеній, относящихся къ 1826 и 1827 гг. Напечатано въ *Литературной Газетѣ* 1830 г., № 43, безъ подписи, и оттуда перешло въ изданіе Анненкова, томъ VII, стр. 41—42, съ произвольнымъ приуроченіемъ къ 1830 году.

Рукопись представляетъ первоначальную редакцію, съ поправками, сдѣланными разновременно, то чернилами, то карандашемъ; карандашемъ же приписано и заглавіе. Между прочимъ, Пушкинъ началъ было замѣнять мѣстоименія перваго лица — третьимъ. Приводимъ первоначальные варианты:

- Стихи 1-й: *Ихъ* было много на челну
 „ 4-й: *Могучи* весла въ глубину
 „ 6-й: *Отважно* правилъ утлый челнъ
 „ 7-й: *А онъ* — безпечный вѣры полнъ
 „ 8-й: Пловцамъ *онъ* пѣлъ. . .
 „ 9-й: Измялъ, *всклопочилъ* вихорь шумный
 „ 11-й: Лишь *онъ*, таинственный пѣвецъ
 „ 12-й: На берегъ *вынесши* грозою
 „ 13-й: *Гимнъ* избавленія пою
 (*Спасенъ Дельфиномъ, я пою*)

Аріонъ — греческій поэтъ и музыкантъ, жившій въ 628—585 г. до Р. X. Геродотъ рассказываетъ (1, 23), что Аріонъ, проживъ долгое время у Коринескаго тиранна Періандра, пожелалъ однажды посѣтить Италію и Сицилію. Собравъ тамъ большія богатства, онъ отплылъ

изъ Тарента на коринескомъ суднѣ. Корабельщики хотѣли бросить его въ море, чтобы завладѣть его сокровищами; но онъ упросилъ ихъ позволить ему спѣть еще одну пѣсню и затѣмъ самъ бросился въ волны. Дельфинъ, привлеченный его пѣніемъ, вынесъ его на своей спинѣ на берегъ, откуда Аріонъ и добрался до Коринеа раньше корабельщиковъ, которые, по прибытіи туда, были уличены въ преступленія и казнены. Это же сказаніе передаютъ Цицеронъ (Tusc. II, 27, 67) и Овидій (Fast. II, 38—118). Въ такъ называемыхъ „Запискахъ А. О. Смирновой“ (*Съверный Вѣстникъ* 1893, № IX, стр. 249) приведены французскіе стихи, будто бы сказанные самимъ Пушкинымъ:

Jeune Arion, bannis la crainte,
 Aborde aux rives de Corinthe:
 Minerve aime ce doux rivage;
 Périandre est digne de toi,
 Et tes yeux y verront un sage
 Assis sur le trône d'un roi.

Извѣстна также баллада на эту тему А. В. Шлегеля. Но стихотвореніе Пушкина, кромѣ заглавія, надписаннаго надъ нимъ, какъ видно изъ рукописи, позднѣе, не имѣетъ ничего общаго съ мифическимъ Аріономъ. Въ нашей критической литературѣ уже давно указано, что заглавіе имѣло исключительно цѣлью замаскировать классическимъ именемъ самое современное содержаніе. Пушкинъ воспользовался этимъ приѣмомъ для того, чтобы представить въ поэтическомъ образѣ свои отношенія къ декабристамъ, мысль о которыхъ сквозитъ во многихъ его произведеніяхъ 1826—1827 гг. „Повѣщенные повѣшены“, писалъ онъ кн. Вяземскому въ августѣ 1826 г., — „но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна...“ (*Переписка*, томъ I, стр. 364). Подъ стихотвореніемъ: „Подъ небомъ

голубымъ...“, вслѣдъ за помѣтою о смерти Ризничъ, находится еще помѣта: „У. о с. Р. П. М. К. Б.: 24“, которую слѣдуетъ читать: „Услышалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 іюля 1826 г.“ (они были казнены 13 іюля). Въ другой замѣткѣ эти же заглавныя буквы сопровождаются припискою: „Видѣлъ во снѣ“. Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 38, послѣ черновыхъ строфъ V-й главы *Опытна*, нарисованы крѣпостной валъ съ воротами, на валу — висѣлица и на ней — пять повѣшенныхъ. Тотъ же рисунокъ повторенъ и внизу страницы (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 550 *).

---

*) В. Е. Якушкинъ (1. с.), С. А. Венгеровъ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 529—530) и другіе замѣтили, что на этой же страницѣ, надъ изображеніемъ висѣлицы, написано: „И я бы могъ (какъ тутъ на)“ (Венгеровъ читаетъ: „какъ *шутъ*“, что несомнѣнно вѣриѣ), а затѣмъ и въ серединѣ страници снова повторено: „И я бы могъ“. Эти слова толкуются какъ выраженіе мысли Пушкина о томъ, что онъ могъ бы быть повѣшеннымъ, какъ его друзья — декабристы. Это толкованіе кажется намъ, однако, болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Во-первыхъ, внимательное разсмотрѣніе рукописи убѣждаетъ въ томъ, что рисунокъ висѣлицы вверху страници сдѣланъ *послѣ* строки: „И я бы могъ (какъ шутъ на)“, захватывая нижнія части буквъ; во-вторыхъ, большая часть страници покрыта рисунками, — изображеніями разныхъ профилей; въ-третьихъ, слова: „И я бы могъ (какъ шутъ на)“ представляютъ, несомнѣнно, начало стиха, и ихъ ни какъ нельзя дополнить словомъ: „висѣлицѣ“, потому что стиха не вѣдетъ. Пушкинъ просто воспользовался свободной страницей для того, чтобы начать на ней какіе-то стихи, затѣмъ задумался и, по своему обыкновенію, сталъ чертить фигуры, приходившія ему на умъ, въ томъ числѣ и висѣлицу декабристовъ. Затѣмъ онъ снова хотѣлъ писать стихи, но, написавъ на свободномъ мѣстѣ въ серединѣ исчерченной страници слова: „И я бы могъ“, опять сталъ рисовать головки и окончилъ страницу повтореніемъ висѣлицы. Это доказываетъ только, что Пушкинъ думалъ о погибшихъ братьяхъ и друзьяхъ, мысль о которыхъ мѣшала ему спокойно предаваться творчеству, но вовсе не доказываетъ, что написанныя на этой страницѣ слова имѣютъ отношеніе къ висѣлицѣ. Слѣдуетъ еще добавить, что роковая висѣлица съ пятью повѣшенными попадаетъ даже и въ 1828 г., среди черновыхъ строфъ *Полтавы* (рукопись Румянцовскаго Музея № 2371, л. 38, — *Русская Старина* 1884, томъ 43, стр. 47).

Оцѣнивая настоящее стихотвореніе съ точки зрѣнія мыслей о декабристахъ, В. Е. Якушкинъ („О Пушкинѣ“, М. 1899, стр. 52—53) говоритъ: „Не смотря на аллегорію, картина по отношенію къ Пушкину вполне вѣрна истинѣ. Онъ былъ только пѣвцомъ тѣхъ идей, которыя лежали въ основѣ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и дѣятельности тайныхъ обществъ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовыхъ дѣятелей, пѣвецъ же уцѣлѣлъ, буря случайно его пощадила. Но мало того, спасшійся пѣвецъ „гимны прежніе поетъ“, хотя не пускается, не можетъ пуститься въ открытое море... И въ этомъ окончаніи пьесы... тоже вѣрно представлена судьба Пушкина. Спасенный рокомъ отъ гибели съ декабристами, онъ сохранилъ убѣжденія, идеи, которыя онъ „пѣлъ“ раньше, которыя были воспитаны въ немъ его дружескими связями, его знакомствами. Онъ остался одинъ (или почти одинъ) послѣ бури; если бы онъ, одинъ пловецъ, кинулся снова въ море, оно поглотило бы и его, и его гимны; его идеи погибли бы съ нимъ; объ этомъ онъ и говоритъ въ письмѣ къ Жуковскому: „безумно противорѣчить необходимости“. Онъ избираетъ другой путь, онъ заключаетъ договоръ, по которому вовсе не отказывается отъ своихъ взглядовъ („какой бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религиозный“), а только обѣщается не выставять свои взгляды прямо въ противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Пушкинъ остался какъ бы наслѣдникомъ, единственнымъ, главнымъ представителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ, и чтобы охранить ихъ, — этогъ, такъ сказать, грузъ, спасенный имъ изъ погибшаго челна, онъ рѣшилъ не ставить ихъ въ рѣзкое противорѣчіе съ побѣдившимъ строемъ, выставять и проводить ихъ, насколько возможно, при „общепринятомъ порядкѣ“. Этимъ объясняется вся его общественная дѣятельность въ царствованіе Николая“.

О литературномъ значеніи *Аріона* см. Н. Θ. Сумцова: „А. С. Пушкинъ“, Харьк. 1900, стр. 194—201. Между прочимъ, проф. Сумцовъ указываетъ на „загадочное“ стихотвореніе на сходную тему, найденное въ бумагахъ Л. С. Пушкина и, можетъ быть, имъ же и написанное въ подражаніе геніальному брату:

Nec temere nec timide.

Въ угломъ челявѣ и беззвѣздною ночью я, бурѣ довѣрясь,
 Въ море пускался, буря же къ пристани прямо меня принесла.
 Путникъ, судебъ не испытывай: челны другихъ погибли.
 Берегъ на гордой триремѣ оставилъ я въ полдень блестящій
 Тихому Евру мой парусъ довѣря. И что же? Погибъ я.
 Путникъ, судьбы не страшись: многіе брега достигли.

Помимо указаннаго автобіографическаго значенія, *Аріонъ* имѣетъ и болѣе общій смыслъ, какъ выраженіе идеи о высокомъ призваніи поэта, ставящемъ его, „безпечное дитя природы“, подъ особое покровительство Промысла. Съ этой стороны его можно сопоставить съ цѣлымъ рядомъ стихотвореній Пушкина, содержаніемъ которыхъ служить выясненіе значенія поэта и его дѣятельности (С. Любомудровъ, „Античные мотивы въ поэзіи Пушкина“, изданіе 2-е, С.-Пб. 1901, стр. 38—49).

XI.

ТРИ КЛЮЧА.

(Стр. 246).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано впервые въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1841, томъ XIV, № 1, отд. III, стр. 1, и затѣмъ вошло въ Посмертное изданіе, томъ IX,

стр. 135. Въ журналѣ стихотвореніе было помѣчено: „18 іюня 1827. С.-Петербургъ“; эта же дата указана была Анненковымъ въ примѣчаніяхъ къ II-му тому его изданія (стр. 440); но въ I-мъ томѣ того же изданія, въ *Материалахъ* для біографіи Пушкина (стр. 175), сказано, что стихотвореніе написано 27 іюля. Эту дату, вѣроятно, основанную на недошедшей до насъ рукописи, принимаемъ и мы (на стр. 246 ошибочно напечатано: 7 іюля).

ХІІ.

ЧЕРЕПЪ.

(Стр. 247—252).

Черновые отрывки этого стихотворенія находятся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея №№ 2367, лл. 37 об. и 57 об.; 2368, л. 36 об. и 2370, л. 75. Въ виду существенныхъ отличій этого чернового текста отъ печатнаго, даемъ полную транскрипцію рукописныхъ отрывковъ.

№ 2370, л. 75. (Стихи 1—15).

(Прими сей)

(Прими въ подарокъ отъ меня)

(Ты зришь)

(Сей — —) Сей черепъ — (и) онъ

Принадлежитъ тебѣ по праву —

(Его) (исторію)

Твой предокъ, милый мой баронъ

(Я расскажу тебѣ въ забаву)

Передаю тебѣ —

Его — — славу

(Трудолюбиво описаль) разыскаль

(Передаю его я славу)

И вотъ идутъ они теперь
Подъ сводъ подвала веллчавой.
 Сіянемъ тощимъ фонаря
 (Предметы слабо) озаря
 Идутъ — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторить звукъ шаговъ.
 (Прекрасный видъ)
Видъ поэтический предъ нами:
Въ прозрачной тмѣ ряды гробовъ,
Златяя надписи надъ нами
 (Съ гербами гордыми своими)
Гласятъ о славу мертвецовъ,
О благородствѣ ихъ (высокомъ) священномъ
И о почтеніи (глубокомъ) надменномъ
Наслѣдниковъ —

№ 2368, л. 36 об.

(Я бы не могъ) ть риемы
 Я бы никакъ не осмѣлился остави(вши) (стихи) въ эту
 поэтическую минуты *), (и въ смиренной прозѣ спѣшу скорѣе)
 (что не) (но что) (я бы) если бъ твой прадѣдъ коего гробъ попался
вздумалъ тьсл себя
 подъ (хищн) руку (хищника) студента вступи(лъ) за (честь своихъ
я
 костей) погрозивъ имъ (мертвымъ перстомъ) или ухват(ивъ) ихъ
 за воротъ, или топнувъ ногою или какъ нибудь (словомъ какимъ бы)
 иначе оказавъ свое неудовольствіе. Къ несчастію

Въ № 2368, л. 36 об., находятся только заключительные стихи посланія, начиная съ 128-го, съ слѣдующими первоначальными вариантами, тутъ же исправленными, какъ въ печатномъ:

*) Такъ въ подлинникѣ.

- Стихъ 129-й: Въ *великолѣпную* оправу
 „ 130-й: *И этотъ черепъ* преврати
 „ 133-й: Да запивай *крутую* кашу
 „ 136-й: Въ *своихъ* пирахъ *вообразжай*
 „ 138-й: *Философически* мечтай
 „ 139-й: *Суровыхъ истинъ* проповѣдникъ
 „ 141-й: Онъ *недокучный* собесѣдникъ

Напечатано въ *Сѣверныхъ Цѣптахъ* на 1828 годъ, въ отдѣлѣ: „Поэзія“, стр. 100—107, подъ заглавіемъ: „Черепъ (посланіе къ Д.*)“ и съ подписью: „Я.“, о которой Пушкинъ, по свидѣтельству Анненкова (томъ II, стр. 441), говорилъ: „Никто не усомнится, что это Я—я“. Перепечатано въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 91—99, и въ Посмертномъ, томъ III, стр. 157—163. Текстъ во всѣхъ изданіяхъ одинаковъ, за исключеніемъ лишь стиха 95-го, который въ изданіяхъ 1829 г. и Посмертномъ читается: „Встревожить мертвыхъ *сонъ* почтенный“. Кромѣ того, въ изданіи 1829 г. въ стихѣ 80-мъ слово: „мечтатель“ было замѣнено словомъ „герой“, но оговорено въ опечаткахъ; не смотря на оговорку, опечатка повторена и въ Посмертномъ изданіи.

Стихотвореніе было начато въ іюлѣ, а можетъ быть, — и раньше: въ письмѣ къ Дельвигу отъ 31 іюля (*Переписка*, томъ II, стр. 35) Пушкинъ, говоря о своихъ стихахъ, предназначаемыхъ для *Сѣверныхъ Цѣптовъ*, прибавляетъ: „Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ“. Окончено же оно было, повидимому, не ранѣе октября.

Живя въ Псковской губерніи, по сосѣдству съ Прибалтійскимъ краемъ, и будучи въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ дерптскими студентами Вульфомъ и Языковымъ, Пушкинъ хорошо зналъ „нѣмецкій край“ по ихъ рассказамъ и самъ собирался посѣтить его;

известны ему были, конечно, и литературныя описанія этого края и его быта, какъ, напр. „Поѣздка въ Ревель“ А. А. Вестужева и др. Эти свѣдѣнія и послужили матеріаломъ для той бытовой картины, какую изобразилъ поэтъ, когда Вульфъ подарилъ ему привезенный изъ нѣмецкой усыпальницы черепъ, который фантазія Пушкина представила принадлежавшимъ нѣкогда барону Дельвигу, предку его лицейскаго товарища и друга. Родъ Дельвиговъ происходилъ отъ старинной германской фамиліи Дальвиговъ, ведущей свое начало съ XIII вѣка. Въ прибалтійскій край Дельвиги переселились въ XV вѣкѣ, но тогда они еще не были баронами: этотъ титулъ былъ полученъ однимъ изъ нихъ отъ шведскаго короля только въ 1723 г., когда Лифляндія была еще шведскою провинціей. Конечно, для шутки Пушкина эта историческая справка не имѣла никакого значенія.

Выраженіе (стр. 251): „обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*“ взято изъ тогдашней практики русскихъ путешествій: ѣхать *съ будущимъ* значило — взять подорожную не только для себя, но и для попутчика (напр. слуги), для котораго, въ такомъ случаѣ, уже не требовалось особаго разрѣшенія на проѣздъ. Такимъ *будущимъ*, спутникомъ безъ особой подорожной, и явился бы для студента скелеть, котораго онъ не могъ взять съ собою по недостатку денегъ.

Стихъ 134-й, напоминающій стихъ изъ IV-й главы *Отпущина* (строфы XXXVI—XXXVII): „Пѣвцу Гюльнарю подражая“, указываетъ на стихотвореніе Байрона: „Надпись на кубкѣ изъ черепа“ (1808), о происхожденіи котораго Байронъ рассказывалъ слѣдующее: „Садовникъ, копая гряды, нашелъ черепъ, принадлежавшій, вѣроятно, какому-нибудь монаху Нью-Стэдскаго аббатства, жившему ранѣе упраздненія монастырей. Замѣтивъ, что онъ отличается крупными размѣрами и вполнѣ хорошо сохра-

нился, я возымѣлъ причудливую мысль сдѣлать изъ него пиршественную чашу, отослалъ его въ городъ, и онъ вернулся оттуда очень хорошо отполированнымъ . . . “ Упоминаніе о „воинскомъ раѣ Скандинавовъ“ объясняется скандинавскими сказаніями о Валгаллѣ, гдѣ павшіе на полѣ брани бойцы пьютъ медь изъ череповъ своихъ непріятелей. Наконецъ, стихотвореніе Боратынскаго „Черепъ“, напечатанное въ *Съверныхъ Цептахъ* на 1825 годъ, представляетъ подражаніе монологу Гамлета надъ черепомъ Юрика. Оно вызвало въ свое время цѣлую „литературу“. См. Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго, изд. Императорской Академіи Наукъ, томъ I (С.-Пб. 1914), стр. 252—253.

Булгаринъ, въ *Съверной Пчелѣ* 1828, № 5 (12 января), говоря о *Съверныхъ Цептахъ* на 1828 годъ, замѣтилъ, что изъ помѣщенныхъ въ этой книжкѣ стихотвореній только *Черепъ* „можетъ равняться достоинствомъ съ произведеніями Пушкина“. А два года спустя, въ разгаръ полемики съ *Литературной Газетой* въ *Сынѣ Отечества* и *Съверномъ Архивѣ* 1830, № 16, стр. 245—246, появилась такая выходка противъ Дельвига и Пушкина:

„Хотя о подвигахъ рода Барона Шнапса фонъ Габенихтса и молчитъ суровая Исторія, но мы недавно отыскали, въ развалинахъ одной Чухонской кирки, ребро, которое признано принадлежащимъ знаменитому предку Барона Шнапса фонъ Габенихтса, воспѣли это ребро въ стихахъ, и сдѣлали изъ него палицу для пораженія всѣхъ критиковъ, которые не докажутъ древности своего рода“.

XIII.

О. А. КИПРЕНСКОМУ.

(Стр. 253).

Черновой, исчерканный набросокъ карандашемъ, съ чернильными поправками и дополненіями, въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 58. Впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 352. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

Стихъ 6-й: *Освободясь* отъ смертныхъ узъ.

„ 8-й: Но *это* зеркало мнѣ льститъ

„ 9-й: *Бермну*, Риму и Парижу

„ 12-й: *Отнынѣ* славныхъ *Піэридѣ*

(исправлено): Пристрастья *чистыхъ* Аонидъ.

Орестъ Адамовичъ Кипренскій (1785—1836), извѣстный художникъ, пользовавшійся въ свое время большою славою въ петербургскомъ обществѣ, написалъ портреты Батюшкова, князя Вяземскаго, Дмитревскаго, Жуковскаго, графини Н. В. Кочубей, Крылова, Оленина и др. Часто бывая у Олениныхъ, онъ былъ знакомъ со многими писателями, и баронъ Дельвигъ заказалъ ему портретъ Пушкина, тотчасъ же воспроизведенный въ гравюрѣ Н. Н. Уткина, которая была приложена къ *Свернымъ Цептамъ* на 1828 годъ. Этотъ портретъ былъ выставленъ въ Академіи Художествъ, и видѣвшій его тамъ А. В. Никитенко, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, записалъ въ своемъ дневникѣ (2 сентября 1827): „Вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись: видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ признаете его проницательные глаза и ротъ, которому недостаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія“ („Записки и дневникъ“, изд. 2-е, С.-Пб. 1905, томъ I,

стр. 174). Булгаринъ, въ *Съверной Пчелѣ* 1827, № 110, писалъ: „Благодаримъ художника отъ имени всей образованной публики за то, что онъ сохранилъ драгоценныя для потомства черты любимца Музъ. Не распространяясь въ исчисленіи красотъ сего произведенія г. Кипренскаго, скажемъ только, что это — живой Пушкинъ“. О гравюрѣ Уткина Боратынскій писалъ Пушкину: „Портретъ твой въ *Съверныхъ Цѣткахъ* чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ“, а Катенинъ, повторяя то же самое, говорилъ: „хорошъ и похожъ, — чудо!“ (*Переписка*, томъ II, стр. 55, 59).

Послѣ смерти Дельвига Пушкинъ, желая помочь его вдовѣ, купилъ у нея этотъ портретъ.

XIV.

АКАѢИСТЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ.

(Стр. 254).

Печатается съ автографа, находящагося въ альбомѣ Ек. Ник. Карамзиной (по мужу княгини Мещерской), принадлежащемъ графинѣ Е. П. Клейнмихель. См. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, выпускъ XXVIII.

Черновой, полустертый набросокъ карандашемъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 21, впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 536, и подробно обследованъ П. Е. Щеголевымъ въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, выпускъ XV, стр. 27—33 и 171—178, гдѣ приложенъ свимокъ съ рукописи и дана приводимая ниже съ нѣкоторыми исправленіями транскрипція:

[Какъ] Земли достигнувъ;
Отъ бурь спасенный провидѣнъемъ

пловецъ

Святой Владычицѣ [*нрзб.*]

блдный

Свой даръ [несеть] съ благоговѣнъемъ *)

[Несеть] [Святой Владычицѣ]

[Звѣздѣ морей, Небесной Дѣвѣ]

[Несе] [Приноситъ набожный Пловецъ]

Такъ посвящаю съ умиленъемъ

[стиховъ] тебѣ [*нрзб.*] [мой] *вннецъ [цвѣтнику и] увядшій мой*

[Тебѣ мой] [СТИХОВЪ] **)

[Тебѣ спокойное свѣтило]

[высокое] нрзб. [нрзб.]

Тебѣ [спокойное] [свѣтило]

[Тебѣ] [Чистое] [*нрзб.*] тебѣ

[Святая странница]

[*Нрзб.*] уныло среди

въ тиши

родныхъ

[Звѣздѣ сіяющей уныло]

Въ тиши

такъ мило

[Тебѣ] сіяющей [уныло]

[Среди] для [нашихъ *нрзб.*]

нашихъ

Для набожныхъ очесъ

31 іюля 1827 Мих

*) Въ подлинникѣ: съ благоговѣнъемъ.

**) Сначала было написано: *стиховъ моихъ вннецъ*, затѣмъ исправлено: *цвѣтнику и вннецъ и, наконецъ: увядшій мой вннецъ.*

XV.

ПОЭТЬ.

(Стр. 225).

Черновое стихотвореніе находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 39 и 39 об. Затѣмъ, во второй половинѣ августа, стихотвореніе, уже въ бѣловомъ видѣ, сообщено было Пушкинымъ въ письмѣ къ Погодину, съ припискою: „Назовите эти стихи, да и тисните“ (*Переписка*, томъ II, стр. 37—38). Погодинъ напечаталъ пьесу подъ заглавіемъ: „Поэтъ“, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть VI, № 23, стр. 255—256. Затѣмъ оно вошло въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 100—101.

Музейная рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты, большею частью зачеркнутые и исправленные, какъ въ печатномъ:

Стихи 1-й и 2-й:

На службу Музъ пока поэта
Пока *свободнаго* поэта
Не вызываетъ Апполонъ.

(Всѣ три стиха зачеркнуты и сверху надписано):

Пока не требуетъ поэта
Къ *великой* жертвѣ Апполонъ

Стихи 5-й и 6-й:

Его *заброшенная* лира
Вкушаетъ *безпокойно* сонъ.

Стихъ 12-й: Какъ *испугавшійся* *) орелъ

„ 13-й: Тоскуетъ онъ въ *волнѣ* міра

„ 14-й: Уже чуждается молвы

„ 18-й: Съ *пуливой* мирою своей

(Исправлено) [*Восторга*] И звуковъ и *восторга* полнъ

Стихъ 19-й: Въ *глухую* тишину полей.

---

*) Не зачеркнуто.

Стихи 14-й, 15-й и 16-й, написанные, какъ въ печатномъ, были перечеркнуты, но остались безъ поправокъ.

Стихъ 15-й въ журналѣ читается:

Къ *подножью свѣтскаго* кумира

Рукописи не даютъ основанія признать этотъ вариантъ пушкинскимъ; быть можетъ, это — передѣлка Погодина.

Стихъ 20-й въ настоящемъ изданіи напечатанъ ошибочно: слѣдуетъ читать:

Въ широкошумныя дубровы.

Наша критика, много занимавшаяся вопросомъ о взглядахъ Пушкина на поэта и поэзію, уже давно обратила вниманіе на то, что въ ряду произведеній, посвященныхъ этому предмету, *Поэтъ* стоитъ всего ближе къ *Пророку*. Указывая на внутреннее родство между этими двумя стихотвореніями, Н. О. Сумцовъ („Пушкинъ“, стр. 28—29) замѣчаетъ, что *Поэтъ* первичнѣе *Пророка*: „до чуткаго слуха поэта лишь коснулся божественный глаголь; здѣсь еще нѣтъ духовнаго преобразованія, которому подвергся пророкъ; но это преобразованіе близко, и потому поэтъ затосковалъ въ забавахъ міра, сталъ чуждаться молвы и, полный смятенія, дикій и суровый, . . . бѣжитъ на берега пустынныхъ волнъ . . . Въ пустынь его встрѣтилъ серафимъ и преобразуетъ его чувства для воспріятія высшаго божественнаго велѣнія — глаголомъ жечь сердца людей“. Съ другой стороны, по мнѣнію В. С. Соловьева („Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина“, *Вѣстникъ Европы* 1899, декабрь, стр. 699—702), *Поэтъ*, по своему содержанию, является „прямымъ дополненіемъ“ *Пророка*. „И поэтической образъ здѣсь близкій, хотя менѣе строгій и грандіозный, — образъ Аполлонова жреца. А главная мысль все та же: поэтъ *не воленъ* въ своихъ произведеніяхъ; онъ лишь повинуется высшему призванію и велѣ-

нію и такъ же мало можетъ по собственному произволу опредѣлять сроки и выраженіе своего творчества, какъ жрецъ не воленъ въ выборѣ сроковъ, чина и словъ священнодѣйствія. . . . Но тутъ, во второмъ стихотвореніи, выступаетъ еще другая важная сторона, которой не было и не могло быть въ *Пророкъ*. Поэтъ, въ своемъ новомъ качествѣ жреца, долженъ признаться, что онъ существенно отличается отъ толпы *только* въ храмѣ, *только* у алтаря, *только* во время жертвоприношеній; отойдя отъ святыни, онъ, какъ и всѣ жрецы, становится простымъ смертнымъ среди другихъ простыхъ смертныхъ, сыномъ праха, не лучше, а, можетъ быть, и хуже другихъ. . . . Далѣе Соловьевъ замѣчаетъ, что вторая половина *Поэта*“ возвращаетъ насъ къ *Пророку* (въ особенности — къ его началу). Здѣсь почти всѣ стихи повторяютъ (въ очень смягченномъ видѣ) образы и выраженія изъ *Пророка*: здѣсь — „до слуха чуткаго коснется“, тамъ — „моихъ ушей коснулся онъ“; здѣсь — „и звуковъ, и смятенья полнъ“, тамъ — „и ихъ наполнилъ шумъ и звонъ“; здѣсь — „какъ пробудившійся (а въ первоначальномъ вариантѣ „испугавшійся“) орелъ“, тамъ — „какъ у испуганной орлицы“; „берега пустынныхъ волнъ“, куда бѣжитъ поэтъ, очевидно — та же „пустыня мрачная“, въ которой „влачилъ“ пророкъ. . . .“.

Критикою отмѣчено также и автобіографическое значеніе *Поэта*, не подлежащее сомнѣнію, такъ какъ въ контекстѣ письма къ Погодину стихотвореніе служить какъ бы объясненіемъ предшествующимъ ему словамъ: „Я убѣжалъ въ деревню, почувя риѣмы“. Въ одномъ изъ подготовительныхъ отрывковъ къ *Египетскимъ Ночамъ* Пушкинъ говоритъ о своемъ „пріятелѣ, извѣстномъ стихотворцѣ“: „Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный человекъ, хотя и стихотворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ

запирался въ своей комнатѣ и писалъ въ постели съ утра до поздняго вечера, одѣвался наскоро, чтобъ пообѣдать въ рестораціи, выѣзжалъ часа на три; возвратившись, опять ложился въ постелю и писалъ до пѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много — мѣсяць, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и зналъ истинное щастіе. Остальное время года онъ гулялъ, читая мало и не сочиняя ничего. . . .“.

Но изображеніе поэта въ видѣ „самаго простого и обыкновеннаго человѣка“, который, быть можетъ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ людей, хотя и противорѣчитъ усвоенному большинствомъ романтиковъ представленію „генія съ печатью тайны на челѣ“, однако не можетъ быть отнесено исключительно къ области личныхъ мыслей и переживаній Пушкина. Подобныя мысли высказывались и другими его современниками. Такъ, на примѣръ, мы находимъ ихъ въ одномъ изъ стихотвореній Сентъ-Бева: „Къ Буланже“, написанномъ годъ спустя послѣ появленія пушкинскаго *Поэта*, конечно, неизвѣстнаго французскому писателю:

Quand la céleste voix, oracle du Poète,
S'affaiblit et sommeille en son âme muette,
Quand la lampe éternelle, où son oeil est fixé,
S'obscurcit un moment sur l'autel éclipsé,
Alors, déchu du Ciel et perdant son tonnerre,
Dans les obscurités du monde sublunaire
Le Poète retombe; il se mêle aux humains,
.....
Trop souvent, lui Poète, ennuyé, las d'attendre,
Que la voix de son coeur se fasse encore entendre,
Que la lampe mystique à ses yeux luise encor,
Tête baissée, aussi, ravalant son essor,

Il entre dans la fête et tout entier s'y livre,
 Comme un roi détrôné qui chante et qui s'enivre,
 .....
 Jusqu'à ce qu'une voix que n'entend point l'oreille,
 Comme le chant du coq à l'aube le réveille,
 Ou que sur la muraille un mot divin tracé
 Le chasse du festin, Balthazar insensé. . .
 .....

См. П. О. Морозовъ, „Пушкинъ и Сентъ-Бевъ“,
Русскій Библиофилъ 1915, № 8.

XVI.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Стр. 256).

Черновое стихотвореніе написано карандашемъ въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 37. Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть III, № 9, стр. 4—5. Эта книжка журнала разрѣшена къ печати цензоромъ Снегиревымъ 23 апрѣля 1827 г., слѣдовательно, находящаяся въ рукописи помѣта: „28 августа“ должна быть отнесена не къ 1827, какъ полагалъ В. Е. Якушкинъ (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 346), а къ 1826 году. Къ этому году отнесъ стихотвореніе и самъ Пушкинъ при перепечаткѣ его въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 79—80. Какъ въ журналѣ, такъ и въ изданіи 1829 г. стихотвореніе озаглавлено: „Къ Яз. . .“ Рукопись представляетъ варианты (исправленные, какъ въ печатномъ):

- Стихъ 1-й: Языковъ, братъ! Я получилъ
 „ 10-й: Она кипитъ не хладной влагой
 „ 16-й: Твоею мирю свободной
 „ 17-й: Воспитый въ наши времена.

Это стихотвореніе является отвѣтомъ на посланіе отъ 19 августа 1826 г., изъ Дерпта, которымъ Языковъ началъ свою переписку съ Пушкинымъ:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ царской головы, и пр.

(*Переписка*, томъ I, стр. 365—366).

О своемъ короткомъ пребываніи въ Тригорскомъ Языковъ писалъ брату Павлу 11 августа 1826 г.: (оно) „было мнѣ такъ приятно и сладостно, что моя Муза начала уже воспѣвать оное въ образѣ небольшой поэмы, пламенно и торжественно“ (*Языковский Архивъ*, выпускъ I, С.-Пб. 1913, стр. 259). Рѣчь идетъ, конечно, о стихотвореніи „Тригорское“, къ которому посланіе Языкова къ Пушкину служить какъ бы предисловіемъ. Кромѣ этого стихотворенія, жизнь въ сосѣдствѣ Пушкина отразилась въ цѣломъ рядѣ другихъ: „Къ нянѣ Пушкина“; „Къ Вульффу“; „П. А. Осиповой“; „На смерть няни Пушкина“. „Лѣто 1826 года, которое провелъ я съ Пушкинымъ и Языковымъ, будетъ всегда памятно мнѣ, какъ одно изъ прекраснѣйшихъ“, записалъ А. Н. Вульфъ въ своемъ дневникѣ. „Языковъ ознаменовалъ оное и пребываніе свое въ Тригорскомъ прекрасными стихами и самонадѣянно предрекъ, что оно „изъ рода въ родъ, какъ драгоценность, перейдетъ, зане Языковымъ воспѣто“ (Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, стр. 200). Языковъ, въ посланіи къ Вульффу, говоритъ:

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
Все свято: Пушкинъ, ты да я—
Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія. . .

.....

Десять лѣтъ спустя, Пушкинъ писалъ Языкову изъ Голубова, 14 апрѣля 1836: „Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ?— изъ той стороны, гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ—вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ ёмкой*), гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ и старину“ (*Переписка*, томъ III, стр. 299).

Посланіе Пушкина до такой степени проникнуто духомъ и тономъ стихотвореній Языкова, что Н. Н. Страховъ („Замѣтки о Пушкинѣ“, стр. 43) выразился даже, что Пушкинъ здѣсь „передразнилъ“ Языкова, — вовсе, конечно, не желая надъ нимъ посмѣяться. Стихи Языкова очень ему нравились именно тою „удалью“, о которой онъ говоритъ въ своемъ посланіи. О „Тригорскомъ“ поэтъ писалъ (9 ноября 1826): „Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго“, отдалъ это стихотвореніе для напечатанія въ „Московскій Вѣстникъ“ и просилъ Языкова непременно быть „нашимъ“, т. е. постояннымъ сотрудникомъ этого журнала. Въ то же время онъ писалъ объ Языковѣ кн. Вяземскому: „Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ... Онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 382, 383).

XVII.

ИЗЪ ШЕНЬЕ.

(Стр. 257).

Это стихотвореніе имѣется въ двухъ черновыхъ автографахъ: одинъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 36 об. и 37, а другой— на восьмушкѣ

*) Въ *Перепискѣ* невѣрно напечатано: „съ Емой“. Ёмой называется то „слияніе рома и вина“, о которомъ говоритъ Пушкинъ въ своемъ посланіи.

почтовой бумаги, въ Музеѣ А. Θ. Онѣгина въ Парижѣ.—Напечатано въ *Невскомъ Альманахѣ* на 1828 годъ, стр. 53, подъ заглавіемъ: „Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье“; затѣмъ перепечатано въ *Славянинѣ* 1828, часть V, № 1, стр. 71—72, подъ тѣмъ же заглавіемъ, и въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 102, безъ заглавія, но съ отмѣткою въ оглавленіи, что это — переводъ изъ Шенье.

Помѣчены стихи въ рукописи не „7“, какъ ошибочно напечатано на стр. 257, а 17 сентября.

Въ рукописи Румянцовскаго Музея мы имѣемъ первоначальный черновой набросокъ, съ многочисленными пометками и поправками, еще далекими отъ окончательной редакціи. Приводимъ по возможности точную транскрипцію.

[Въ волнахъ]

[Межъ] [Близъ]

[морская]

*Въ *мѣстахъ гдѣ царствуетъ Венеція [надъ моремъ]

*Во *мгль [безпечно] [гонд[почной пловець

Ночной пловець своей гондолой управляя

При блескѣ Веспера [по гладкой] скользить по лону водъ

[Поеть Эрминію Ринальда и любовь]

*Ояъ *любить *пѣснь *свою

[Одинъ] поеть безъ умысловъ, не вѣдая ни славы

Ни страха ни надеждъ — безпечный

робости

[Поеть не вѣдая ни [замысловъ] ни славы]

[Ни дальныхъ умысловъ] [поеть] [для забавы]

[Одинъ поеть] и тихо Бога полнь

Поеть и [веселить] *радуетъ свой путь надъ бездною волнь

[надъ бездною мрачною путь]

* Зачеркнуто и возстановлено.

[Какъ] [свой путь]
 На морѣ жизненномъ, гдѣ буря такъ жестоко
 Преслѣдуетъ во мглѣ мой парусъ одинокой
 Какъ онъ, надъ бездною безъ эха я пою
     [безъ отзыва надъ бездною я пою]
 И тайные стихи обдумывать люблю.

Онѣгинская рукопись представляетъ уже перебѣленный, но снова исправленный текстъ, въ окончательной редакціи почти одинаковый съ печатнымъ. Варианты начинаются только со стиха 5-го:

[свой натѣвъ]
 Онъ любить *пѣснь *свою [онъ сладко] [смиранный]
     поетъ онъ для забавы

далыныъ
 [Поетъ] безъ умысловъ, невѣдаетъ ни славы
 Ни страха ни надеждъ — и [мирной думы] тихой Музы полнъ
 [Хоть] *умбеть [можетъ] усладить свой путь надъ бездною
     ВОЛНЪ

[Хоть веселить]

и

На морѣ жизненномъ гдѣ бурей такъ жестоко
 Судьба преслѣдуетъ [Преслѣдуютъ] мой парусъ одинокой
 [Надъ бездною]
 Задумчивый какъ онъ, безъ эха, я пою
 И тайные стихи обдумывать люблю
     стихъ невѣдомый

Французскій подлинникъ появился въ печати въ Annales Romantiques 1827—1828, Paris 1828, стр. 370, и былъ вписанъ Пушкинымъ (карандашемъ) въ принадлежавшій ему экземпляръ Oeuvres complètes d'André de Chénier, P. 1819 (см. *Пушкинъ и его современники*, выпуски IX—X, стр. 192, № 736, со снимкомъ). Приводимъ эти стихи для сравненія съ переводомъ Пушкина:

Près des bords, où Venise est reine de la mer,
 Le gondolier nocturne au retour du Vesper
 D'un léger aviron bat la vague aplaniée,
 Chante Renaud, Tancrède et la belle Herminie.
 Il aime ses chansons, il chante sans désir,
 Sans gloire, sans projets, sans craindre l'avenir;
 Il chante — et plein du dieu qui doucement l'anime
 Sait égayer du moins sa route sur l'abîme.
 Comme lui, sans écho je me plais à chanter,
 Et les vers inconnus que j'aime à méditer
 Adoucissent pour moi la route de la vie,
 Où de tant d'Aquilons ma voile est poursuivie.

Переводъ отличается близостью къ подлиннику: тотъ же размѣръ, то же количество стиховъ, тѣ же выраженія, внимательно обдуманная Пушкинымъ. Прибавленъ только эпитетъ: „Венеція *златая*“, да первоначально поставленные, въ соотвѣтствіи съ подлинникомъ, слова: „бога полнь“ замѣнены, при окончательной отдѣлкѣ, словами: „музы полнь“.

Путешественники по Италіи въ XVIII вѣкѣ (между прочими — Гете) много разъ передавали о томъ, что венеціанскіе гондольеры поютъ октавы изъ *Освобожденнаго Иерусалима* въ своеобразной, народной передѣлкѣ. Такое пѣніе слышалъ еще Байронъ, о чемъ онъ и говоритъ въ одномъ изъ примѣчаній къ IV-й пѣсни *Чайльдъ-Гарольда*. Но 3-я строфа той же пѣсни начинается стихомъ:

In Venice Tasso's echoes are no more,

почему и Пушкинъ, въ позднѣйшемъ (1829 г.) *Элегическомъ отрывкѣ*, говоритъ:

...Тасса не поетъ уже ночной гребецъ.

Тотчасъ вслѣдъ за пушкинскимъ переводомъ стихотворенія Шенье въ *Невскомъ Алманахѣ* (стр. 54), подъ

заглавіемъ: „Вольное подражаніе Андрею Шень“, напечатанъ другой переводъ, сдѣланный И. И. Козловымъ:

Надъ темнымъ заливомъ, вдоль звучныхъ зыбей
 Венеціи, моря царицы,
 Пѣвецъ полуночный въ гондолѣ своей
 Съ вечерней зари до денницы
 Рулемъ беззаботнымъ небрежно сѣчетъ
 Лѣнливую влагу ночную, и т. д.

Это же стихотвореніе въ послѣдствіи было переведено В. И. Туманскимъ, подъ заглавіемъ: „Гондольеръ и поэтъ“, и напечатано въ *Сверныхъ Цвѣтахъ* на 1831 годъ (отдѣлъ II, стр. 5; ср. Стихотворенія В. И. Туманскаго, изд. 1881, стр. 151):

У стѣнь Венеціи, владычицы зыбей,
 Безпечный гондольеръ, въ мерцаніи ночей,
 Скользитъ вдоль береговъ безъ шума и безъ слѣда,
 Поетъ Эрминію, Ринальда и Танкреда, и т. д.

Мысль объ Италіи и въ частности — о Венеціи, и образъ гондольера, покоящаго октавы Тассо, мелькала у Пушкина еще въ 1823 г., когда онъ писалъ первую главу *Оптына*. Евгенийъ слушаетъ ночью надъ Невою напѣвъ лодочника, —

Но слаще средь ночныхъ забавъ
 Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ.
 Адриатическія волны!
 О Brenta! Нѣтъ, увижу васъ. . .
 Услышу вашъ волшебный гласъ
 . . . . .
 Ночей Италіи златой
 Я нѣгой наслажусь на волѣ,
 Съ венеціанкою молодой,
 То говорливой, то нѣмой,
 Плыва въ таинственной гондолѣ, и т. д.

Этотъ же образъ гондольера явился и въ стихотвореніи Шенъе, въ связи съ мыслью о независимости поэтического вдохновенія отъ какихъ-либо постороннихъ ему цѣлей и о томъ, что это вдохновеніе вознаграждаетъ поэта за ту безотзывность, какую онъ встрѣчаетъ у людей. Такимъ образомъ, у Шенъе была почерпнута Пушкинымъ основная мысль цѣлаго ряда произведеній.

XVIII.

19 ОКТЯБРЯ 1827.

(Стр. 258).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано въ *Славянникъ* 1830, часть XV, № 13, стр. 51, подъ заглавіемъ: „Къ товарищамъ молодости“ и съ подписью: П. Затѣмъ появилось въ III-й части *Стихотвореній Александра Пушкина* (С.-Пб. 1832), стр. 193, подъ заглавіемъ: „19 Октября, 1827“.

Текстъ журнала представляетъ слѣдующія отличія:

- Стихъ 1-й: Богъ *въ помощь* вамъ, друзья мои
 „ 3-й: Въ *устяхъ дѣл*ъ и Царской службы
 „ 6-й: *Влачитъ удѣл*ъ тоски и горя
 „ 7-й: *Во дни войны, въ открыто*мъ морѣ

Въ этой „лицейской годовщинѣ“ поэтъ представляетъ всѣ положенія своихъ товарищей,—свѣтлыя и печальныя, вспоминая, въ числѣ другихъ, и морехода Матюшкина, и сосланныхъ въ сибирскіе рудники декабристовъ, „заживо погребенныхъ, которыхъ товарищи не досчитывали на лицейской сходкѣ“ (слова И. И. Пущина, которому эти

стихи были присланы бывшимъ директоромъ Лицея Энгельгардтомъ: *Л. Н. Майковъ*, „Пушкинъ“, стр. 85).

Плетневъ рассказывалъ, что за послѣдній стихъ этой пьесы Пушкину „сдѣланы были внушенія“ (Гротъ, „Пушкинъ“, стр. 81).

XIX.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОНСКОМУ.

(Стр. 259).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 98, подъ заглавіемъ: „Эпитафія младенцу“. Относится къ сыну декабриста князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго и его жены, Маріи Николаевны, урожденной Раевской. Сынъ этотъ, ихъ первенецъ, Николай, родился 2 января 1826 г. въ Кіевскомъ имѣніи Раевскихъ, Волтышкѣ, и былъ на второй недѣлѣ возраста, когда арестовали его отца. Уѣзжая вслѣдъ за мужемъ въ Сибирь, Марія Николаевна оставила ребенка на попеченіи бабушки, княгини Александры Николаевны Волконской. Императрица Марія Ѳеодоровна, бывшая въ дружбѣ съ старою княгинею, не разъ плакала вмѣстѣ съ нею и спрашивала о ребенкѣ, котораго она называла *enfant de malheur* и котораго матери не позволили взять съ собою (Записки князя С. Г. Волконскаго, С.-Пб. 1902, стр. 470).

Эпитафія, написанная Пушкинымъ, была отнесена Анненковымъ къ 1827 году. Этому слѣдовали и позднѣйшіе издатели. Между тѣмъ, теперь оказывается, что маленькій князь умеръ въ 1828 г. (между 18 января и 30 апрѣля, см. *Архивъ Раевскихъ*, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I), а Марія Николаевна узнала объ его смерти еще позже, въ Читѣ; тамъ же она получила и стихи

Пушкина (Записки княгини М. Н. Волконской, С.-Пб. 1904, стр. 83—84). Такимъ образомъ, эти стихи должны быть отнесены не къ 1827, а къ 1828 году.

Въ бумагахъ Пушкина (*И. А. Шлякинъ*, Изъ неизданныхъ бумагъ, стр. 129) сохранилось французское письмо княгини къ неизвѣстному лицу, слѣдующаго содержанія:

„Въ моемъ положеніи никогда не знаешь, доставишь ли удовольствіе, напоминая о себѣ, старымъ знакомымъ. Но, все-таки напомните обо мнѣ Александру Сергѣевичу. Я поручаю вамъ возобновить выраженіе моей благодарности за эпитафію Николино. Умѣть утѣшить скорбь матери есть дѣйствительное доказательство его дарованій и направленія его чувствъ“.

XX.

АНГЕЛЬ.

(Стр. 260).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Съверныхъ Цептахъ* на 1828 годъ (отдѣлъ: „Поэзія“, стр. 59—60) и перепечатано въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 88—89.

Всѣ комментаторы сходятся въ признаніи за этимъ стихотвореніемъ извѣстнаго автобіографическаго значенія: по словамъ Анненкова („Пушкинъ въ александровскую эпоху“, стр. 245), иллюстраціею къ *Ангелу* служить „строгій женскій профилъ, съ головой, нѣсколько наклоненной внизъ“, который поэтъ такъ часто чертилъ на страницахъ своихъ черновыхъ тетрадей одесскаго періода и въ которомъ узнаютъ изображеніе графини Е. К. Воронцовой. Если въ *Демонъ* отразился А. Н. Раевскій (см. примѣчанія къ этому стихотворенію въ томѣ III настоящаго изданія), то Ангель является какъ бы изображеніемъ исторіи его отношеній къ гр. Воронцовой.

XXI.

ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАНЪ...

(Стр. 261).

Печатается впервые, съ подлинника, находящагося въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ. Приводимъ первоначальные варианты.

- Стихъ 2-й: Во дни душевнаго страданья
 „ 3-й: [Во дни грозы] и безпокойнаго волненья
 „ 6-й: Вокругъ меня валы зыбучи
 „ 7-й: И надо мной [затмятся] сберутся тучи
 „ 9-й: Когда плънительный обманъ
 „ 10-й: На лонѣ празднаго покоя
 „ 11-й: [Въ огнѣ] въ трудахъ въ кровавомъ вихрь боя
 „ 13-й: Надежды сладостный обманъ
 „ 14-й: Любовь, любовь, мое свѣтило
 „ 15-й: Потухло
 „ 17-й: Пускай во вѣкъ — сердечныхъ ранъ

Послѣ стиха 20-го *зачеркнуто* еще:

Какъ сонъ, какъ утренній туманъ
 Любви сокрылось сповидѣнье

Этотъ набросокъ, вѣроятно, представляетъ первоначальную редакцію слѣдующаго стихотворенія (см. Пушкинъ и его современники, выпускъ IV, стр. 8, № 30).

XXII.

ТАЛИСМАНЪ.

(Стр. 262—263).

Въ рукописи извѣстны только 4 заключительные стиха, написанные на восьмушкѣ бѣлой бумаги, находящейся въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ. Подъ ними—приписка: „6 Ноября ночью“ и пять сургучныхъ перстневыхъ отпечатковъ.—Стихотвореніе напечатано на стр. 127—128 книги: „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ. Альманахъ на 1828 годъ, изданный А. (Ардалиономъ) И. (Ивановымъ)“, С.-Пб. 1828. Затѣмъ вошло въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 85—87, и нѣсколько разъ при жизни Пушкина перепечатывалось въ пѣсенникахъ.

Относительно времени сочиненія *Талисмана* Анненковъ (Сочиненія Пушкина, томъ II, стр. 438—439) замѣтилъ, что первая мысль его принадлежитъ еще 1824 году, какъ можно догадываться по стиху: „Въ край родной, на сѣверъ съ юга“, но окончательная отдѣлка его относится уже къ 1827 г. Въ сборникѣ: *Пушкинъ и его современники* выпускъ V, стр. 121, напечатанъ отрывокъ изъ записокъ Е. С. Телепневой, помѣченный 22 іюня 1827 г., гдѣ, между прочимъ, говорится, что она видѣла въ домѣ Ушаковыхъ, въ Москвѣ, на фортетьяно, ноты *Талисмана*. Этому сообщенію, однако, противорѣчитъ указанная выше помѣта: 6 ноября, въ которой нельзя не видѣть даты окончательной отдѣлки стихотворенія. Музыка же на „Талисманъ“, сочиненная Н. С. Титовымъ, была издана только въ 1829 году.

„Талисманъ“ — перстень, подаренный Пушкину графиней Елизаветой Ксаверіевной Воронцовой въ 1824 г., на дачѣ Рено, близъ Одессы. Этотъ перстень Пушкинъ носилъ обыкновенно на большомъ пальцѣ правой руки

(для другихъ пальцевъ онъ былъ великъ), нерѣдко запечатывалъ имъ свои письма и не разставался съ нимъ до смерти. Съ мертвой руки поэта онъ былъ снятъ Жуковскимъ, по смерти котораго въ 1852 г. перешелъ къ его сыну, Павлу Васильевичу, а послѣднимъ былъ подаренъ, въ 1870-хъ годахъ, И. С. Тургеневу. Въ 1880 г. Тургеневъ доставилъ его на устроенныя въ Петербургѣ и Москвѣ, по случаю открытія памятника Пушкину, выставки (см. *Современныя Извѣстія* 1880, № 155 и книгу: „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“, С.-Пб. 1880, стр. 326, а также каталогъ петербургской выставки, стр. 33; въ Альбомѣ московской выставки, на стр. 159, находится и оттискъ печати перстня). По смерти Тургенева въ 1883 г., „талисманъ“ достался г-жѣ Полинѣ Виардо, которая подарила его Пушкинскому Музею Александровскаго Лицея. Перстень представляетъ восьмиугольную сердоликовую печать, съ еврейскою надписью: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Иосифа старца, да будетъ его память благословенна“. По отзывамъ специалистовъ, онъ — происхожденія крымско-караимскаго, а по времени работы относится къ концу XVIII или началу XIX вѣка. По словамъ Анненкова („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 171), Пушкинъ вѣрилъ въ волшебную силу „талисмана“ и, „по извѣстной склонности своей къ суевѣрью, соединялъ даже талантъ свой съ участіемъ этого перстня, бережно имъ хранимаго“. Въ письмѣ къ брату, у котораго оставались нѣкоторыя вещи поэта, онъ пишетъ, въ октябрѣ 1824 г., изъ Михайловскаго: „Пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него“. Не получивъ перстня, онъ повторяетъ, въ декабрѣ того же года: „Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ“ (*Переписка*, томъ I, стр. 139, 165). Съ этимъ же перстнемъ Пушкинъ изображенъ и на извѣстномъ портретѣ работы Тропинина, написанномъ въ 1827 г. по заказу С. А. Соболевскаго.

Другое изображеніе Пушкина, съ тѣмъ же перстнемъ на большомъ пальцѣ — но не правой, какъ у Тропинина, а лѣвой руки, находится на портретѣ работы Мозера, воспроизведенномъ фотографически въ Альбомѣ московской пушкинской выставки 1880 г.

Отношенія Пушкина къ графинѣ Е. К. Воронцовой въ недавнее время подробно обследованы М. О. Гершензонъ — отчасти на основаніи новыхъ матеріаловъ („Образы прошлаго“, М. 1912, стр. 33 — 50). Исслѣдованіе приводитъ къ заключенію, что Пушкинъ „долго-ли, коротко-ли, былъ влюбленъ въ гр. Воронцову; существованіе же какихъ-нибудь интимныхъ отношеній между ними приходится рѣшительно отвергнуть“. Равнымъ образомъ, г. Гершензонъ отрицаетъ всякую законность приуроченія къ Воронцовой тѣхъ стихотвореній Пушкина, въ которыхъ есть намекъ на обоюдную страсть („Сожженное письмо“, „Ненастный день потухъ“, „Желаніе славы“, „Все кончено“). Но онъ ни слова не говоритъ о *Талисманѣ*, который приурочивался къ Воронцовой всеми современниками Пушкина, между прочимъ, — Плетневымъ и кн. Вяземскимъ. Послѣдній въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ отмѣтилъ, что 19 октября 1838 г., находясь въ Англіи, онъ видѣлся съ леди Пемброкъ, сестрою гр. Воронцова; сынъ ея „пѣлъ *Талисманъ*, вывезенный сюда и на англійскія буквы переложенный, — и не зналъ, что поетъ про *волшебницу-тетку*“ (Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, томъ IX, стр. 186).

Очень возможно, что настоящее стихотвореніе имѣетъ связь съ наброскомъ: „Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья“ (см. настоящаго изданія томъ III, примѣчанія, стр. 466 — 467). По замѣчанію Л. И. Поливанова (Сочиненія Пушкина, М. 1887, томъ I, стр. 238), стиль *Талисмана* „носитъ характеръ подражанія восточной поэзіи. Здѣсь усвоены ея антитезы и параллелизмъ въ расположеніи

мыслей. Однообразное окончаніе каждой строфы, сверхъ того, придаетъ мелодіи стихотворенія характеръ тѣхъ монотонныхъ мотивовъ, которыми отличается музыка Востока. Сила же чувства, заключающагося въ каждомъ словѣ, и обиліе здѣсь высказанныхъ думъ, которыя какъ бы долго сберегались любящею душою для послѣдней минуты разставанія, представляютъ оригинальный контрастъ съ этой мелодіей стиха, сообщающей словамъ заклинанія напряженный тонъ глубокаго чувства“. Ту же куплетную форму, съ однообразнымъ окончаніемъ каждаго куплета, Пушкинъ придалъ и первоначальному наброску: „Храни меня, мой талисманъ“.

Стихотвореніе послужило сюжетомъ для изданной въ Москвѣ въ 1833 г. лубочной картинки, на которой изображена турчанка, передающая талисманъ своей наперсницѣ. Подъ картинкой напечатано все стихотвореніе, съ измѣненіемъ 3-го стиха:

Гдѣ луна *свѣтитъ* блещеть

Эта довольно рѣдкая гравюра описана П. А. Ефремовымъ въ примѣчаніяхъ къ *Талисману* въ изданіяхъ 1880 и 1882 гг. и упомянута В. И. Межовымъ въ его „Puschkiniana“, С.-Пб. 1887, подъ № 3581.

Талисманъ быстро получилъ широкую извѣстность и вызвалъ подражанія. Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Мой талисманъ“ и съ подписью: „А. Б. . . л. . . н. . . нъ“ было напечатано въ *Сынъ Отечества* и *Сверномъ Архивъ* 1829, часть V, стр. 137; второе, подъ заглавіемъ: „Талисманъ“ и съ подписью: „Д. . . . . а . . . .“ , появилось въ *Сверныхъ Цѣткахъ* на 1831 годъ, стр. 87. Авторомъ этого послѣдняго стихотворенія была „Додо“ (Евдокія) Сушкова, впослѣдствіи—графиня Ростопчина: это было первое печатное произведеніе 19-лѣтней писательницы. При жизни Пушкина его стихотвореніе было переведено на

англійскій языкъ въ книжкѣ: „The Talisman. By Al. Pushkin. From the Russian. With other pieces“, Spb. 1835, и на французскій — въ сборникѣ: „La Balalauka. Chants populaires russes et autres morceaux de poésies, traduits en vers et en prose par Paul de Julvécourt“, Paris 1837. Другіе переводы явились уже послѣ смерти поэта.

Подробности см. въ статьѣ *В. П. Гаевского*: „Перстень Пушкина“ въ *Вѣстникъ Европы* 1888, февраль, стр. 521—537.

XXIII.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

(Стр. 264).

Подлинникъ находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ принадлежавшей Плетневу, чисто переписанной самимъ Пушкинымъ, тетрадкѣ, заключающей въ себѣ IV и V главы *Евгенія Онегина*. Напечатано при отдѣльномъ изданіи этихъ главъ, С.-Пб. 1828, съ помѣтою: „29 декабря 1827“, которая оказалась ошибочною, такъ какъ въ дѣлахъ бывшаго III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи нашелся представленный на разрѣшеніе высшей цензуры списокъ стихотворенія съ помѣтою: „19 декабря 1827“ (Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1905, стр. 63, съ курьезной опечаткой въ стихѣ 14-мъ: „Безсмыслицъ“ вм. „Безсонницъ“). Въ изданіи *Онегина* 1833 г. это посвященіе было помѣщено въ примѣчанія, а въ изданіи 1837 г. — въ началѣ книжки, но уже безъ имени Плетнева.

XXIV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

(Стр. 265).

Въ рукописи неизвѣстно.—Напечатано, съ подписью: „А. Пушкинъ“, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, часть I, № 2, стр. 92, и разрѣшено къ печати 7 декабря 1826 г., такъ что должно быть отнесено не къ 1827, а по крайней мѣрѣ—къ 1826 г. Затѣмъ перепечатано въ изданіи 1829 г., часть II, стр. 171, въ числѣ стихотвореній „разныхъ годовъ“.

Въ сборникѣ стихотвореній лицейскаго товарища Пушкина А. Д. Илличевскаго: „Опыты въ антологическомъ родѣ“, С.-Пб. 1827 (стр. 87) находится слѣдующее четверостишіе:

ЗОЛОТО И ЖЕЛѢЗО.

«Мое все! Золото кричало:

«За что ни вздумаю, плачу».

— Мое! Желѣзо отвѣчало:

Я граблю, что ни захочу.

Подлинникъ этого четверостишія—эпиграмма, напечатанная въ имѣвшейся у Пушкина книгѣ: „*Anthologie Française, ou choix d'épigrammes, madrigaux*“ etc., Paris 1816 (2-го тома), томъ I, стр. 289:

Le Fer et l'Or.

Tout est à moi, car je l'achète

Et le paie en deniers comptans,

Disait l'Or, élevant sa tête.—

Tout bas, dit le Fer: je t'arrête,

Tout est à moi, car je le prends.

Эпиграмма подписана: „Arnauld“, но на самомъ дѣлѣ принадлежитъ Ж.-Б. Руссо. См. замѣтку П. Е. Щеголева:

„Пушкинское“ въ газетѣ *День* 1915, № 341 (11 декабря); *Пушкинъ и его современники*, вып. IX—X, стр. 141, № 546.

„Я читалъ четыре книги *Московского Вѣстника*, писалъ Пушкину, 20 марта 1827 г., Н. С. Алексѣевъ, — „и признаюсь тебѣ съ прежней откровенностью, что одинъ только стихъ мнѣ понравился: „Все возьму, сказалъ булатъ“ (*Переписка*, томъ II, стр. 13).

XXV.

НЕ ЗНАЮ, ГДѢ, НО НЕ У НАСЪ...

(Стр. 266).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано въ *Съверныхъ Цѣпкахъ* на 1828 годъ, стр. 220—221, въ статьѣ: „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“. Статья эта не подписана (въ концѣ ея сказано: „Извлечено изъ неизданныхъ Записокъ“), но подъ стихами поставлена подпись: „Пушкинъ“. Стихамъ предшествуютъ слѣдующія строки:

„Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ гениемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ“.

„Лордомъ Мидасомъ“ Н. С. Алексѣевъ, въ письмѣ къ Пушкину отъ 14 января 1831 г., назвалъ графа М. С. Воронцова, какъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ назвалъ его же „полу-милордомъ“, очевидно, въ обоихъ случаяхъ напоминая Пушкину собственныя его эпиграммы.

Стихотвореніе, судя по послѣднему стиху, напечатано не все (а можетъ быть, и не было dokonчено).

XXVI.

ПОДРУГА ДНЕЙ МОИХЪ СУРОВЫХЪ...

(Стр. 267).

Черновое стихотвореніе въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 43.—Напечатано впервые Анненковымъ въ *Матеріалахъ для біографіи Пушкина*, изд. 1855, стр. 3. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

Стихъ 3-й: *Среди тьсовъ моихъ* сосновыхъ

„ 7-й: *И поминутно медлятъ* спицы

„ 11-й: *Мечты*, предчувствія, заботы

Стихъ 12-й первоначально начинался словомъ: *тъснятся*. Затѣмъ было еще продолженіе, изъ котораго можно разобрать:

То чудится тебѣ...

Объ отношеніяхъ Пушкина къ его нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ см. Н. О. Сумцова, „А. С. Пушкинъ“, стр. 107—118, и замѣтку Н. О. Лернера въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, выпускъ VII, стр. 68—72.

XXVII.

КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ...

(Стр. 268).

Подлинникъ этого стихотворенія находится въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ. Это—черновикъ, писанный на трехъ листкахъ въ 4-ку. На лл. 1 и 2 находятся стихи 1—28, на л. 3—окончаніе; на оборотѣ л. 2-го—поправки стиховъ, написанныхъ на л. 1-мъ, и эпиграфъ. Внизу 1-го листа—миніатюрный набросокъ, изображающій профиль Наполеона (см. „Пушкинъ и его

современники“, выпускъ IV, стр. 9, № 31).— Напечатано по этому же черновику, но безъ вниманія къ поправкамъ и съ нѣкоторыми произвольными передѣлками, въ *Современникъ* 1838, томъ IX, стр. 143—145, откуда перепечатано безъ измѣненій въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 202—204.

Стихотвореніе подверглось значительнымъ поправкамъ и передѣлкамъ, изъ которыхъ нами выдѣленъ, по возможности, окончательный текстъ. Особенно много поправокъ въ стихахъ 7—15, которые такъ и остались перечеркнутыми, а въ первоначальномъ своемъ видѣ читаются слѣдующимъ образомъ:

[сладкозвучный]

Гдѣ *Тасса *нѣжнаго октавы
 [Еще поетъ] [пловець] [ночной пловець]
 [Въ гондолѣ] [въ тишинѣ морей]
 [Во мглѣ ночей] [Въ тиши ночной еще звучать]
 [Еще рыбакъ не позабылъ]
 Кто знаетъ край и Музъ и славы
 [Гдѣ кисть играла]
 Гдѣ пѣлъ Торквато [Петрарка] величавый
 [Гдѣ рыцарей] [Всѣхъ рыцарей гдѣ]
 Гдѣ нѣжный царствовалъ рѣзецъ
 И гдѣ наперсникъ Славы
 Подругу дѣтства рисовалъ
 Гдѣ Рафаэль живописалъ
 И гдѣ родилъ новы
[Гдѣ сладостный] [пламенный]
 И гдѣ живой рѣзецъ Кановы
 Паросскій мраморъ [высѣкалъ] оживлялъ
 Боргезы (*нрзб.*) [создавалъ] воскрешалъ
 [Гдѣ Dante мрачный и суровый]
 [Отвергнувъ всѣ оковы]

* Зачеркнуто и восстановлено.

[Свой адъ   создавалъ]
 Гдѣ Байронъ нѣжный и суровый
 [Гдѣ Альбіона бардъ суровый]
 Страдалъ, любилъ и проклиналъ.

Далѣе текстъ представляетъ слѣдующіе первоначаль-
 ные варианты:

- Стихъ 17-й: Страна *искусствъ* и вдохновеній
 „ 18-й: Кто *зритъ Европы* древній рай,
       [*Когда, когда мой добрый Геній*]
 „ 19-й: Твои *таинственныя* сѣни
 „ 21-й: *Порой ночныхъ народныхъ* оргій
 „ 22-й: Кругомъ *кого* кипить народъ?
 „ 23-й: *Кого* привѣтствуютъ восторги?

Стихъ 24-й сначала былъ написанъ:

Кто [непонятною] идеальной красой

потомъ исправленъ:

Блстая сѣверной красой

и, наконецъ, вмѣсто *блстая* написано: *Марія*, но потомъ
 зачеркнуто, а сбоку приписано; *Людмила, Раиса*.

Стихъ 27-й: *Кто по-неволѣ за собой*

„ 28-й: *Толпы ихъ бурны увлекаетъ?*

Послѣ стиха 28-го было написано и *зачеркнуто*:

Съ какою легкостью небесной

Земли касается она!

Какою прелестью чудесной

Во всѣхъ движеніяхъ полна!

Стихъ 31-й: На чудеса *святыхъ* искусствъ

Въ стихѣ 33-мъ слово: *Небесный* зачеркнуто, но воз-
 становлено; раньше было написано: *умильный, безпечный*,
 но зачеркнуто. Кромѣ того, зачеркнутъ еще вариантъ:

Людмила светлый взоръ возводитъ

- Стихъ 34-й: *Дивится, радуясь душой*
 „ 36-й: *Себя прекрасный не находитъ*
 „ 40-й: *Горюетъ, кажется, обидой*
 „ 42-й: *Глядитъ ли въ тишину она*
 „ 43-й: *На нѣжный образъ Форнарины*
 „ 45-й: *Своей задумчивой красой*
 „ 46-й: *Она прелестные картины*
 „ 54-й: *Гдѣ ты, Харитою вѣнчаннй*

Эпиграфъ къ этому стихотворенію объясняется, по словамъ Анненкова („Матеріалы“, стр. 84), „извѣстнымъ въ свое время анекдотомъ: одна молодая русская путешественница, послѣ долгаго пребыванія за границей, сказала, что по возвращеніи на родину весьма обрадовалась клюквѣ. Пушкинъ намѣревался выразить въ стихотвореніи капризъ красавицы, но отдѣлалъ только поэтическую часть пьесы, соотвѣтствующую эпиграфу изъ *Виллельма Мейстера*, и не приступилъ даже ко второй ея половинѣ. Пародія не была въ его талантѣ и часто принимала у него серьезные, вдохновенные звуки, ей несвойственные“. Не смотря на это объясненіе, и даже вслѣдствіе его, стихотвореніе представляется очень загадочнымъ: оно, очевидно, относится не къ вымышленной, а къ дѣйствительной личности, пребываніе которой въ Италіи изображается такими яркими чертами; но кто же была эта особа? Попытка Н. О. Лернера приурочить стихотвореніе къ княгинѣ З. А. Волконской (Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, томъ IV, стр. LIX — LX) не выдерживаетъ критики, потому что княгиня уѣхала въ Италію въ 1829 г., а стихотвореніе написано въ 1827 и ни въ какомъ случаѣ не позже половины 1828 г. На это указываютъ зачеркнутые послѣ стиха 28-го четыре стиха, внесенные, въ значительно измѣненномъ видѣ, въ 52-ю строфу VII главы *Евгенія Оныгина*:

Съ какою *гордостью* небесной
 Земли касается она,
Какъ нѣмой врудъ ея полна,
Какъ томенъ взоръ ея чудесный!

Эта глава *Онѣгина* окончена 4 ноября 1828 г., и очевидно, что приведенное четверостишіе, въ первоначальномъ своемъ видѣ, должно было предшествовать написанію 52-й строфы; относить же стихотвореніе Пушкина къ болѣе ранней поѣздкѣ княгини въ Италію, гдѣ она была въ 1820—21 гг., значило бы—приписывать поэту воспоминаніе о чемъ-то давно минувшемъ въ жизни женщины, съ которою онъ въ ту пору вовсе не былъ и знакомъ. Наконецъ—и это въ нашихъ глазахъ важнѣе всего,—г. Лернеру было неизвѣстно, что Пушкинъ, начиная съ стиха 20-го, замѣнилъ вопросительную форму утвердительною и въ стихѣ 24-мъ поставилъ прямо имя воспѣваемой особы: „*Марія*“; правда, это имя зачеркнуто, и на поляхъ написаны другія: „Людмила“, „Раиса“, но это сдѣлано, вѣроятно, только для того, чтобы затемнить настоящее имя, которое, все-таки, пришлось повторить въ обращеніи къ Рафаэлю: „Пиши *Марію* намъ другую, съ *другимъ младенцемъ* на рукахъ“. Такимъ образомъ, новая Марія, и съ младенцемъ, должна была, по мысли поэта, какъ бы послужить дополненіемъ къ старой, рафаэлевской; но кто могла быть эта „Марія съ младенцемъ“?

Самъ Пушкинъ даетъ намъ ключъ къ этой загадкѣ—въ томъ четверостишіи, которое было имъ зачеркнуто въ настоящемъ наброскѣ и затѣмъ, въ измѣненномъ видѣ, перенесено въ VII главу *Онѣгина*. Въ 52-й строфѣ этой главы указанные 4 стиха относятся къ той, которую поэтъ не смѣетъ тревожить лирою своею, и завершаются еще двумя стихами:

Но полно, полно, перестань,
 Ты заплатилъ безумству дань.

Эти же два стиха переносятъ насъ къ эпохѣ созданія *Бахчисарайскаго Фонтана* и къ тому „любовному бреду“, который Пушкинымъ, по собственному его сознанію, былъ выкинутъ изъ этой, близкой его сердцу, поэмы:

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную. . .
Всѣ думы сердца къ ней летятъ,
Объ ней въ изгнаніи тоскую. . .
Безумецъ! *помно, перестань,*
Не оживляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань.

.....
Забудь мучительный предметъ
Любви отверженной и вѣчной. . .

(См. настоящаго изданія томъ III, примѣчанія, стр. 281—282, 287, 289).

П. Е. Щеголевъ, въ статьѣ: „Утаенная любовь“ („Пушкинъ“, очерки, С.-Пб. 1912, стр. 35—195), съ исчерпывающею полнотою разъяснилъ, что вдохновительницею поэмы, внушившею Пушкину также и этотъ „любовный бредъ“, была *Марія Николаевна Раевская*, впоследствии — княгиня Волконская. Поэтъ, по собственному его сознанію, былъ „влюбленъ безъ памяти“, „очень долго и очень глупо“ (*Переписка*, томъ I, стр. 75, 121), — и это чувство нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ лирическихъ изліяній, начиная съ элегіи: „Рѣдѣетъ облаковъ воздушная гряда“ и продолжая стихотворными набросками, которыхъ поэтъ, ревниво оберегавшій свою тайну отъ посторонняго взора, не отдѣлывалъ и не назначалъ для печати, лирическими отступленіями въ *Оптимизмъ* и въ предпосланномъ ему *Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ* и т. п.

Эта „утаенная любовь“ надолго оставила прочный

слѣдъ въ душѣ поэта. Разставшись съ Раевскими еще въ первой половинѣ 1821 года, Пушкинъ постоянно вспоминаетъ о нихъ, и образъ любимой дѣвушки неотступно сопровождаетъ его мечты. Въ сентябрѣ 1823 г., за канчивая первую главу *Онтина*, поэтъ говоритъ (въ строфѣ 59-й):

Погасшій пепель ужъ не вспыхнетъ,
Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.

Но „слѣдъ бури“ все не утихалъ, и въ слѣдующемъ году, въ *Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ*, Пушкинъ снова возвращается къ прежнимъ воспоминаніямъ:

Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была — предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.

.....
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои,
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужны ей.

„Шли годы, — бурь порывъ мятежный разсѣялъ
прежнія мечты“; другія мысли, другія заботы, наконецъ —
другія женщины заслонили въ душѣ поэта дорогой ему
„предметъ любви отверженной и вѣчной“ . . . Но, набра-
сывая строфы *Странствія Онтина*, онъ опять вспомнилъ
Крымъ:

А тамъ, межъ хижинокъ татарь. . .
 Какой во мнѣ проснулся жаръ!
 Какой волшебною тоскою
 Стѣснилась пламенная грудь!
 Но, муза! прошлое забудь.
 Какія бѣ чувства ни таились
 Тогда во мнѣ, — теперь ихъ пѣть. . .

Поэтъ издали слѣдилъ за Маріей Николаевной; онъ зналъ о печальной участи человѣка, съ которымъ она соединила свою судьбу, а въ концѣ 1826 года, находясь въ Москвѣ, узналъ и объ ея рѣшеніи до конца раздѣлить его участь. Въ домѣ княгини Зинаиды Волконской, 27 декабря 1826 г., поэтъ, послѣ продолжительной разлуки, въ послѣдній разъ увидѣлъ Марію Николаевну, уѣзжавшую вслѣдъ за своимъ мужемъ въ Сибирь. Препрежнее чувство оживилось, — и душою поэта снова овладѣлъ образъ вѣчно милой женщины, являвшійся теперь въ новомъ ореолѣ высокаго подвига, соединеннаго съ лишеніями и страданіями. Мысль его опять неудержимо направляется къ ней; ей онъ посвящаетъ свою *Полтаву*, героиня которой носитъ „имя вѣжное Маріи“ (см. въ указанной книгѣ П. Е. Щеголева, стр. 164—193); черновые, первоначальные варианты этого посвященія совершенно ясно указываютъ, къ кому оно относится:

Вѣрь, Ангель, что во дни разлуки,
 Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
 Сибири хладная пустыня,
 Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
 Одно сокровище, святыня,
 Одна любовь души моей.

Но воображеніе поэта рисуетъ ему тотъ же милый образъ и въ другихъ краскахъ, и въ другой обстановкѣ

Ему вспоминается давнишнее, также навѣянное пѣсней Миньоны, стихотвореніе „Желаніе“:

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга, и пр.

(Настоящаго изданія томъ III, стр. 28).

Мечта переноситъ его въ этотъ „златой предѣлъ, любимый край Эльвины“ (конечно, все той же „Маріи“),— и поэтъ торопливо набрасываетъ сохранившійся въ томъ же Майковскомъ собраніи рисунокъ этого края (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 9, № 32):

[*помято*]

Я *знаю край: тамъ вѣчныхъ волнь

На *ахъ*

[У] берег[овъ] [сѣдая пѣна]

Уединенно [тамъ] на берега

Сѣдое море [сѣдая пѣна] вѣчно плещеть—

[*падаютъ*]

Тамъ *рѣдко [стелются] снѣга

[Тамъ опаленные луга]

Безоблачно тамъ солнце блещеть

На опаленные луга

[Тамъ тѣни нѣтъ] дубравъ не видно

[Дубравъ тамъ] степь нагая

Намъ моремъ стелется одна

Но эти, едва намѣченные, стихи брошены. Фантазія увлекаетъ поэта въ другой край,— въ настоящій край Миньоны, о которомъ онъ въ молодости такъ пламенно мечталъ и который теперь является въ такой рѣзкой противоположности съ далекою, холодною пустынею Сибири, гдѣ любимая женщина несетъ свой тяжкій добровольный

* Зачеркнуто и восстановлено.

крестъ. Первоначальное желаніе изобразить „Марію“ въ рамкѣ крымской природы уступаетъ мѣсто другому, уже не реальному, а совершенно фантастическому рисунку на фонѣ „золотой Авзоніи“. Что нужды въ томъ, что „Марія“ никогда не была въ Италіи? Она *могла* тамъ быть. А если бы она въ самомъ дѣлѣ туда явилась, то какое впечатлѣніе произвелъ бы на нее этотъ „волшебный край“, и какъ отнеслись бы къ ней его обитатели? Конечно, не иначе, какъ съ восторгомъ передъ ея „сѣверной красой“. Но она могла явиться въ Италію даже не одна, а „съ младенцемъ“, — съ тѣмъ первенцемъ-сыномъ „Николино“, на смерть котораго Пушкинымъ написана трогательная эпитафія, — и тогда, конечно, новый Рафаэль могъ бы написать съ нея новую Мадонну. . . .

Сопоставленіе въ эпитафахъ пѣсни Миньоны и припѣва о клюквѣ указываетъ на то, что фантастическая картина волшебнаго края, „гдѣ апельсины зрѣютъ и въ темной зелени блеститъ золотой лимонъ“, должна была смѣниться въ воображеніи поэта реальною картиною далекой сѣверной пустыни, гдѣ растетъ только немудреная кислая ягода. Это — возвращеніе изъ міра мечтательнаго въ міръ суровой дѣйствительности. Пушкинъ и въ самомъ дѣлѣ попробовалъ вернуться въ этотъ неприглядный міръ и представить себѣ „Сибири хладную пустыню“, — можетъ быть, также съ намѣреніемъ начертить на ея мрачномъ фонѣ любимый образъ. Въ Майковскомъ собраніи (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 15, № 55) сохранилась мелко и неразборчиво исписанная четвертушка бумаги, сложенная пополамъ, съ наброскомъ конца *Моей Родословной* (1830) и планомъ повѣсти „Мятель“; тутъ же находится крайне исчерканный и съ трудомъ поддающийся прочтенію набросокъ, изъ котораго Анненковъ въ свое время напечаталъ только три стиха, почему-то приурочивъ ихъ къ *Альбому Онтгина*:

Когда порой воспоминае
 Какъ тѣнь опять бѣжить ко мнѣ
 И [погружаюсь я] [злое мрачное мечтанье]
 Грызеть мнѣ сердце въ тишинѣ
 [задыхаюсь я] въ тяжеломъ
 И [страшно, душно] [страданья]
 [Тогда]
 Когда людей вблизи увидя
 [Хотѣлъ бы я въ пустынѣ быть]
 Хочу въ пустыню я бѣжать
 Ихъ слабый умъ возненавидя
 Тогда.... [тогда] лечу
 Туда гдѣ небо....
 Низ...
 Гдѣ т...
 [Впередъ] Кругомъ....
 Гдѣ пожелтѣлыя струи
 На мраморъ вѣтхой тихо плещуть,
 Гдѣ пѣлъ Т...
     Гдѣ мртвъ и темн...
     На волѣ пышно разрослись
 Гдѣ и теперъ...
 Порой далече звонкой славой
 Повторены его октавы
 [Не тамъ привычной...]
 [Себѣ]
 [Стремлюсь] Привычный къ сѣвернымъ водамъ
 [Къ студенымъ]
 [За лѣ] Межъ бѣлоглавой ихъ толпой
 [Скалу иль] горъ отроги вижу
 .....
 [Пустын]
 [Пріютъ пустынной птицъ морскихъ]
 [Печальной] [.....] берегъ дикой

Гдѣ чахлый мохъ едва едва
Устья
 [Пестрѣть] жалкою брусникой
 [Одѣтый мохомъ] . . . тундрою покрытъ
 И хладной пѣною подмытъ
 [Кой гдѣ разтетъ кустарникъ тощій]
 Сюда порою [приплываетъ]
 Отважный сѣверный рыбакъ
свой неводъ выгружаетъ
 И здѣсь [онъ сѣти разгружаетъ]
 [И свой] разводитъ очагъ
 Сюда погода волновая

На этомъ набросокъ обрывается. Присутствіе въ немъ нѣсколькихъ стиховъ изъ пьесы: „Кто знаетъ край“, по видимому, обнаруживаетъ намѣреніе Пушкина дать картину контраста, о которой сказано выше. Эта мысль долго занимала поэта (послѣдній набросокъ относится, вѣроятно, къ 1830 году), но такъ и не получила полного выраженія. Передъ нами мелькаетъ лишь тѣнь ея; но и по этой слабой тѣни можно съ большою вѣроятностью угадать, въ чемъ эта мысль заключалась и къ кому она уносилась вдаль.

XXVIII.

ТОЛПА ХОЛОДНАЯ ПОЭТА ОКРУЖАЕТЪ . . .

(Стр. 271).

Черновой набросокъ въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 42 об. Напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 348, откуда вошелъ въ позднѣйшія изданія съ большими или меньшими неточностями, обусловленными трудностью прочтенія. Приводимъ точную транскрипцію, насколько ее удастся установить:

холодная
Толпа [надменная] поэта окруж(ала)
ую у
И равнодушн[ыя] хвал[ы] ему жужжала
[Но въ] Но *ей* [безмолвнъ] задумчивъ
[Онъ] равнодушно [онъ] въ молчаньѣ онъ внималъ
звучной
И [сладкой] лирою разсѣянной *) бряцалъ

Быть можетъ, этотъ набросокъ заключаетъ въ себѣ первую мысль стихотворенія: „Чернь“:

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой *разсѣянной бряцалъ*. . .
Онъ пѣлъ — а *хладный* и *надменный*
Кругомъ народъ непосвященный, и пр.

XXIX.

КАКАЯ НОЧЬ! МОРОЗЪ ТРЕСКУЧІЙ. . .

(Стр. 272—273).

Черновое стихотвореніе—въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, лл. 18—19, написано, судя по положенію его въ рукописи, не въ 1828 г., къ которому относили его всѣ прежніе издатели, начиная съ Анненкова, а въ 1827 г., можетъ быть, даже еще раньше.—Напечатано, въ неисправномъ видѣ, уже послѣ смерти Пушкина, въ *Современникѣ* 1838, томъ XI, стр. 194—195, подъ произвольнымъ заглавіемъ: „Опричникъ“, а затѣмъ перепечатано, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 215—217, подъ другимъ, также произвольнымъ, заглавіемъ: „Кромѣшникъ“. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варианты:

---

* Такъ въ подлинникѣ.

- Стихъ 10-й: Да цѣпью длинною гремитъ
 „ . 17-й: Гдѣ столпъ, гдѣ вилы, идъ котлы .
 „ 18-й: *Кроровой* полные смолы
 „ 19-й: Тамъ опрокинутая плаха
 „ 21-й: *Костры* подъ грудой пепла тлѣютъ
 „ 25-й: *Струею* тощей снѣгъ багрила
 „ 26-й: И раздавался томный стонъ
 „ 27-й: Но смерть коснулась къ нимъ какъ сонъ
 „ 28-й: Свою добычу захватила
 „ 29-й: И жизнь содроглась и почила
 „ „ И [*недвижимо*] содрогалась жизнь почила *
 „ 50-й: *Когда* *кромъшники* топтали
 „ 53-й: Ихъ черной кровію омыты

Стихъ 58-й сначала былъ начать словами: „Въ столбы“. Слова: „вихремъ“ въ рукописи *нѣтъ* (оставленъ пробѣлъ); оно вставлено издателями для дополненія стиха.

„Стихи *Кромъшника*“, писалъ С. П. Шевыревъ въ *Москвитянинѣ* 1841, часть V, № 9 (см. Зелинскаго. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, часть IV, изд. 2-е, М. 1902, стр. 197),—„достигаютъ такой степени совершенства въ отдѣлкѣ, что въ нихъ не знаешь, чему болѣе удивляться: Пушкину ли или русскому языку? Это рѣзецъ Кановы или Тенерани, покорившій себѣ до конца всю звонкую твердость нашего мрамора“. Бѣлинскій (Сочиненія, изданіе Венгерова, томъ IV, стр. 78) замѣтилъ, что „этотъ отрывокъ, должно быть, изъ большого сочиненія, служить доказательствомъ, какъ много чудныхъ надеждъ унесъ Пушкинъ въ свою безвременную могилу“. „Какъ ни незначителенъ онъ по своему размѣру“, говорить Л. И. Поливановъ (Сочиненія Пушкина, М. 1887, томъ II, стр. 205), „но заключаетъ въ себѣ артистически

* Стихи 24—29 перечеркнуты.

набросанную картину уснувшей Москвы и площади съ свѣжими слѣдами той жизни, которая характеризуетъ мрачную эпоху. Впечатлѣніе дополняется изображеніемъ юноши, скачущаго на свиданіе. Извращенныя чувства этого питомца жестокаго времени нашли полное выраженіе въ словахъ его и мастерски оттѣнены ужасомъ коня передъ тѣмъ, что для опричника—дѣло привычное и даже доблестное“. Объективный тонъ отрывка вводилъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ читателей, которые осуждали его за „поэтизированіе гнуснаго“. Говоря о подобныхъ обвиненіяхъ, Аполлонъ Григорьевъ (Сочиненія, томъ I, С.-Пб. 1876, стр. 181—182) замѣтилъ, что они „простираются именно на отрывочныя, на недоконченныя вещи, которыхъ смыслъ поэтъ унесъ съ собою въ могилу, но которыя, по всей вѣроятности, разъяснились бы въ цѣлости созданія, согласно вообще съ духомъ великаго мужа. . .“.

Стихи 20—23 почти дословно повторяются въ стихотвореніи 1829 г.: „Стамбуль гяуры нынче славятъ“:

Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли. . .

XXX.

СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМЪ. . .

(Стр. 274—276).

Черновой набросокъ, очень исчерканный, въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, лл. 27 и 27 об. Напечатано, съ необходимыми пропусками, В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 538—539, и оттуда

перепечатано въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Приводимъ первоначальные варианты рукописи.

Стихъ	1-й: Сводня <i>сидя</i> за столомъ
„	3-й: <i>Дремлютъ двѣушки</i> кругомъ
„	5-й: Три <i>десятки</i> — <i>интересъ</i>
„	7-й: <i>Быть богатой</i> . . .
„	8-й: <i>Денги</i> или обновы
„	14-й: <i>Суетятся</i> . . . . .
„	15-й: <i>Катя, Катя</i> , кто пришелъ?
„	16-й: Посмотри хоть <i>сзади</i>
„	17—22-й: <i>Входитъ добрый</i> человекъ, Съ нимъ ужъ я знакома, <i>Шепчетъ Маша</i> — <i>весь</i> свой вѣкъ Онъ у насъ какъ дома. Въ кухню <i>барышни</i> бѣгомъ <i>Мыться</i> надъ <i>лоханкой</i>
„	33-й: Вѣрите ль, съ <i>Петрова</i> дня
„	„ (Съ <i>воскресенья</i> , <i>вѣрите</i> мнѣ)
„	47-й: Не платя, <i>уходятъ</i> прочь

Послѣ стиха 48-го зачеркнуто:

[Слава богу вы пришли]

XXXI.

ЧИСТОТОЙ, ПРИСЛУГОЙ И ПОЙЛОМЪ...

(Стр. 277—278).

Черновое, исчерканное и трудно читаемое стихотвореніе — въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 34, 33 об. Напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 540—541, и оттуда перепечатывалось въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Приводимъ первоначальные варианты:

- Стихъ 9-й: Лишь однимъ конюшни *некрасивы*
 „ 12-й: Заплетаетъ гривы *у нихъ въ косу*
 „ 13-й: *Хвостъ въ кольцо завязываетъ тупо*
 „ 14-й: Какъ не влюбить онъ коня *индова*
 „ 26-й: *Разгадать ли тебѣ, старый, загадку?*
 „ 28-й: *Какъ влюбился молодой конюхъ*
 „ 29-й: *Удалой конюхъ, разгульный парень*
 „ 32-й: *Полегоньку на широкой дворъ выводитъ*

При тщательномъ сличеніи печатнаго текста съ рукописью оказывается, что слѣдующіе стихи подлежатъ исправленіямъ:

Вмѣсто стиха 15-го слѣдуетъ читать:

На вечерней зарѣ *съ водопою*
 Обойду я *боярскія конюшни*

Стихъ 20-й: Съ морды каплетъ *кровавая пѣна*.

Мысль этого стихотворенія, оставшагося неотдѣланнымъ, была сообщена Пушкинымъ поэту-самоучкѣ Ф. Н. Слѣпушкину, который и воспользовался ею для своей басни: „Конь и домовой“ (См. И. С. Ремезова: „Самоучки“ [матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи], С.-ПБ. 1886, стр. 119). Эта басня или, какъ ее озаглавилъ Слѣпушкинъ, „сельской разсказъ“, напечатана въ *Памятникъ Отечественныхъ Музъ* на 1828 годъ, стр. 285—288, и оканчивается такимъ нравоученіемъ:

Понинѣ то же говорятъ,
 Случится ль гдѣ такое чудо:
 «Коню отъ домового худо».
 А смотришь — конюхъ виновать.

XXXII.

МОНОЛОГЪ ИЗАБЕЛЛЫ.

(Стр. 279—280).

Рукопись Румянцовскаго Музея № 2368, л. 34 об. Надъ стихами написано въ скобкахъ: (Изъ Alfieri). См. *Русскую Старину* 1884, томъ 42, стр. 541—542. Напечатано впервые П. В. Анненковымъ, въ *Материалахъ*, стр. 342. Рукопись представляетъ слѣдующіе варианты:

- Стихъ 3-й: *Филиппова* невѣрная супруга
 „ 6-й: *Нравъ смѣлый, кроткій, гордость, благородство*
 „ 10-й: Что говорю? *Ужели такъ желаю*
 „ 12-й: Изкоренить? *Ахъ, если пламень мой*
 „ 18-й: Не можно мнѣ . . . *ему жъ, какъ и другимъ.*
 „ 21-й: *Остались мнѣ слезы въ утѣшенье*
 „ 23-й: *Но въ дальній край хочу свои печали*
                   Я перенести — и тамъ
 „ 25-й: *Слова и взоръ . . .*

Этимъ монологомъ начинается трагедія Альфіери: „Филиппъ“. Пушкинъ не перевелъ непосредственно съ итальянскаго подлинника, а переложилъ въ стихи довольно близкій прозаическій переводъ А. С. Шишкова:

„Желаніе, страхъ, сомнительная и преступная надежда, ступайте изъ груди моей! Филиппова сына невѣрная Филиппу жена, дерзаю я любить! Я!—Но кто можетъ видѣть его и не любить? Смѣлое, исполненное человѣколюбія сердце, благородная гордость, высокій умъ и въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа, — ахъ! Для чего природа и небо сотворили тебя таковымъ? . . . Увы! что я говорю? Такъ ли сладкой образъ его вырываю изъ глубины моего сердца? О! ежели бы о семъ пламени кто-нибудь изъ живущихъ на земли былъ извѣстенъ! О!

ежели бы могъ онъ самъ подозрѣвать его! Онъ всегда печальну меня видитъ. . . печальну, правда, но въ то же время и убѣгающу отъ лица его; и знаетъ, что всякое веселіе изгнано изъ Гишпаніи — а въ сердцѣ у меня кто можетъ прочитать? Ахъ! когда бы сама я, что происходитъ въ немъ, столько же, какъ и другіе, не знала! о! есть ли бы могла обманывать себя, убѣгать отъ себя самой такъ же, какъ отъ другихъ! . . . Несчастная! слезы одна мнѣ отрада; но и слезы преступленіе. Сокроемъ далѣе внутрь храминъ моихъ печаль мою; тамъ свободнѣе. . . Что я вижу? Карлъ? Ахъ, уйдемъ: каждое слово мое, каждый взглядъ, могутъ мнѣ измѣнить. О небо! уйдемъ“.

XXXIII.

БЛАЖЕНЪ ВЪ ЗЛАТОМЪ КРУГУ ВЕЛЬМОЖЪ. . .

(Стр. 281).

Черновой набросокъ — въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 35. Напечатанъ В. Е. Якупшкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 542. Рукопись представляетъ первоначальные варианты:

Стихъ 1-й: Блаженъ въ *чертогахъ золотыхъ*
 „ 4-й: *Мншая* съ горькой правдой ложь,
Онъ негодуетъ. . .

Послѣ стиха 6-го зачеркнуто:

[Живить ихъ] [И внемлетъ]

XXXIV.

ВЪ РОЩАХЪ КАРІЙСКИХЪ...

(Стр. 282).

Въ той же рукописи № 2368, л. 36, среди черновыхъ строфъ VII-й главы *Евгенія Онегина*. Напечатано впервые въ изданіи Литературнаго Фонда (1887), томъ II, стр. 28. Первоначальные варианты:

Стихъ 2-й: *Темныя [древніе] клены кругомъ...*

„ 7-й: *Вдаль подъ стѣпоу густою...*

По всей вѣроятности, переводъ.

XXXV.

КОГДА ТАКЪ НѢЖНО, ТАКЪ СЕРДЕЧНО...

(Стр. 283).

Черновой набросокъ, писанный на восьмушкѣ, по-видимому, оторванной отъ письма, такъ какъ около текста сохранился адресъ: „А. С. Пушкину“. Находится въ Майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ (см. *Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 20, № 85) и въ настоящемъ изданіи печатается впервые.

Рукописи Пушкина, упоминаемая въ примѣчаніяхъ.

I. Хранящіяся въ Императорской Публичной Библиотекѣ: — 82, 327, 342, 386.

II. Хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ:

№ 2364 — 267.

№ 2365 — 4.

№ 2366 — 197, 280, 320.

№ 2367 — 139, 248, 272, 338, 353, 358, 359, 364, 367, 371, 373, 394.

№ 2368 — 211, 291, 355, 358, 360, 365, 389, 395, 397, 398, 400, 401, 402.

№ 2369 — 57, 58, 234.

№ 2370 — 6, 10, 19, 22, 36, 81, 84, 197, 201, 212, 277, 281, 282, 283, 285, 295, 296, 358.

№ 2371 — 355.

№ 2372 — 141.

№ 2373 — 145.

№ 2382 — 139.

№ 2386 — 145.

№ 2387 — 143, 144, 243.

№ 2392 — 82.

№ 2393 — 246.

№ 3266 — 73.

III. Хранящіяся въ Императорской Академіи Наукъ:

а) въ Библиотекѣ, Пушкинскомъ Отдѣлѣ имени Л. Н. Майкова: — 6, 7, 10, 17, 59, 71, 140, 145, 146, 183, 201, 204, 229, 276, 285, 286, 287, 288, 293, 294, 295, 317, 321, 324, 326, 327, 328, 331, 381, 382, 389, 393, 402.

б) въ библиотекѣ Пушкинскаго Дома: — 32.

- IV. Хранящіяся въ принадлежащемъ Пушкинскому Дому
Пушкинскомъ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ:—
83, 214, 215—227, 292, 374.
- V. Хранящіяся въ Пушкинскомъ Музеѣ Императорскаго
Александровскаго Лицея — 187.
- VI. Хранящіяся въ библиотекѣ Харьковскаго Универси-
тета — 81.
- VII. Принадлежащія частнымъ лицамъ :
- а) Профессору И. А. Шляпкину — 3, 254, 261.
  - б) Остафьевскому архиву графа С. Д. Шереметева —
6, 27, 214, 227—228, 241.
  - в) Графу П. И. Капнисту — 6, 19, 20.
  - г) П. Я. Дашкову (†)—57, 58, 59.
  - д) В. И. Яковлеву — 332.
- VIII. Копіи стихотвореній Пушкина:
- а) въ альбомѣ П. А. Осиповой — 29, 35, 187.
  - б) Ек. Ник. Ушаковой — 344, 345.
-

Изданія Сочиненій Пушкина, на которыя сдѣланы ссылки въ примѣчаніяхъ.

Изданіе 1826 г. — 7, 19, 22, 23, 30, 31, 32, 36, 42, 58.

Изданіе 1829 г. — 7, 22, 23, 30—32, 35, 36, 42, 58, 60, 73, 180, 188, 251, 254, 255, 259, 261, 262, 263, 304, 328, 332, 337, 341, 346, 361, 367, 374, 380, 382, 387.

Изданіе 1832 г. (III часть Стихотвореній) — 31, 327, 378.

„Поэмы и повѣсти Александра Пушкина“ (1835) — 215.

Изданіе *Посмертное* (1838 — 1841) — 5, 31, 73, 105, 187, 188, 229, 304, 311, 319, 349, 351, 357, 361, 390, 395.

Изданія:

1855 — 1857 (Анненкова) — 3, 5, 8, 18, 24, 27, 71, 73, 187, 211, 230, 248, 261, 263, 296, 302, 311, 314, 319, 322—323, 326, 353, 361, 379, 389, 400.

1859 (Геннади) — 79, 263, 311, 323, 342, 344, 345.

1861 (Гербея, Берлинское) — 348, XII.

1870 (второе изданіе Геннади) — 263.

1880 (Ефремова) — 263, 323, 348, 385.

1882 (второе изданіе Ефремова) — 262, 263, 385.

1887 (Поливанова) — 116, 384.

1887 (Литературнаго Фонда, ред. Морозова) — 5, 263, 402.

1903 (второе изданіе Морозова) — 5, 101, 263, 323.

1903 — 1905 (четвертое изданіе Ефремова) — 5, 9, 101, 263.

1908 — 1915 (Венгерова) — 5, 71, 263, 265, 271, 310, 324, 332, 355, 392, XII.

Академическое издание, томъ I-й — 190, 298; томъ II-й — 43; томъ III-й—44, 197, 267, 277, 295, 384.

Материалы для Академическаго изданія, Л. Н. Майкова — 6, 20.

Переписка Пушкина — 6, 10, 22, 24—28, 30, 32—35, 42, 43, 44, 47, 58, 62, 66, 73, 80, 117—121, 124, 129, 131, 138, 146—148, 150, 164, 182, 185, 186, 188, 196, 215, 229, 247, 250, 251, 252, 258, 260, 267, 268, 290, 291, 299, 303, 313, 314, 328, 334, 336, 337, 351, 354, 361, 365, 367, 372, 373, 383, 388.

Изданія отдельных произведений Пушкина:

Борисъ Годуновъ, издание 1831 г. — 81, 105.

Евгеній Онегинъ, гл. IV и V, издание 1828 г. — 386.

Указатель журналовъ, альманаховъ и газетъ, упоминаемыхъ
въ примѣчаніяхъ.

- Альбомъ Сѣверныхъ Музъ* на 1828 г. — 382.
Бабочка 1829 г. — 236.
Библиографическія Записки 1858 г. — 42, 75, 319, 323.
Библиографическія Записки 1859 г. — 342, 344, 345.
Библиографическія Записки 1861 г. — 9, 267.
Библиотека для Чтенія 1840 г. — 50.
Библиотека для Чтенія 1855 г. — 330.
Библиотека для Чтенія 1859 г. — 79.
Благонамѣренный 1825 г. — 36.
Вечернее Время 1913 г. — 324.
Вѣстникъ Европы 1817 г. — 210.
Вѣстникъ Европы 1825 г. — 24.
Вѣстникъ Европы 1828 г. — 237.
Вѣстникъ Европы 1829 г. — 31, 237, 241.
Вѣстникъ Европы 1830 г. — 136.
Вѣстникъ Европы 1882 г. — 83.
Вѣстникъ Европы 1887 г. — 214.
Вѣстникъ Европы 1888 г. — 386.
Вѣстникъ Европы 1899 г. — 213, 368.
Вѣстникъ Европы 1904 г. — 75.
Галатея 1839 г. — 113.
Гирлянда 1831 г. — 154.
Голосъ 1869 г. — 176.
Дамскій Журналъ 1824 г. — 26.
Дамскій Журналъ 1825 г. — 24.
Дамскій Журналъ 1826 г. — 347.
Дамскій Журналъ 1828 г. — 347.
Дамскій Журналъ 1829 г. — 241.

- Дамскій Журналъ* 1831 г. — 156.
Денница 1830 г. — 81.
День 1915 г. — 388.
Древняя Россійская Вивлювица — 170.
Европеецъ 1831 г. — 158.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
 1859 г. — 257.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
 1888 г. — 326.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
 1903 г. — 177.
Извѣстія II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
 1857 г. — 187—188.
Иллюстрація 1848 г. — 257.
Историческій Вѣстникъ 1885 г. — 251.
Историческій Вѣстникъ 1891 г. — 264.
Историческій Вѣстникъ 1897 г. — 347.
Колокольчикъ 1831 г. — 153.
Листокъ 1831 г. — 154.
Литературная Газета 1830 г. — 353, 363.
Литературная Газета 1831 г. — 149, 155, 311, 312.
Литературный Музеумъ 1827 г. — 341.
Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду
 1831 г. — 315.
Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду
 1834 г. — 114.
Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду
 1837 г. — 273.
Лира Грацій 1832 г. — 332.
Маякъ 1843 г. — 15.
Міръ Божій 1899 г. — 128.
Мнемозина 1824 г. — 142, 197, 252, 253.
Москвитянинъ 1841 г. — 396.
Москвитянинъ 1854 г. — 115, 116.

Московский Вѣстникъ 1827 г. — 11, 81, 180, 182, 214, 261, 346, 349, 367, 371, 387, 388.

Московский Вѣстникъ 1828 г. — 131, 132, 133, 243, 262, 304, 328, 332.

Московский Вѣстникъ 1829 г. — 5, 23.

Московский Наблюдатель 1838 г. — 187.

Московский Телеграфъ 1825 г. — 6, 7, 27, 29, 33, 35, 122—123.

Московский Телеграфъ 1826 г. — 248, 312.

Московский Телеграфъ 1827 г. — 182, 313.

Московский Телеграфъ 1831 г. — 153, 159, 160, 165.

Московский Телеграфъ 1833 г. — 49, 159, 273.

Наше Время 1862 г. — 310, 313.

Невскій Альманахъ на 1826 г. — 259.

Невскій Альманахъ на 1828 г. — 131, 374.

Новое Время 1880 г. — 350.

Новое Время 1887 г. — 338.

Новое Время 1888 г. — 336.

Отечественныя Записки 1827 г. — 131.

Отечественныя Записки 1839 г. — 167.

Отечественныя Записки 1841 г. — 21, 357.

Отечественныя Записки 1854 г. — 115.

Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1828 г. — 399.

Пантеонъ Литературы 1889 г. — 336.

Подснѣжникъ на 1825 г. — 31.

Полярная Звѣзда на 1825 г. — 186.

Полярная Звѣзда 1856 г. — 340.

Порядокъ 1881 г. — 291.

Правительственный Вѣстникъ 1888 г. — 336.

Пушкинъ и его современники — 6, 10, 12, 17, 71, 74, 126, 140, 144, 146, 166, 170, 173, 175, 177, 183, 199, 209, 214, 229, 266, 276, 288, 292, 293, 303, 304, 317, 332, 338, 365, 375, 381, 382, 388, 389, 393, 402.

Радуга на 1830 г. — 310, 311, 313, 314, 348.

- Русская Бесѣда* 1859 г. — 305.
Русская Мысль 1900 г. — 60.
Русская Старина 1874 г. — 267.
Русская Старина 1875 г. — 347.
Русская Старина 1879 г. — 323.
Русская Старина 1880 г. — 308, 309.
Русская Старина 1884 г. — 5, 82, 211, 212, 272, 280, 281, 282, 283, 291, 320, 338, 351, 355, 365, 371, 394, 397, 398, 400, 401, 402.
Русская Старина 1888 г. — 315.
Русская Старина 1890 г. — 154.
Русская Старина 1901 г. — 301.
Русскій Архивъ 1864 г. — 347.
Русскій Архивъ 1865 г. — 125, 126.
Русскій Архивъ 1867 г. — 334, 337, 347.
Русскій Архивъ 1870 г. — 316.
Русскій Архивъ 1871 г. — 150.
Русскій Архивъ 1873 г. — 307.
Русскій Архивъ 1874 г. — 337, 340.
Русскій Архивъ 1878 г. — 154, 164.
Русскій Архивъ 1883 г. — 125.
Русскій Архивъ 1884 г. — 137, 302, 334.
Русскій Архивъ 1895 г. — 129.
Русскій Архивъ 1897 г. — 346.
Русскій Архивъ 1899 г. — 73.
Русскій Архивъ 1900 г. — 349.
Русскій Архивъ 1903 г. — 267, 304.
Русскій Архивъ 1912 г. — 315, 345.
Русскій Библіофилъ 1913 г. — 182.
Русскій Библіофилъ 1915 г. — 371.
Русскій Вѣстникъ 1856 г. — 74.
Русскій Вѣстникъ 1886 г. — 132.
Русскія Вѣдомости 1899 г. — 126.
Русскія Вѣдомости 1903 г. — 319.

- Русское Слово* 1911 г. — 296.
Русь 1881 г. — 289.
Речь 1911 г. — 403, XII.
С.-Петербургскій Вѣстникъ 1831 г. — 154.
Славянинъ 1828 г. — 374.
Славянинъ 1830 г. — 378.
Современникъ 1838 г. — 310, 311, 314, 390, XII.
Современникъ 1841 г. — 319.
Современникъ 1853 г. — 194.
Современникъ 1857 г. — 24.
Современникъ 1859 г. — 79.
Современныя Извѣстія 1880 г. — 383.
Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1825 г. —
 57, 58, 121.
Старина и Новизна — 347, 349.
Сынъ Отечества 1829 г. — 150, 236, 240, 385.
Сынъ Отечества 1830 г. — 153, 363.
Сынъ Отечества 1831 г. — 158.
Сынъ Отечества 1839 г. — 46, 167.
Съверная Лира на 1827 г. — 76.
Съверная Пчела 1825 г. — 7.
Съверная Пчела 1826 г. — 248.
Съверная Пчела 1827 г. — 365.
Съверная Пчела 1828 г. — 133, 135, 242, 363.
Съверная Пчела 1830 г. — 153.
Съверная Пчела 1831 г. — 165.
Съверная Пчела 1848 г. — 257.
Съверные Цвѣты на 1825 г. — 333, 363.
Съверные Цвѣты на 1827 г. — 60, 65, 188, 343.
Съверные Цвѣты на 1828 г. — 73, 81, 135, 215, 243,
 255, 290, 361, 363, 380, 388.
Съверные Цвѣты на 1829 г. — 35, 351.
Съверные Цвѣты на 1830 г. — 255.
Съверные Цвѣты на 1831 г. — 255, 311, 385.

- Съверный Вѣстникъ* 1893 г. — 354.
Съверный Меркурій 1830 г. — 314.
Съверный Меркурій 1831 г. — 153, 154.
Телескопъ 1831 г. — 156.
Телескопъ 1835 г. — 273.
Труды Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности
1824 г. — 250.
Уранія на 1826 г. — 22, 251, 252, 254.
Эхо 1831 г. — 153.
Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur und Kunst 1833 г. —
114, 115, 164.
Furet (Le) de St.-Petersbourg 1831 г. — 155.
Globe (Le) 1837 г. — 128.
Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft
1907 г. — 169.
Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik 1838 г. — 166.
-

Указатель книгъ, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ.

Дѣла III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ. Спб. 1905 г. — 386.

Колосовъ, В. Пушкинъ въ Тверской губерніи. Тверь. 1888. — 235, 315.

Лѣтопись о многихъ мятежахъ, и пр. М. 1781, 1788. — 170—171, 173, 177.

Межовъ, В. И. Puschkiniana. Спб. 1887. — 385.

Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ — 28, 352.

Острогорскій, В. П. и *Максимовъ, В. М.* Пушкинскій уголокъ. М. 1899. — 257.

„*Памяти Пушкина*“. Сборникъ, составленный профессорами Кіевскаго университета Св. Владимира. К. 1899. — 14, 46.

„*Памяти Пушкина*“. Сборникъ преподавателей и слушателей С.-Петербургскаго университета. Спб. 1900. — 169.

Помощь голодающимъ. Научно-литературный сборникъ, изд. Русскихъ Вѣдомостей. М. 1892. — 151.

Пушкинскій Сборникъ Имп. Московскаго университета, подъ ред. А. И. Кирпичникова, М. 1900. — 271.

Сборникъ въ память Пушкина, изданіе Харьковскаго университета, Харьковъ 1900. — 75.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности — 307.

Сборникъ „Пушкинъ“, изд. Русскаго Архива. М. 1881, 1885. — 137, 298, 302, 341.

Сборникъ статей о Пушкинѣ, изд. Кіевскаго педагогическаго общества. Кіевъ. 1899. — 306.

Синяевскій, Н. и *Цяловскій, М.* Пушкинъ въ печати. М. 1914. — 182, 215.

Языковскій Архивъ, выпускъ I. Спб. 1913. — 125, 372.

Яковлевъ, В. А. Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Одесса. 1887. — 74.

Уназатель стихотвореній. *

Акаеистъ Ек. Н. Карамзиной: Земли достигнувъ—254.
— 365—366.

Алексѣву, Н. С.: Прощай, отшельникъ бессараб-
ской—225. — 328.

Альбомъ (Въ) Е. Н. Вульфъ—212. — 302—303.

Ангель: Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный—260.
— 21, 380.

Андрей Шенье: Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ—
32—38. — 36—57, 197, 295.

Аріонъ: Насъ было много на челнѣ—245. —
353—357.

Баратынскому (Къ): Стихъ каждый повѣсти твоей—
175. — 246—248.

Батюшкову (Къ): Философъ рѣзвый и пить (1814)
— 298.

Бахчисарайскій Фонтанъ — 260.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье (1830) — 339.

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ—281.

Блеститъ луна, недвижно море спитъ—43. —
71—72.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая (Изъ
Шенье)—257. — 273—278.

Богъ, помочъ вамъ, друзья мои (19 октября 1827)—
258. — 378—379.

Борисъ Годуновъ—47—140. — 49, 81—180,
260, 266, 290.

Брови царь нахмура—144. — 185—186.

Братья-разбойники (1821) — 352.

---

* Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на примѣчанія.

Буря мглою небо кроетъ (Зимній вечеръ) — 181—182.
— 15, 255—259.

Буря: Ты видѣль дѣву на скалѣ — 184. — 261.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ (П. А. Осиповой) —
30. — 35.

Вакхическая пѣсня: Что смолкнулъ веселія гласъ? —
18. — 23.

Великопольскому, И. Е.: Съ тобой мнѣ вновь счита-
ться довелось — 211. — 299—302.

Вертоградъ моей сестры... — 19. — 23—24.

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ (Посланіе въ Сибирь) —
235. — 330, 340—341.

Возстань, возстань, пророкъ Россіи — 309.

Волконской, княгинѣ З. А.: Среди разсѣянной
Москвы — 240. — 346—348.

Волконскому, младенцу, эпитафія: Въ сіяніи и въ ра-
достномъ покоѣ — 259. — 379—380.

Вольность (1819) — 43.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте! (Въ альбомъ Е. Н.
Вульфъ) — 212. — 302—303.

Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ — 194. — 276—280.

Враги мои, покажѣть я ни слова (Пріятелямъ) — 5.
— 6.

Все въ жертву памяти твоей — 185.

Все кончено, межъ нами связи нѣтъ — 384.

Все мое, сказало злато (Золото и Булатъ) — 265. —
387.

Вульфъ, Е. Н., въ альбомъ: Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ:
играйте! — 212. — 302—303.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей (Соло-
вей) — 236. — 341—342.

Въ Гееннѣ праздникъ (III, 53) — 267.

Въ глуши, измучась жизнью постной (Князю П. А.
Вяземскому) — 145. — 186—187.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный (Ангелъ) — 260.
— 21, 380.

Въ еврейской хижинѣ лампада — 223. — 321.
326—327.

Въ крови горитъ огонь желанья — 4. — 4.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи празднои (Соловей и Ку-
кушка) — 179. — 251.

Въ надеждѣ славы и добра (Стансы) — 226. — 310.
328—331.

Въ отдаленіи отъ васъ (Ек. Ник. Ушаковой) — 239.
— 345.

Въ рощахъ Карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится
пещера — 282.

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья — 384.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ (Эпитафія младенцу
Волконскому) — 259.

Въ сраженіи смѣлымъ быть похвально — 292—293.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной (Три
ключа) — 246. — 357, 358.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій (Литературное
извѣстіе) — 28. — 31—32.

Вы помните-ль то розовое поле — 197.

Вяземскому, князю П. А.: Въ глуши, измучась жизнью
постной — 145. — 186—187.

Вяземскому, князю П. А.: Сатирикъ и поэтъ любов-
ный — 142. — 182.

Вяземскому, князю П. А.: Такъ море, древній душе-
губецъ — 213. — 303—304.

Вяземскому, князю П. П., въ альбомъ: Душа моя
Павель — 229. — 334—336.

Гавриліада (1823) — 197—198.

Гдѣ жъ онъ? гдѣ старецъ Леонидъ? — 84.

Графъ Нулинъ — 161—174. — 126, 214—245.
266.

Движеніе: Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брада-
тый — 180. — 251.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый (Дви-
женіе) — 180. — 251.

Діонея (1821) — 43.

Для береговъ отчизны дальшой (1830) — 77.

Доридѣ (1820) — 43.

Другу — стихотворцу [Къ] (1814) — 298.

Дружба: Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья... — 17.
— 22.

Духовной жаждою томимъ (Пророкъ) — 214—215.
— 304—310, 368, 369.

Душа моя Павелъ (Въ альбомъ князю П. П. Вязем-
скому) — 229. — 334—336.

„Дѣвственница“: Я не рожденъ святыню славосло-
вить — 160. — 212—213.

Евгеній Онѣгинъ — 10, 233, 234, 252, 258, 260,
268, 270, 285, 298, 302—303, 335, 355, 362, 377, 386,
392, 393, 402.

Ex ungue leonem: Недавно я стихами какъ-то сви́ст-
нулъ... — 31. — 35—36.

Если жизнь тебя обманетъ... — 26. — 29—31.

Есть роза дивная: она — 237. — 342—343.

Желаніе славы: Когда, любовію и нѣгой упоенный —
39—40. — 57—59, 384.

Женихъ — 8—14. — 10—17.

Живъ, живъ курилка! — 20. — 24—25.

Заклинаніе (1828) — 77.

Заступники кнута и плети — 295.

Земли достигнувъ (Акаѣистъ) — 254. — 365—366.

Зимній вечеръ: Буря мглою небо кроетъ — 181—182.
— 15, 255—259.

Зимняя дорога: Сквозь волнистые туманы — 227—228.
— 321, 331—334.

Золото и Булатъ: Все мое, сказало злато — 265. —
387.

Изъ Ариостова Orlando furioso: Предъ рыцаремъ блестятъ вода — 153—157. — 201—210.

Изъ А. Шенье: Покровъ, упитанный язвительною кровью — 143. — 183—185, 276.

Изъ Рима ѣхалъ онъ домой — 201. — 286.

Какая ночь! Морозъ трескучій — 272—273. —
395—397.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я (Отрывокъ изъ Андрея Шенье) — 224. — 321.

Какъ? Живъ еще курилка журналистъ? (Живъ, живъ курилка) — 20. — 24—25.

Какъ щастливъ я, когда могу покинуть — 221—222.
— 321, 324—326.

Кернъ, А. П.: Я помню чудное мгновенье — 41—42.
— 59—71.

Кинжалъ (1821) — 43, 49.

Кипренскому, О. А.: Любимецъ моды легкокрылой —
253. — 364—365.

Клеопатра — 280.

Когда, бывало, встарину (Ек. Ник. Ушаковой) — 238.
— 344—345.

Когда, любовію и нѣгой упоенный (Желаніе славы) —
39—40. — 57—59, 384.

Когда такъ нѣжно, такъ сердечно — 283.

Козлову: Пѣвецъ! Когда передъ тобой . . . — 29. —
32—34.

Короче дни, а ночи долѣ — 202. — 287.

Кромѣшникъ: Какая ночь! Морозъ трескучій —
395, 396.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блестятъ — 268—270. —
389—394.

Кто тамъ? — Здорово, господа — 277.

Къ именинницѣ: Хотя стишки на именины... — 7.
— 8.

Къ кастрату разъ пришелъ скрипачъ — 291.

Къ ней (1817) — 70.

Къ тебѣ собирался я давно (Н. М. Языкову) — 243—
244. — 351—352.

Литературное извѣстіе: Въ Элизіи Василій Тредья-
ковскій — 28. — 31—32.

Лицинію (1815) — 298.

Лишь розы увядають — 198. — 283—284, 296.

Лукъ звѣнитъ, стрѣла трепещеть (Эпиграмма) — 242.
— 349—351.

Любимецъ моды легкокрылой (О. А. Кипренскому) —
253. — 364—365.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ — 242.

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ (Андрей Шенье) —
32—38. — 36—57.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный (И. И. Пу-
щину) — 219. — 4, 317—320, 330.

Монологъ Изабеллы изъ трагедіи Альфіери „Фи-
липпъ II“: Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду —
279—280. — 400—401.

Мордвинову, Н. С.: Подъ хладомъ старости угрюмо
угасаль — 176—177. — 248—251.

Моцартъ и Сальери — 266.

Муза (1821) — 43.

Н. Н., при посылкѣ ей Невскаго Альманаха: При-
мите Невскій Альманахъ — 183. — 259—261.

Надѣясь на мое презрѣнье... — 242.

Насилу выѣхать рѣшаюсь изъ Москвы (Отрывокъ изъ
комедіи) — 204—205. — 288—289.

Насъ было много на челнѣ (Аріонъ) — 245 —
353—357.

Начало I-й пѣсни „Дѣвственницы“: Я не рожденъ
святыню славословить — 160. — 212—213.

Нашъ другъ Оита . . . (На О. Н. Глинку) — 6. — 8.

Не вѣровалъ я троицѣ донинѣ (Княжнѣ С. А. Уру-
совой) — 241. — 348—349.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ (Ех ungue leo-
nem) — 31. — 35—36.

Не знаю гдѣ, но не у насъ — 266. — 388.

Не мысля гордый свѣтъ забавить (П. А. Плетневу) —
264. — 386.

Ненастный день потухъ . . . — 384.

Но ты забудь меня, мой другъ — 294.

Нѣтъ, не Черкешенка она (Отвѣтъ О. А. Туманскому) —
230. — 237—238.

О боги мирные полей, дубравъ и горъ — 203. — 288.

Ода графу Хвостову: Султанъ ярится. Кровь Эл-
лады... — 23—25. — 27—29.

Октября 19, 1827: Богъ помочь вамъ, друзья мои —
259. — 378—379.

Октября 19, 1825: Роняетъ лѣсъ багряный свой
уборъ — 147—152. — 187—201.

Ольга, крестница Киприды — 220. — 321—324.

О муза пламенной сатиры — 297.

О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла — 232. — 338—339.

Опричникъ: Какая ночь! Морозъ трескучій — 395.

Orlando furioso (Изъ): Предъ рыцаремъ блеститъ
вода — 153—157. — 201—210.

Осиповой, П. А.: Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ... —
30. — 35.

Отрывокъ изъ Андрея Шенье: Каковъ я прежде былъ,
таковъ и нынѣ я — 224. — 321.

Отрывокъ изъ комедіи: Насилу выѣхать рѣшаюсь изъ
Москвы — 204—205. — 288—289.

О ты, который сочеталъ — 231. — 338.

Охъ, тетенька! охъ, Анна Львовна (Элегія на смерть Анны Львовны) — 22. — 26—27.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь? (Прозаикъ и поэтъ) — 141. — 181—182.

Плетневу, П. А.: Не мысля гордый свѣтъ забавить — 264. — 386.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ (Совѣтъ) — 178. — 251.

Подруга дней моихъ суровыхъ — 267. — 389.

Подъ какимъ созвѣздіемъ — 294—295.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной — 44. — 72—79.

Подъ хладомъ старости угрюмо угасаль (Н. С. Мордвинову) — 176—177. — 248—251.

Пока не требуетъ поэта (Поэтъ) — 255. — 367—371.

Покровъ, упитанный язвительною кровью (Изъ А. Шенье) — 143. — 183—185, 276.

Полтава — 241, 355.

Посланіе въ Сибирь: Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ — 235. — 330, 340—341.

Послѣдніе цвѣты: Цвѣты послѣдніе милѣй — 146. — 187.

Поэту (1830) — 155.

Поэтъ: Пока не требуетъ поэта — 255. — 367—371.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода (Изъ Аріостова Orlando furioso) — 153—157. — 201—210.

Прими сей черепъ, Дельвигъ (Черепъ, посланіе къ Дельвигу) — 247—252. — 358—363.

Примите Невскій Альманахъ (Н. Н., при посылкѣ ей Невскаго Альманаха) — 183. — 259—261.

Припадками болѣзни женской — 199. — 285.

Притча: Картину разъ высматриваль сапожникъ — 242.

Пріятелямъ: Враги мои, покажѣть я ни слова — 5.
— 6.

Прозаикъ и поэтъ: О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь? —
141. — 180—182.

Пророкъ: Духовной жаждою томимъ — 214—215.
— 304—310, 368, 369.

Прощай, отшельникъ бессарабской (Н. С. Алексѣеву) —
225.

Прощай, письмо любви!.. (Сожженное письмо). — 16.
— 19—21, 281, 384.

Пушкину, В. Л.: Христось воскресъ, питомецъ Феба
(1816) — 298.

Пушину, И. И.: Мой первый другъ, мой другъ без-
цѣнный! — 219. — 4, 317—320, 330.

Пѣвецъ! Когда передъ тобой (Козлову) — 29. —
32—34.

Пѣсни о Стеньгѣ Разинѣ — 206—208. — 289—
291.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ (1824) — 268.

Родзянкѣ, А. Г.: Ты общалъ о романтизмѣ — 45—46.
— 79—81.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ (19 октября
1825) — 147—152. — 187—201.

Русалка — 326.

Сатирикъ и поэтъ любовный (Князю П. А. Вязем-
скому) — 142. — 182.

Сафо: Щастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣ-
нилъ... — 27. — 31.

Сводня грустно за столомъ — 274—276. — 397—
398.

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради — 21.
— 25.

Скажи, какія заклинанья (II, 66) — 267.

Скажи мнѣ, ночь... — 296.

Сквозь волнистые туманы (Зимняя дорога) — 227—228. — 321, 331—334.

Слѣпецъ (1823) — 44.

Соболевскому, С. А.: У Гальяни иль Кольони — 217—218. — 314—317.

Совѣтъ: Повѣрь, когда слѣпней и комаровъ — 178. — 251.

Сожженное письмо: Прощай, письмо любви!.. — 16. — 19—21, 281, 384.

Соловей: Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей — 236. — 341, 342.

Соловей и Кукушка: Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной — 179. — 251.

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду (Монологъ Изабеллы) — 279—280. — 400—401.

Среди разсѣянной Москвы (Княгинѣ З. А. Волконской) — 240. — 346—348.

Стамбулъ гяуры нынче славятъ (1829) — 397.

Стансы: Въ надеждѣ славы и добра — 226. — 310, 328—331.

Стихъ каждый повѣсти твоей (Къ Баратынскому) — 175. — 246—248.

Стрекогунья бѣлобока — 3. — 3—4.

Султанъ ярится. Кровь Эллады (Ода графу Хвостову) — 23—25. — 27—29.

Сцена изъ Фауста — 187—193. — 262—276.

Съ португальскаго: Тамъ звѣзда зари возшла — 158—159. — 211—212.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось (И. Е. Велікопольскому) — 211. — 299—302.

Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье... — 278.

Такъ море, древній душегубецъ (Князю П. А. Вяземскому) — 213. — 303—304.

Талисманъ: Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть — 262—263. — 21, 382—386.

Тамъ звѣзда зари взошла (Съ португальскаго) — 158—159. — 211—212.

Твое сосѣдство намъ опасно — 196. — 281—282.

Тимашевой, Е. А.: Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ — 217. — 310—314.

Толпа холодная поэта окружала — 271. — 394—395.

Только что на проталинахъ весеннихъ... — 15. — 17—18.

Три ключа: Въ степи мірской, печальной и безбрежной — 246. — 357—358.

Туманскому, Ѡ. А., отвѣтъ: Нѣтъ, не Черкешенка она — 230. — 337—338.

Ты богоматерь, нѣтъ сомнѣнья (кн. Хованской) — 366.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ (Буря) — 184. — 261.

Ты вянешь и молчишь (1824) — 44.

Ты обѣщаль о романтизмѣ (А. Г. Родзянкѣ) — 45—46. — 79—81.

У Гальяни иль Кольони (С. А. Соболевскому) — 217—218. — 314—317.

Увы, напрасно дѣвъъ гордой — 9.

Урусовой, княжнѣ С. А.: Не вѣрваль я троицѣ донынѣ — 241. — 348.

Ушаковой, Ек. Ник.:

Въ отдаленіи отъ васъ — 239. — 345.

Когда бывало, встарину — 238. — 344—345.

Хотя стишки на именины (Къ именинницѣ) — 7. — 8.

Храни меня, мой талисманъ — 261. — 381, 385.

Цвѣты послѣдніе милѣй (Послѣдніе цвѣты) — 146.— 187.

Цыганы (1824) — 10, 63, 182, 229, 346.

Черепъ (Посланіе къ Дельвигу): Прими сей черепъ,
Дельвигъ — 247—252. — 358—363.

Чернь (1828) — 395.

Чистотой, прислугой и пойломъ — 277—278. —
398—399.

Что дружба? — Легкій пылъ похмѣлья... (Дружба) —
17. — 22.

Что козырь? — черви... — 277.

Что смолкнулъ веселія гласъ? (Вакхическая пѣсня) —
18. — 23.

Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ? — 200. — 285—
286.

Шенье (Изъ): Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція
златая — 257. — 373—378.

Шенье (Изъ): Каковъ я прежде былъ, таковъ и
нынѣ я — 224. — 321.

Шенье (Изъ): Покровъ, упитанный язвительною
кровью — 143. — 183—185, 276.

Шумить кустарникъ — на утесъ — 195. — 280.

Щастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ (Сафо) —
27. — 31.

Элегія на смерть Анны Львовны: Охъ, тетенька! охъ,
Анна Львовна! — 22. — 26—27.

Эпиграмма: Лукъ звѣнитъ, стрѣла трепещетъ — 242.
— 349—351.

Эпитафія младенцу Волконскому: Въ сіяніи и въ рад-
достномъ покоѣ — 259. — 379—380.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны — 197. —
282.

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ (Е. А. Тимашевой) —
216. — 310—314.

Я дамой крою — Бью тюзомъ... — 278.

Я знаю край... — 394.

Языкову, Н. М.: Къ тебѣ сбирался я давно — 243 —
244. — 351—352.

Языковъ! Кто тебѣ внушилъ — 256. — 371—373.

Я не рожденъ святыню славословить (Начало I-й пѣсни
„Дѣвственницы“) — 160. — 212—213.

Я помню чудное мгновенье (Къ А. П. Кернъ) — 41—42.
— 59—71, 286.

Указатель личных имен *.

А.

Аквиловъ 19.
 Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ — 245.
 Аксаковъ, Сергѣй Тимоѣевичъ — 267.
 Аладинъ, Егоръ Васильевичъ — 260.
 Александръ I, императоръ — 198—194, 346.
 Алексѣевъ, Александръ Ильичъ — 50, 52, 54, 55.
 Алексѣевъ, Николай Степановичъ 225, — 197, 198, 328, 388.
 Акидъ 143 — 183, 184.
 Альфиери 279 — 117, 119, 400.
 Анджелика 154, 155 — 202, 203, 205, 207, 208.
 Антеевъ, Павелъ Васильевичъ — 3, 5, 8, 9, 18, 20—21, 27, 42, 70, 71, 73, 77, 105, 116, 137, 187, 201, 205, 248, 263, 264, 279, 285, 286, 291, 294, 296, 297, 318, 322, 323, 328, 337, 358, 361, 380, 382, 383, 389, 392, 395.
 Аполлонъ, 240, 242, 255 — 349, 350, 367.
 Аржевитинъ, П. С. — 304.
 Арна Родіоновна — 13, 255, 257—258, 372, 389.
 Аронъ 245 — 353—354.
 Ариосто, Лодовико 153 — 201, 203, 206.
 д'Арленкуръ 163 — 220.

Арно — 387.

Астрей 25.

Б.

Байронъ 23, 24, 32, 175, 252, 268 — 28, 29, 33, 38, 62, 67, 72, 117, 133, 142, 166, 235, 246, 263, 272, 273, 342, 362, 376, 391.
 Барсуковъ, Николай Платоновичъ — 151, 317, 336.
 Бартеевъ, Петръ Ивановичъ — 298.
 Басмановъ 112, 122, 127—128, 132—135 — 107, 126, 144.
 Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ — 196, 210, 298, 364.
 Батюшковъ, Фѣдоръ Дмитриевичъ — 169.
 „Балзетъ“ трагедія Расина — 132.
 Беатриче — 69.
 Бенедиктовъ, Владиміръ Ивановичъ 273.
 Бенкендорфъ, Александръ Христофоровичъ — 51, 129, 130, 146, 147, 148, 188, 214, 266, 267, 290.
 Беранже 167 — 219.
 Березинъ-Ширлеа, Яковъ Федуловичъ — 317.
 Бестужевъ, Александръ Александровичъ — 80, 122, 362.
 Бестужевъ-Рюминъ, декабристъ — 74, 355.
 Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Алексѣевичъ — 153, 154, 313.

*) Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на примѣчанія.

- Битяговскій* 52, 66 — 84.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ
 — 127.
Богдановичъ, Ипполитъ Фодоровичъ 25
 — 252.
Божкаччио — 244.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ
 175, 252 — 8, 43, 123, 129, 215,
 237, 246, 247, 250, 252, 253, 312, 315,
 346, 363, XII.
Брандонъ, Марія — 212.
Брольо, графъ Сильверій Францевичъ
 — 189, 197.
Брутъ — 230.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ —
 186, 210.
Букимамъ — 113.
Буларина, Фаддей Венедиктовичъ
 — 7, 135, 144, 148, 165—166,
 335, 363, 365.
Бурнашевъ, Владиміръ Петровичъ
 — 155.
Бутера — 209.
Бутурлинъ, графъ Михаилъ Дмитрие-
 вичъ — 346.
Бульинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ
 — 6, 15, 17, 21, 23, 49, 59, 78,
 114, 154, 161, 199, 245, 259, 273—275,
 302, 314, 332—333, 396.
Быломельскій - Былозерскій, князь Але-
 ксандръ Михайловичъ — 346.
Былаевъ, Юрій Дмитриевичъ —
 324.

В.

- Вакаъ* 25, 247 — 41, 192.
Вальтеръ-Скоттъ 167, 169 — 117,
 130, 131, 136, 149, 166, 219, 222.
Варлаамъ 71, 79 — 83, 99, 100,
 174—175.
Василій Блаженный — 120, 178.
Веддингъ — 168.
Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ
 183, 211 — 260, 261, 299—302.
Ветерова, Семень Аванасьевичъ
 5, 71, 154, 161, 245, 273, 274, 333,
 336, 355, 396.

- Веневитинова*, Дмитрій Владиміровичъ
 — 125, 134, 135, 263—265, 269,
 309, 343, 346.
Веневитинова, Михаилъ Александро-
 вичъ — 126.
Венера 25, 237.
Вигель, Филиппъ Филипповичъ —
 50, 52, 317.
Видостанъ — 326.
Виноградова, Н. — 175.
Вирный 130 — 268.
Вишневецкій 82, 98, 99—101, 107 —
 103.
Віардо, Полина — 333.
Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ
 — 11.
Войковъ, Александръ Фодоровичъ
 — 315.
Волконская, княгиня Зинаида Але-
 ксандровна 240 — 346—347, 349,
 392.
Волконская, княгиня Марія Нико-
 лаевна — 379, 380.
Волконскій, князь Александръ Никити-
 чичъ — 347.
Волконскій, князь Никита Григорье-
 вичъ — 346.
Волконскій, князь Николай Сергее-
 вичъ 259 — 379—380.
Волконскій, князь Сергій Михайло-
 вичъ — 379.
Вольтеръ — 212, 231, 233, 349.
Вольховскій, Владиміръ Дмитриевичъ
 — 189, 190.
Воронцова, графиня Елизавета Кса-
 веріевна — 21, 59, 380, 382, 384.
Воронцовъ, графъ Михаилъ Семено-
 вичъ — 368.
Воротынскій, князь 51—55, 60 —
 82, 83, 86.
Вревскій, баронъ Борисъ Александро-
 вичъ — 30.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ 251
 — 35, 64, 65, 125, 175, 187, 235,
 236, 302, 361, 362, 372.
Вульфъ, Анна Николаевна — 9, 62,
 64, 65.

- Вульфъ*, Евпраксія Николаевна 212
 — 9, 29, 30, 302—303.
Вульфъ, Иванъ Петровичъ — 60.
Вульфъ, Николай Ивановичъ —
 302.
Вульфъ, Павелъ Ивановичъ —
 235.
Вьяморскій, графъ Михаилъ Юрье-
 вичъ — 125.
Вьринъ — 227.
Вяземская, княгиня Вѣра Ѳедоровна
 — 385.
Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ
 229 — 334—336.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ
 142, 145, 213 — 6, 7, 8, 22, 24,
 25, 26, 27, 28, 33, 35, 42, 44, 46, 47,
 70, 118, 120, 121, 122, 129, 136, 180—
 182, 186, 196, 250, 251, 254, 258, 303,
 307, 312, 313, 323, 335, 326, 338, 345,
 346, 349, 354, 373, 384.
- Г.
- Гавескій*, Викторъ Павловичъ —
 115—116, 194, 386.
Галафронъ 156 — 203, 205, 208, 210.
Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ —
 21.
Гамилей 180 — 254.
Гальяни 217 — 315.
Гамлетъ 252.
Ганцибалъ, Осипъ Абрамовичъ —
 257.
Гассанъ 43 — 72.
Гастфрейндъ, Николай Андреевичъ
 — 190, 194, 195, 198.
„Гедвина и Ягелонъ“, трагедія — 132.
Генниди, Григорій Николаевичъ —
 313.
„Генрихъ VI“, Шекспира — 113.
Гисслеръ — 326.
Гердеръ — 157.
Геркулесъ — 184.
Геродотъ — 353.
Герцегъ, Александръ Ивановичъ
 — 340.
- Гершензонъ*, Михаилъ Осиповичъ
 — 384.
Гете — 130, 133, 134, 165, 168, 263—
 265, 267, 268, 271—272, 273, 275,
 376, 392.
Гизо 167 — 219.
Гилмей 46.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ —
 65, 70—71.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ —
 156.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ 6.
Глѣдичъ, Николай Ивановичъ —
 60, 250.
Головъ, Николай Васильевичъ —
 149, 245, 275.
Годунова, Ксенія Борисовна 84—86,
 137—138 — 102.
Годунова, Марія 138 — 112, 179, 180.
Годуновъ, Борисъ Ѳедоровичъ 47—138
 — 81, 83, 84—86, 88, 91, 103,
 111, 112, 113, 120, 121, 126, 128, 141,
 150, 152, 156, 157, 160, 162, 170—173,
 176, 177, 178, 179, 180.
Годуновъ, Семень Никитичъ 86—87
 — 173.
Годуновъ, Ѳедоръ Борисовичъ 84—89,
 131—132, 137—138 — 102, 177,
 179, 180.
Голлицынъ 137, 138.
Гомеръ — 44.
Гонимеръ — 168.
Гонзага, Томасъ 159 — 212.
Горифельдъ, Аркадій Георгіевичъ
 — 265, 271.
Горчаковъ, князь Александръ Михай-
 ловичъ 150 — 124—125, 194,
 196, 199.
Гослингъ, Модестъ Людвиговичъ —
 315.
Гретженъ 191 — 275—276.
Гречъ, Николай Ивановичъ —
 261.
Грибодовъ, Александръ Сергѣевичъ
 23 — 27, 28, 136.
Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ
 — 162, 333, 397.

Гротъ, Константинъ Яковлевичъ — 190, 195, 198, 199.
Гротъ, Яковъ Карловичъ — 187, 190, 192, 195, 197, 198, 199, 289, 324, 379.
Губеръ, Эдуардъ Ивановичъ — 273.
Гюго, Викторъ — 149.

Д.

Дагобертъ 202 — 287.
Даль, Владиміръ Ивановичъ — 14.
Данзасъ, Константинъ Карловичъ 189.
Данте 32 — 69, 272, 390.
Дашкевичъ, Николай Петровичъ — 46, 307.
Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ — 57, 58, 59.
Дельвицъ, баронъ Андрей Ивановичъ — 8.
Дельвицъ, баронъ Антонъ Антоновичъ 150, 247, 251 — 8, 43, 65, 73, 115, 155, 185, 188, 193, 194, 195, 196, 247, 266, 359, 361, 362, 364, 365.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ — 127, 308.
Дершау, полицмейстеръ — 56.
Делявра — 184.
Дмитрій Ивановичъ, царевичъ 52, 66—67, 81, 89—91, 100, 101, 102, 105, 108, 109, 113—115, 138, 140 — 84, 85, 112.
Диогенъ — 254.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ 24.
Дмитріевъ, Михайлъ Александровичъ — 25.
Добролюбовъ, Николай Александровичъ — 302.
Долгорукій, князь Яковъ Фёдоровичъ 176, 226.
Дружининъ, Александръ Васильевичъ — 329.

Е.

Екатерина II 176 — 248.
Елашичъ, Иванъ Перфильевичъ 28.

„*Ермакъ*“, драма А. С. Хомякова — 142.
Ершовъ, Петръ Павловичъ — 319.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ — 5, 9, 42, 101, 197—198, 262, 263, 303, 309, 323, 385.

Ж.

Жандръ, Александръ Александровичъ — 142.
Жанета 275.
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ — 162, 171, 173, 178, 326.
Жуковский, Василий Андреевичъ — 13, 33, 70, 82, 86, 87, 90, 99, 118, 120, 121, 123, 132, 136, 146, 148, 164, 196, 253, 364, 383.
Жуковский, Павелъ Васильевичъ — 82, 388.

З.

Загоскинъ, Михайлъ Николаевичъ — 135.
Загрядской, Владиміръ — 84.
Зевсъ 25.
Зеленецкій, Константинъ Петровичъ — 74, 75.
Зелинский, Василий Аполлоновичъ — 154, 167, 396.
Зенонъ Элейскій — 254.
Зубковъ, Василий Петровичъ 226 — 329, 387.

И.

Ивановъ, Ардаліонъ Ивановичъ — 382.
Иванчинъ-Писаревъ, Николай Дмитриевичъ — 344.
Иванъ Васильевичъ (Грозный), царь 59, 63—65, 81—83, 91, 94, 105, 108, 110 — 96, 101, 127, 128.
Изабелла 279.
Измайловъ, Александръ Ефимовичъ — 36, 385.

Наличевскій, Алексѣй Демьяновичъ
— 387.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ,
академикъ — 251.

Ильцовъ, Иванъ Никитичъ — 197.

Исаія, пророкъ — 304, 306.

И.

Иоанна д'Аргъ 160.

Иоаннъ, блаженный — 178.

Иовъ, патріархъ — 88.

К.

Каверинъ, Петръ Павловичъ —
297, 298.

Кадъ — 113.

Камашевъ, Н. Ф. — 158.

Камела 256.

Капова 288 — 390, 396.

Карагина, Екатерина Николаевна,
по мужу княгиня Мещерская, 254
— 365.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ 49
— 13, 60, 101, 117, 120, 121, 129,
136, 141, 148, 159—160, 161—162,
168, 170—180.

Каратыгинъ, Василій Андреевичъ
— 150.

Карела, казакъ 95, 133 — 177.

Карлъ 280.

Каталики, Анджелика 240 — 347,
348.

Катенинъ, Павелъ Александровичъ
— 124, 150, 260, 365.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ
— 78, 167.

Кавховскій, П., декабристъ — 74, 355.

Качаловъ 52 — 84.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ
28, 199 — 24, 25, 31—32, 242.

Кеннъ („Litterarische Bilder“) —
168.

Керсъ, Анна Петровна 41 — 9,
59—71, 79, 80, 262.

Керъ, Еремѣй Фёдоровичъ — 60,
67, 80.

Киренскій, Орестъ Адамовичъ 253
— 364—365.

Киприда 220, 244, 269 — 323.

Кириллъ, митрополитъ Ростовскій
— 179.

Киртичиковъ, Александръ Ивановичъ
— 17.

Киртовскій, Иванъ Васильевичъ —
125, 133, 158, 346.

Киселевъ, Николай Дмитріевичъ 243
— 352.

Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ
— 352.

Киселевъ, Сергѣй Дмитріевичъ —
352.

Клеймигеля, графиня Екатерина
Петровна, рожд. княжна Мещер-
ская — 365.

Клиффордъ — 113.

Клюуринъ, Карлъ — 163—164.

Кляжевичъ, Александръ Максимовичъ
— 260, 313.

Кляжевичъ, Владиславъ Максимовичъ
183 — 260, 261.

Кляжевичъ, Дмитрій Максимовичъ 183
— 260, 261.

Кобеко, Дмитрій Фомичъ — 186,
190, 196.

Ковалевскій, о. Иоаннъ — 178.

Козловъ, Иванъ Ивановичъ 29 —
31—34, 377.

Коконики, Фёдоръ Фёдоровичъ —
127.

Коллатинъ — 231, 232, 235.

Колосова, Александра Михайловна
— 124.

Колошинъ, Сергѣй Петровичъ —
334—337.

Кольриджъ — 308.

Колупановъ, Нилъ Петровичъ —
317, 347.

Комовскій, Сергѣй Дмитріевичъ —
197—198, 199.

Кони, Анатолій Фёдоровичъ — 332.
Копелевъ — 51.

Кортейль, Пьеръ — 119.

Корсаковъ, драм. писатель — 132.

Корсаковъ, Николай Александровичъ
— 194.

Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ — 198.
Коризъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ — 177, 209.
Котляревскій, Несторъ Александровичъ — 49, 114.
Козановская, Надежда Степановна — 305.
Коселевъ, Александръ Ивановичъ — 317, 347.
Кравскій, Андрей Александровичъ — 327.
Красовскій, Александръ Ивановичъ 22 — 26.
 „Кромвель“, драма В. Гюго — 149.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ — 60, 136, * 64.
Кудрявцевъ, Петръ Николаевичъ — 6.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ — 151.
Куницынъ — 194.
Купидонъ 156.
Курбскій, князь 93—94, 110—111, 125 — 81.
Курпановъ, Николай Гавриловичъ 28.
Кутейкинъ 6.
Кюссельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ 23, 151 — 27, 28, 88, 142, 151, 196—197, 252, 253, 320.

Л.

Лаваль, графиня — 136.
Лажартъ — 119.
Лажартинъ 163 — 122, 220, 308.
Латушъ 37, 38 — 43.
Лаура — 69.
Лафонтенъ, Ж. — 244.
Леонидъ, старецъ — 84, 180.
Леопольдовъ, Андрей Филишовичъ, — 50, 51, 52, 54, 56, 57.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ — 273.
Лернеръ, Николай Осиповичъ — 182, 263, 310, 339, 392, 393, XII.
Леста, Дибпровская русалка — 326

Лидия 174.
Лойола, Игнатій 92.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ — 127.
Лонинсонъ, Михаилъ Николаевичъ — 24.
Лопъ де Вега — 143.
Лореръ, Николай Ивановичъ — 394.
Лотсейъ 248.
Луцель — 79.
Луизи 275.
Лукреція 170 — 224, 230, 231—235.
Любожуровъ, С. — 185, 357.
Людмила — 391, 393.

М.

Магометь 25 — 306.
Майковъ, Леониль Николаевичъ — 4, 61, 65, 66, 67, 118, 175, 195, 235, 237, 255, 290, 319, 336, 344, 345, 372.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ — 192.
Малюта Скудатовъ 54.
Маржеретъ 116—118 — 130, 170.
Марина Мншиекъ 97—99, 100, 101, 102—109 — 81, 105, 106, 124, 149, 150, 152.
Марія 269, 270 — 391, 393.
Марія Ѳеодоровна, императрица — 379.
Марковъ, В. — 260.
Марсъ, актриса 167 — 224.
Мартыновъ, А. — 15.
Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳеодоровичъ — 195, 378.
Мефистофель 189—193 — 262, 263, 268, 270, 274, 275.
Медоръ 154, 155 — 201, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 210.
Мельмуновъ, Николай Александровичъ — 137, 168.
Мельпомена — 123.
Мидасъ 266.
Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ — 14.

Миллеръ, Гергардъ Фридрихъ — 178.
Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ — 27.
Милорадовичъ, графъ Григорій Александровичъ — 337.
Милатовъ — 272.
Минерво — 189, 190.
Мирабо — 53.
Мисиль 71—79 — 83, 99, 100, 174.
Митрофанъ 242 — 350.
Мисайловскій-Дамилевскій, Александръ Ивановичъ — 329.
Мишкевичъ, Адамъ — 115, 128, 129, 136, 307, 316, 339, 346.
Мтишекъ, воевода 99—101, 133 — 105.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ — 65, 71, 214, 301, 332, 365.
Мозеръ — 384.
Мойеръ, профессоръ — 121.
Молчановъ 138 — 50, 52, 54, 180.
Монамакъ 54, 92, 136.
Монтанъ, Мишель — 140.
Морозинъ, Николай Семеновичъ 176 — 248, 249—251.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ — 5, 285, 323, 371.
Мосальскій 137, 138 — 180.
Мстиславскій, князь 122.
Муриньева, Александра Григорьевна — 319, 320, 340.
Муратовъ, Андрей Николаевичъ — 349—351.
Муравьевъ, Никита Михайловичъ — 319, 340.
Муравьевъ, Сергій Ивановичъ — 74, 355.
Муръ, Томасъ — 70, 166.
Мусановъ, Александръ Алексѣевичъ — 129, 181.

Н.

Нидеждинъ, Николай Ивановичъ — 31, 135, 150, 156, 160, 237—242, 244.
Нилмога, Гавріиль Петровичъ — 299.

Ниполовъ — 217, 389.
Нариникинъ, Александръ Львовичъ — 196.
Наталья Павловна 164—174 — 126, 214, 217, 218, 224—227, 232, 234, 236, 239, 244.
Натанъ 8—14 — 11, 14, 216.
Наумовъ, Михаилъ Дмитриевичъ — 345.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ — 265, 348.
Незелейовъ, Александръ Ильичъ — 17, 68, 82.
Ненгуръ 25, 213.
Несторъ — 127.
Никитенко, Александръ Васильевичъ — 364.
Николай I, императоръ — 52, 129, 130—131, 146, 147, 148, 149, 214—215, 290, 315, 329, 356.
Николаи — 108, 109.
Никольскій, Борисъ Владиміровичъ — 46.
Ника 227, 228.
Новиковъ, Николай Ивановичъ — 170, 175.

О.

Овидій — 354.
Одоевскій, князь Александръ Ивановичъ — 340.
Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ — 197.
Одынецъ — 128.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ — 123, 127.
Оленина, Елизавета Марковна — 60, 64.
Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ — 60, 64, 196, 364.
Олимпъ, Валеріанъ Николаевичъ — 132, 153, 154.
Ольга (Массонъ) 220 — 321—324.
Отъинъ, Александръ Ѳедоровичъ — 83, 214, 338, 339, 374.
Опочининъ, Е. — 336.

Орландъ 153 ——— 205, 207.
Орловъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ ———
 338.
Осипова, Прасковья Александровна
 30 ——— 9, 29, 30, 35, 60, 62, 63, 64,
 65, 66, 67, 68, 125, 187, 247, 302.
Отретьевъ, Григорій 51, 61—67, 68,
 71—79, 92—96, 100, 102—111, 118,
 121—126, 133—134, 135—136, 139—
 140 ——— 81, 83, 95, 126, 131, 133,
 146, 149, 151, 152, 157, 170, 172, 173,
 175, 177, 178, 179, 180.

 П.
Павлищевъ, Левъ Николаевичъ ———
 70—71, 337.
Парашиа 169, 172 ——— 221, 225.
Перикль 24.
Периандръ ——— 353, 354.
Перъ композиторъ 167 ——— 220.
Пестель, Павелъ Ивановичъ ———
 74, 355.
Петарка ——— 69, 154, 212, 390.
Петрей ——— 178.
Петровъ, Василій Петровичъ 23, 176
 ——— 248—249, 251.
Петровъ, Петръ Николаевичъ ———
 336.
Петръ Великій 144, 226.
Пикаръ 166, 169, 173 ——— 222.
Пимель 61—67, 68 ——— 81, 83, 93, 95,
 127, 131, 133, 135, 151, 157, 172.
Пиронъ 45 ——— 80.
Пирръ ——— 119.
Питтъ 22.
Пивонъ 242.
Плаксий, В. ——— 153.
Платонъ 249.
Платонъ, митрополитъ ——— 146.
Плетневъ, Петръ Александровичъ 264
 ——— 20, 34, 42, 47, 58, 123, 124,
 146, 147, 148, 149, 162, 229, 246, 247,
 250, 266, 289, 290, 319, 324, 334, 336.
Плутонъ 25.

Пододикъ, Михаилъ Петровичъ ———
 22, 126, 131, 137, 151, 251, 266, 267,
 289, 290, 317, 337, 342, 367, 369, XII.
Пожарская, Дарья Евдокимовна 217
 ——— 315.
Покровский, М. ——— 169.
Полевой, Николай Алексѣевичъ 183
 ——— 7, 25, 35, 49, 122, 159—161,
 164, 165, 260, 273.
Поливановъ, Левъ Ивановичъ ———
 59, 258, 333, 384, 393.
Полторацкій, Александръ Петровичъ
 ——— 61, 61.
Полторацкій, Петра Марковна ———
 60.
Полторацкій, Сергѣй Александровичъ
 ——— 310, 312, 313.
Поповскій, Николай Ивановичъ 28.
Поповъ, Михаилъ Михайловичъ ———
 267.
Потъе, актеръ 167 ——— 220.
Прадтъ ——— 219.
Прианъ ——— 80.
Публикола ——— 230, 231.
Пулачевъ ——— 290, 291.
Пулятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ
 ——— 185.
Пушкина, Анна Львовна 22, 133 ———
 26, 27, 182.
Пушкина, Ольга Сергѣевна 22 ———
 20, 25, 257, 338.
Пушкина, Софья Ѳеодоровна ———
 332.
Пушкинъ, Аванасій Михайловичъ 81—
 84, 86, 87, 88.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 22, 142,
 183, 196 ——— 26, 27, 182, 290.
Пушкинъ, Гаврила Григорьевичъ 80,
 93, 124—126, 132—133 ——— 104,
 105, 139, 179.
Пушкинъ, Григорій Александровичъ
 ——— 257.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 22 ———
 20, 24, 25, 30, 35, 43, 246, 257, 316,
 357, 383.
Пушкинъ, Иванъ Ивановичъ 149, 219
 ——— 4, 192, 195, 317—320, 378.

Пуцинъ, Михаилъ Ивановичъ — 320.
Пытинъ, Александръ Николаевичъ — 6.
Пятковский, Александръ Петровичъ — 309.

Р.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ — 315, 380.
Равский, Николай Николаевичъ 32 — 117, 119, 120, 138, 290.
Ракинъ, Стенька 206—208 — 289—291.
Расинъ, Жанъ — 123, 133, 143, 169.
Рафаэль 288, 290, 390, 393.
Ремзовъ, Иванъ Сократовичъ — 399.
Ритичъ, Амалия — 73—77, 262, 355.
Робертъ 202 — 287.
Робеспьеръ 38.
Родатко, Аркадій Гавриловичъ 45 — 61, 62, 63, 79—81, 246.
Роженъ 121—124.
Розень, баронъ Егоръ Ѳеодоровичъ — 114—116, 154, 164.
Розенъ, Вальтеръ 116—118 — 107, 108.
Розовъ, В. А. — 271, 275.
Россини, Джоаккино 167 — 220, 339.
Ростопчина, графиня Евдокия Петровна — 312, 385.
Рузъ 97—99.
Руссо, Жанъ-Батистъ — 387.
Руссо, Жанъ-Жакъ — 44.
Русе 38.
Рыльевъ, Кондратій Ѳеодоровичъ — 33, 51, 122, 173—174, 250, 268, 355.

С.

Ситовъ, Владиміръ Ивановичъ — 352.
Ситовскій, Дмитрій Ивановичъ — 73.

Сабо 27 — 31.
Савининъ, Павелъ Петровичъ — 335.
Сейтъ-Бевъ — 370—371.
Семизмундъ, король Польскій 82.
Ситовскій, Василій Васильевичъ — 173.
Сисмонди — 117.
Скобелевъ, Иванъ Никитичъ — 51.
Смолукинъ, Ѳеодоръ Никифоровичъ — 399.
Смирнова, Александра Осиповна — 354.
Смирновъ, Иванъ Михайловичъ — 266, 371, 403, XII.
Собаньскій 94 — 75, 177—178.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ 217 — 125, 126, 309, 310, 314—317, 350, 383.
Сokolovъ, М. Е. — 291.
Солнцева, Елизавета Львовна 22 — 26.
Солнцевъ (Сонцовъ), Матвѣй Михайловичъ 22 — 26, 315.
Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ — 213, 305, 307, 368—369.
Соломонъ — 4.
Сомовъ, Орестъ Михайловичъ — 156.
Спасовичъ, Владиміръ Давидовичъ — 309.
Срежковичъ, профессоръ — 75.
Станковичъ, Николай Владиміровичъ — 6.
Стеша, шуганка — 347—348.
Столовичъ, Владиміръ Яковлевичъ — 269—271, 331.
Стрижовъ, Николай Николаевичъ — 18, 30, 200, 352, 373.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ — 123.
Сумцовъ, Николай Ѳеодоровичъ — 13, 14, 62, 70, 81, 259, 306, 333, 310, 341, 356, 368, 389, 393.
Сухомяковъ, Михаилъ Ивановичъ — 82, 129, 149.

Т.

- Таттвель*, Сергѣй Александровичъ
— 132.
- Тархановъ* 170, 172 — 214, 224, 230,
231, 232—234.
- Тассо*, Торквато 268 — 151, 154,
374, 390.
- Татьяна* — 9, 11.
- Телегинева*, Елена Сергѣевна — 382.
- Терновскій*, Филиппъ Алексѣевичъ
— 305.
- Тимашева*, Екатерина Александровна
216 — 310, 311, 312, 313.
- Тимашевъ*, Александръ Егоровичъ
— 311.
- Тимовевъ*, К. Я. — 257.
- Титовъ*, Николай Алексѣевичъ. —
382.
- Тихомировъ*, Николай Савичъ —
115.
- Тредьяковский*, Василій Кирилловичъ
28.
- Троицкій*, I., священникъ — 306.
- Тропининъ*, Василій Андреевичъ —
383, 384.
- Туманскій*, Василій Ивановичъ. —
73, 76, 79, 333, 337, 377.
- Туманскій*, Ѳеодоръ Антоновичъ 230.
— 337—338.
- Турпеневъ*, Александръ Ивановичъ
— 28, 32, 186, 304, 323, 329.
- Турпеневъ*, Иванъ Сергѣевичъ —
383.
- Турпеневъ*, Николай Ивановичъ —
250, 304.

У.

- Ульяминскій*, Д. — 12.
- Уордсуортъ* — 62, 70.
- Урусова*, княжна Софья Александровна
241 — 349—350.
- Ушакова*, Екатерина Николаевна 238,
239 — 344—345.
- Ушакова*, Елизавета Николаевна —
344, 352.

Ф.

- Фильбала* 164 — 217.
- Фирменъ*, фонъ-Энзе — 46, 164—
167.
- Фаустъ* 187, 189—193, 194 — 126,
262, 266, 267—276, 279—280.
- Февъ* 23, 25, 244, 281 — 80.
- „*Федра*“, трагедія Расина — 132.
- Филимоновъ*, Владиміръ Сергѣевичъ
— 154.
- „*Филиппъ II*“, трагедія Альфieri 279
— 400—401.
- „*Филоклетъ*“, трагедія Лаварно —
119.
- Фихте* 249.
- Фаринарина* 263.
- Фрихель*, докторъ — 270.

Х.

- Халипскій*, Михаилъ Георгиевичъ
— 75.
- Хвостовъ*, графъ Дмитрій Ивановичъ
23, 24, 25, 145, 183 — 27—29,
186, 260.
- Херасковъ* Михаилъ Михайловичъ
— 127.
- Хомяковъ*, Алексѣй Степановичъ —
142.
- Хрушовъ* 95 — 103, 104, 173.

Ц.

- Церберъ* 24.
- Цицеронъ* — 354.

Ч.

- Чаадаевъ*, Петръ Яковлевичъ —
125, 333.
- Чепуховъ* 52 — 84.
- Черниковскій*, pater 92 — 177.
- Чернышевъ*, В. — 175.
- Черняевъ*, Николай Ивановичъ —
68, 70, 81, 254, 306, 309.
- Чеславскій* — 132.
- Чечулинъ*, Николай Дмитриевичъ —
177.

Ш.

- Шаликовъ*, князь Петръ Ивановичъ
 — 26, 156 — 344, 403, XII.
- Шатобрианъ* — 39.
- Шаговской*, князь Александръ Алек-
 сандровичъ — 118.
- Шевыревъ*, князь Дмитрій — 101.
- Шевыревъ*, Степанъ Петровичъ —
 115—116, 154, 164, 176, 346, 396.
- Шекстерь* — 113, 117, 119, 120, 125,
 128, 129, 130, 133, 134, 135, 141, 150,
 168—169, 230, 231—233, 272.
- Шенье*, Андрей 32—38, 143, 224, 257
 — 31, 36, 37, 39, 42—50, 53, 184,
 263, 327, 328, 374—378.
- Шереметевъ*, графъ Сергій Дмитрие-
 вичъ — 214, 336.
- Шереметинъ* 138 — 180.
- Шиллеръ*, Фридрихъ 151 — 117,
 119, 120, 132, 133, 135, 165, 166.
- Шинковъ*, Александръ Семеновичъ
 — 400.
- Шюллеръ*, Августъ-Вильгельмъ —
 117, 354.
- Шляпкинъ*, Илья Александровичъ
 — 3, 56, 254, 261, 262, 285, 293,
 318, 380.
- Шокальская*, Евлатерина Ермолаевна
 — 71.
- Шуйскій*, князь Василій Ивановичъ
 51—55, 60, 79—84, 87—91, 115—116
 — 82, 83, 86, 87, 92, 101, 113,
 126, 144, 156, 162, 175.
- Шумкинъ*, оберъ-полицмейстеръ —
 53.
- Щ.**
- Щестный*, В. Н. — 116.
- Щербатовъ*, князь Михаилъ Михайло-
 вичъ — 170, 171.

- Щеголевъ*, Павелъ Елпидеевичъ —
 52, 57, 75, 262, 296, 365, 366, 387.
- Щелкаловъ*, дьякъ 56, 112 — 83.
- Щербачевъ*, Ю. Н. — 298.
- Щербининъ*, Николай Ѳеодоровичъ —
 323.

Э.

- Эпельгардтъ*, Егоръ Антоновичъ —
 194, 379.
- Эристовъ*, князь Дмитрій Алексѣевичъ
 — 185—186.

Ю.

- Ювеналъ* — 297, 298.

Я.

- Языковъ*, Николай Михайловичъ 243
 256 — 125, 255, 258, 303, 312,
 351—352, 361, 371—373.
- Яковлевъ*, Михаилъ Лукьяновичъ
 — 186, 198, 199.
- Якушкинъ*, Вячеславъ Евгеніевичъ
 — 5, 82, 212, 214, 280, 281, 282,
 283, 319, 330, 338, 355, 356, 364, 371,
 394, 397, 398, 401.
- Ярославцевъ*, Андрей Константиновичъ
 — 319.

Ѳ.

- Ѳеодоровъ*, Александръ Митрофановичъ
 — 232.
- Ѳеодоровъ*, Борисъ Михайловичъ
 — 131.
- Ѳемистоклъ* 24.
- Ѳеодоръ Ивановичъ*, царь 53, 54, 59, 65,
 70 — 170, 172—173.
- Ѳеокритъ* — 44.

Указатель мѣстныхъ названій¹⁾.

А.

Англія — 136.
Араруль — 189.
Астрахань 85.
Ажеронъ 194.

Б.

Болдино — 148.

В.

Валдай 218 — 315.
Венеція 257 — 374, 376, 377.
Вома 85.
Воропичъ, городище — 83.
Впна — 76, 346.

Г.

Голландія 193.
Голубово — 373.
Греція — 29.

Д.

Дертъ 243 — 61, 372.
Доць 95.
Дрезденъ 253.

З.

Зуево 212 — 302.

И.

Иппокрена 256.
Испанія (Гишпанія) — 401.

Италія 148, 269 — 74, 76, 229, 353,
 376, 377, 393.

І.

Иерусалимъ — 351.

К.

Кавказъ 151 — 52, 146, 196, 345.
Казаково (Кастыково) — 322.
Казань 63, 110 — 97, 100.
Кажениа — 322.
Кишиневъ — 80, 198, 322, 337.
Кивера 237.
Кобрино, село — 257.
Коринъ — 354.
Коцитъ 176, 194.
Краковъ 87, 88, 92, 93, 98 — 104.

Л.

Лета 183, 198.
Литва 72, 73, 83, 87, 89, 111, 112, 133,
 139 — 97.
Лубны — 61, 62, 80.

М.

Михайловское 29, 30, 42, 152, 212, 254
 — 10, 13, 20, 25, 28, 30, 35, 59,
 64, 67, 68, 73, 80, 82, 182, 185, 186,
 196, 198, 214, 255, 256, 257, 258, 269,
 314, 320, 332, 383.

1) Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на примѣчанія.

Москва 51, 52, 68, 73, 76, 85, 95, 99,
109, 111, 122, 226, 240 — 50, 52,
53, 86, 92, 101, 106, 110, 125, 131,
149, 314, 329, 339, 344, 345, 350, 383,
385, 396.

Н.

Невя 147, 243, 377.
Повгородъ 85 — 50, 314.
Повгородъ-Сыверскъ 116 — 107.
Новоржевъ — 322.

О.

Одесса — 20, 75, 76, 80, 82, 116.
Островъ — 322.

П.

Парижъ 167, 233 — 194, 196, 214,
221, 338.
Парижскъ 145.
Пафосъ 237.
Петербургъ — 51, 67, 131, 195, 197,
257, 325, 345, 346, 358, 383.
Петрополь — 219.
Польша 89.
Преображенское 211 — 299.
Пекова — 51, 61, 256, 299, 319, 328,
332.

Р.

Рига 248, 251 — 61, 64, 65, 67.
Римъ 201, 253 — 230, 231, 286, 346.
Россія (Русь) 110, 111, 133, 135, 167
— 87, 89, 96, 221.
Рильскъ 126 — 179.

С.

Самборъ 97 — 103.
Сибирь 85, 177, 235.
Сицилія — 353.
Сорочь — 257.

Стиксъ 23.
Суздаль 68.
Сывскъ 121 — 179.

Т.

Тверь 217 — 315.
Тобольскъ — 320.
Торжокъ 217 — 315.
Тригорское 30, 256 — 20, 30, 63, 65,
66, 67, 80, 125, 302, 303, 372, 373.

У.

Улица 66, 91, 114, 115 — 84.
Украйна 45 — 80.

Ф.

Флоренція — 194, 352.

Ц.

Царское Село 149 — 191.

Ч.

Черниговъ — 175
Чита — 319, 340.

Ш.

Шлиссельбургъ — 319.

Э.

Эллада 23, 25.
Эта, гора 143 — 184, 185.

Я.

Яжелбины 218 — 315.
Ясы — 337.

КЪ ПРИМЪЧАНІЯМЪ.

Стр. 81. Напечатанныя въ Посмертномъ изданіи сцены изъ «Вориса Годунова» ранѣе появились: «Уборная Марины»—въ Современникѣ 1838, томъ X, стр. 153—156; «Дѣвичье Поле»—въ Современникѣ 1839, томъ XIII, стр. 166—168.

Стр. 233, строка 10-я сверху: ошибочно вмѣсто Тарквиніи напечатано: Лукреціи.

Стр. 282. Послѣдній стихъ отрывка: «Твое сосѣдство намъ опасно» правильнѣе читать: «И впрямь Опаснаго Сосѣда».

Стр. 286. Отрывокъ: «Изъ Рима ѣхалъ онъ домой», по всей вѣроятности, является продолженіемъ помѣщенного вслѣдъ за нимъ отрывка: «Короче дни, а ночи долѣ».

Стр. 348, строка 6-я снизу: вмѣсто Г. Н. Геннади слѣдуетъ поставить: Н. В. Гербеля.
